Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Министерство внутренних дел Российской Федерации

Московский университет Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В.Я. Кикотя

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ КООРДИНАТЫ РОССИИ: ФИЛОСОФСКИЕ, ИСТОРИЧЕСКИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ (ПАМЯТИ АРТЕМА ВИКТОРОВИЧА ДАВИДЕНКО)

Сборник материалов
Всероссийской научной конференции
(21 апреля 2021 г.)

1 электронный оптический диск (CD-R)
Текстовое электронное издание

Научное электронное издание

Москва
Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя
2021

© Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя, 2021
ISBN 978-5-9694-0896-8

УДК 343
ББК 67.3
И 29

Рецензенты:
профессор кафедры теории государства и права
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент **В. В. Талянин**;
доцент кафедры гуманитарных, социально-экономических
и информационно-правовых дисциплин
Новороссийского филиала Краснодарского университета
МВД России, кандидат культурологии **Ю. А. Кошкарова**

Составитель Ю. А. Иванченко

И 29 **Идеологические координаты России: философские, исторические и государственно-правовые вопросы (памяти Артема Викторовича Давиденко)** : сборник материалов Всероссийской научной конференции, 21 апреля 2021 г. / [сост. Ю. А. Иванченко]. – М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2021. – 394 с. – 1 электронный оптический диск (CD-R). – Системные требования : CPU 1,5 ГГц ; RAM 512 Мб ; Windows XP SP3 ; 1 Гб свободного места на жестком диске.

ISBN 978-5-9694-0896-8

Сборник подготовлен по итогам Всероссийской научной конференции, посвященной памяти начальника кафедры истории государства и права, полковника полиции Артема Викторовича Давиденко, проводившейся в Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя 21 апреля 2021 г., при участии представителей Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Московского государственного педагогического университета, Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, Санкт-Петербургского университета МВД России, Краснодарского университета МВД России, Волгоградской академии МВД России, Нижегородской академии МВД России, Омской академии МВД России, Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина, Воронежского института МВД России, Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова и других ведущих российских вузов.

Представляет интерес для ученых, преподавателей, аспирантов и адъюнктов, курсантов и студентов юридических вузов, а также всех, кто интересуется историей Отечества.

Научное электронное издание

Минимальные системные требования: CPU 1,5 ГГц; RAM 512 Мб;
Windows XP SP3; 1 Гб свободного места на жестком диске

© Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя, 2021

Издание подготовлено
с помощью программного обеспечения Microsoft Word

Корректор *Чамарова Н. В.*
Компьютерная верстка *Чамарова Н. В.*
Подписано к изданию
Объем издания: Кб
1 электронный оптический диск (CD-R)

ISBN 978-5-9694-0896-8

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12
https://мосу.мвд.рф, e-mail: support_mosu@mvd.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 11

Раздел I. Статьи Артема Викторовича Давиденко 13

«Его сама природа создала начальником полиции»:
московский период службы обер-полицмейстера Ф. Ф. Эртеля 13

Полиция в Отечественной войне 1812 года 19

Полицейские чиновники Сычевского уезда
Смоленской губернии – вожди Народной войны в 1812 г. 25

Подвиг Бобруйской крепости 44

«Львиное отступление» внутренней стражи 47

Русская воля или французское варварство? 51

Режиссерский конфуз Наполеона 56

Пожар Москвы. Последствия 59

«Остервенение народа» 62

«Предел нападения, начало бегства и гибели врагов...» 65

Концепция «православной цивилизации» А. Тойнби
и формирование системно-целостного исторического
мировоззрения у обучающихся в образовательных
учреждениях МВД России 67

Раздел II. Статьи участников конференции 73

Ю. А. Артамонов, А. И. Абдрахманов
О значении НКВД в проведении
политики военного коммунизма 85

Л. А. Алексеева
Влияние идей либерализма на идеологию России 92

П. И. Алешин
Автократическая модель власти при Александре III:
теория и практика антигосударственной деятельностью 97

М. Е. Антохина
Правовое регулирование высшего образования
в Российской империи во второй половинеXIX – начале XX в. 101

Р. Д. Астахов
Вклад органов милиции в проведение
государственной политики по борьбе с преступностью
несовершеннолетних в годы Великой Отечественной войны:
действительность против вымыслов 104

Д. Р. Ахмедов
Проблема соотношения веры и идеологии
в российском обществе 110

С. Е. Байкеева
Идеология и принципы кадрового обеспечения
государственной службы в Российской империи 116

О. В. Беляева, В. А. Савченко
Фальсификация истории России
как проявление информационной войны 121

А. Л. Бредихин
Великая Отечественная война 1941–1945 годов
как элемент государственной идеологии 127

Л. Ю. Варенцова
Идеология монархической власти
в российской поэзии XVII в. 132

А. А. Васечко
Историческое сознание как необходимое условие
сохранения национальной идентичности России 137

Е. В. Васильева
Идеология российского либерализма
в условиях Гражданской войны 141

О. В. Гарина
К вопросу о правовой легитимации
и легитимности государственной власти
в Российском государстве 145

И. А. Григорьев
Криминогенная ситуация в СССР
в период новой экономической политики 149

Е. Г. Ермаков
Проблемы освещения участия полиции
в Отечественной войне 1812 г. в современной исторической
учебной литературе для вузов 155

Д. О. Ефременко
К вопросу о фальсификации фактов отправления
правосудия в СССР в годы Великой Отечественной войны 159

А. В. Жуланов
Фальсификация истории России как способ деструктивного
воздействия на национальную безопасность государства 165

А. Н. Журов
Городская полиция – на страже благочиния
Российской империи 169

А. Л. Золкин
Рациональность и русская культура 174

Л. В. Карнаушенко
Конфликт естественно-правовых и позитивистских установок
в парадигме российской государственности 178

А. В. Кирнос
Национальная идеология в контексте
политических взглядов Д. И. Менделеева 185

А. Б. Кирюхин
Уголовная ответственность за насильственные преступления:
вчера, сегодня, завтра 191

М. С. Ковалев
Криминальные угрозы укладу благочиния
в России конца XVIII – первой половины XIX вв. 199

Н. С. Козлова
Организационно-правовые основы деятельности
советской милиции по борьбе с преступностью (1945–1953 гг.) 205

Т. С. Криворотова
К вопросу о механизме правовой легитимации
государственной власти 210

С. Г. Куликова
Земский консерватизм и земский либерализм в России
второй половины XIX – начала XX в.: точки сближения 215

А. С. Лавренов
Поиск правовых форм государственности
на Кубани в начале XX в. 222

Е. С. Левкина
Особенности расследования должностных преступлений
и ответственность полиции за неправомерные действия
в Российской империи во второй половине XIX в. 229

П. В. Летникова
Реформа Сената в начале XX в. и ее влияние
на сенатские ревизии 233

Д. Д. Малоземова, Ю. А. Иванченко
Идеологические ориентиры: куда идти?
Или как России не наступить на «старые грабли» 237

А. Я. Малыгин
Об этом не давали парадных сообщений
(к вопросу об участии полиции в Отечественной войне 1812 г.) 241

И. С. Маслов
Идеологическое партнерство государства
и религиозных организаций в современной России 249

Т. Л. Матиенко
Позитивное право и судопроизводство
в эпоху «Русской Правды» 254

Н. Ф. Медушевская
Аксиология российской государственности 263

Е. В. Мельник
Министр полиции А. Д. Балашов:
глазами современников и потомков 269

Н. В. Михайлова, С. С. Гостев
Юридическое обеспечение геополитических преобразований
в континентальной Европе в период между
мировыми войнами XX века: факты и фальсификация 274

Э. Р. Мустафина
Координация деятельности политической
и общественной полиции в первой половине XIX в. 281

Л. М. Орлова
Реабилитация репрессированных народов СССР
как правовая процедура: этапы и механизм 285

Н. Н. Петрыкин
К вопросу о профессионально-нравственных основах
деятельности жандармской железнодорожной полиции
Российской империи (вторая половина XIX – начало XX вв.) 289

О. В. Плигин, А. Е. Смирницкий, А. А. Чернышев
Проблемы разработки и принятия Конституции 1993 г.:
историко-правовой аспект 296

И. В. Полозова
Консерватизм в идеологическом пространстве России 301

Л. В. Порватова
Актуальные вопросы охраны церковного наследия 306

К. Е. Размахов
Манипулирование сознанием в условиях
глобальной цифровизации 309

А. Н. Самарский
Правовые методы противостояния фальсификации
истории России на современном этапе 316

А. М. Слесарева
Проблема должностной преступности корыстного характера
в период становления Советской России (1917–1921 гг.) 320

А. Е. Смирницкий
Особенности кризиса советского общества
в трудах Р. И. Косолапова 324

М. В. Сучкова
Историко-правовые аспекты взаимодействия Российского государства
с Русской православной церковью (IX–XVII вв.). 329

А. Ю. Тумин
Московская общая полиция в XVIII–XIX вв.
в документах Центрального государственного архива Москвы 335

А. А. Удальцов
Современные тенденции совершенствования
системы патриотического воспитания курсантов
учреждений высшего образования МВД России 339

Н. Л. Феднева
К вопросу о формировании идеологической концепции
полиции в эпоху просвещенного абсолютизма
в Российской империи 345

О. М. Хабарин
Эволюция правовых основ деятельности
института фискалов при императоре Павле I 357

М. В. Хачатурян
Государственная идеология православия
в России: исторический аспект 362

А. Д. Черноскутова
Дипломатическая миссия министра полиции А. Д. Балашова 366

Д. В. Шикунов
Развитие демократических тенденций российского общества:
исторический опыт как задел на будущее 370

В. С. Шилова
Правовое положение женщин в Российской империи:
вопросы эволюции 377

А. П. Яцкова
Третьеиюньская монархия: место и практика
Государственной думы в политической системе
российского общества 384

А. П. Яцкова, М. Е. Антохина
Развитие системы юридической подготовки
государственных служащих Российской империи
во второй половине XIX – начале XX в. 390

ВВЕДЕНИЕ

21 апреля 2021 г. в Московском университете МВД России имени В. Я. Кикотя состоялась Всероссийская научно-практическая конференция на тему: «Идеологические координаты России: философские, исторические и государственно-правовые вопросы». Она была посвящена памяти бывшего начальника кафедры истории государства и права Университета, кандидата исторических наук, доцента, полковника полиции Артема Викторовича Давиденко (1971–2019) – известного ученого, историка, одного из вдохновителей работы по поиску и публикации документов, которые легли в основу фундаментальной хрестоматии «История российской полиции с древнейших времен до 1917 года», автора монографии, удостоенной премии Министра внутренних дел России за лучшую научно-исследовательскую работу по истории российской полиции «”Содействовать против всех вражеских замыслов и покушений...”: труды и подвиги российской полиции в 1812 г.» (Москва: ДГСК МВД России, 2018).

Артем Викторович всегда отмечал, что история живет в настоящем. Для каждого народа взгляд на события прошлого – это неотъемлемая часть самосознания, залог успешного развития в будущем. Сегодня развернулись настоящие баталии за историческую правду. Они носят затяжной характер и ведутся на большой глубине фронта: в них участвуют научные школы, партийные программы и государственные идеологии. Если в этих боях мы не будем защищать и отстаивать свое прошлое – источник наших жизненных сил, если этот «базис» национального самосознания будет разрушен, начнутся разобщение российского народа и демонтаж его государства. А значит, необходимо бороться с любыми попытками фальсификации истории, последовательно, настойчиво и профессионально отстаивать историческую правду. Кроме того, для сохранения национальной идентичности и суверенитета требуется глубокое осмысление идеологических координат России.

Поэтому главной целью прошедшей конференции стало обсуждение роли ценностных идей, исторической памяти и мировоззренческих установок в развитии Российского государства, общества, экономики, культуры и права. В ее работе приняли участие представители ДГСК МВД России, ведомственных образовательных и научно-исследовательских организаций МВД России, а также иных вузов и научных учреждений нашей страны. В центре внимания выступающих находились актуальные проблемы исторического, историко-правового, философского и междисциплинарного осмысления ответов государства и общества на вызовы современного мира в условиях глобального системного кризиса, на фоне дальнейшего обострения геополитического, духовно-ценностного и информационного противостояния.

Предлагаемый вниманию читателя сборник состоит из двух частей. Первая часть представлена статьями Артема Викторовича Давиденко, которые были напечатаны в разных номерах газеты Московского университета МВД России имения В. Я. Кикотя «Служу закону», а также в юбилейных сборниках, посвященных 300-летию российской полиции. Эти работы объединяет общая тема – подвиг российских полицейских в отражении агрессии 1812 г. Статьи посвящены разным аспектам деятельности полиции, от выполнения сугубо военных и мобилизационных задач до осуществления разведывательно-диверсионной деятельности. Здесь же печатается статья автора, ранее опубликованная в «Вестнике Московского университета МВД России», которая также связана с событиями Отечественной войны 1812 г. Вторая часть состоит из работ, которые были написаны на основе докладов, прозвучавших на конференции. Открывает сборник статья Ю. А. Артамонова «Служить народу в человечестве и человечеству в народе: жизнь и научное наследие Артема Викторовича Давиденко», где кратко отмечаются основные вехи биографии и характеризуется профессиональная его деятельность.

Составители искренне надеются, что издаваемые материалы будут способствовать не только рождению новых научных дискуссий, ярких и оригинальных исследований, но и сохранению благодарной памяти об одном из выдающихся педагогов и историков нашего времени.

РАЗДЕЛ I.
СТАТЬИ АРТЕМА ВИКТОРОВИЧА ДАВИДЕНКО

«ЕГО САМА ПРИРОДА СОЗДАЛА НАЧАЛЬНИКОМ ПОЛИЦИИ»: МОСКОВСКИЙ ПЕРИОД СЛУЖБЫ ОБЕР-ПОЛИЦМЕЙСТЕРА Ф. Ф. ЭРТЕЛЯ

Среди замечательных и, к сожалению, полузабытых деятелей русской полиции особо выделяется фигура Федора Федоровича Эртеля – прибалтийского немца, уроженца восточно-прусского города Лабиау (с 1946 г. – Полесск Калининградской области), верой и правдой служившего России на военном и полицейском поприщах в царствования трех российских самодержцев.

Федор (Фридрих) Эртель родился 12 (24 по новому стилю) января 1767 г. в семье прусского офицера и сам встал на военную стезю, дослужившись к 17 годамдо чина прапорщика. Ссора с отцом, лишившим его денежной поддержки, нищета и насмешки состоятельных офицеров-ровесников, 11 поединков с ними, создавшие ему в глазах командования репутацию забияки, отсутствие перспектив службы в своем полку – все эти обстоятельства подтолкнули его к отчаянному решению оставить родной край и перейти в русскую службу. В начале 1785 г., не поставив в известность отца, он вышел в отставку, распродал все свое имущество, купил верховую лошадь и с 50 талерами в кошельке отправился Россию искать счастья, где и «нашел его», как он впоследствии сам выражался [5, с. 2]. Благодаря связям среди немецкого прибалтийского землячества Эртель получил рекомендательное письмо к полковнику Христофору Бенкендорфу (отцу знаменитого графа А. Х. Бенкендорфа, героя наполеоновских войн и основателя III Отделения Его Императорского Величества канцелярии), пользовавшемуся благорасположением цесаревича Павла Петровича. Ожидая аудиенции в приемной влиятельного земляка, Эртель попался на глаза самому цесаревичу, на которого произвел самое благоприятное впечатление.

31 марта (11 апреля по н. стилю) 1785 г. Фридрих Эртель, ставший в русском офицерском обиходе Федором Федоровичем, был зачислен в ряды воинства российского в чине прапорщика. Цесаревич Павел Петрович был известен своими симпатиями к немецкому порядку и его носителям. Рослый строевик с первого взгляда пришелся весьма по вкусу будущему государю и оказался зачислен в 1-й морской батальон Его Императорского Высочества. Боевое крещение Эртель получил во время русско-шведской войны 1788–1790 гг., благодаря доблести поднявшись в чинах от подпоручика до премьер-майора. Он участвовал в

многочисленных абордажных схватках гребных галер и канонерских лодок, руководил десантами, со знаменем в руках захватил вражескую батарею.

Эта череда славных подвигов была прервана тяжелым пулевым ранением в голову, лишившим его глаза и заставившим временно оставить службу. В марте 1791 г. состоялся дебют Эртеля на полицейском поприще в качестве заседателя Ямбургского нижнего земского суда. Два года отбыв в этой должности, Эртель приобрел опыт административно-полицейской работы, столь пригодившийся ему впоследствии. Наследник престола Павел Петрович не забыл о своем верном «гатчинце» и вернул майора на службу, поручив проверенному строевику формирование гренадерского батальона для гатчинских войск. Павел Петрович остался доволен результатами усилий своего протеже, не будет преувеличением сказать, что они подружились.

После воцарения Павла I перед Эртелем окрылись широкие перспективы. В 1797 г. император отправил майора провести инспекторский смотр сибирских войск. Эртель справился с задачей, за полгода проехав от гарнизона к гарнизону 22 тыс. верст. Павел обеспечил своему любимцу стабильный карьерный рост – Эртель был переведен в элитный лейб-гвардии Преображенский полк, где с августа 1797 по март 1801 г. поднялся в чинах от подполковника до генерал-майора, был награжден орденами св. Анны 3 и 2 класса, 500-ми душ крестьянских в Подольской губернии.

Как носитель и ретранслятор павловского стиля управления генерал-майор Ф. Ф. Эртель в декабре 1798 г. был назначен на должность московского обер-полицмейстера с позволением носить Преображенский мундир. Москвичи восприняли это назначение, как шаг исключительной политической важности. В их глазах Эртель был главным петербургским соглядатаем и контролером московской жизни – глазами, ушами и даже карающей дланью императора. Вот что вспоминал о полицмейстерстве Эртеля весьма осведомленный его современник известный мемуарист Ф. Ф. Вигель: «Москва весьма его не любила, потому что не любила Павла и никогда не любила большого порядка. Все знали, сверх того, что он часто делал тайные донесения о состоянии умов в старой столице; всякий мог опасаться сделаться предметом обвинения неотразимого, часто ложного, всегда незаконного». Как видим, Эртель оказался заложником репутации императора [7, с. 27]. Детальная до рьяности «гатчинская» исполнительность, за которую ценил его император, раздражала московских обывателей: «Главная, непростительная вина его в глазах москвичей было строгое наблюдение за сохранением странных форм одеяния, предписанных императором. Москва разнообразна, пестра и причудлива, как сама природа: гнуть и теснить ее столь же трудно, как и бесполезно» [1, с. 158].

Любопытно, что сам Ф. Ф. Вигель, повествуя о неприязни московского общества к личности нового обер-полицмейстера, тут же свидетельствует об эфемерности и надуманности страха и трепета перед его репрессиями: «И хотя нельзя было указать ни на один пример человека, чрез него пострадавшего, но ужас невидимой гибели, который вокруг себя распространяют такого рода люди, самым неприязненным образом располагал к нему жителей Москвы» [1, с. 158]. С москвичами был солидарен и знаменитый современник героя очерка авторитетный военный деятель, «покоритель Кавказа» А. П. Ермолов: «Генерал Эртель отличался особенной расторопностью и ловкостью; низкой угодливостью в должности московского обер-полицмейстера приобрел он известность» [4]. Быть может, в этих словах слышится и общее кастовое высокомерие армейцев в отношении полиции, отмечаемое многими современника [3, с. 69]. Любопытно то, что москвичи, непосредственно общавшиеся с обер-полицмейстером по деловым надобностям, составляли о нем совершенно иное мнение. Долгое время гостивший в Москве самарский чиновник и литератор А. И. Второв в своих воспоминаниях отзывался об Ф. Ф. Эртеле как человеке благоразумном, никогда не выходившем из граней благопристойности, исполнявшем свои обязанности по совести [8].

В мемуарных «Записках» известного публициста и писателя С. Н. Глинки содержится эпизод, наглядно иллюстрирующий как свойственную Эртелю дотошную исполнительность царской воли, так и отсутствие приписываемой ему жестокости. По распоряжению императора такие предосудительные формы вечернего досуга, как азартные игры были поставлены вне закона, обыватели российские должны были с десяти часов вечера прекращать хождения по улицам, гасить огни и благочинно укладываться ко сну. Знакомый С. Н. Глинки поручик Бессонов рассказал мемуаристу о том, как он оказался застигнут «полицейским причтом» Эртеля во время вечернего рейда на квартире у друзей офицеров, погруженных без остатка в отчаянную карточную игру. Сославшись на то, что он спал во время карточного кутежа товарищей, Бессонов отказался быть свидетелем их проступка. Доставленный Эртелем в полк пред очи своего полкового командира Архарова и посаженный под знамя полка для разбирательства поручик был столь раздосадован компрометирующими и скандальными обстоятельствами, что бросился на обер-полицмейстера с кулаками. Нелепее всего было то, что пылкая выходка поручика пришлась на тот момент, когда Архаров уже встал на защиту ценимого им молодого офицера и Эртель отказался от каких-либо претензий. То, что поручик накинулся на генерал-майора гвардейца уже говорит о несколько «затуманенном» состоянии, в котором пребывал Бессонов.

Далее события разворачивались столь же стремительно – характер и очевидность преступления не позволяли медлить, тут же созвали офицеров на тягостную, но неотвратимую процедуру. «Бесонов отдан был под суд. Офицеры нашего полка были судьями, они плакали, но в силу устава Петра I выставили в приговоре: лишение руки... Осужденного в оковах отвели в тюремный острог» [2]. О приговоре суда тотчас был поставлен в известность московский генерал-губернатор князь Ю. В. Долгорукий, принявший живейшее участие в судьбе несчастного Бессонова. Вместе с автором мемуаров они в пятом часу утра отправились в острог. После всех ночных потрясений Бессонов мирно спал, – еще одно свидетельство его состояния накануне. Князь вошел к нему с увещеваниями: «Молись, брат, Богу! Дело еще можно поправить. Дай отзыв, что ты все сделал в пьяном виде. Эта ложь (!) не постыдит тебя, а ты человек добрый и нужный». Бессонов согласился признать очевидное, и дело было передано в гражданский уголовный суд. Князь Долгорукий и полковой командир обратились к Эртелю с просьбой пощадить обидчика. И «жестокий» Эртель согласился. С. Н. Глинка завершает свой рассказ: «В суде сопротивники обнялись, а вне суда увенчали мировую веселой пирушкой. В добре весь человек» [2].

Стоит привести еще одно признание Ф. Ф. Вигеля, подтверждающее то, что реальный Эртель не имел никакого сходства с мрачной карикатурой, нарисовавшейся в воображении москвичей: «Эртель был человек живой, веселый, деятельный и совсем не мстительный». Но самая важная его черта, по мнению Ф. Ф. Вигеля, – высокий профессионализм: «между гатчинскими офицерами был пруссак Эртель, которого сама природа создала начальником полиции: он был весь составлен из капральской точности и полицейских хитростей». Предубежденные москвичи «не могли, однако же, не согласиться, что цель хорошей полиции – спокойствие их – была совершенно при нем достигнута». Похоже, что москвичи, раздраженные павловскими ограничениями в виде «комендантского часа», запрета азартных игр и пр., не понимали, что эти меры оказались хорошей профилактикой преступности. Ф. Ф. Вигель продолжает: «В нем была врожденная страсть настигать и хватать разбойников и плутов, столь же сильная – как в кошке ловить крыс и мышей. Никакой вор, никакое воровство не могли от него укрыться; можно везде было, наконец, держать двери наотперти; ни один большой съезд, ни одно народное увеселение не ознаменовались при нем несчастным приключением; на пожарах пламень как будто гаснул от его приближения... Он был совсем не спесив, в обхождении нецеремонен и негруб, но только жесток с людьми, хотя бы дворянами, коих мошенничество было доказано» [1].

Федор Федорович развернул агентурную работу, ценными его осведомителями стали хозяйки салонов, «знатные и почтенные московские дамы», если их информация оказывалась полезной, они получали крупные денежные вознаграждения [6, с. 30]. Один из примеров легендарного полицейского мастерства Эртеля приведен в биографической статье А. И. Михайловского-Данилевского: при императоре Павле у одной знатной вдовы был украден образ в золотом окладе с драгоценными камнями, петербургская полиция тщетно искала подозреваемого, пока не пришла к выводу, что тот скрылся в Москве. Фельдъегерь привез московскому обер-полицмейстеру приказ разыскать преступника и доложить об исполнении. Эртель немедленно выявил московские связи подозреваемого, допросил его окружение и с этим же фельдъегерем отправил рапорт, где указывался адрес петербургского убежища злоумышленника и даже часы его пребывания там. Вор был схвачен. За отличное исправление в Москве должности обер-полицмейстера Эртель получил орден св. Анны 1 класса и командорский крест св. Иоанна Иерусалимского.

К этому моменту Эртель стал, наряду с генерал-прокурором П. Х. Обольяниновым и обер-шталмейстером И. П. Кутайсовым, ближайшим доверенным сотрудником самодержца [6, с. 30]. После смерти императора Павла от рук цареубийц все трое и нескольких дней не удержались на своем посту. Десять месяцев довелось Эртелю пожить классическим помещиком в своем имении. Но уже 17 января 1802 г. он – командир Бутырского пехотного полка, хотя и не гвардейского. Под его руководством полк вскоре стал образцовым, за что полковой командир в августе 1802 г. был поощрен благоволительным Высочайшим рескриптом.

Разбрасываться такими администраторами, как Эртель, было нецелесообразно: спустя всего лишь полтора года после отставки с должности московского обер-полицмейстера его назначают на пост обер-полицмейстера северной столицы.

Служба в Москве сформировала из Ф. Ф. Эртеля настоящего профессионала, мастера агентурной работы, проницательного следователя, реформатора и организатора полицейской службы. Эти качества впоследствии позволили ему добиться высоких результатов в реорганизации петербургской полиции и на многосложном поприще военного генерал-полицмейстера всех действующих армий в 1812–1815 гг.

Список литературы

1. Вигель, Ф. Ф. Записки / Ф. Ф. Вигель. – М., 2003. – Т. 1. – С. 158–161.

2. Глинка, С. Н. Записки / С. Н. Глинка. – М., 2004. – С. 196–197.

3. Жиркевич, И. С. Записки Ивана Степановича Жиркевича 1789–848 / И. С. Жиркевич. – М., 2009. – С. 69.

4. Записки А. П. Ермолова. 1798-1826 гг. – М., 1991. – С. 251–252.

5. Михайловский-Данилевский, А. И. Генерал от инфантерии Федор Федорович Эртель / А. И. Михайловский-Данилевский // Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814 и 1815 годах. Военная галерея Зимнего дворца. Жизнеописания. – Спб., 1845. – Т. 2. – С. 2.

6. Писарькова, Л. Ф. Государственное управление России в первой четверти XIX в.: замыслы, проекты, воплощение / Л. Ф. Писарькова. – М., 2012. – С. 30.

7. Санглен, Я. Записки / Я. Санглен. – М., 2013. – С. 27.

8. Лякин, В. А. «Мозырь в 1812 году» / В. А. Лякин // Музеи России. – URL: http://www.museum.ru/museum/1812/Library/Lyakin/part04.html (дата обращение: 17.10.2015).

ПОЛИЦИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 ГОДА

В начале XIX в. Россия столкнулась с объединенной общеевропейской агрессией, хлынувшей в пределы нашей страны под штандартами и золочеными орлами Бонапарта. Весь европейский континент служил плацдармом для наполеоновского нашествия. Подчинившиеся «корсиканскому чудовищу» государства безропотно платили ему «налог кровью», посылая в крестовый поход против «азиатской» России своих сыновей – поляков, голландцев, испанцев, итальянцев, австрийцев, пруссаков, граждан многочисленных лоскутных немецких княжеств. Французскому венценосному стратегу удалось собрать армию численностью около 600 тыс. человек. Накануне вторжения никто из европейских лакеев Наполеона не сомневался в успехе французского императора, – слишком неравными были силы, слишком силен был гипноз от его побед.

Война с гигантской общеевропейской армией Бонапарта стала беспощадным испытанием не только для русских войск, но и для всех ведомств Российской империи.

Как Министр указал дорогу Наполеону

С Петровских времен регулярная полиция России была военизирована, обладала одной кровеносной кадровой системой с Вооруженными Силами, комплектовалась рекрутскими наборами. Начальствующие чины полиции были в большинстве своем выходцами из армейской офицерской среды. Полиция и армия России исповедовали единый нравственный кодекс честного выполнения долга и верности присяге.

Накануне наполеоновского нашествия было учреждено Министерство полиции, обособленное от МВД. При создании нового ведомства – в преддверии неизбежной войны – преследовались, в том числе, и военно-мобилизационные цели. В императорском «Наказе министерству полиции» от 25 июня 1811 г. подчеркивается связь этого ведомства с российской армией: «Особенные сношения Министра Полиции с министерствами военными имеют следующие главные предметы: 1) по рекрутским наборам; 2) по квартированию войск; 3) по внутренней страже; 4) по содействию в заготовлениях, перевозке продовольствия и по движению войск» [6].

Министерство полиции возглавили опытные военачальники и администраторы. В 1811–1819 гг. должность министра занимал генерал-адъютант Александр Дмитриевич Балашов – одновременно Петербургский военный губернатор и член Государственного совета. В течение всей войны он находился в ближайшем окружении императора Александра I, выполняя ответственные

поручения. В первые дни военных действий Балашов был отправлен на переговоры к Наполеону и, когда корсиканец, не сомневавшийся в очередной своей победе, издевательски спросил у него, какой дорогой лучше идти на Москву, царский посланник с дерзким остроумием ответил: «Карл XII шел через Полтаву».

С марта 1812 г. ведомством фактически руководил управляющий министерством генерал от инфантерии, участник румянцевских и суворовских походов, бывший военный министр Сергей Козьмич Вязмитинов, одновременно являвшийся председателем Комитета министров. Министерство внутренних дел возглавлял опытный и инициативный администратор – тайный советник, сенатор, действительный член Российской академии Осип Петрович Козодавлев. С мая 1812 г. московским военным генерал-губернатором, находящимся в подчинении Министерства полиции и МВД, был назначен генерал от инфантерии Федор Васильевич Ростопчин, которому суждено было сыграть весомую роль в развитии грядущих военно-политических событий. Генерал-полицмейстером армии в ходе кампании 1812 г. был назначен суворовский и потемкинский ветеран, герой Очакова, Аустерлица, Прейсиш-Эйлау, увенчанный многочисленными орденами и ранами, генерал-майор Михаил Иванович Левицкий, а его помощником – отважный полковник Александр Сергеевич Шульгин, награжденный орденами за отличия в сражениях при Аустерлице, Фридланде и Бородино, а после войны служивший на должности московского обер-полицмейстера. Как показал сам ход Отечественной войны, эти военные профессионалы с их опытом армейской и административно-полицейской службы смогли обеспечить слаженную работу силовых ведомств империи в отражении наполеоновской агрессии.

В единстве с армией

Главная обязанность Министерства полиции в обеспечении войск состояла в проведении экстренных рекрутских наборов – на аппарат министерства ложились усилия по формированию рекрутского пополнения, передвижению рекрутских партий, обеспечению новобранцев продовольствием и обмундированием. Не будет преувеличением сказать, что максимально быстрое восполнение потерь русской армии в сражениях войны – заслуга Министерства полиции.

Была установлена межминистерская специализация в снабжении армии: Министерство полиции – продовольствие, медикаменты, лошади для артиллерии, кавалерии и обозов, МВД – сукна, холсты для обмундирования. Обеспечение русских войск в тяжелейших условиях «кампании 1812 года» стало управленческим подвигом Министерства полиции и МВД [1, с. 34].

С 16(29) апреля, за два месяца до вторжения наполеоновских войск, Министерство полиции перешло в чрезвычайный режим своей деятельности в соответствии с Указом «О правилах для управления Главнокомандующему Действующей Армии губерниями, в военном положении объявленными», подписанным 13 марта 1812 г. Александром I. В указе содержались сообразные военной ситуации жесткие требования: «…Губернии, в военном положении объявленные, по управлению Полицией и доставлению всех воинских потребностей, состоят в начальстве Главнокомандующего Действующей Армией, коего повеления Начальники сих Губерний должны выполнять беспрекословно; Главнокомандующий может в сих губерниях собственною властию отрешать чиновников Городской и Земской полиции… Военному суду в объявленных в Военном положении Губерниях подлежат все жители оных, и чиновники Воинские и Городских и Земских Полиций» [7]. Эти суровые предписания беспрекословно исполнялись в период нашествия.

Офицер-артиллерист Н. Е. Митаревский вспоминал жаркий июль 1812 г., когда ему пришлось искать место для квартирования своих солдат на ночлег в переполненном войсками 2-й Западной армии г. Луцке. В столпотворении обозов, полков, эскадронов ему пришлось обратиться за содействием к полицеймейстеру города, отставному майору-кавалеристу. В рассказе этого полицейского служителя наглядно отразился тот аварийно-напряженный режим, в котором приходилось работать полиции в период летнего отступления русских войск под натиском превосходящих сил противника: «Тут князь Багратион со всем своим войском… Вся армия собралась около Луцка. Давай квартиры, строй печи для сухарей, давай дрова, подводы и все на свете. Мне приходится просто хоть в реку броситься…Когда я сказал князю, что невозможно выполнить таких требований, то он закричал: «Знать ничего не хочу…Чтоб было, не то – повешу!» – «Меня повесить! Повесить старого служаку! Я сам служил моему государю, кровь проливал!» Добряк полицеймейстер, разгорячившись, скинул сюртук и рубаху – плечо и рука у него были порядочно изранены…» [5, с. 74]. Без самоотверженной работы таких полицейских чиновников невозможно было бы осуществление стратегически необходимого отступления 1-й и 2-й Западных армий, сорвавшего план Бонапарта разгромить их поодиночке.

Среди примеров патриотического единения войск и полиции следует указать на их совместные действия по обороне Бобруйской крепости, на протяжении всей кампании, создававшей угрозу южному флангу неприятельской армии. Оказавшись глубоко во вражеском тылу, крепость держала оборону с июля по ноябрь 1812 г., до возвращения русских войск и изгнания неприятеля.

По приказу бобруйского военного коменданта генерал-майора Г. А. Игнатьева полицейские исправники Борисовского, Игуменского и Бобруйского уездов брали под арест местных чиновников-поляков, вздумавших переметнуться к французам, обеспечивали подвоз продовольствия, вели разведку, а также конфисковали и свезли к крепости все суда на Березине – тем самым упредив возможность штурма со стороны реки. По сути, в этих трех уездах, находящихся в окружении неприятеля, удалось удержать и сохранить власть российской короны и верность местных жителей. Один из первых летописцев Отечественной войны и ее участник А. И. Михайловский-Данилевский писал: «Удачный выбор места, где расположен Бобруйск, оказал в Отечественную войну величайшую, неоценимую услугу. Ни одна крепость в России нигде не была столь полезна, как Бобруйск в 1812 году» [4].

Полицейские власти, покидая отдаваемые неприятелю города, вместе с войсковым командованием уничтожали все военное имущество и продовольствие, которое невозможно было эвакуировать. Тактика «скифской войны» на истощение захватчика – совместное дело армии и полиции. Полицейская администрация первой возвращалась на пепелища, восстанавливая порядок и налаживая жизнь.

Разведка и контрразведка

Достойна уважительной оценки и деятельность образованной 25 июня 1811 г. Особенной канцелярии Министерства полиции, которая накануне и в период войны занималась организацией разведки и контрразведки в приграничных губерниях. Директором канцелярии в 1811–1812 гг. являлся Яков Иванович Санглен, в марте 1812 г. он был откомандирован в распоряжение военного министра М. Б. Барклая-де-Толли и стал организатором Высшей воинской полиции 1-й Западной армии [3]. В подчинение воинской полиции в канун войны были переданы и местные полицейские силы от австрийской границы до Балтики. Значительная часть сотрудников, занимавшихся оперативной разведывательной деятельностью, была переведена из штата Министерства полиции: коллежский асессор барон П. Ф. Розен, отставной поручик (принятый вновь на военную службу) И. А. Лешковский, надворный советник П. А. Шлыков.

В воспоминаниях Санглена описываются яркие эпизоды разведывательных и контрразведывательных действий русских полицейских. Прибыв в апреле 1812 г. в Вильно, где располагался штаб армии Барклая-де-Толли, Яков Иванович получил в свое распоряжение штат виленской полиции во главе с полицмейстером Андреем Вейсом и занялся выявлением вражеской агентуры. Находившийся здесь же император сообщил Санглену, что, по информации русского агента в

Берлине полицмейстера Грунера, уже несколько месяцев в Вильно скрываются французские шпионы.

Санглен вспоминал: «Я спросил государя, не известны ли их имена или не означены ли какие-либо их приметы. «Нет, – отвечал государь, – но их отыскать должно». Санглен поручил трем полицейским агентам обходить каждый день виленские трактиры, там обедать, «все рассматривать, выглядывать и о том докладывать». Полицмейстеру Вейсу было приказано усилить наблюдение за всеми приезжими из Польши. Санглен сам отправился на поиск, и в одном из ресторанов его ждала удача: он заметил «крайне развязного поляка, со всей наружностью фронтовика», который не щадил шампанского и слишком пылко бранил Наполеона. Вернувшись в свой кабинет, Санглен приказал Вейсу пригласить поляка для расспросов. Чаепитие с поляком сопровождалось доброжелательной беседой, в ходе которой гость назвался шляхтичем Дранжевским, никогда не служившим в армии. Санглен предложил собеседнику и двум его упомянутым в разговоре товарищам свою помощь в оформлении выездных паспортов в Варшаву, столицу враждебного России герцогства, а сам передал Вейсу приказ провести тщательный обыск на квартире, где остановился шляхтич. Пока Санглен занимал поляка беседой, полицмейстер руководил дотошным обыском, полицейские взламывали полы, разбирали печь и трубу. За печными кирпичами и половицами были найдены следующие бумаги: инструкция наполеоновского дивизионного генерала Рожнецкого поручику Дранжевскому, патент на чин поручика, подписанный Наполеоном, замшевый пояс с вшитыми червонцами, записки поручика с данными наблюдений за русским войсками и генералитетом. Предъявление этих изобличающих улик заставило шпиона признаться и назвать адреса двух своих товарищей, которые оказались штатскими чиновниками, отправленными в Вильно французским резидентом Брильоном из Варшавы. Дранжевский и один из штатских были заключены в Шлиссельбургскую крепость. Второй штатский был Сангленом перевербован. За умелые действия полицмейстеру Вейсу был пожалован орден Святого Владимира 4-й степени.

В конце мая 1812 г. в Вильно, для встречи с Александром I, прибыл адъютант французского императора Луи Нарбонн-Лара. Полицмейстер приграничного г. Ковно Едвард Антонович Бистром, по распоряжению Санглена, провез посланца Наполеона в город проселочными дорогами, «дабы он не видел наших войск и артиллерийских парков». Александр велел взять Нарбонна под плотное наблюдение. Санглен приказал полицмейстеру Вейсу предоставить в распоряжение французского визитера полицейских агентов под видом лакеев и кучеров. Пока Нарбонн, по приглашению российского императора, находился в одной с ним

театральной ложе и наслаждался спектаклем, полицейские «кучера» и «лакеи» перепоили приехавших с императорским посланцем французов и изъяли из его багажа шкатулку с инструкциями Наполеона. Переписанный текст был представлен Александру I, а подлинник инструкции возвращен на место. Наполеон наставлял своего адъютанта оценить численность русских войск и стволов артиллерии, составить характеристики генералов, оценить «дух войск и расположение местных жителей», выяснить настроения самого царя и его ближайшего окружения. Александр остался весьма доволен действиями полицейских агентов.

Состав Высшей воинской полиции, по мере отступления наших войск, пополнялся полицейскими чиновниками городов, оставшихся под французской оккупацией. При выполнении разведывательных заданий погибли: бывший полицеймейстер г. Ковно, майор Е. А. Бистром (скончался от ран после Бородинского сражения) и бывший полицеймейстер г. Вильно Вейс (пропал без вести). Среди других сотрудников воинской полиции отличились: капитан К.Ф. Ланг – захватил 10 «языков», был ранен, а также В. П. Валуа и П. А. Шлыков, которые были схвачены французами, но бежали из плена [2].

Список литературы

1. Варадинов, Н. История Министерства внутренних дел. Ч. 1 / Н. Варадинов. – СПб., 1859. – С. 34.

2. Документы русской военной контрразведки в 1812 / публ., [вступ. ст. и примеч.] В. М. Безотосного // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. : альманах. – М., 1992. – С. 50–68.

3. Записки Якова Ивановича де Санглена // Воспоминания современников эпохи 1812 года на страницах журнала «Русская старина». – М., 2011. – С. 65–133.

4. Лякин, В. А. 1812 год. Ратные поля Беларуси: хроника битв / В. А. Лякин. – Минск, 2012. – С. 204–215.

5. Митаревский, Н. Е. Рассказы об отечественной войне 1812 года / Н. Е. Митаревский // Отечественная война 1812 г.: в воспоминаниях современников. – М., 2011. – С. 74.

6. ПСЗ РИ. – Т. XXXI. – № 24687.

7. ПСЗ РИ. – Т. XXXII. – № 25035.

ПОЛИЦЕЙСКИЕ ЧИНОВНИКИ СЫЧЕВСКОГО УЕЗДА СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ – ВОЖДИ НАРОДНОЙ ВОЙНЫ В 1812 г.

Сычевский уезд, прославившийся накалом народного сопротивления разбойным налетам неприятельских отрядов и мародерских шаек, прилегал к Смоленской дороге с севера на протяжении 10 верст – от Царева Займища до Гжатска. С ним граничили Вяземский, Бельский и Гжатский уезды. Далее на север от границ уезда начиналась Тверская губерния. С востока на запад Сычевский уезд простирался на 70 верст, с севера на юг – на 80. Городок Сычевка находился в 70 верстах от контролируемого оккупантами Смоленского тракта. Население уезда составляло около 90 тыс. чел. Местная пашня была самой скудной и малоурожайной в губернии. Соответственно бедны были и большинство помещиков с их крестьянами. Но, как показали события лета и осени 1812 г., «не хлебом единым питается преданность Отечеству» [8, с. 59]. Сычевские партизаны наводили страх на бродячие шайки мародеров и фуражирские команды. Как писал летописец войны на Смоленщине В. М. Вороновский: «Они создали себе грозную известность в рядах неприятелей. Бродившие по уезду отряды их так боялись имени «сычевки», как в войсках неприятельских боялись слова «казаки»…» [1, с. 274].

Перечислим факторы, способствовавшие превращению уезда в «яростное сгустилище» народного сопротивления иноплеменникам. На руку вожакам антифранцузской герильи сыграло то, что уезд располагался несколько в стороне от главной транспортной артерии оккупантов – Смоленской дороги, у местных административно-полицейских властей имелись время и возможности сорганизовать силы и наличные скудные ресурсы для борьбы с захватчиками и подготовить достойный прием партиям фуражиров и мародеров. Но решающим был фактор личностный: в уезде подобралась команда храбрых, инициативных дворян и полицейских, авторитетных среди крестьян и имеющих военный опыт.

Речь идет об уездном предводителе дворянства отставном подпоручике коллежском асессоре Николае Матвеевиче Нахимове, уездном исправнике отставном подпоручике Евстафии Богуславском, городничем Павле Карженковском, отставном майоре Семене Емельянове, начальнике сычевской инвалидной команды поручике Авксентии Подлуцком, заседателе нижнего земского суда отставном флотском лейтенанте Иване Граблинове и сычевском квартальном надзирателе губернском секретаре Василии Ленове. К сожалению, о биографиях большинства этих героев народной войны почти ничего не известно. Но рапорты, в которых упоминаются подвиги вожаков сопротивления, и некоторые документы из переписки сычевских партизан с армейским

командованием свидетельствуют об их проверенной доблести и партизанском тактическом искусстве.

Получивший всероссийскую известность своими партизанскими подвигами Евстафий Васильевич Богуславский принадлежал к династии полицейских чиновников Смоленщины, вышедших из армейских рядов – один из его братьев Петр Васильевич служил исправником в Бельском уезде, другой – Данило Васильевич был заседателем в Сычевском уездном суде. Потомки героев 1812 г., судя по адресным книгам Смоленской губернии, продолжали служить в полиции на протяжении всего XIX в.

Благодаря генеалогическим и краеведческим изысканиям вице-председателя Московского дворянского собрания А. П. Нахимова у нас имеется возможность набросать эскизный портрет его славного предка – сычевского уездного предводителя дворянства и организатора крестьянской герильи. Сын офицера Николай Матвеевич Нахимов тоже выбрал военную стезю, но полученное после кончины дяди большое наследство позволило ему уйти в отставку и заняться хозяйством в имении Волочек Сычевского уезда. На помещичьем поприще он проявил себя толковым хозяином, имение приносило весомую прибыль. Окрестные дворяне уважали его за твердость характера, незыблемую честность и участие к неимущим – многим бедным землевладельцам он одалживал деньги без процентов. Высокая репутация позволила ему дважды стать выборным предводителем уездного дворянства. К моменту нашествия ему исполнилось 36 лет, он был весьма набожен и пока еще холост. Необремененность семьей добавила рискованности в его подвигах. В будущем он станет не только главой собственного семейства, но и патриархом обширного клана Нахимовых, из которого он особенно выделял и окружал воспитательской заботой двоюродного племянника и своего крестного Павла Нахимова, ставшего адмиралом-героем [7, с. 116].

В наградных документах содержатся скупые анкетно-послужные сведения о заседателе нижнего земского суда Иване Ивановиче Граблинове. В 1812 г. ему было 36 лет. Вместе с братьями он имел в собственности 320 крепостных. В 1794 г. Иван Граблинов поступил в Морской кадетский корпус кадетом, через три года выпущен гардемарином. На Балтийском флоте был в постоянных походах, участвовал в четырех военных кампаниях. В 1799 г. получил чин мичмана. В январе 1808 г. оставил военную карьеру в чине лейтенанта и вернулся в родовое имение. С 1811 г. служил в сычевском земском суде [2, с. 98].

Все перечисленные вожди народного сопротивления издавна знали и уважали друг друга, их взаимодействие основывалось не только на корпоративном

боевом братстве служилых людей государства Российского, но и на личном чувстве товарищества.

В июле 1812 г. предводитель дворянства и полицейские власти в кратчайшие сроки смогли сформировать партию местного ополчения численностью в 1310 ратников, вооруженных холодным оружием и, частью, ружьями и пистолетами. 20 июля отряд был отправлен к месту сбора в Дорогобуж. Вскоре неприятельские войска вступили в границы губернии.

5/19 августа Смоленский гражданский губернатор К. И. Аш спешно эвакуировался из горящей губернской столицы вместе со штатом своих чиновников. В последний момент вице-губернатору А. Алымову удалось вывезти из-под носа врага трехмиллионную казну и запас гербовой бумаги на миллион. На следующий день город был оставлен русскими войсками. Последнее распоряжение К. И. Аша, дошедшее до Сычевского уезда, возлагало на местную администрацию обязанность снабдить провиантом отходящую к Можайску часть смоленского ополчения. Постой 10-тысячного воинства в пределах уезда почти истощил его ресурсы. Полиция и предводитель дворянства скребли по сусекам, объезжали окрестных помещиков, дабы вымолить новые повозки с мукой и прочим продовольствием. К тому времени, когда ополчение двинулось в московскую губернию, и без того небогатый уезд превратился в полупустыню. Тем не менее неприятель, поверив слухам об огромных фуражных и провиантских магазинах, устроенных в Сычевке для русской армии, стал ломиться в уезд многочисленными грабительскими партиями. Генерал Ф. Ф. Винценгероде, проследовавший через Сычевку со своим летучим корпусом, с мрачным скепсисом оценивал возможности сопротивления местных полицейских, дворян и крестьян наступающему противнику. По его мнению, уездный город был обречен. Генерал велел исправнику Е. В. Богуславскому готовиться к оставлению Сычевки: «Водку вылить, казенный хлеб предать огню и все то в городе истребить, что может для неприятеля способно [быть]» [11, с. 19]. Проводив генерала, Богуславский, Нахимов и Карженковский решили держать оборону до последней возможности.

Организовать народную самооборону было задачей на первый взгляд непосильной. Все имеющееся в уезде огнестрельное оружие и дельные пики были еще в июле отданы ополченцам. У крестьян на руках оставались только дубины, топоры, колья с железными навершиями да косы. Крестьянские и помещичьи зерновые и фуражные запасы существенно обмелели из-за армейских заготовок. Но этот фактор парадоксальным образом способствовал мобилизации всех поселян на борьбу. Французское грабительство, не получи оно отпора, обрекало

сычевцев на верную голодную смерть. Наверняка Нахимов был озабочен вопросом о правомочности привлечения чужих крепостных к опасной службе кордонной самообороны. Как воспримут эвакуировавшиеся помещики гибель и ранения крестьян, находившихся в их собственности? Но правительство оперативно решило эту проблему – помещики, потерявшие крестьян в ходе партизанских стычек с неприятелем, «получали зачетные рекрутские квитанции» [6, с. 96]. Им уже не нужно было выставлять своих людей в ходе последующих рекрутских наборов.

Н. М. Нахимов и уездный капитан-исправник Е. Богуславский составили инструкцию по формированию сельских отрядов самообороны. Богуславский объездил все деревни уезда, призывая сельских обывателей организовывать сменяемые конные разъезды, создавать подвижные резервы, способные быстро выдвинуться к месту появления мародеров. Исправник наставлял крестьян держать связь между селами через систему оповещения верховыми посыльными и церковным набатом. Нужно отдать должное честности предводителя дворянства, упомянув о своей распорядительности в организации кордонной стражи, он подчеркнул, что боевыми вылазками, налетами на мародеров руководил Е. Богуславский: «Неоднократно и я выезжал против больших партий с исправником для распоряжения и поощрения крестьян, где и заседатель земского суда вспомоществовал; но по большей части один исправник присутствовал, распоряжался Граблинов и поощрял крестьян» [12, с. 94].

Уже к 18/30 августа удалось набрать в кордонную стражу 400 поселян. Народные мстители были разделены на два отряда, первым командовал исправник Е. Богуславский, вторым – отставной майор Семен Емельянов. В этот же день первый вражеский отряд вступил на территорию уезда, но был отбит Е. Богуславским с крестьянами.

19/31 августа отряд майора Емельянова в восьми верстах от Сычевки обстрелял неприятельскую банду и гнал ее до д. Кобылиха, где восемь мародеров сдались в плен. В этот же день сычевскому городничему Павлу Карженковскому, начальнику инвалидной команды поручику Авксентию Подлуцкому и квартальному надзирателю Василию Ленову пришлось спешно собирать «разного состояния обывателей» полицейских «служителей с писцами» и вооружать их ружьями, тесаками и пиками для отражения мародерской партии, рискнувшей покуситься на уездный городок. Старики-ветераны из внутренней стражи и сычевские полицейские с мещанами в течение двух дней отстреливались от вражеского отряда польских улан, который кружил вокруг города, пробуя прорваться к нему с разных направлений [8, с. 56]. Первоначально уланы спокойно въехали

на центральную улицу и попали в засаду, началась «отчаянная резня» [1, с. 278]. На прочих выездах из города обывателями были возведены баррикады, и уланы, пометавшись взад-вперед по центральной улице, обстреливаемые со всех сторон, получая удары пиками, дубинами, топорами, бросились прочь из западни. За околицей Сычевки они пришли в себя, выстроились в боевой порядок, «и окружили город цепью, требуя сдачи». Поляки «два дня осаждали город и ходили на него в атаку, но на третий день вынуждены были отступить» [1, с. 278]. В ходе этих стычек и перестрелок старым солдатам, именуемым «подвижными инвалидами», полицейским чинам и дружине мещан удалось существенно пополнить свой арсенал, разукомплектовав амуницию на уланских трупах.

В ближайшие недели и остальная кордонная стража Сычевского уезда доказала свою боевую эффективность: заявлявшиеся в уезд сначала фуражирские, а затем карательные партии неприятеля с успехом отражались и истреблялись. Французы сочли за благо сдвинуть маршрут своих транспортов на отрезке от Вязьмы до Гжатска южнее – фуры с награбленным провиантом и фуражом тряслись по глухим проселкам, дабы не подставляться под налеты сычевцев. Но на новых путях их поджидали партизаны подполковника Д. В. Давыдова [8].

Задачи сычевских партизан существенно облегчались низкой боеспособностью и расхристанной дисциплиной неприятельских заготовительных отрядов, не говоря уже о шайках самовольных мародеров. Генерал Ф. Ф. Винценгероде, командующий летучим конным корпусом, истреблявшим врага в тылу и на левом фланге центральной группировки наполеоновских войск, в своем рапорте М. Б. Барклаю-де-Толли описывал состояние, до которого дошли европейские визитеры к моменту вторжения на территорию Смоленщины: «На всех дорогах находятся шайки грабителей и мародеров французской армии, часто даже под предводительством офицеров; они весьма дурно одеты, совсем почти оборваны и конные имеют весьма плохих лошадей и если их атакуют решительно, то они почти не защищаются» [11].

Благодаря многотомному дневнику дворянина А. А. Лесли, сына героя-партизана 1812 г., мы имеем редчайшую возможность услышать рассказы крестьян, участвовавших в народной самообороне и партизанских рейдах. Федор Заяц, крестьянин братьев Лесли, участвовавший в кордонных разъездах, по просьбе барина описал тактику борьбы с фуражирами и мародерами. На вооружении караульщиков были длинные пики и сабли, а также на весь отряд в две сотни человек четыре кавалерийских мушкета и несколько пистолетов, отряд разбивался на группы, оперативно реагирующие на донесения пикетчиков о появлении мародеров: «Как эти бродяги придут куда-нибудь в деревню, человек 10 или более,

или менее, грабить скот или забирать хлеб; как узнаем, – отрядят нас человек 40 или сколько нужно, мы обскачем их – и, как неприсяжные солдаты, то не острым концом, а тупым хорошенько хватишь, то он и бросает ружье кричит, «пардон». Тогда у них отберут все оружие и соберут с другими в кучи и погонят плетьми, как баранов. Ни одного не убили, и как сдается, то уже не обижают. Раз четыре француза забрались ночью около водяного колеса на мельницу. Мы узнали это и обступили, закричали им: «Сдавайтесь! Пардон!» Они закричали: «Нон пардон!» – и начали стрелять. Нас было сорок человек, и нам приказали отступить поодаль и, окружа, стоять. Они выстрелят все патроны – и тогда сдадутся. Так и сделали. Они стреляли несколько часов, а мы стояли, и они никого не ранили. Потом разом как крикнем: «Ура!», бросились и окружили. Они сдались, закричав: «Пардон!» – и мы их живьем взяли и отвели к пленным, которых понемногу, а много набрали за все время. При нас было три киргиза, два калмыка и два татарина. Они уже знали, как надо разъезды делать и все наши правила» [6, с. 59].

Инспектор народных училищ Бекетов, инспектировавший Смоленскую губернию зимой–весной 1813 г., делился своими впечатлениями о местных поселянах, недавних кордонных стражниках и истребителях мародеров: «Нельзя подивиться, что добрый наш крестьянин, столь незнакомый ни с чем, кроме плуга, в два месяца потерял робость и огнестрельным оружием действовал едва ли хуже воина, приученного ко всегдашним победам» [1, с. 327]. Но, став воином, крестьянин-партизан оставался одновременно и пахарем: «К чести поселян смоленских сказать можно, что они, во все время пребывания врагов, среди общего ужаса, выезжали из дремучих лесов, их укрывавших, в глухую полночь сеяли хлеб и все нужное» [1, с. 327].

29 августа / 9 сентября исправник Е. В. Богуславский прискакал в с. Тесово, принадлежавшее подполковничьей вдове Логиновой и, созвав местный отряд самообороны, вооруженный помещицей по предписанию предводителя дворянства, велел крестьянам приготовиться к отражению неприятельского скопища числом более трех сотен. Богуславский вывел сельчан за околицу и организовал засаду на подступах к селу. Налет на мародеров оказался внезапным, но они сложили оружие не сразу – около 130 из них были истреблены ружейным огнем, пиками и топорами, 60 сдались в плен, остальные разбежались. Вражеские трупы сбросили в близлежащий Красный овраг и закопали [1, с. 275].

Необходимо особо упомянуть о сподвижнике исправника Евстафия Богуславского отставном майоре Семене Емельянове. Этот доблестный партизан происходил из простонародья и получил офицерское звание будучи суворовским солдатом за подвиг, совершенный в неудачном для русского оружия сражении

при Цюрихе в 1799 г. Получивший тяжелую рану Семен Емельянов попал в руки неприятеля, спрятав на себе полковое знамя, которое и сохранил до русско-французского обмена пленными. За это Павел I пожаловал солдату офицерский чин. Пройдя через многие битвы богатой на военные события эпохи и дослужившись до капитанского звания, Семен Емельянов ушел в отставку с производством в следующий чин и отправился залечивать на родной Смоленщине многочисленные раны. В период нашествия он не мог остаться в стороне и деятельно включился в организацию кордонной стражи. Майор собрал из односельчан отряд и, опираясь на свой незыблемый авторитет, обучил их военному порядку, строевым приемам и тактическим хитростям. С первых же стычек крестьяне стали обзаводиться трофейным оружием, и майор усиленно тренировал их в стрельбе и штыковых ударах. Зная окрестную местность, Семен Емельянов умело устраивал засады, из которых внезапно нападал со своей дружиной на опешивших неприятелей, истреблял всех, кто вздумал сопротивляться, остальных же под конвоем отправлял в Сычевку. Верным помощником майора был квартальный надзиратель Василий Ленов.

В конце августа крестьянский разъезд заметил вражескую партию из 31 человека французов и поляков, двигавшуюся к селу Левшину в 15 верстах от Сычевок на берегу р. Вазуза. Крестьяне оставили село и отправили верхового гонца за подмогой к майору Емельянову. В Левшине остались лишь бурмистр по имени Петр, прозванный «Вазузским Ахиллесом» за то, что имел манеру «переламывать пополам каждого встречного неприятеля». С силачем-бурмистром рискнул остаться еще один крестьянин [1, с. 276]. Визитеры вломились в добротный бурмистерский дом и, добравшись до съестного и выпивки, учинили разгульный пир, не позаботившись даже выставить охрану. Петр с односельчанином приперли дверь снаружи, а когда незваные гости всполошились и пробовали вылезти через окна, стали по ним стрелять и заколачивать обратно дубинами. Для бурмистра важно было задержать налетчиков до прихода помощи. Это удалось ему ценой жизни – выстрелом сквозь дверь он был смертельно ранен. Но тут появился майор Емельянов и квартальный Ленов со своими дружинниками и принудили противника сложить оружие. Согласно преданию, спас мародеров от расправы сам умирающий бурмистр, попросивший односельчан сохранить им жизнь. «Ахиллеса» похоронили возле приходской церкви [1].

Наличие в уезде русской власти в лице полиции и предводителя дворянства спасло жизнь многим неприятелям. Ибо в оккупированных «безначальных» уездах, где крестьянам некому было сдавать пленных, участь мародеров и фуражиров была подчас жуткой. В Сычевке скапливались тысячи пленных. Городничий

Павел Карженковский отправлял их партиями в прифронтовую неоккупированную Тверскую губернию.

По сообщению Петербургской газеты «Северная почта», некая выпускница училища благородных девиц из соседнего Зубцовского уезда Тверской губернии имела возможность побеседовать на французском с пленным из партии, отправленной в Зубцовск сычевскими партизанами. Тот рассказывал о патриотическом исступлении крестьян и «жаловался крайне на сих необразованных воинов, что они бьют неприятелей без всякой пощады» [8]. По наблюдению пленника, Сычевский уезд был наполнен воинственными поселянами и мещанами с косами, топорами, вилами. В городе, как на островке безопасности, скапливались беженцы из Смоленска, Дорогобужа, Вязьмы и других городов [1, с. 275].

Надежной опорой полицейских властей уезда стали низовые полицейские служители – старосты, сотские, пятидесятские и десятские. Сотские Матвей Куренков и Захар Щенников взяли на себя организацию круглосуточных патрулей в Сычевке и конвоирование пленных в Тверскую губернию. С оружием в руках выходили на отпор покушавшимся разорить Сычевку бандам, а затем участвовали в дальних рейдах горожане-пятидесятники Федот Милеев, Семен Тяполовский, Александр Костин и Василий Мельников. Все они позже были награждены серебряными медалями в память об Отечественной войне.

Среди героев-сычевцев благодаря епархиальным властям стал известен пономарь Алексей Смирягин, возглавлявший отряд самообороны с. Савенки. Он заметил с колокольни крупную фуражную команду и со своими караульщиками напал на нее, захватив в плен офицера, бумаги которого и кавалерский знак Почетного легиона пономарь хранил как личный трофей, покуда о подвиге не узнали церковные власти и не передали захваченное армейскому командованию. По представлению военного министра Высочайшим повелением крестьянам отряда был пожалован похвальный лист, зачитанный в церкви при общем стечении односельчан, а пономарь был награжден знаком отличия военного ордена – Георгиевским крестом [3, 4].

Майор С. Емельянов погиб в бою близ того самого села Тесово, уже подвергавшегося вражескому налету. Тогда Е. Богуславскому удалось отстоять село. В этот раз французам повезло больше. 15/27 сентября значительная партия мародеров численностью около 300 чел. обобрала село начисто, осквернив и разграбив церковь. Тесовский отряд самообороны, видя неравенство сил, ушел в лес. К Емельянову был отправлен гонец. Нагрузив телеги добычей, французы двинулись к Смоленскому тракту. В это время Емельянов с Леновым во главе отряда из 32 сычевских обывателей и 11 крестьян истребляли мародерскую шайку в с.

Ключаево – хищники ретировались, оставив на месте два трупа и восемь раненых. Емельянов и Ленов, раздосадованные тем, что эта мелкая стычка задержала их, бросили свой отряд громить банду, разорившую Тесово. Надежда на фактор парализующей внезапности в этот раз не оправдалась – слишком велико было численное превосходство мародеров. По рассказам крестьян, Емельянов верхом пробился в гущу неприятелей и зарубил конного святотатца, везшего икону в позолоченном окладе. С нескольких сторон ветеран оказался прошит пулями. Увидев гибель старшего друга и товарища, квартальный Ленов пришел в ярость и призвал дружинников к беспощадной резне. Лишь когда около сотни мародеров приняли смерть, а остальные сложили оружие, крестьяне пришли в себя и кровавое пиршество мести затихло. 160 пленных были отправлены в Сычевку. Казалось бы, невероятный результат для группы в четыре десятка человек крестьян, но данные о пленных подтверждаются документально. Василий Ленов получил следующий чин «за храбрость в стычке с неприятелем и благоразумные меры, принятые в сражении, в котором убит майор Емельянов» [2, с. 11].

3/15 сентября Н. М. Нахимов в рапорте на имя М. И. Кутузова докладывал: «За должное поставляю донести Вашей Светлости, что неприятель, проходя Вяземскую округу, входил разными отделениями и в Сычевскую, делал убийства, грабительства, сожигал домы господские и селения крестьян, а скот, лошадей и все имущество забирал с собой, даже и храмы Божии не остались без разграбления. Но как по приближению неприятеля, по предписанию моему, были вооружены в каждом селении крестьяне пиками, учредя по очереди из оных конные разъезды, которые, услыша или заметя о неприятеле, должны немедленно давать знать господину исправнику и в ближайшие селения и чтобы из селений вооруженные крестьяне по первому извещению немедленно являлись к назначенному месту, при том убеждая, что за Веру, Отечество и Августейшего Государя нашего не должно щадить жизни» [8, с. 57].

В вотчине Нахимова с. Волочек, где помещик владел самым обширным и роскошным домом в уезде, на высокой колокольне приусадебного храма во имя Введения Пресвятой Богородицы был устроен наблюдательный пост. Часовые в случае тревоги разжигали дымные факелы, различимые во всей округе и днем, и ночью. По одному сигналу «все окрестные деревни пустели, по-другому – жители собирались по домам» [1, с. 275].

Об активности и эффективности кордонной стражи мы можем судить по некоторым рапортам и донесениям, составленным противником. Квартировавший со своей дивизией в Вязьме генерал Л. Бараге д’Ильер, которому Бонапарт поручил охранять коммуникационную линию, соединяющую смоленский гарнизон с

основными войсками, докладывал своему императору о ситуации, сложившейся на севере губернии к 8/20 сентября: «Число и дерзость вооруженной милиции (так французы именовали отряды крестьянской самообороны. – *А. Д.*) в деревнях и в глубине области умножается. Милиция деревни Клушино перехватила транспорт с понтонами и понтонеров под командой капитана Мишеля; эта милиция повсюду отбивает и истребляет отряды, которые необходимость вызывает посылать за продовольствием… Необходимо срочно предупредить новые эксцесс, или наказать за прежние преступления, чтобы укротить их наглость». Генерал упоминал о нападении 3/15 сентября ополченцев Е. В. Богуславского на обоз понтонеров, при котором был захвачен капитан Мишель, шесть пехотинцев и 14 солдат-ездовых. Этой вылазкой ополченцы удостоились «чести» обратить на себя внимание и гнев Бонапарта. Он приказал коменданту Гжатска отправить в Клушино карательный отряд числом 300–400 чел., дабы «наказать ту деревню, которая совершила это нападение». Каратели выявили шесть крестьян-ополченцев и препроводили их в Смоленск, где они были посажены в тюрьму. Заточение оказалось недолгим: воспользовавшись нерасторопностью французской охраны, в ночь на 8/20 сентября ополченцы сбежали, выломав две доски в стене. Узнав об этой дерзости, Наполеон распорядился: «Пошлите отряд и сожгите деревню». Императору доложили об исполнении приказа и о новых выявленных карателями обстоятельствах – активным пособником «русской милиции» был управляющий из усадьбы графа Салтыкова. Наполеон приказал расстрелять патриота, а графскую усадьбу спалить. Но зверства оккупантов лишь ожесточали русских поселян.

Кровавая результативность народной войны росла день ото дня. Даже в отсутствие поблизости кордонных разъездов, крестьяне сами инициативно истребляли неприятелей. Отставшие от своих частей одиночки, мелкие шайки мародеров растворялись бесследно. Ужас перед мстительными жестокостями «бородатых варваров» подчас парализовал волю мародеров к сопротивлению, при одном только виде скопищ крестьян с пиками, ружьями и топорами они бросали оружие и молили о пощаде. Как извещала петербургская «Северная почта», за неделю с 12/24 по 19 сентября / 1 октября исправник Богуславский отправил через г. Старицу рекордную партию общей численностью в полтысячи пленных. Эти цифры не были «охотничьим бахвальством». Пленные передавались зубцовскому земскому суду. Уездный исправник капитан Никанор Михайлович Толубеев выдавал сычевцам расписки о количестве принятых неудачливых споспешников Бонапарта [12, с. 94]. Расписки хранил у себя Н. М. Нахимов, изъявлявший готовность по первому требованию предъявить их армейскому командованию.

Пример сычевцев вдохновил и соседей. Тверской гражданский губернатор Л. С. Кологривов направил генерал-губернатору Новгородской, Тверской и Ярославской губерний принцу Георгу Ольденбургскму рапорт с обоснованием необходимости восстановить губернаторское правление в непокорившихся французам смоленских уездах, примыкающих к границам его губернии. Кологривов извещал о решении принять уезды под свою опеку и обещал «немедленно сделать распоряжение как относительно успокоения поселян, так и отражения неприятельских нападений путем партизанства по примеру Сычевского уезда». В северные уезды Смоленщины был откомандирован в качестве губернаторского полномочного представителя советник Тверской гражданской палаты коллежский асессор Яков Семенович Денисов, которому переподчинялись чины градской и земской полиции. На месте он выяснил, что исправник Богуславский уже предпринял все возможные меры, обеспечивающие действенность кордонной стражи. Вместе с Денисовым в опасную командировку напросился заседатель ржевского уездного суда подпоручик Петр Гурьевич Лутковский. У его семейства были свои счеты с французами, разорившими несколько родовых гнезд этой дворянской фамилии. В своем насыщенном краеведческими сведениями дневнике А. А. Лесли поместил рассказ о случае с одним из «смоленских» Лутковских: «…Помещик Лутковский в 1812 году, когда приближались французы, взял своего преданного старосту и с ним, уложив серебро и другие ценные вещи, отправился в лес. Зарыли, сделали пример. Лутковский уехал в безопасные губернии. Когда пришли в его имение, кто-то из дворовых сказал им: «Староста с барином закапывали в лесу серебро и прочее». Французы стали допрашивать старосту, бить, мучить. Сперва он отговаривался в справедливости этого показания, а потом, когда его стали уличать доносчики, он сказал: «Хотя и зарывал с барином клад, но не помню, где». Его изверги стали еще более мучить и тиранить, выпытывая, где клад; но он молчал, отпирался забытьем. Его до смерти замучили; он не открыл». Разграбив оставшийся в имении скарб, мародеры удалились. «Лутковский, когда война закончилась, возвратился и нашел все свои сокровища» [6, с. 60].

Наибольших успехов в истреблении неприятелей сычевские партизаны добились в боевом содружестве с казачьим полком М. Г. Чернозубова 8-го, численностью в 332 шашки. В последнюю декаду сентября и в начале октября казаки совместно с ополченцами Е. Богуславского совершили несколько успешных вылазок, наводя хаос среди неприятельских транспортов, идущих по Смоленскому тракту. Для этого бойцам Богуславского пришлось выдвинуться в рейдовый поиск на территорию Вяземского уезда и пройти 60 верст

на юг от Сычевки. Тем самым отряд исправника, если следовать классификации современного исследователя А. И. Попова, сменил статус – теперь кордонные бойцы самообороны превратились в настоящих партизан, выполнявших совместно с армией боевую задачу вдали от своих селений. Одной из разведывательных партий, вышедших к Большой дороге, был конный отряд из 80 сычевцев под командованием заседателя земского суда прапорщика Евграфа Петровича Кардосысоева.

1/13 октября близ д. Теплуха Вяземского уезда партизаны наткнулись на иноплеменников в белых обтрепанных мундирах с синими обшлагами и воротниками, – это были две роты вестфальцев во главе с капитаном Бардеслебеном. Численное превосходство не помогло неприятелям – немцы, не успев сгруппироваться в каре, были разметены конной атакой. Дюжина их была убита, 19 попали в плен, остальные убежали в сторону Теплухи. Продвинувшись к околице, сычевские разведчики узнали, что деревня занята крупными силами. Это наводило на мысль, что в Теплухе размещен какой-то важный охраняемый объект. С этими сведениями бойцы Кардосысоева вернулись в Сычевску к исправнику Е. В. Богуславскому, который спешно сформировал отряд в 200 конных и пеших партизан во главе с ржевским заседателем П. Г. Лутковским, сычевским заседателем И. И. Граблиновым и его братом-помещиком. Богуславский распорядился «взять по возможности неприятеля, находящегося на большой дороге…». Когда сычевская рейдовая партия приблизилась к Теплухе, выяснилось, что встревоженные предыдущей стычкой французы и вестфальцы стянули в деревню два пехотных батальона с пушками. При приближении сычевских конников неприятель вышел навстречу и построился в боевой порядок. Несколько пушек обстреляли сычевцев картечью. Пришлось отступить, но не с пустыми руками – на аванпостах были схвачены четверо французских часовых, которые показали, что неприятели устроили в деревне почтовую курьерскую станцию, через которую идут эстафеты из Смоленска к обосновавшемуся в Москве Бонапарту [8, с. 74].

Е. В. Богуславский, понимая, что своими силами деревню не взять, предложил казачьему командиру М. Чернозубову провести совместную операцию. По всей видимости, какой-то специально выделенный казачий отряд выманил «вентерем» – ложной атакой и демонстративно спешным отходом – большую часть неприятельского гарнизона из деревни, а остальные казаки и ополченцы дерзким налетом разгромили французский почтовый пост и взяли в плен пытавшегося ускакать курьера с эстафетной почтой [10, с. 73]. Возвращавшиеся основные

вражеские силы вынудили партизан ретироваться из деревни. Казаки продолжили курсировать близ Теплухи, поджидая следующую эстафету.

Попутно с блокированием Теплухи 8/20 октября и 9/21 октября казаки и крестьяне уничтожили отряд, следовавший по Московскому тракту, и полностью истребили целый вражеский батальон, маршировавший по Можайской дороге. Тверской губернатор Л. С. Кологривов докладывал о том, что в этих боях были взяты в плен три офицера и 147 рядовых [8, с. 72].

10/22 октября реквизиционная партия 5-го Вестфальского полка числом в две роты под командованием капитана Бардеслебена, отправленная в мародерский рейд из д. Теплуха, едва смогла вернуться к своим, атакуемая казаками Чернозубова и ополченцами Е. Богуславского. Вестфальцы смогли пригнать своим голодавшим сослуживцам лишь несколько коров. Но отвлекая на себя казаков и ополченцев, фуражиры помогли прорваться сквозь партизанскую блокаду вестфальской роте, которая конвоировала в Вязьму артиллерийский парк. 250–300 казаков вместе с крестьянской дружиной теснили роту, выстроившуюся в каре, чередуя ружейные залпы с казачьими атаками. Плотный строевой порядок делал неприятелей отличной мишенью. Немцы, осознавая, что, прорыв каре обернется беспощадной крестьянской резней и казачьей рубкой, держались стойко. Раненых затаскивали в середину каре и двигались дальше. Почти час ружейный огонь крестьян прошивал их ряды. Но затем со стороны Вязьмы подошел отряд земляков-вестфальцев, и русские прекратили преследование.

В тот же день в качестве пехотного сопровождения казачьей атаки сычевские партизаны участвовали в разгроме большого обоза на Смоленской дороге близ Царева Займища. По рапорту Чернозубова этот налет оказался чрезвычайно трудным, поскольку транспорт сопровождался многочисленным пехотным конвоем. Тем не менее казакам и сычевцам удалось отбить много провиантских фур и угнать их в с. Холм за 15 верст от места нападения.

Благодаря А. И. Попову, вместившему в текст своего исследования массу «неприятельских» источников, у нас есть возможность рассмотреть этот бой глазами противника.

Один из командиров обозного конвоя лейтенант Гиссе описал в своих мемуарах тактику взаимодействия в этом бою казаков и ополченцев исправника Богуславского. Обоз состоял из двух частей, головной командовал вестфальский капитан Боде, арьергардной частью – француз Гиссе. Последний получил от Боде извещение о том, что его собираются атаковать казаки. Обе части обоза соединились. Вестфальцы и французы построились в каре. Появились три сотни чернозубовских казаков. Но они не спешили атаковать, пока не подошли пешие крестьяне-ополченцы. Сычевцы старались расстроить плотное каре ружейными

залпами, в промежутках между которыми казаки налетали на конвой и пускали в ход пики. Бой длился три четверти часа, пока на звуки пальбы к неприятелю со стороны Вязьмы не подошла подмога в виде роты вестфальцев под командованием лейтенанта Гильзы. Тогда Чернозубов и Богуславский решили отступить, угнав часть повозок. В своих рапортах армейскому командованию о перечисленных поисках и налетах Чернозубов отметил: «В сих предприятиях содействовали мне города Сычевок дворянский предводитель Нахимов и исправник Богуславский» [11, с. 31].

Утром 16/28 октября крупный отряд вестфальского подполковника де Лаборда, двигавшийся в сторону Гжатска, был атакован казаками и крестьянами. Вестфальцы прибегли к испытанной тактике – построились в каре и двинулись дальше, ощетинившись штыками и отстреливаясь. В течение трех часов ополченцы Богуславского обстреливали их со всех сторон, а казаки «дразнили атаками», стараясь расстроить каре. Понеся потери, немцы все же смогли отбиться, ибо у ополченцев и казаков не было ни одной пушки, чтобы расколоть плотный пехотный порядок и пробить брешь для казачьей рубки и работы пиками.

Неудачи вестфальцев навели Бонапарта на мысль заменить слишком «нейтральных» по отношению к местному населению немцев на «лютых врагов русского имени» – поляков. Французский император не без оснований полагал, что последние будут свирепы и беспощадны в истреблении «русской милиции». Он приказал смоленскому «губернатору» генералу Бараге д'Ильеру, отвечавшему за безопасность линий снабжения, «заменить вестфальские войска от Смоленска до Можайска тремя батальонами Вислинских полков». Батальоны поляков должны были стать стационарными гарнизонами в Дорогобуже, Вязьме и Гжатске, выделив по 100 штыков для охраны каждой промежуточной почтовой станции.

Основываясь на горьком опыте партизанских налетов на Теплуху, Бараге д'Ильер писал маршалу Бертье, что для усмирения партизан, милиции и поголовно вооружившихся жителей в пространстве между Смоленском и Можайском нужно гораздо больше войск: «Крестьян невозможно привести к повиновению с гарнизонами по двести человек». Необходимо было и большое количество переводчиков, дабы доводить до крестьян «нужды завоевателей» [11, с. 24]. Замена вестфальцев тремя польскими батальонами численностью по 400 человек могла решить лишь последнюю задачу – среди поляков имелось немало тех, кто знал русский язык. Бараге д'Ильер писал о том, что он отправил три колонны по 50 пехотинцев и 15 гусар для «обозрения области и сбора продовольствия». Две из них не вернулись. Махнув рукой на приказы Наполеона усилить контрпартизанские репрессии, смоленский «наместник» счел нецелесообразным распылять

свой контингент на рискованные карательные экспедиции, и ограничился сбором продовольствия для гарнизонов, снабжением госпиталей и транзитных партий раненых [11, с. 24].

Любопытно сравнить эту деловую переписку с заявлениями скандально прославленного историка Е. Н. Понасенкова о повсеместном «дружелюбии» крестьян по отношению к захватчикам, которые смогли-де завоевать доверие бородачей до такой степени, что «повсюду чувствовали себя в безопасности». Для подтверждения этой нелепой фальсификации Е. Н. Понасенков приводит вырванные из контекста цитаты некоторых представителей Великой армии, напрочь игнорируя массив неприятельских выкриков ужаса о размахе народной войны [9, с. 474]. По мнению молодого историка, народной войны вообще не было: «Почему местное население не почувствовало в себе богатырские и патриотические силы и не «встало грудью»? Где та распиаренная «народная война»? Ее реальные проявления были не антифранцузскими, а антиправительственными» [9, с. 353]. В данном случае Е. Н. Понасенков дублирует выводы классика «научно-критического» либерального направления в отечественной историографии наполеоновских войн А. К. Дживелегова: «Значение же народной войны в собственном смысле было ничтожно», «у русского мужика не было никакой патриотической ненависти», «народная война 1812 г. не более как обман зрения». Похоже, «научность» текстов столь идеологически ангажированного автора преувеличена [5, с. 219, 235].

Л. С. Кологривов составил специальный циркуляр для предводителей дворянства тверских уездов, где скопилось множество смоленских дворян-беженцев. В документе прославлялись подвиги Нахимова и Богуславского, дабы возбудить патриотическое рвение смоленских изгнанников и побудить их к возвращению в оставленные имения для организации крестьянской самообороны. Дело было рискованное, но успешный пример сычевцев вдохновил многих дворян к возвращению в родные места с оружием в руках. Из ржевского уезда на Смоленщину был направлен отряд ополченцев численностью около 500 чел. [8, с. 59].

О подвигах Нахимова и Богуславского было известно и в Петербурге. Официальная газета «Северная почта» в сентябре–октябре опубликовала шесть извещений о доблестях исправника и его дружины. В номере от 2/14 октября сообщалось о партизанском сопротивлении в Сычевском уезде: «Тамошний исправник имеет довольно хлопот с неприятелями каждый день, отправляя многих на тот свет, а забираемых в полон, отсылая через Зубцов, от двадцати до ста в день. Продолжая таким образом, он может очистить от французов не только свой уезд, но и даже выгнать их из соседних уездов… Слышно, что он с вооруженными

крестьянами большую часть неприятелей побивает на месте, а самую малую токмо берет живыми и пересылает» [8, с. 70].

Новости о свирепостях народных мстителей мрачно оттеняли в глазах современников фигуру сычевского исправник-партизана. Но в военную пору беспощадность к презираемому за истязания и кощунства врагу воспринималась самой широкой русской публикой как достохвальное проявление патриотизма. Офицер тверского ополчения А. А. Шаховской вспоминал спустя четверть века: «Храбрые сычевские крестьяне вотчины графа Палена и других не мелкопоместных дворян, вооружаясь чем случилось и составив местное ополчение, вроде испанских гверильясов, под началом уездного предводителя Богуславского (похоже, что дворянский предводитель Нахимов и полицейский чиновник Богуславский слились в некую общую мифическую фигуру, символизирующую доблесть сычевцев. – *А. Д.*), не давали прохода мелким неприятельским партиям: дрались беспощадно пеше и на конях, и я слышал ужасные действия их народной мести в той местности» [13, с. 257].

За август–октябрь 1812 г. сычевской партизанской дружине пришлось выдержать 14 боев с неприятелями. В рапортах Н. М. Нахимова содержатся сведения об истребительной результативности народной войны в уезде. 3/15 сентября предводитель дворянства докладывал М. И. Кутузову о том, что с 18 августа по 1/13 сентября 1812 г. сычевцами были убиты 572 неприятеля, взяты в плен 325 чел., в том числе три обер-офицера. В этих схватках погибли 44 крестьянина и получили раны 67 чел. С 1/13 по 10/22 сентября кордонные стражники уничтожили еще полсотни мародеров. В рапорте от 30 октября / 12 ноября сообщается о том, что со времени предыдущего отчета «по 30 сентября еще убито из неприятельских войск 1098 человек, штаб и обер-офицеров два, в плен взято 235, в том числе один капитан и 29 унтер-офицеров; с нашей стороны убито крестьян всех 92, ранено 115» [8, с. 59].

К концу октября сычевские партизаны истребили около 4 тыс. захватчиков и взяли в плен около 1600 чел. Здесь подсчет был более сложным, поскольку в поисковых рейдах за пределы уезда народные мстители действовали совместно с казаками и делили с ними «урожай» вражеских смертей и пленений.

Содержавшиеся в рапортах Н. М. Нахимова цифры уничтоженных захватчиков не отражают всей картины вражеских потерь от рук поселян. Предводитель дворянства суммировал лишь данные из рапортов Е. В. Богуславского, В. В. Ленова и других чиновников полиции, руководивших крестьянами в стычках. Множество убитых мародеров не попали в эти сводки, ибо они были истреблены поодиночке и малыми группами в результате спонтанных расправ, чинимых

крестьянами-патриотами и упокоились в суглинках и болотах без всякой отчетной «регистрации».

Современному читателю покажется невероятным такое соотношение потерь в боях ополченцев с регулярными войсками противника. Но цифры вполне достоверны, а по пленным подтверждаются с бухгалтерской наглядностью расписками о передаче пленников в зубцовский земский суд Ржевского уезда. Секрет того, что при относительно небольших собственных потерях крестьяне уничтожили столько военных «профессионалов» слагается из ряда факторов. Во-первых, крестьянами руководили полицейские чиновники, имевшие опыт армейской службы и демонстрировавшие высокие образцы тактического партизанского мастерства. Во-вторых, на руку партизанам и их вожакам были знание местности и гарантированная поддержка остального населения. В-третьих, ополченцы всегда совершали нападения в выгодных для себя условиях, имея почти гарантированные шансы на успех. В-четвертых, победам ополченцев весьма способствовала нарастающая день ото дня деградация дисциплины в рядах противника. Оборванные и голодные мародерские шайки в большинстве случаев не оказывали стойкого сопротивления.

Народная война оказалась прагматически чрезвычайно выгодной, – без дополнительной интендантской нагрузки, затрат на вооружение и продовольствие русские войска получили мощное подспорье в истреблении неприятеля. Кордонными стражниками были практически сорваны попытки противника организовать действенную систему по выкачиванию ресурсов с захваченных территорий. Истребление фуражных команд и мародерских банд обеспечило тяжелейший кризис военного снабжения наполеоновских войск. Одновременно с блокированием артерий тылового обеспечения противника, административно-полицейские власти оккупированной Смоленщины и прифронтовых губерний смогли обеспечить эффективную продразверстку в пользу оперативного снабжения собственных войск в период подготовки русской армии в контрнаступление.

Тверской генерал-губернатор принц Г. Ольденбургский «повергал особенному Его Императорского Величества вниманию и благоволению» известия «о полезных действиях Кологривова и об отличных подвигах Нахимова, Богуславского, купцов, мещан и крестьян, ходатайствуя о вознаграждении сих лиц» [8, с. 62].

Рескриптом императора от 7 ноября 1812 г. «за отличные подвиги и неустрашимость в стремлении на поражение и истребление неприятеля» Н. М. Нахимов был награжден орденом Св. Владимира 4-й ст. с бантом. Этим же орденом был

награжден сычевский городничий П. М. Карженковский. На ступень ниже была награда Е.В. Богуславского – он получил орден Св. Анны 2-й ст. с бантом. Этим же рескриптом были награждены знаком отличия военного ордена – Георгиевским крестом – десять крестьян из числа бурмистров и сотских, активно участвовавших в истреблении неприятеля.

Квартальный надзиратель губернский секретарь В. В. Ленов по представлению управляющего делами Министерства полиции С. К. Вязмитинова получил следующий чин. Также был повышен в чине начальник инвалидной команды поручик А. Подлуцкий.

Все эти полицейские чиновники, дворяне и крестьяне были запечатлены на одной из стен храма Христа Спасителя наряду с другими героями Отечественной войны. В написание фамилии квартального надзирателя Ленова закралась ошибка, он был именован Леоновым.

Вместе с ними на этой мемориальной панели были записаны и погибшие герои народного сопротивления: принявший смерть в бою майор С. Емельянов и расстрелянные оккупантами дворяне П. И Энгельгардт и С. И. Шубин.

Государь пожаловал двум братьям майора Емельянова, сычевским мещанам Савелию и Андрею, по 1000 руб. Семьи расстрелянных дворян получили пенсии.

В 1813 г. монаршей волей вожаки народной войны Н. М. Нахимов, Е. В. Богуславский, И. И. Граблинов «в ознаменование патриотических заслуг в отечественную войну» были награждены серебряными на голубой ленте медалями в память 1812 г. [2, с. 100].

В 1814 г. дворянство Сычевского уезда ходатайствовало к императору о дозволении поднесения Н. М. Нахимову и Е. В. Богуславскому от имени дворянства шпаг с приличной надписью в знак признательности, чувствуемой оным за сохранение в Сычевском уезде во время нашествия неприятеля тишины и недопущение его к распространению разорения…» [2, с. 100].

Список литературы

1. Вороновский, В. М. Отечественная война 1812 г. в пределах Смоленской губернии: 1812–1912. Юбил. изд. Смолен. губ. земства / В. М. Вороновский. – Спб., 1912. – С. 274.

2. Дело об отличиях, в 1812 г. разными лицами противу неприятеля оказанных // Смоленские партизаны в 1812 году. – Смоленск, 1912. – С. 98.

3. Дело о подвигах, учиненных крестьянами с. Савенок и пономарем Смрягиным // Смоленские партизаны в 1812 году. – Смоленск, 1912. – С. 91.

4. Предложение Святейшему Правительствующему Синоду от 4 июня 1813 г. // Приложение к кн.: Вороновский В. М. Вороновский, В. М. Отечественная война 1812 г. в пределах Смоленской губернии: 1812–1912. Юбил. изд. Смолен. губ. земства / В. М. Вороновский. – Спб., 1912. – С. 396.

5. Дживелегов, А. К. «Народная война» в 1812 году: Александр I и Наполеон. Исторические очерки / А. К. Дживелегов. – М., 1915. – С. 219, 235.

6. Лесли в войне 1812 г. – Смоленск, 2009. – С. 96.

7. Нахимов, А. П. Народная война в Сычевском уезде в 1812 году / А. П. Нахимов // Недаром помнит вся Россия… : материалы II Клетновских чтений (Вязьма, 28–29 апреля 2011 г.). – Вязьма, 2011. – С. 116.

8. Нахимов, А. П. Смоляне против Наполеона / А. П. Нахимов, Л. А. Верховская. – Смоленск, 2012. – С. 50–52.

9. Понасенков, Е. Н. Первая научная история войны 1812 г. / Е. Н. Понасенков. – М., 2017. – С. 474.

10. Попов, А. И. «Летучий корпус» генерала Ф. Виндингерода / А. И. Попов. – М., 2011. – С. 73.

11. Попов, А. И. Война необыкновенная / А. И. Попов. – М., 2013. – С. 19.

12. Рапорт сычевского предводителя дворянства Н. Нахимова Кутузову от 3 сентября 1812 г. за № 162 // Смоленские партизаны в 1812 году. – Смоленск, 1912. – С. 94.

13. Шаховской, А. А. Первые дни в сожженной Москве / А. А. Шаховской // Наполеон в России глазами русских. – М., 2004. – С. 257.

ПОДВИГ БОБРУЙСКОЙ КРЕПОСТИ

Среди примеров патриотического единения войск и полиции следует указать на их совместные действия по обороне Бобруйской крепости, на протяжении всей кампании, создававшей угрозу южному флангу неприятельской армии. Оказавшись глубоко во вражеском тылу, крепость держала оборону с июля по ноябрь 1812 г. до возвращения русских войск и изгнания неприятеля. По приказу бобруйского военного коменданта, генерал-майора Г. А. Игнатьева полицейские исправники Борисовского, Игуменского и Бобруйского уездов брали под арест местных чиновников-поляков, вздумавших переметнуться к французам, обеспечивали подвоз продовольствия, вели разведку, а также конфисковали и свезли к крепости все суда на Березине – тем самым упредив возможность штурма со стороны реки. По сути, в этих трех уездах, находящихся в окружении неприятеля, удалось удержать и сохранить власть российской короны и верность местных жителей. Один из первых летописцев Отечественной войны и ее участник А. И. Михайловский-Данилевский писал: «Удачный выбор места, где расположен Бобруйск, оказал в Отечественную войну величайшую, неоценимую услугу. Ни одна крепость в России нигде не была столь полезна, как Бобруйск в 1812 году».

Полицейские власти, покидая отдаваемые неприятелю города, вместе с войсковым командованием уничтожали все военное имущество и продовольствие, которое невозможно было эвакуировать. Тактика «скифской войны» на истощение захватчика – совместное дело армии и полиции. Полицейская администрация первой возвращалась на пепелища, восстанавливая порядок и налаживая жизнь.

Полиция и разведка

Достойна уважительной оценки и деятельность образованной 25 июня 1811 г. Особенной канцелярии Министерства полиции, которая накануне и в период войны занималась организацией разведки и контрразведки в приграничных губерниях. Директором канцелярии в 1811–1812 гг. являлся Яков Иванович Санглен. В марте 1812-го он был откомандирован в распоряжение военного министра М. Б. Барклая-де-Толли и стал организатором Высшей воинской полиции 1-й Западной армии. В подчинение воинской полиции в канун войны были переданы и местные полицейские силы от австрийской границы до Балтики. Значительная часть сотрудников, занимавшихся оперативной разведывательной деятельностью, была переведена из штата Министерства полиции: коллежский асессор, барон П. Ф. Розен, отставной поручик (принятый вновь на военную службу) И. А. Лешковский, надворный советник П. А. Шлыков.

В воспоминаниях Я. И. Санглена описываются яркие эпизоды разведывательных и контрразведывательных действий русских полицейских. Прибыв в апреле 1812 г. в город Вильно, где располагался штаб армии Барклая-де-Толли, Санглен получил в свое распоряжение штат виленской полиции во главе с полицмейстером Андреем Вейсом и занялся выявлением вражеской агентуры. Находившийся здесь же император сообщил Санглену, что, по информации русского агента в Берлине – полицмейстера Грунера, уже несколько месяцев в Вильно скрываются французские шпионы. Санглен вспоминал: «Я спросил государя, не известны ли их имена или не означены ли какие-либо их приметы. Нет, отвечал государь, но их отыскать должно».

Санглен поручил трем полицейским агентам обходить каждый день виленские трактиры, там обедать, «все рассматривать, выглядывать и о том докладывать». Полицмейстеру Вейсу было приказано усилить наблюдение за всеми приезжими из Польши. Санглен сам отправился на поиск, и в одном из ресторанов Вильно его ждала удача: он заметил «крайне развязного поляка, со всей наружностью фронтовика», который не щадил шампанского и слишком пылко бранил Наполеона. Вернувшись в свой кабинет, Санглен приказал Вейсу пригласить поляка для расспросов. Чаепитие с поляком сопровождалось доброжелательной беседой, в ходе которой гость назвался шляхтичем Дранжевским, никогда не служившим в армии. Санглен предложил собеседнику и двум его упомянутым в разговоре товарищам свою помощь в оформлении выездных паспортов в Варшаву, столицу враждебного России герцогства, а сам передал Вейсу приказ провести тщательный обыск на квартире, где остановился шляхтич. Пока Санглен занимал поляка беседой, полицмейстер руководил дотошным обыском, полицейские взламывали полы, разбирали печь и трубу… За печными кирпичами и под половицами было найдено следующее: инструкция наполеоновского дивизионного генерала Рожнецкого поручику Дранжевскому, патент на чин поручика, подписанный Наполеоном, замшевый пояс с вшитыми червонцами, записки поручика с данными наблюдений за русским войсками и генералитетом. Предъявление этих изобличающих улик заставило шпиона признаться и назвать адреса двух своих товарищей, которые оказались штатскими чиновниками, отправленными в Вильно французским резидентом Брильоном из Варшавы. Дранжевский и один из штатских были заключены в Шлиссельбургскую крепость. Второй штатский был Сангленом перевербован. За умелые действия полицмейстеру Вейсу пожалован орден Святого Владимира 4-й степени.

В конце мая 1812 г. в Вильно для встречи с Александром I прибыл адъютант французского императора Луи Нарбонн-Лара. Полицмейстер

приграничного города Ковно Едвард Антонович Бистром по распоряжению Санглена доставил посланца Наполеона в Вильно проселочными дорогами – «дабы он не видел наших войск и артиллерийских парков». Александр велел взять Нарбонна под плотное наблюдение. Санглен приказал полицмейстеру Вейсу предоставить в распоряжение французского визитера полицейских агентов под видом лакеев и кучеров. Пока Нарбонн, по приглашению российского императора, находился в одной с ним театральной ложе и наслаждался спектаклем, полицейские «кучера» и «лакеи» перепоили приехавших с императорским посланцем французов и изъяли из его багажа шкатулку с инструкциями Наполеона. Переписанный текст был представлен Александру I, а подлинник инструкции возвращен на место. Наполеон наставлял своего адъютанта оценить численность русских войск и стволов артиллерии, составить характеристики генералов, оценить «дух войск и расположение местных жителей», выяснить настроения самого царя и его ближайшего окружения. Александр остался весьма доволен действиями полицейских агентов.

Состав Высшей воинской полиции, по мере отступления наших войск, пополнялся полицейскими чиновниками городов, оставшихся под французской оккупацией. При выполнении разведывательных заданий погибли: бывший полицеймейстер Ковно, майор Е. А. Бистром (скончался от ран после Бородинского сражения) и бывший полицеймейстер Вильно А. Вейс (пропал без вести). Среди сотрудников воинской полиции отличились: капитан К. Ф. Ланг – захватил 10 «языков», был ранен, а также В. П. Валуа и П. А. Шлыков, которые были схвачены французами, но бежали из плена.

«ЛЬВИНОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ» ВНУТРЕННЕЙ СТРАЖИ

Свою лепту в победу над врагом внесли и войска внутренней стражи, созданные накануне войны и насчитывавшие в 1812 г. около 38 тыс. человек. Личный состав стражи состоял, в основном, из ветеранов, или, по военной терминологии той эпохи – «подвижных служащих инвалидов» (старых служак, признанных непригодными к полевой службе). Части внутренней стражи стали базами обучения и сопровождения рекрут-новобранцев в действующую армию, а также организационной структурой для формирования ополчений.

С самого начала наполеоновского нашествия войска внутренней стражи принимали участие в боевых действиях, участвовали в обороне своих городов, а затем присоединились к действующей армии.

… На четвертый день войны, 16 (28 июня), Гродненский внутренний гарнизонный батальон и летучий казачий отряд атамана М. И. Платова вступили в бой с превосходящим по численности вестфальско-польским отрядом из войск Жерома Бонапарта. Утром неприятель занял предместье Гродно – Занеманский форштадт на левом берегу Немана. Казачья конноартиллерийская рота и солдаты Гродненского внутреннего гарнизонного батальона до позднего вечера держали оборону на противоположном берегу «в ожесточенной перестрелке» с противником. Казачьи пушки посылали во вражескую гущу ядро за ядром, а если неприятель подступал поближе – обдавали его картечью. При попытках прорваться через мост лошади польской и вестфальской кавалерии шарахались от блеска штыков гарнизонного батальона. Увы, у храбрых «инвалидов» были лишь старые ружья и они не могли держать плотный залповый темп стрельбы, необходимый, чтобы прикрыть артиллерийские расчеты в перерывах между пушечными выстрелами. М. И. Платов, видя усиление неприятеля за счет подхода новых войск и не имея у себя пехоты, кроме гарнизонного батальона с нехваткой «порядочных ружей», принял решение об отходе. В густеющих сумерках бойцы внутренней стражи и казаки под градом пуль спалили деревянный мост через Неман и отступили из города. Среди офицеров, убитых в ходе боя, упоминается прапорщик Гродненского внутреннего гарнизонного батальона Н. И. Ившин.

Еще одну славную страницу в историю войск внутренней стражи вписал Могилевский внутренний гарнизонный батальон.

Могилев играл важную стратегическую роль в планах командующего 2-й Западной армией П. И. Багратиона – через город предполагалось совершить прорыв на соединение с 1-й Западной армией М. Б. Барклая-де-Толли. Но маршал Луи Даву опередил русские части в этой гонке к городу.

7 (19) июля гражданский губернатор Могилева Д. А. Толстой, тревожимый неясностью военной обстановки и угрозой французского наступления, направил в западном направлении на разведывательный поиск отряд в 30 солдат гарнизонного батальона под командованием могилевского полицмейстера Литвинова. У местечка Княжицы бойцы наткнулись на передовые посты французского авангарда. Завязалась перестрелка, один из французов попал в плен в качестве «языка» – выяснилось, что к Могилеву стремительно приближаются войска маршала Л. Даву.

Город был почти беззащитен. Квартировавшийся здесь внутренний гарнизонный батальон находился под командованием полковника А. А. Коллена и состоял из трех рот старослужащих «инвалидов» общим числом 300 человек. Для его подкрепления по приказу П. И. Багратиона «защищать город от партий неприятельских» прибыл инженерно-строительный отряд полковника А. И. Грессера, занимавшийся до этого сооружением предмостных укреплений в г. Борисове: запасные батальоны 1-го и 33-го егерских полков, минерная рота подполковника М.Г. Сазонова и 24 казака – всего 420 человек. К этой горстке защитников спешно присоединились импровизированные резервы – не нюхавшие еще пороха 664 рекрута, набранных в егерские полки, 140 выздоравливающих и дюжина драгун могилевской полиции.

Отдавая приказ отряду Гессера «защищаться с храбростию, российскому воинству приличной», П. И. Багратион не предполагал, что французы навалятся на Могилев столь мощной массой войск. Полторы тысячи храбрецов выстроились у ручья Струшня близ Виленской заставы, часть инвалидов разместилась на старом осыпавшемся городском валу. В 4 часа утра 8 (20) июля отряд был атакован французским авангардом под командованием генерала Э. Бордесуля – двумя конно-егерскими полками и двумя пехотными батальонами с артиллерией. Французские конные егеря стремительно приближались. Две старые бронзовые пушки, снятые «инвалидами» с ветхих городских укреплений, успели сделать всего лишь по выстрелу. Для защиты от густой массы французской кавалерии русские выстроились в каре – четырехугольник, ощетинившийся во все стороны штыками подобно ежу. Каре затянуло дымом от выстрелов. Лошади становились на дыбы, пугаясь сверкающих штыков.

Но несокрушимое в бою с конницей каре было весьма удобной крупной и плотной мишенью для вражеской артиллерии. Французские ядра и картечь, словно железными метеорами, прорубали просеки в русских человеческих стенах. Пока шел бой, город покинули 5 тыс. жителей во главе с Д. А. Толстым. Неприятелю после «упорного дела» удалось оттеснить русский отряд и расчленить его на две части. Под натиском превосходящих сил противника отряд

Грессера и двигавшийся параллельно гарнизонный батальон, выйдя из Могилева через Быховские ворота, с боями стали отступать в южном направлении к деревне Салтановке на встречу с авангардом войск П. И. Багратиона. Любопытные детали о бое за Могилев содержатся в воспоминаниях К. К. Арнольди, который, будучи подростком, стал свидетелем обороны и оккупации города: «Бывший не задолго пред тем в Могилеве внутренней стражи генерал Х. приказал начальнику гарнизонного баталиона, полковнику Колену (правильно – Коллену), не впускать неприятеля в город; вследствие чего инвалиды были расставлены на валу у Виленской заставы и встретили первых показавшихся конных неприятелей ружейным залпом, от которого, как говорят, оказалось убитыми человек до семи. Вскоре подошла неприятельская пехота и инвалиды наши были побеждены; однако, большая часть их успела уйти по дороге к Быхову. Инвалид, которому было приказано поджечь значительный магазин (продовольственный склад), у той заставы был убит; а магазин с запасами достался неприятелю, который вступил 8 июля в город и рассыпался по всем улицам. По улице, где мы жили, гнались несколько конных французов за одним городским (полицейским) драгуном, стреляя в него; но драгун на своей маленькой лошадке спустился с такой крутизны к мосту, что неприятель не мог продолжать погоню за ним. По окончании войны, видел я этого драгуна, исцелившегося от полученной раны».

По строевому отчету Могилевского внутреннего гарнизонного батальона можно судить об ожесточенном – «львином» – характере отступления. Верста за верстой французские стрелки-вольтижеры вели батальону постоянный беглый огонь. Продолжавшие отступать «инвалиды» отвечали пальбой, «обмениваясь с врагом смертью». Конница неприятеля кружила вокруг, готовая врубиться в любую брешь, в любой просвет в щетинистой массе штыков, дабы разметать плотное каре на мелкие группы и изрубить по частям. В какой-то момент французам удалось поставить пехотный заслон на пути бойцов внутренней стражи и здесь отступающим весьма пригодились взятые с собой городские пушки. Их огнем французская пробка на дороге была выбита, и тотчас инвалиды устремились в штыковую атаку.

Вот что можно прочитать об этом в сухих строках строевого отчета: «при нападении ж неприятеля имел (батальон) ежеминутное с стрелками сражение, а в восьми верстах от города Могилева неприятель два раза покушался отрезать, прошедши местечко Буйничи, а потом за две версты вновь атаковал, но храбрые воины, невзирая на превосходное число силы неприятеля, имев при себе две городские пушки, пошли на штыки и, ружейными выстрелами прогнав неприятеля, пошли далее».

Утром 9 (21) июля П. И. Багратион выслал навстречу отступающим русским бойцам казачий передовой отряд полковника В. А. Сысоева в 2 тыс. сабель.

Казаки с присоединившимися драгунами графа Сиверса опрокинули преследующих Грессера французских конных егерей и гнали их 15 верст назад до Могилева. В ходе этой рубки французские кавалеристы были «истреблены без остатка», а их командир Ж. С. Мишо де Сен-Марс попал в плен. Об этом бое упоминает и К. К. Арнольди, несколько путая факты за давностью лет: «На другой день, т. е. 9 июля, посланы 1-й и 3-й полки chasseurs a cheval (французских конных егерей) в погоню за ушедшими инвалидами и нагнали их по быховской дороге, близ леса; там, как говорили, присоединились к инвалидам два баталиона наших егерей и с сотню казаков, вступивших с французами в бой, – они так усердно их угостили, что, по словам одного французского офицера, у нас квартировавшего, из двух полков уцелело не более ста человек».

Багратион выразил офицерам Могилевского внутреннего гарнизонного батальона «Высочайшее благоволение», а солдат распорядился поощрить денежными наградами. Батальон не досчитался более половины своего состава убитыми, пропавшими без вести и попавшими в плен.

РУССКАЯ ВОЛЯ ИЛИ ФРАНЦУЗСКОЕ ВАРВАРСТВО?

Не будет преувеличением сказать, что в определении исхода войны значительную роль довелось сыграть московской полиции, находившейся в подчинении столичного военного губернатора Федора Васильевича Ростопчина. Среди свидетелей и современников событий 1812 г., а затем и в отечественной исторической науке долгое время продолжалась дискуссия о причинах пожара Москвы, который, в итоге, обрек армию оккупантов на отступление, превратившееся в гибельное бегство. Вопрос об ответственности за московский пожар рассматривался в зависимости от меняющейся политической целесообразности.

В ходе войны с нашей стороны возложение вины за уничтожение столицы на варваров-оккупантов стало неоспоримым аргументом в информационной войне с Наполеоном и стимулом к ожесточению сопротивления. Французские же мемуаристы и исследователи трактовали испепеление древней столицы как акцию «варварского» русского героизма. Соратники Бонапарта отвергали обвинения в свой адрес логичным аргументом о заинтересованности захватчиков в сохранении Москвы как базового центра оккупации.

К настоящему времени с обеих сторон накоплена критическая масса косвенных и прямых доказательств, свидетельств о целенаправленной русской воле в сожжении Москвы. Это, однако, не отменяет факта французского соучастия в уничтожении древней столицы, ставшей жертвой разноплеменных наполеоновских мародеров, грабителей и убийц. Московский пожар оценивался и оценивается многими свидетелями эпохи и современными исследователями как патриотический подвиг и спасительная жертва, во многом предопределившая исход войны.

12(24) августа 1812 г. – спустя неделю после оставления объединившимися русскими армиями Смоленска – генерал-губернатор Москвы Ростопчин в письме П. И. Багратиону выразил свое мнение о тревожных перспективах захвата неприятелем древней русской столицы: «Народ здешний по верности к Государю и любви к Отечеству решительно умрет у стен Московских и если Бог ему не поможет в его благом предприятии, то, следуя русскому правилу, не доставайся злодею, обратит град в пепел и Наполеон получит вместо добычи место, где была столица. О сем не худо и ему (Наполеону) дать знать, чтобы он не считал на миллионы и магазейны хлеба, ибо он найдет уголь и золу». По свидетельству Б. Н. Голицына, князь Багратион в кругу офицеров не раз делился содержанием этого письма.

Энергичный московский губернатор и вверенная ему полиция прилагали все возможные усилия для помощи армии в обеспечении боеприпасами и

продовольствием. Ежедневно из Москвы в распоряжение войск отправлялось с запасами 600 подвод, «законтрактованных» полицейской администрацией. Существенным подспорьем для армии в день Бородинской битвы стало присутствие на поле боя 29 тысяч ратников московского ополчения, собранного под руководством Министерства полиции столичными властями. Значительная часть регулярных войск была высвобождена для боя благодаря тому, что вынос раненых и подвоз боеприпасов взяли на себя ополченцы.

Неопределенный исход грандиозного сражения, большие потери и отсутствие резервов заставили российского командующего М. И. Кутузова продолжить отступление. На следующий день после битвы в письме на имя Министра полиции Д. А. Балашова московский губернатор предрекал: «Из донесения князя Кутузова вы увидите, что он оставляет позицию и Можайск и предполагает защищать Москву. Теперь я стану поспешно отправлять все самое важное, и если, по несчастью, столицы спасти нельзя будет, то я оставшееся предам огню, т.е. комиссариатское и в арсенале».

Судьба столицы еще не была решена, не исключалась возможность повторного боя за Москву. Ростопчин рассчитывал на это сражение, тем не менее эвакуация учреждений уже началась. Зная о приверженности московского генерал-губернатора идее отстаивать столицу до последнего, М. И. Кутузов принял психологически верное решение не приглашать его для участия в военном совете в Филях 1(13) сентября 1812 г., ибо пылкий и красноречивый Ростопчин мог повлиять на ход совета и поколебать присутствующих в объективно необходимом, но тяжелом решении об оставлении Москвы. Перед военным советом Федор Васильевич сказал генералу А. П. Ермолову: «Если без боя оставите вы Москву, то, вслед за собою, увидите ее пылающей!» У будущего покорителя Кавказа сложилось впечатление: губернатор своей железной уверенностью в том, что «Бонапарт не найдет в Москве никаких выгод» невольно еще более утвердил Кутузова в мысли оставить столицу.

Командующий русскими войсками известил московского губернатора об оставлении столицы лишь вечером 1 сентября: «Неприятель, отделив свои колонны на Звенигород и Боровск, и невыгодное здешнее местоположение вынуждают меня с горестью Москву оставить. Армия идет на Рязанскую дорогу. К сему покорно прошу… прислать мне сколько можно больше полицейских офицеров, которые армию могли бы провести через разные дороги на рязанскую».

В замышляемом Кутузовым марше-маневре, позже названном Тарутинским, полицейским-проводникам предстояло сыграть важную роль. В итоге этот маневр позволил сохранить армию и разместить ее с расчетом на прикрытие от

неприятеля южных губерний. Теперь мы знаем, что это был еще один шаг к победе, но в глазах тогдашнего московского губернатора отход войск через Москву без нового боя мог стать предвестием морально-психологической и политической катастрофы. В тот же вечер Ростопчин писал царю: «Адъютант князя Кутузова привез мне письмо, в котором он требует от меня полицейских офицеров для сопровождения армии на рязанскую дорогу. Он говорит, что с сожалением оставляет Москву. Его решением, Государь, определяется жребий Москвы и вашей Империи, которая содрогнется от чувства негодования, узнав, что сдают город, вместилище российского величия и останков ваших предков. Я последую за армией, я все выпроводил, и мне нечего более делать как оплакивать участь моего отечества и собственную вашу судьбу».

Властям города предстояло совершить огромный объем работ за быстро истекающие часы, оставшиеся до вступления в город неприятеля. Предпринимались сверхусилия для эвакуации важнейших учреждений, архивов, церковных ценностей, боеприпасов и раненых, свезенных в большом количестве в Москву после Бородинского сражения. Ситуация осложнялась катастрофически острой нехваткой подвод, поскольку армия не снижала своих требований по обеспечению войск гужевым транспортом и запасом лошадей для кавалерии.

Отход войск сопровождался массовым исходом жителей. По мнению Ростопчина, в тот день Москву покинуло абсолютное большинство населения – из 260 тысяч обывателей осталось около 10 тысяч горожан.

Пришел черед воплощать в жизнь уже не раз озвученный замысел губернатора по сожжению столицы. В ночь на 2(14) сентября в особняке Ростопчина на Лубянке (здание сохранилось и сейчас находится по адресу Ул. Большая Лубянка, д. 14.) было проведено совещание полицейских чинов о сожжении Москвы. К этому часу вся пожарная команда города (2100 человек) вместе с инвентарем уже начинала эвакуироваться. На 5 часов утра 2(14) сентября у Красных ворот близ дома обер-полицмейстера был назначен сбор для эвакуации всем полицейским частям, но из-за прохода огромной массы войск пресеклось сообщение с Замоскворечьем и многие нижние чины полиции оказались отрезанными в тылу врага. Возможно, этим объясняется обилие поджигателей в полицейской форме, замеченных французами позже.

В совещании участвовали сам Ростопчин и его сын Сергей (адъютант М. Б. Барклая-де-Толли, получивший контузию в Бородинском сражении), обер-полицмейстер Петр Алексеевич Ивашкин и полицмейстер Адам Фомич Брокер, полицейские служащие и приглашенные Брокером доверенные горожане.

В своих воспоминаниях дочь Ростопчина – Наталья Федоровна Нарышкина – указывала: «Совещавшиеся получили точные инструкции, какие именно здания и кварталы следует поджечь сразу же по завершении прохождения русских войск через Москву, и их деяниям должен был сопутствовать тем больший успех, что, по сведениям ряда воспоминателей, дома московских обывателей, покинувших уже свои обиталища, заранее были соответствующим образом приготовлены к всесожжению».

В мемуарах И. П. Липранди и Ф. Н. Глинки упоминаются эвакуировавшиеся москвичи, с гордостью рассказывавшие о том, что самолично уничтожали свое имущество. Прав оказался Ростопчин, ссылаясь на действенный стихийный народный мотив «так не доставайся же злодею». Н. Ф. Нарышкина называет имена из числа доверенных горожан – помощников полиции, выполнивших приказ «об уничтожении складов, которые первыми должны были быть преданы огню»: Иван Прохоров (расстрелян французами) и Антон Герасимов, который исчез бесследно. Их вдовам Ростопчин выплатил впоследствии за свой счет по 5000 франков.

Помимо организации поджогов, необходимо было обеспечить в оккупированном городе разведку и связь информаторов с командованием. Этот вопрос был оперативно решен здесь же на совещании. В «Записках» Ростопчина указывается: «Я приказал спросить у полицейских офицеров, не найдется ли между ними желающих остаться в городе переодетыми и доставлять мне донесения в главную квартиру посредством казачьих аванпостов, до которых они могли добраться через Сокольницкий лес». Требуемые шесть добровольцев тотчас нашлись. Все они, как сообщает Ростопчин, остались живы. Современным исследователем В. Н. Земцовым сделано предположение о составе этой группы. Называются квартальные надзиратели И. Ф. Пожарский, И. И. Иваницкий, А. П. Спиридонов. Есть основания дополнить этот список следственным приставом Г. Я. Яковлевым и квартальным надзирателем М. М. Щербой.

Сразу же по окончании совещания, ранним утром 2 (14) сентября Ростопчин написал супруге посланье, в строках которого чувствуется отчаяние ожесточившегося патриота: «...Когда ты получишь это письмо, Москва будет уже обращена в пепел; прости меня за то, что вознамерился поступить как римлянин, но ежели мы не сожжем, то разграбим город. Наполеон сделает это впоследствии, и я не хочу представить ему сей триумф...»

Планы французского императора были именно таковы. Накануне вступления в Москву он излучал уверенность: «Квартиры нам обеспечены. Мы покажем миру удивительный спектакль мирно зимующей армии среди вражеских

народов, окружающих ее со всех сторон. Французская армия в Москве – это корабль, находящийся среди льдов. …Но с возвращением хорошего времени года мы возобновим войну. Впрочем, Александр не допустит, чтобы мы должны были это делать, мы понимаем друг друга, и он подпишет мир».

Однако московский губернатор и ставившие на риск свои жизни чины городской полиции сделали все возможное и невозможное, чтобы эти планы не сбылись.

РЕЖИССЕРСКИЙ КОНФУЗ НАПОЛЕОНА

Свидетельства о непосредственной реакции французского императора на пожар оставили два высокопоставленных мемуариста, сопровождавших Наполеона в его московских злоключениях – это граф Ф. де-Сегюр и А. Коленкур.

Граф Ф. де-Сегюр, всю кампанию пробывший подле императора в должности генерала-адъютанта, приводит слова Бонапарта о пожаре: «Это предвещает нам большие несчастья!» По свидетельству императорского обер-шталмейстера А. Коленкура, Наполеон был весьма озабочен пожаром, но не хотел верить в злой умысел, полагая, что всему виной грабеж и беспорядки. В его присутствии был проведен допрос двух будочников, которые показали, что поджигали дома по приказу Ростопчина, переданному им начальниками. Коленкур приводит изложенный пленными будочниками сценарий патриотической диверсии, разработанный губернатором и полицией: заблаговременная маркировка зданий, подготовка их к поджогу, распределение конкретных исполнителей по кварталам небольшими группами. Сигнал к началу действий был дан низовым исполнителям неким унтер-офицером вечером 2 сентября и был повторен на следующее утро.

В этой связи стоит подробнее остановиться на упоминаемом в нескольких мемуарных источниках эпизоде с пленением и допросом в Кремле неизвестного русского полицейского офицера. По версии Коленкура, этот пленник был разыскан в городе по ходу поиска вожделенно чаемой Наполеоном депутации для официальной сдачи Москвы победителю. Еще при появлении первых дымовых столбов офицер «простодушно» предупредил знавшего русский язык императорского секретаря-переводчика и организатора разведки барона Лелорня о грядущем всеобщем пожаре, но на его слова до поры никто не обратил внимания, и пленника бросили на гауптвахту. Лишь на фоне запылавшей со всех концов столицы офицера допросили повторно и услышали подробности о ростопчинском плане. По словам пленного, накануне отъезда Ростопчина старшие полицейские начальники собирали исполнителей поджога в определенном месте на инструктаж. 2 сентября приказ о поджоге был передан по цепочке схемы оповещения: от офицеров к унтер-офицерам и рядовым исполнителям.

По сравнению с подчеркнуто объективистской, оформленной под сухой отчет, версией Коленкура, генерал-адъютант граф де-Сегюр в своих описаниях более драматичен, хотя вряд ли гарантированно достоверен: «Башня арсенала (в Кремле. – *А. Д.*) продолжала гореть. Там нашли русского полицейского. Наполеон велел допросить его в своем присутствии. Этот русский был поджигателем.

Он исполнил приказание по сигналу, данному его начальником… Император сделал жест презрения и досады, и несчастного поволокли на двор, где взбешенные гренадеры закололи его штыками».

По версии другого свидетеля, – события развивались несколько иначе. Русский военнопленный граф В. А. Перовский, оказавшийся в Кремле как раз во время пожара Троицкой башни близ Арсенала, стал очевидцем сцены: «Я увидел нескольких солдат, ведущих полицейского офицера в мундирном сюртуке… Штаб-офицер начал его допрашивать через переводчика: «Отчего горит Москва? Кто приказал зажечь город? Зачем увезены пожарные трубы?», на что он отвечал, что ничего не знает, а остался в Москве, потому, что не успел выехать. «Он ни в чем не хочет признаваться, – сказал допрашивающий, – но очень видно, что он все знает и остался здесь поджигать город. Отведите его и заприте вместе с другими». «Что с ним будет?» – спросил я у офицера… «Он будет наказан, как заслуживает: повешен или расстрелян с прочими, которые за ту же вину с ним заперты». Остается вопрос: идет ли речь об одном и том же человеке, участь которого была по-разному интерпретирована свидетелями, или в мемуарах представлены эпизоды с несколькими полицейскими офицерами?

«Площадь повешенных»

Французский эмигрант, театральный режиссер Арман Домерг, со слов своих близких, оставшихся в Москве, приводит трагические свидетельства: «Попы, будочники, агенты полиции, наконец, несколько дворян, надев накладные бороды, руководили шайками в их разрушительном действии. Смешиваясь с народом, благодаря своим костюмам, они сначала скрывались от мщения французов, но скоро, узнанные по походке и принужденным манерам, они и их гнусные подчиненные погибли почти все от рук наших разъяренных солдат. Последние кидались в огонь, резали и вешали без сострадания, и долго еще после пожара на изящных фонарях, украшавших Тверской бульвар, висели обезображенные трупы поджигателей».

Об этом же в своем дневнике от 15 сентября 1812 г. (на второй день оккупации столицы) пишет и итальянский офицер Цезарь Ложье: «Большинство арестованных оказываются агентами полиции, переодетыми казаками, преступниками, чиновниками и семинаристами. В назидание решают выставить их трупы, привязанные к столбам на перекрестках или к деревьям на бульварах…» Во многих французских мемуарах упоминается «площадь повешенных» близ дома губернатора.

Сержант Бургонь неоднократно со своим патрулем наталкивался на поджигателей с факелами, перебегавших от одного дома к другому, сам он не раз

оказывался под обстрелом городских партизан: «По крайней мере, две трети этих несчастных... были каторжники... остальные были мещане среднего класса и русские полицейские, которых было легко узнать по их мундирам».

В воспоминаниях итальянского гравера Ф. Вендрамини содержится рассказ о расстреле французскими солдатами схваченного у особняка князя Куракина поджигателя, который держал в руках полицейскую шапку и радостно кричал: «Как хорошо горит!»

Польский офицер Р. Солтык писал о том, что солдаты повсюду задерживали будочников и мужиков, поджигавших дома. Поляки сразу же расстреливали их, а остальные приводили к командирам.

8(20) сентября Наполеон писал русскому царю о 400 схваченных и казненных поджигателях, но расправы продолжались и дальше. По разным оценкам, оккупанты расстреляли от 500 до 1000 русских патриотов.

ПОЖАР МОСКВЫ. ПОСЛЕДСТВИЯ

Жертвенный подвиг полицейских властей и пожар Москвы имели целый комплекс тяжелых для неприятеля последствий. И самое тяжелое из них – стремительная деморализация оккупантов, ставшая причиной значительной потери боеспособности их войск.

Воспринимая русскую столицу как долгожданный приз за страдания и испытания похода, французы и их союзники еще до пожара приступили к грабежам, а огненная стихия окончательно уничтожила все препоны дисциплины и дала захватчикам своего рода индульгенцию на разнузданное хищничество – если ценности все равно погибнут в огне, почему бы их не присвоить? Трудно сказать, был ли заранее просчитан такой исход русскими инициаторами поджога, но деморализующий эффект московского пожара оказался сокрушительно мощным для неприятеля. В экстазе грабежа французы способствовали сожжению Москвы не меньше, чем поджигатели-патриоты. Изначальная версия нашей пропаганды о злонамеренном сожжении столицы оккупантами оказалась психологически эффективной, стойкой и долговечной благодаря реальным свидетельствам о французском вандализме. Главным аргументом, подтверждающим эту версию, стал мстительный приказ Наполеона о взрыве Кремля. Спутник Бонапарта А. Коленкур приводит эпизод, в котором император предстает как осознающий свои действия поджигатель. Вскоре после боя за Малоярославец император выместил свою ярость на попавшемся на пути помещичьем доме: «Император, нервное раздражение которого не утихало, приказал двум гвардейским эскадронам обыскать и поджечь этот дом». При этом обозленный корсиканец весьма безыскусно пояснил свой мотив: «Так как господа варвары считают полезным сжигать свои города, то надо им помочь».

Немецкий офицер наполеоновской армии Вильгельм Антон Фоссен живописал в своих мемуарах впечатляющие картины морального разложения оккупантов: «Проходя мимо погребов можно было видеть там пьяных солдат, которые с бутылками в руках кричали проходящим: «Сюда, товарищ!» Зачастую можно было видеть как верхняя часть домов, подгорев, обрушивалась над погребами, полными пьяных солдат, пьющих за здоровье проходящих мимо товарищей. Таким образом погибли целые тысячи людей».

Русский очевидец отмечал: «Касательно грабежа, утончение французов в сем роде достигло высокой степени. Не осталось такой пытки, которой бы они не употребили, чтобы допросить, где чье имение зарыто и запрятано… Ежели приносили в гробе мертвое тело для погребения, то останавливали и осматривали оное; даже самые могилы разрывали в чаянии найти сокровища».

Француз-москвич купец Изарн и глава московской католической общины аббат Сюрюг оставили нелицеприятные воспоминания о бесчинствах своих бывших соотечественников. По их словам, солдаты различных корпусов наполеоновской армии дрались до резни между собой за добычу, тем более они были беспощадны к русским горожанам: «Те, которых пощадил огонь, не избежали грабежа… многие сожалели, что не погибли в огне со всем своим имуществом… Хлебные лавки были разграблены, вино и водка наполняли погреба до того, что несколько солдат в них утонули… Но всего ужаснее, что офицеры, так же как и солдаты, ходили из дома в дом и грабили. Даже генералы, под предлогом реквизиции, брали повсюду то, что им нравилось, или меняли квартиры с тем, чтобы грабить новые жилища. Переодевание во все возможные одежды давало повод солдатам грабить даже своих офицеров, которых они как будто бы не узнавали в новых одеждах».

Падение дисциплины принимало подчас гротескные формы и коснулось даже гвардии. Любопытна выдержка из Приказа по гвардейской дивизии Кюриаля от 23 сентября 1812 г. (Кремль): «Гофмаршал двора (Наполеона) оживленно возмущался тем, что, несмотря на повторные запреты, солдаты продолжают справлять свою нужду во всех углах и даже под окнами Императора».

Граф Ф. де-Сегюр описывает распространенную практику гужевого использования москвичей для нужд французских мародеров: «Запах, издаваемый этим поверженным колоссом (Москвой), сожженным и обуглившимся, был очень неприятен. Предместья были заполнены русскими, мужчинами и женщинами в полуобгоревшей одежде… Между лагерями и городом постоянно встречались толпы солдат, тащивших добычу или гнавших перед собой, точно вьючных животных, мужиков, нагруженных добром, награбленным в их же столице».

Сержант Бургонь описывает, как трое поджигателей, вооруженных пикой, саблей и факелом, вступили в схватку с французским отрядом – двое были убиты, а третий был «впряжен вместе с другими, схваченными на улице русскими, в повозку», нагруженную награбленным добром и продовольствием. Когда отряд был стеснен сходящимися стенами пожара, французы ударами сабель погнали «упряжь» впереди себя, но на середине улицы повозка с впряженными пленными была погребена под рухнувшими стенами: «вмиг все было уничтожено, не исключая и возниц: мы не пробовали даже и разыскивать их, но очень сожалели о своих запасах, в особенности о яйцах».

На фоне этих эпизодов несколько неуместными воспринимаются претензии по поводу низкой цивилизованности «русских варваров», содержащиеся в письме главного хирурга Великой Армии Ж. Д. Ларрея супруге: «Мы

надеялись после ужасной битвы 7 сентября (имеется в виду Бородино. – *А. Д.*), во время которой погибло более 30000 русских, что эта нация попросит мира, но она упорно предпочитает, чтобы ее убивали, или же скрывается в лесах вместе с медведями… Впрочем, существует большое сходство, физическое и моральное, между этими людьми и дикими зверями; поэтому почти все вельможи имеют несколько приученных зверей; они едят и спят вместе. Суди о приятном обществе! О, этот отвратительный народ, как мне не терпится скорее расстаться с ним».

Герой войны, доблестный партизан и офицер обсервационного корпуса, блокировавшего Москву с северо-запада, полковник А. Х. Бенкендорф в числе первых вошел в оставленную врагом столицу. Его потрясли картины кощунственных осквернений московских святынь, особенно Успенского Собора в Кремле: «Я убедился, что состояние, в котором он находился, необходимо было скрыть от взоров народа. Мощи святых были изуродованы, их гробницы наполнены нечистотами, украшения с гробниц сорваны. Образа перепачканы и расколоты… Все, что могло возбудить алчность солдата, было взято, алтарь был опрокинут, бочки вина были вылиты на церковный пол, а людские и конские трупы наполняли смрадом своды, которые предназначены были принимать ладан. Я поспешил наложить печать на дверь и поставить ко входу сильный караул». Полковник опасался, что лицезрение вышеописанной картины толпившимся снаружи русским простонародьем приведет к массовому линчеванию оставшихся в Москве тысяч французских раненных и пленных. В предыдущий раз Бенкендорф был в Успенском Соборе на коронации Александра I, – тогда храм блистал внутренним убранством и был наполнен первыми сановниками империи. Неужели Наполеон ждал от русского царя согласия на мир, допустив осквернение собора, где тот короновался?

«ОСТЕРВЕНЕНИЕ НАРОДА»

Еще одно следствие жертвенного подвига полицейских властей Москвы – мстительное ожесточение русских войск и необратимо разгоревшаяся партизанская война. Пожар Москвы стал переломным морально-психологическим рубежом войны, которая окончательно приобрела характер национальный и религиозный. Легендарное воспетое А. С. Пушкиным «остервенение народа» против захватчиков имело своим истоком чувство оскорбленной чести и желание беспощадно мстить за осквернённую древнюю столицу, за хищничества и зверства оккупантов. Сохранилось много свидетельств о восприятии московского пожара отступающей русской армией. Граничащее с отчаянием уныние сменилось жаждой мести. Полковник А. Ф. Мишо, направленный М. И. Кутузовым к Александру I с тяжелым известием о сдаче и сожжении Москвы, вспоминал диалог с русским Царем, состоявшийся 8(20) сентября 1812 г. На вопрос государя: «В каком настроении оставили Вы армию, когда она узнала, что моя древняя столица оставлена без выстрела? Не заметили ли Вы в солдатах упадка мужества?» – посланник Кутузова ответил, что «оставил армию от главнокомандующего до последнего солдата в неописуемом страхе». На встревоженную реплику царя: «Неужели мои русские сокрушены несчастьем?» – полковник ответил: «О нет, государь, они только боятся, чтобы Ваше Величество…не заключили мира». Государь просил полковника заверить войска, что он будет сражаться до конца и лучше отступит до Сибири, «чем подпишет стыд своего отечества». После московского пожара ожесточение царя, армии и народа делало заведомо безнадежными упования Наполеона на почетный мир. Это признавали и сами французы.

В масштабах партизанского истребления захватчиков москвичи и окрестные крестьяне оказались достойными соперниками испанских герильясов. Оккупантов уничтожали всеми способами и подручными средствами: резали кровельным железом на пепелищах, душили, кололи, сбрасывали в колодцы, топили в прудах. Москвич, очевидец событий, писал о городской партизанской борьбе с захватчиками: «Когда город был превращен в пепел пожаром и, следовательно, по утушении не освещен фонарями, то в осенние глубокие и темные ночи жители Москвы убивали французов великое множество… Французов убивали наши по ночам, а днем либо прятались в подземелья, либо были убиваемы в свою очередь французами». Московский почт-директор Д. П. Рунич вспоминал о городских партизанах: «Как только им попадался в руки кто-либо, принадлежащий к французской армии, смерть его была неминуема; его убивали, и труп, иногда еще трепещущий, бросали в колодезь или в отхожее место. Даже женщины … встретив

по дороге пьяного спящего солдата, тащили его до ближайшей помойной ямы и сбрасывали туда головою вниз. Множество колодцев, помойных ям и отхожих мест были наполнены неприятельскими трупами».

Пятинедельное пребывание оккупантов в Москве превратилось в растянувшееся по времени второе Бородино, равноценное первому по потерям. По свидетельству П. И. Вороненко, лично руководившего санитарной очисткой города после освобождения, Москва оказалась кладбищем для 30 тыс. французов и их союзников – сгоревших, умерших от ран и болезней, убитых городскими мстителями.

В «Записке» П. И. Вороненко лаконично описываются будни полицейских-разведчиков в сожженной столице. Ростопчин откомандировал шестерых квартальных надзирателей – Вороненко, Ровинского, Мерешковского, Иваницкого, Пожарского и Щербу – на Санкт-Петербургский тракт в распоряжение командира обсервационного корпуса графа Ф. Ф. Вицегероде. Из села Чашниково, где располагался штаб корпуса, переодетые разведчики проникали тайно в Москву, расходясь по разным направлениям: «Здесь было обязанностью нашею разведывать о силе и движении неприятельских войск, о запасах продовольствия оных, о духе оставшихся в столице жителей». Помощником полицейских разведчиков стал генерал-майор И. А. Тутолмин, почетный опекун и директор Воспитательного дома, вынужденный остаться в Москве со своими 600 подопечными детьми, и, с согласия российских властей, контактировавший с администрацией оккупантов. Тутолмин выправил разведчикам в канцелярии наполеоновского гражданского губернатора Москвы Жана-Батиста Лессепса пропуски для перемещения по столице в качестве чиновников Воспитательного дома. По этим документам П. И. Вороненко курсировал с донесениями к начальникам обсервационного корпуса Винценгероде, Бенкендорфу и Иловайскому.

Отважный квартальный надзиратель описывает попутно увиденные картины истребления французов – на Арбатской площади крестьяне уничтожили неполный вооруженный взвод оккупантов – 16 человек. Именно от полицейских-разведчиков вечером 9(22) октября 1812 г. русская армия узнала о выходе основных войск неприятеля из Москвы и о приказе Наполеона отряду маршала Мортье взорвать Кремль. Эта новость заставила графа Винценгероде предпринять спешные и, как оказалось, необдуманные действия. Очевидец событий князь А. А. Шаховской пишет о том, что командир обсервационного корпуса, в состоянии некоего аффекта, сопровождаемый лишь адъютантом, помчался к французским аванпостам в качестве парламентера, желая передать Мортье категорическую угрозу повесить всех своих многочисленных французских пленных, если Кремль

вздумают взорвать. П. И. Вороненко, по всей видимости, ставший проводником для графа в этой отчаянной миссии, пишет: «К нещастью, я видел и то, как 10-го октября вероломные в противность парламентерных прав взяли генерала Винценгероде и адъютанта его Нарышкина в плен». Вечером этого же дня Бенкендорф и Иловайский узнали о пленении своего командира и приготовились к утреннему броску на Москву (впоследствии генерал Винценгероде, которому Наполеон лично грозил расстрелом как гражданину подчиненного Франции Рейнского союза, а стало быть «изменнику», был освобожден отрядом казаков). Но около 2 часов ночи со стороны Кремля раздался большой силы взрыв. Бенкендорф и Иловайский спешно повели на Москву Изюмский гусарский и лейб-казачий полки – этот маневр уберег столицу от новых разрушений. Чиновник Андрей Карфачевский, остававшийся в Москве при французах, писал, вспоминая утро 11 (24) октября 1812 г.: «Со светом дня мы увидели русских казаков в Кремле, кои успели изловить оставленных для зажигания и подрывов, французами учиненных, и, принудив их загасить многие фитили в бочках с порохом, спасли от разрушения соборы, монастыри, Спасскую башню, оружейную палату, колокольню Ивана Великого».

А. Х. Бенкендорф в течение нескольких дней фактически исполнял обязанности московского полицеймейстера, а вернувшиеся к исполнению своих прежних обязанностей полицейские-разведчики стали его действенными помощниками. 11 октября П. И. Вороненко получил от Бенкендорфа в подчинение 22 бойца из числа изюмских гусар и каргопольских драгун и занялся управлением и очищением пяти городских частей: Сретенской, Мясницкой, Яузской, Рогожской и Таганской. Объем работы по очистке города от трупов и павших лошадей был огромен. Крестьяне из подмосковных деревень, явившиеся в огромной массе на телегах поживиться на пепелище, были распоряжением властей «убережены от греха» и вместо чаемой мародерской добычи принуждены на своих телегах вывозить в поля и сжигать тысячи конских и человеческих останков. Полиции приходилось оперативно решать споры о принадлежности обывательского имущества. Были арестованы те, кто запятнали себя сотрудничеством с оккупантами. Вернувшиеся из Владимира, где московская полиция находилась в эвакуации, обер-полицеймейстер П. А. Ивашкин и Ф. В. Ростопчин одобрили действия П. И. Вороненко и мужественный квартальный надзиратель был повышен в должности до следственного пристава.

«ПРЕДЕЛ НАПАДЕНИЯ, НАЧАЛО БЕГСТВА И ГИБЕЛИ ВРАГОВ...»

Вышедшая из Москвы армия завоевателей устремилась в прорыв к южным, не разграбленным губерниям России, но в битве за Малоярославец была отброшена в гибельный промерзший желоб разоренной Смоленской дороги. К столетию сражения краевед и патриот своего города Н. Кременский издал небольшой очерк «Знаменитейший день 1812 г. Бой при Малоярославце», в котором он описал подвиг полицейских чиновников, на сутки задержавших авангард противника до подхода русских войск.

Городничий Петр Иванович Быковский с горсткой храбрецов 10 октября 1812 г. при виде приближающегося по Боровской дороге неприятеля поджег мост через реку Лужу на подходе к городу. Французы принялись наводить понтонные мосты. Тем временем полицейский чиновник Савва Иванович Беляев с несколькими смельчаками «распрудил стоявшую выше по течению реки мельницу». Вражеские понтоны смыло волной, река вышла из берегов, и французы вынуждены были ожидать спада воды до вечера 11 октября. И в русских, и во французских мемуарах подтверждается факт уничтожения моста через реку Лужу горожанами во главе с городничим. Исправлять мост французам пришлось уже под огнем подоспевшей русской батареи.

Савва Иванович Беляев (1789–1857) стал героем-легендой Малоярославца, где ему поставлен памятник. В 1812 г. он служил в полиции повытчиком (секретарем) малоярославецкого нижнего земского суда, был смотрителем войсковых кордонов и участвовал в сопровождении армейских транспортов с продовольствием. После Малоярославецкого сражения в собственном доме за свой счет содержал раненых русских воинов. За проявленный патриотизм награжден бронзовой медалью «1812 год».

Много позже этих событий император Николай I утвердит текст мемориальной доски, преподнесенной в дар Малоярославцу: «Предел нападения, начало бегства и гибели врагов / Сражение при Малоярославце 12 октября 1812 года».

В мае 1813 г. Ф. В. Ростопчиным была создана «Комиссия для строения Москвы» с приданием ей пяти кирпичных заводов. К январю 1814 г. восстановлено и построено 4,8 тыс. домов (из 6,5 тыс. сгоревших). Под присмотром московской полиции на восстановлении города работали в том числе и пленные французы.

В июне 1814 г. в Москве прошли торжества в честь взятия Парижа русскими войсками и союзниками. Город-герой праздновал отмщение.

Наполеон на острове Святой Елены подвел итог: «В 1812 г., если бы русские не приняли решения сжечь Москву, решения неслыханного в истории, то взятие

этого города повлекло бы к успешному исполнению миссии в отношении России. Мир в Москве предопределил бы окончание моей военной экспедиции…»

Герой Отечественной войны и прославленный военачальник А. П. Ермолов емко определил моральное значение сожжения Москвы: «Напрасно многие ищут оправдаться в этом и слагают вину на неприятеля: не может быть преступления в том, что возвышает честь всего народа... За что отнимать у себя славу пожертвования столицею, когда справедливый неприятель у нас ее не похищает! Ни один народ из всех, в продолжение двадцати лет пред счастием Наполеона спрятавшихся, не явил подобного примера: судьба сберегла его для славы Россиян».

Среди россиян более, чем кто-либо иной достойных этой славы, следует вспомнить москвичей-патриотов, жертвовавших своим городом и своими жизнями, и московских полицейских – городских партизан, диверсантов и разведчиков, чьи имена сохранила история: Вороненко Прокофий Иванович, титулярный советник, следственный пристав, на службе в полиции с 1792 года; Щерба Михаил Михайлович, надворный советник, частный пристав Арбатской части; Равинский Егор Мартынович (род. 1775 г.), титулярный советник, с 1810 г. – квартальный надзиратель Пятницкой части; Мережковский Иван, титулярный советник, квартальный надзиратель Рогожской части; Иваницкий Иван Исакович, титулярный советник, квартальный надзиратель Арбатской части, в штате полиции с 1799 г.; Пожарский Федор Прохорович, квартальный надзиратель якиманской части, в штате полиции с 1809 г.; Яковлев Гавриил Яковлевич (ок. 1771–1831 гг.), следственный пристав, кавалер многих орденов, легенда московского сыска (на поприще сыщика вступил в 1803 г. и оставался им включительно до 1828 г.).

Французский генерал Франсуа Роге, один из героев наполеоновских войн, памятник которому по сию пору высится в его родной Тулузе, вспоминая свое пребывание на московском пепелище и сравнивая поведение самоотверженных русских патриотов с поведением парижан, испытавших ответный визит российской армии, не поскупился признать моральное превосходство доблестного противника: «У нас многие рассуждали, что в 1814 г. следовало бы в порыве ожесточения поступить с Парижем так, как поступили русские с Москвой в 1812 году, и рассуждали, каков был бы итог от поджога. Рассуждениями все и закончилось. Но кто и когда ограничивал средства, необходимые для спасения своего отечества?..»

Действия отважных полицейских стали прочным звеном в причинно-следственной цепи от ухода наполеоновских войск с московского пепелища к разгрому врага и изгнанию его за пределы России.

КОНЦЕПЦИЯ «ПРАВОСЛАВНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ» А. ТОЙНБИ И ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМНО-ЦЕЛОСТНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ У ОБУЧАЮЩИХСЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ МВД РОССИИ

Среди заданных свойств дипломированного представителя власти, покидающего стены специализированного учебного заведения, необходимо и непреложно присутствие просвещенного патриотизма, основанного на системно-целостном историческом мировоззрении, знании исторической специфики российской цивилизации и государственности, в том числе ее культурных и религиозных основ. Каковы же реальные возможности в решении этой задачи у вузовского курса «Отечественная история», преподаваемого в образовательных заведениях МВД России?

Анализ проблемы распадается на оценку: стартовой площадки – изначального уровня исторических знаний основной массы поступающих; образовательного и воспитательного потенциала самого учебного курса.

Практика чтения лекций на подготовительных курсах и приема вступительного экзамена по «Отечественной истории» свидетельствует о скромном уровне исторического образования в средней школе, причина тому – сокращение часов на изучение дисциплины и методологическая разноголосица в преподавании. Очень важен и внешкольный аспект проблемы – информационно-культурное пространство, окружающее современного старшеклассника и будущего первокурсника, насыщенно псевдоисторической мифологией и целенаправленным идеологическим фальсификатом на исторические темы.

В современном информационном поле в подспудной мутированной форме продолжается «холодная гражданская война» между тремя основными парадигмами массового исторического сознания: либеральным западничеством, марксистским историческим материализмом и ностальгическим консерватизмом монархического толка. Ни одна из этих мировоззренческих матриц не может претендовать на системную целостность в анализе российского исторического процесса. С сильным количественным перевесом преобладает либерально-западнический исторический дискурс. В российском информационном поле постоянно воспроизводится завещанная европейским Просвещением следующая схема противопоставления цивилизации варварству:

1) политический, экономический, культурный западный образец (преимущественно в виде умозрительного, «опоэтизированного» информационного

фантома) накладывается на российскую реальность (преимущественно в виде «свинцовых мерзостей русской жизни»);

2) все, что выходит за контуры эталона, интерпретируется не в позитивном (как черты самобытности), а в негативном ключе (как симптомы варварства и отсталости). Православие оценивается преимущественно как ошибочный цивилизационный выбор в сравнении с «эталонной» протестантской этикой.

В этой системе координат основной массив российской истории, связанный с самодержавным и советским авторитаризмом, воспринимается как антизападная патология, отступление от нормы.

В рамках марксистского исторического материализма, на котором базировалось советское просвещение, российское прошлое делится на две контрастирующие неравноценные части: сумма преимущественно негативных смыслов, связанных с «царизмом, крепостничеством, церковным мракобесием, вековой отсталостью и капиталистической эксплуатацией», противопоставляется достижениям советского периода.

Консервативно-монархическая историческая ностальгия по «России, которую мы потеряли», включает в себя неприятие «антинационального, кровавого и безбожного большевизма». Отрицается преемственность традиций централизации власти между царско-имперским и советским периодами российской истории.

В рамках этой «холодной войны» смыслов и ценностей возможны «странные сближения» и блоки. Либерально-западнический и консервативно-монархический дискурсы находят общую почву в антисоветизме. Доктрина исторического материализма сходится с либеральной парадигмой в критике «самодержавного деспотизма». Распадается связь времен, российская история в глазах подростка становится чередой катастроф и расколов. В этом хаосе оценок и суждений старшеклассник оказывается обреченным на историческую мировоззренческую аномию.

Каковы возможности учебного курса «Отечественная история» в формировании целостного исторического мировоззрения, способного стать базисом для уверенного патриотического самосознания, воспринимающего историю Отечества как целокупную ценность?

Целесообразно и эффективно использовать для этой цели методологические возможности цивилизационного подхода к постижению истории.

Наиболее четкой формулой цивилизационного подхода (в его локальном аспекте) является схема, предложенная английским историком и историософом А. Тойнби: «вызов-и-ответ». Локальные цивилизации, по А. Тойнби, это общности людей, объединенных по признакам культуры и религии. Понятие

цивилизации шире национального государства, но, как правило, цивилизации реализуют себя через историческое бытование «центральных» государств, играющих роль цивилизационного ядра. А. Тойнби выделял во всемирной истории 21 локальную цивилизацию, многие из которых стали реликтовыми, не найдя ответов на вызовы среды. К XX в. сохранились пять живых цивилизаций: западная, православная, исламская, дальневосточная и индуистская.

В данном контексте цивилизационный вызов – это инерционные негативные факторы, составляющие фон развития или резкие изменения окружающей среды. Конкретные примеры «вызовов», известные из истории, связаны с иссушением или заболачиванием почв, наступлением враждебных племен, вынужденным изменением места жительства. Согласно А. Тойнби, цивилизации, как правило, возникают в качестве своеобразных «ответов» человеческих сообществ на «вызовы» со стороны окружающей среды – соседних сообществ и природы. «Вызов побуждает к росту, – писал А. Тойнби, – ответом на вызов общество решает вставшую перед ним задачу, чем переводит себя в более высокое и более совершенное с точки зрения усложнения структуры состояние» [4, с. 120].

Согласно закону «золотой середины» А. Тойнби, вызов не должен быть ни слишком слабым, ни слишком суровым. В первом случае не последует активного ответа, а во втором – непреодолимые трудности могут в корне пресечь зарождение цивилизации. По Тойнби, культуры, живущие в комфортных условиях, не получающие «вызова» со стороны Среды, пребывают в состоянии стагнации. Только там, где возникают трудности, где ум людей возбуждается в поисках выхода и новых форм выживания, создаются условия для рождения цивилизации более высокого уровня. Тойнби выделял основные типы вызова: вызов суровой природы, вызов ударов, вызов давления, вызов ущемления. Все они в предельной концентрации обрушиваются на Россию. А. Тойнби именовал российскую православную цивилизацию форпостом, находящимся под непрерывным внешним давлением.

В разработку цивилизационного подхода весомый вклад внесли наши соотечественники – предшественники А. Тойнби: крупнейший русский историк-государственник С. М. Соловьев, поздний славянофил Н. Я. Данилевский (автор одного из самых гениальных русских политических текстов – книги «Россия и Европа», 1869 г.) и яркий представитель «евразийства» П. Н. Савицкий, разработавший емкий цивилизационный термин «месторазвитие» (1926 г.).

Постоянно действующим фоном российской истории выступает суровая природно-климатическая характеристика нашего «месторазвития». Преобладание континентального климата с его резкими перепадами зимних и летних температур, с продолжительным зимним сезоном и коротким жарким летом превращает Россию в зону рискованного земледелия. В своем фундаментальном, рубежном

для российской исторической науки труде «Великорусский пахарь и особенности российского процесса» (1998 г.) академик Л. В. Милов (МГУ) эшелонировано аргументирует вывод: российская цивилизация – цивилизация с низким совокупным прибавочным продуктом. Российский народ был обречен на спартанское существование [2, с. 532]. Еще один суровый вызов – постоянная военная опасность. Основатель геополитической науки Халфорд Маккиндер в своем классическом тексте «Географическая ось истории» (1904 г.) утверждал, что Россия располагается в сердцевине (Хартленде) Евразии, там, где пересекаются непримиримые межцивилизационные противоречия между Востоком и Западом, между Северо-Западом и Югом: кто контролирует сердце мира (Хартленд), тот контролирует мир [3]. Тот, кто претендует командовать миром, неизбежно будет атаковать Хартленд. Россия, по мнению Маккиндера, в силу своего геополитического расположения обречена на постоянные интенсивные войны. Генерал Н. Н. Сухотин, начальник Николаевской академии Генерального штаба, в своем аргументированном труде «Война в истории Русского мира» (1900 г.) провел исчисление пропорционального соотношения исторического времени России к продолжительности войн: «С XIV в., с которого можно считать начало возрождения русского государства, и до наших дней в течение 525 лет (1368–1893) Россия провела в войнах 353 г., т. е. две трети всей жизни». По мнению генерала, лишь сильная монархическая власть была «палладиумом» России, обеспечивая ее выживание и развитие.

Православие в данных исторических условиях становится идеологией терпения, постоянной мобилизации и выживания, дополнительно цементирующей государственную прочность. Это отчетливо ощущается в обращенном к пастве призыве крупнейшего православного религиозного мыслителя XIX в. митрополита Московского Филарета (Дроздова): «Люби врагов своих личных, гнушайся врагами Божьими, сокрушай врагов Отечества».

Монархические идеологи начала XX в. (Л. А. Тихомиров, Д. А. Хомяков и др.) видели в православии, во-первых, «единственно истинный» святоотеческий церковно-догматический канон; во-вторых, бытовую веру, основу миросозерцания и духовно-психологического склада русского народа; в-третьих, систему социального просвещения, учение о «повиновении беспрекословном гражданской, богодарованной власти» [1, с. 111]. Православие воспринимается как арматурная идеологическая решетка российской государственности, фундамент оборонного сознания.

Цивилизационные вызовы, атакующие Россию, можно свести к нескольким основным:

– геополитическая предопределенность постоянной военной опасности, интенсивные войны;

– обширные, большей частью «неэффективные» пространства;

– суровая природно-климатическая среда, порождающая огромные энергетические и транспортные издержки любого материального производства:

– зона рискованного земледелия и преимущественно низкая урожайность;

– отсутствие возможностей широкой и прибыльной морской торговли и масштабного выкачивания ресурсов из колоний;

– низкий совокупный прибавочный продукт как результат всего вышеперечисленного.

Эта комбинация вызовов уникальна – такого сочетания нет ни в одной другой цивилизации. Следовательно, предопределенно уникальным будет и комплекс ответов:

– сильная централизованная власть, способная мобилизовать все ресурсы на обеспечение государственного выживания и конкурентоспособности через изъятие скудного прибавочного продукта и сверхэксплуатацию собственного населения как колонии;

– огромное значение государственной религии в качестве централизующей идеологии;

– поддержание параметров военной мощи на уровне оборонной достаточности;

– государственное регулирование основных экономических процессов, сужение пространства рыночной саморегуляции, скованность частной хозяйственной инициативы.

Система вызовов при этом перманентно воспроизводится, что предопределяет и воспроизведение комплекса ответов. Исследование исторической эволюции Российского государства в течение последних 500 лет показывает определенное сходство политических характеристик трех различных форм российской государственности – Московского государства (XV–XVII вв.), Российской империи (XVIII – начало XX в.) и Советского Союза – при существенных различиях внешней формы. Сходство этих государственных образований определялось близостью политико-организационных принципов, на которых они были основаны: концентрация власти в едином центре и жестко централизованная система управления.

Неблагоприятные вызовы эволюции российской государственности требовали концентрации ресурсов развития в едином центре и централизованного их распределения по ключевым направлениям в условиях жесткой мобилизации и дефицита исторического времени. Наиболее ярко формулу вынужденной ускоренной модернизации (постоянно воспроизводящуюся в русской истории)

представил И. В. Сталин в выступлении на Первом съезде ударников социалистического труда в феврале 1931 г.: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние за 10 лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут» [5]. Схожие задачи ставил перед страной и Петр I в годы Северной войны. Великая Отечественная война заставила мобилизовать все духовные смыслы российской цивилизации: платформа советского патриотизма была укреплена частичной реабилитацией православия, символом этого процесса стало восстановление патриаршества в 1943 г.

Можно сделать вывод о том, что великокняжеская и царская власть в московский период, царско-имперская власть в XVIII – начале XX в. и советский авторитаризм – это разные исторические формы одного и того же объективно необходимого ответа на неизменные цивилизационные вызовы – холод, пространство, военную угрозу. Российская централизованная волевая власть – это отнюдь не патологическое отступление от западной либеральной «нормы», а естественно-историческое производное от российской цивилизационной почвы.

Изучение отечественной истории через призму цивилизационных вызовов и ответов способно восстановить в сознании курсантов, слушателей и студентов представление о целостности и непрерывности российского исторического процесса, нейтрализовать «холодную гражданскую войну» ценностей и смыслов, сформировать уважительное отношение к эффективности российской цивилизации, к ее историческому опыту если не процветания, то стойкого и мужественного выживания в сверхнеблагоприятных условиях.

Список литературы

1. Заря. – М., 1902. – С. 111.

2. Милов, Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского процесса / Л. В. Милов. – М., 2006. – С. 532.

3. Мороз, С. Русечер. Россия: взгляд со стороны Запада / С. Мороз. – СПб., 2005. – С. 21–22.

4. Тойнби, А. Постижение истории / А Тойнби. – М., 1991. – С. 120.

5. Филиппов, А. В. Новейшая история России, 1945–2006 гг. : книга для учителя / А. В. Филиппов. – М., 2007.

РАЗДЕЛ II
СТАТЬИ УЧАСТНИКОВ КОНФЕРЕНЦИИ

Артамонов Ю. А.[1]***,***
начальник кафедры
истории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат исторических наук, доцент

СЛУЖИТЬ НАРОДУ В ЧЕЛОВЕЧЕСТВЕ И ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ В НАРОДЕ: ЖИЗНЬ И НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ АРТЕМА ВИКТОРОВИЧА ДАВИДЕНКО[2]

«Природа – мать! Когда б таких людей,
Ты иногда не посылала миру,
Заглохла б нива жизни…»
Н. Некрасов

Артем Викторович Давиденко родился 26 декабря 1971 г. в Иркутске, в семье, где удивительным образом сочетались лучшие традиции русского офицерства и педагогической мысли.

Его отец – Виктор Григорьевич Давиденко – окончил Ленинградское военно-политическое училище МВД СССР (ныне – Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии России) и более 40 лет прослужил во внутренних войсках. Начинал службу в городе Ангарск, а продолжал в Иркутске, Хабаровске, Москве. Более 14 лет Виктор Григорьевич проработал начальником кадрового аппарата Восточного округа внутренних войск МВД. Ушел в отставку в звании полковника. По стопам отца пошел старший брат Артема – Андрей Викторович Давиденко, который закончил Орджоникидзевское высшее военное командное краснознаменное училище МВД СССР имени С. М. Кирова, а затем Военную академию имени М.В. Фрунзе. Проходил службу во внутренних войсках МВД СССР (РФ) на командных и административно-штабных должностях, в органах внутренних дел – на должностях оперуполномоченного и старшего оперуполномоченного по особо важным делам. Закончил службу в звании полковника милиции. Мать – Нина Владимировна Давиденко – после окончания

[1] © Артамонов Ю. А., 2021.

[2] Автор выражает искреннюю благодарность, Владимиру Викторовичу Синиченко и Елене Владимировне Мельник за помощь в подготовке настоящей статьи.

педагогического училища 5 лет работала учителем начальных классов. После переезда семьи в Ангарск устроилась в дошкольное воспитательное учреждение. Со временем получила высшее педагогическое образование по специальности «преподаватель психологии и педагогики». Посвятила работе в дошкольных учреждениях почти 40 лет жизни. Педагог по профессии и призванию, Нина Владимировна уделяла большое внимание воспитанию сыновей. Впоследствии, отдавая должное материнской заботе и вниманию, Артем Викторович нежно называл ее «моя матушка».

Родителям удалось привить сыну любовь к книге: с пяти лет чтение стало для Артема любимым занятием. В студенческие годы на приобретение литературы он тратил почти всю свою стипендию и небольшие гонорары за газетные статьи. Всякая свободная минута дома, в транспорте, в перерывах между лекциями и семинарами отдавалась книге. По словам родных, Артем Викторович мог одновременно читать 3–4 произведения, одинаково вдумчиво вникая в содержание каждого. За годы жизни им была собрана библиотека из более 10 тысяч томов.

Книга для него всегда была лучшим подарком. Он не пропускал ни одной книжной ярмарки, был завсегдатаем книжных магазинов и сайтов. Даже в последние недели жизни старался следить за выходом в свет новых изданий. Артем Викторович не только покупал книги, но и охотно дарил их коллегам, друзьям. Припоминаю, как в день моего рождения перед началом занятий я получил от него «Словарь историка» с дружеским напутствием: «От всей души поздравляю! Надеюсь, Вам это пригодится». Таким же внимательным он оставался до своей кончины.

Интерес к истории у Артема возник еще в начальной школе. Как и у большинства мальчишек того времени, он складывался благодаря историческим романам, кинофильмам и играм, где действующими лицами были небольшие модели солдат, кораблей и другой военной техники. Что касается пехоты и кавалерии, то они до мельчайших деталей амуниции вылепливались из пластилина. Местом проведения морских баталий, по словам Виктора Григорьевича, была ванная, вода в которой для большей убедительности подкрашивалась синей краской. Любовь к морю и флоту Артем Викторович пронес через всю свою жизнь.

Уже в 1 классе состоялось его знакомство с героями романов А. Дюма «Три мушкетера» и Р. Стивенсона «Остров сокровищ». Впоследствии Артем Викторович с присущей ему иронией скажет: «Самый ранний приступ библиоголизма приключился в дошкольном возрасте. А когда в первом классе взял в руки «Остров сокровищ» и «Три мушкетера», он зашел в необратимую стадию» [2, с. 11].

Круг чтения постепенно расширялся за счет произведений А. Конан Дойла, М. Твена, Ф. Купера, М. Рида, Л. Ламура, С. Форестера. В пятом классе пришло увлечение историей Древнего мира, а дальше – больше…

Аттестат о среднем образовании говорит, что Артем имел склонность к изучению предметов гуманитарного профиля. Оценкой «хорошо» отмечены «алгебра», «геометрия», «основы информатики и вычислительной техники», «физика» и «химия», по остальным дисциплинам выставлен высший балл – «отлично». Как один из лучших выпускников 1989 г., он был удостоен Похвальной грамоты «за особые успехи в изучении предметов гуманитарного цикла, примерное поведение, прилежание к учению и общественно полезному труду».

Уже в этот период жизни Артема Викторовича отличала глубокая порядочность. «Он никогда не врал», – вспоминала Нина Владимировна. Здесь важную роль сыграл пример отца. Виктора Григорьевича уже в первые годы службы в войсках называли «честь и совесть дивизии». Руководство московской средней школы № 199, в которой Артем учился с 1982 по 1987 г., даже сочло нужным отметить родителей Почетной грамотой за воспитание у сына «честности, справедливости и доброты». Поэтому неудивительно, что, став в апреле 1986 г. членом ВЛКСМ, он без какой-либо протекции был выбран ребятами комсоргом класса, а затем вошел в состав комитета комсомола школы. Среди учащихся и преподавателей школы юноша пользовался безусловным уважением. Кто-то из одноклассников-комсомольцев однажды возмутился, почему летняя работа в колхозе осталась без оплаты. Требование денег за труд на благо общества со стороны члена Коммунистического союза молодежи по тем временам считалось предосудительным поступком. Заговорили об исключении «несознательного подростка» из организации. В этой ситуации Артем не только вступился за «опального», но и отстоял его право на комсомольский билет. Неизвестно, как сложилась бы судьба молодого человека, если бы не эта поддержка комсорга класса.

В качестве одного из лучших учеников школы Артем был удостоен чести нести вахту памяти у мемориального комплекса на площади Славы в Хабаровске. Этим правом он очень дорожил и гордился. Поэтому, когда по распоряжению администрации школы его привлекли к участию в краевой конференции «Школа будущего», он искренне переживал, что это не позволит ему стоять в почетном карауле у Вечного огня.

Осенью 1989 г. Артем на «отлично» сдал вступительные испытания и был принят на исторический факультет Иркутского государственного университета. По оценкам преподавателей, его группа была одной из самых сильных

в вузе: почти 50 % всех обучающихся составляли отличники, между которыми существовала здоровая конкуренция, положительно влиявшая на общую успеваемость.

В июне 1994 г. Артем Викторович окончил Университет с красным дипломом. Приглашение в аспирантуру, которое поступило еще на 4 курсе, не было принято: дома в Хабаровске ждала жена Елена и недавно появившаяся на свет дочь Нина. Чтобы содержать семью, необходимо было работать. Аспирант-очник в те времена получал мизерную стипендию, да и ту платили нерегулярно. Вероятно, по этой причине выбор места работы пал на Хабаровскую высшую школу милиции (с 1998 г. – Дальневосточный юридический институт МВД России), куда Артем Викторович был принят на должность инспектора отделения по работе с личным составом отдела кадров. Приказом министра внутренних дел от 1 декабря 1994 г. (№ 989 л/с) ему было присвоено специальное звание лейтенанта милиции.

В стенах школы милиции молодой сотрудник получил заочно второе высшее образование по специальности «Юриспруденция». Открывалась возможность для преподавательской деятельности, о которой Артем Викторович, судя по всему, не прекращал думать. Об этом говорит его рапорт на имя начальника школы генерал-майора В. Г. Кутушева от 25 марта 1997 г., в котором содержится просьба разрешить поступление в заочную аспирантуру Хабаровского государственного педагогического университета «в связи с предстоящим переводом… на преподавательскую работу». С этого времени вплоть до августа 1999 г. Артем Викторович не только выполнял обязанности по должности инспектора, но и безвозмездно осуществлял преподавательскую деятельность: систематически проводил занятия с курсантами по истории и профессиональной этике; читал лекции на подготовительных курсах, участвовал в приеме вступительных экзаменов, разрабатывал учебно-методические материалы по истории. Весной 1998 г. руководство Московской специальной средней школы милиции МВД Российской Федерации ходатайствовало перед начальником Хабаровской школы о его переводе в Москву «для дальнейшего прохождения службы», но получило отказ. Возможно, речь шла о преподавательской работе в столице. Не исключено, что этот случай помог ускорить оформление инспектора отделения по работе с личным составом на должность преподавателя. По крайней мере, новый 1999–2000 учебный год капитан милиции А. В. Давиденко встретил уже в качестве сотрудника кафедры общественных дисциплин (позже – гуманитарных и социально-экономических дисциплин).

Формирование Артема Викторовича как педагога и исследователя пришлось на очень непростой период нашей истории – время крушения Советского

Союза, либеральных экспериментов новой российской власти, приведших к ослаблению роли государства, потери исторической Россией статуса великой державы, кризиса этики, утраты нравственных ориентиров, падения значения традиционных для нашего общества ценностей, среди которых определяющее место всегда занимали служение народу и патриотизм. Воспитанный на героических примерах прошлого и ярких образах русской классической литературы, начинающий историк-исследователь не мог остаться безучастным к судьбе страны, ее народа. Это предопределило его обращение к поиску духовных скреп устойчивого развития России, изучению правомонархического движения начала XX столетия и наконец сделало служение Отечеству главным смыслом его профессиональной деятельности.

В октябре 1997 г. Артем Викторович становится аспирантом кафедры политической истории России начала XX в. Хабаровского государственного педагогического университета. Здесь под руководством профессоров В. В. Романова и Н. И. Дубининой он работает над диссертацией «Эволюция правомонархических концепций политического устройства России, 1900–1917 гг.». Ее успешная защита состоялась 2001 г. Свои главные задачи автор видел в преодолении «инерции априорно негативного отношения» к политическому консерватизму в России и определении степени эффективности «православно-авторитарной политической модели» в условиях социальной напряженности и общественных конфликтов начала прошлого столетия. Обстоятельное изучение источников и историографии позволило диссертанту сделать целый ряд убедительных выводов и интересных наблюдений. К их числу можно отнести тезис о том, что развитие правомонархической идеологии на рубеже XIX–XX вв. явилось закономерной реакцией на попытки преодоления социально-политического кризиса путем либерализации и вестернизации российского общества. Отсюда следует «некоторая двойственность правомонархической идейной платформы», поэтому нужно говорить не столько о реакционности правомонархической идеологии, сколько о консервативном реформаторстве.

Артем Викторович справедливо отмечал, что русский либерализм не учитывал самобытности российской государственности, априорно воспринимая ее как банальную отсталость. Между тем форма правления, сложившаяся в России к началу XX в., была органической производной от исторических, геополитических, климатических, религиозных, этнических и других факторов развития общества. Весьма глубоким, а в свете современной ситуации в мире даже пророческим представляется следующее суждение автора: «Выработанные западным многовековым государственно-политическим опытом институты демократии в

чистом виде не способны укорениться в специфическую российскую политическую почву. Они обречены или запрограммированы на существенную мутацию, объективно неизбежное приведение в соответствие с самобытными российскими условиями, причем этот процесс будет идти в условиях конкуренции с традиционным авторитаризмом и неизбежно будет им детерминирован» [3, с. 254]. Основные положения исследования нашли отражения в монографических работах автора: «Правомонархические интерпретации абсолютизма (1900–1905)» (Хабаровск, 2005), «Правомонархические интерпретации думской монархии (октябрь 1905 – февраль 1907 г.)» (Хабаровск, 2006).

Серия последующих статей развивала и дополняла положения диссертации. В частности, была обоснована целесообразность использования концепции «православной цивилизации» А. Тойнби в ходе преподавания истории в высших учебных заведениях. По мнению автора, формирование у обучающихся системно-целостного исторического мировоззрения должно базироваться на знании специфики российской цивилизации и государственности, в том числе ее культурных и религиозных основ. Это позволит укоренить в сознании учащихся представление о целостности и непрерывности российского исторического процесса, воспитать уважительное отношение к прошлому своего Отечества.

Высокий профессионализм и добросовестное отношение к выполнению своих обязанностей способствовали продвижению по службе: в феврале 2003 г. Артем Викторович был назначен на должность доцента кафедры, а уже июне 2004 г. – заместителя начальника кафедры. Не остались без внимания и достижения на педагогическом поприще: 15 декабря 2004 г. решением Министерства образования Российской Федерации ему было присвоено ученое звание доцента по кафедре политической истории.

По воспоминаниям хабаровских коллег, содержание ежегодного авторского лектория «Что скажет история?» Артем Викторович дополнял материалами историко-краеведческого характера, которые были результатом его исследований по истории Дальневосточной земли. Он был замечательным экскурсоводом. Подготовленные им очерки по истории Хабаровска легли в основу экскурсионной программы для гостей города. История никогда не была для него сводом застывших истин, поэтому заседания научного кружка кафедры «Кругозор» он старался организовывать не в учебных аудиториях, а в стенах краеведческого, художественного и других музеев Хабаровска. Артема Викторовича всегда волновала проблема повышения научно-педагогического потенциала коллег: он никогда не держал при себе знания, щедро делился ими с другими, помогал начинающим преподавателям, был инициатором острых дискуссий на актуальные

темы. Его литературный талант и дар живого слова украшали кафедральное общение. По инициативе Артема Викторовича коллектив кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин начал успешно заниматься исследованием проблем современных тенденций развития международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Результаты этих исследований в форме аналитических обзоров и научных рекомендаций были внедрены в практическую деятельность и апробированы в ходе проведения круглых столов разного уровня.

Наряду с теоретическими изысканиями по истории и политологии его научная деятельность включала в себя практикоориентированный компонент, а именно: проведение ежегодных научных исследований «Общественное мнение о деятельности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации». Было налажено взаимодействие по анализу и обмену информацией с подразделениями УВД Хабаровского края: штабом, информационным центром и отделом информации. Не являясь дипломированным социологом, в знании методологии социологического исследования он не уступал профессионалам. Талантливый человек талантлив во всем!

Летом 2008 г. состоялся перевод Артема Викторовича в столицу, где в сентябре он получил назначение на должность доцента кафедры истории государства и права Московского университета МВД России, а уже в декабре 2009 г. стал заместителем начальника кафедры. На него была возложена работа по организации научно-исследовательской деятельности коллектива, в котором он сразу сумел обрести друзей, единомышленников и, конечно, поклонников своей неповторимой лекторской манеры. 30 ноября 2010 г. приказом министра ему было присвоено звание полковника милиции (№ 1332 л/с).

Занятия, которые проводил Артем Викторович, всегда сочетали в себе высокую степень информативности, фактологической точности и проблемности с яркой образностью речи. Насыщенный культурно-исторический фон, логически выверенная организация материала, мастерское, почти актерское, владение интонацией – вот отличительные черты его лекторского почерка. В мае 2008 г. по итогам конкурса «Лучший преподаватель Дальневосточного юридического института МВД России» Артем Викторович был удостоен диплома I степени. Высокий уровень квалификации он подтвердил в октябре 2015 г., когда, будучи уже в должности начальника кафедры истории государства и права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя (с июля 2011 г.), стал лауреатом конкурса «Лучший преподаватель образовательных организаций системы МВД России».

На протяжении всей профессиональной деятельности Артем Викторович особое внимание уделял использованию потенциала гуманитарных дисциплин в гражданско-патриотическом воспитании курсантов и слушателей. Некоторые аспекты этой темы получили отражение в вышедшем по его инициативе сборнике научных трудов «Гуманитарные аспекты подготовки кадров для органов внутренних дел» (Хабаровск, 2003). По распоряжению руководства Департамента государственной службы и кадров МВД России, разработанная им концепция использования истории в качестве мировоззренческой основы патриотического воспитания обучающихся была представлена на Учебно-методическом сборе руководителей аппаратов по работе с личным составом ведомственных образовательных учреждений, который прошел в Краснодаре в начале апреля 2008 г. Отдельные положения данной концепции детализированы в серии докладов на научно-методологических семинарах в Московском университете МВД России имени В. Я. Кикотя [1]. Впоследствии эти наработки были использованы при подготовке факультативных учебных дисциплин.

Особое место в научно-педагогическом наследии Артема Викторовича занимает военно-историческая тематика. Он справедливо отмечал, что любая война – это комплексный экзамен всех систем государства, жесткая ревизия эффективности государственного управления, экономики, национального характера и культуры, тем более, когда речь идет об Отечественной войне 1812 г. и Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., с тотальной беспощадностью проверивших «жизнеспособность всей молекулярной ткани российской цивилизации». Выступая на всероссийских и международных конференциях, Артем Викторович неоднократно поднимал вопросы итогов и значения победы советского народа в Великой Отечественной войне («Историческая память о Великой Отечественной войне: реалии против мифов и умолчаний», «Покушение на Великую Победу: фальсификация итогов Второй мировой войны в западном информационном пространстве», «Проблема соотношения потерь на советско-германском фронте: историческая реальность и фальсификации», «Роль и значение Победы в Великой Отечественной войне», «Миф о моральной предосудительности сотрудничества с СССР как продукт англоязычной историографии Второй мировой войны» и др.). Он разработал полное методическое обеспечение факультативной учебной дисциплины «Великая Отечественная война советского народа: историческая реальность против фальсификаций». Ее целью стало формирование исторически достоверного системно-целостного представления о причинном комплексе, основных этапах, итогах и уроках Великой Отечественной войны; развитие у обучающихся навыков аргументированной

защиты исторической памяти о всемирно-историческом значении Великой Победы и вкладе СССР в разгром немецко-фашистского блока; воспитание будущих сотрудников в духе любви к Родине.

Работа по патриотическому воспитанию молодежи осуществлялась не только в университетских аудиториях, но и на полях бывших сражений, куда в рамках деятельности научного кружка кафедры «Палладиум» организовывались специальные поездки. Выступления Артема Викторовича на этих мероприятиях всегда были памятными событиями в жизни кафедры и Университета. Трудно забыть его яркий рассказ о Бородинской битве, когда красноречие и указания на отдельные участки местности позволили «оживить» безлюдное на тот момент поле воинской славы России. Воображение позволило участникам экскурсии увидеть перемещение пехоты и вылазки кавалерии, услышать артиллерийские залпы, оружейные выстрелы, удары клинков и стоны раненых. Одним словом, произошла удивительная визуализация великого сражения прошлого. А чего стоит монолог Артема Викторовича о жертвенном подвиге воинов 62-й армии на мемориальном комплексе Солдатское поле! Эмоциональное впечатление было настолько сильным, что у слушателей невольно выступали на глазах слезы. Впоследствии, рассказывая об этом эпизоде поездки в Волгоград, он признавался, что «ради таких моментов стоит работать и жить».

Очень много было сделано Артемом Викторовичем для методического обеспечения учебной дисциплины «История органов внутренних дел», углубления и популяризации знаний по истории правоохранительной системы России. Как и в случае с историей, он считал, что этот очень важный для будущих сотрудников полиции курс должен базироваться на идее преемственности деятельности органов внутренних дел на всем протяжении развития российской государственности. Поэтому крайне важно развенчать укоренившееся в общественном сознании негативное отношение к дореволюционной полиции. Для этого необходимо расширение источниковой базы, что предопределило большую кафедральную работу по подготовке хрестоматии «История правоохранительной системы России в документах: с древнейших времен до 1917 г. (к 300-летию российской полиции)». В ноябре 2018 г. этот коллективный труд был удостоен премии Министерства внутренних дел в области науки, а его идейному вдохновителю присвоено звание «Лауреата премии МВД России».

Пожалуй, самыми радостными событиями в жизни Артема Викторовича стали рождения дочерей – старшей Нины (16.04.1993) и младшей Софии (29.08.2011). Все, кто знали его близко, говорят, что он был на редкость заботливым и внимательным отцом. Всякую свободную минуту отдавал детям. Игры,

прогулки, рисование, лепка, инсценировки сказок и чтение были его любимыми занятиями с дочерьми. Говоря о сказках, которые папа рассказывал на ночь, Нина вспоминает: «Они органично соединяли в себе пестрый набор персонажей, среди которых были не только любимые герои мультфильмов и книг, но и исторические и даже политические личности. Папиному таланту сочинять увлекательные истории могли бы позавидовать именитые детские писатели».

Несмотря на суровый диагноз, который был поставлен в декабре 2014 г., Артем Викторович не прекращал трудиться. Правда, теперь большую часть времени он проводил в домашнем кабинете, где работал по 7–8 часов ежедневно, прерываясь только на медицинские процедуры. Бороться с недугом помогала работа над книгой «“Содействовать против всех вражеских замыслов и покушений …”: труды и подвиги российской полиции в 1812 г.». Первой частью ее названия стали слова из обращения императора Александра I к народу в начале вторжения Наполеона в Россию. Как говорил в своем интервью корреспонденту газеты «Щит и меч» сам автор: «Мой труд написан в полемике с историками, имеющими либерально-западническую точку зрения. По прошествии 200 лет многие из них кровавую леденящую правду событий 1812 г. воспринимают с неким флером пронаполеоновского романтизма, не желают верить многочисленным свидетельствам о массовом мародерстве, разложении дисциплины, убийствах и грабежах, творимых «цивилизованными» европейцами. Во введении своей книги я расставляю идеологические координаты и даю ответ на вопрос: так чем же была война с Наполеоном – отражением агрессии или борьбой с европейским прогрессом?» [2, с. 11]. Главная цель книги – донести достоверный образ полиции той эпохи до молодого поколения сотрудников. Погружая читателей в атмосферу двухвековой давности, автор старался максимально точно показать в каких сложных условиях «стражи правопорядка «рвали жилы», двигая неподъемный воз обязанностей и задач по мобилизации всех мыслимых и не мыслимых ресурсов ради победы» [2, с. 11]. В октябре 2018 г. этот труд получил Первую премию министра внутренних дел в конкурсе «На лучшую научно-исследовательскую работу, посвященную 300-летию российской полиции».

Даже находясь в очень сложной жизненной ситуации, Артем Викторович никогда не отказывал в помощи, всегда доброжелательно откликался на многочисленные просьбы коллег и друзей. Так, в течение 2015–2018 гг. он активно консультировал художников студии МВД России имени В. В. Верещагина, занятых подготовкой выставки «Три века на службе Отечеству и Закону». Приходилось не только разрабатывать сюжеты для произведений живописи, но и выступать в качестве историка-эксперта по вопросам достоверности изображений.

И еще о чертах характера, о которых нельзя умолчать. Артем Викторович, будучи руководителем, никогда не позволял себе каких-либо поблажек. Рабочий день он неизменно начинал раньше всех, а заканчивал позже. И при этом не жаловался на усталость и нагрузку, но всегда был одинаково приветлив и доброжелателен. За все время совместной работы никто из коллег не слышал от него грубого слова, резкого замечания или неуместной шутки. Всегда тактичен и предупредителен! Если говорить о стиле управления, то его сложно подвести под упоминаемые в специальной литературе виды – авторитарный, демократический, либеральный и проч. Он старался воздействовать на коллег (слово «подчиненные» в его лексиконе не звучало) собственным примером, пожеланием или советом. И наконец, у него всегда находилось время, чтобы поинтересоваться, а в случае необходимости помочь решению той или иной проблемы в личной, семейной жизни сослуживца. Он умел искренне сопереживать ближнему.

До самого последнего момента Артем Викторович не выпускал из рук перо, продолжая разрабатывать тему деятельности российской полиции в эпоху Отечественной войны 1812 г. Главными действующими лицами новых очерков стали государственный секретарь М. М. Сперанский и первый министр полиции России А. Д. Балашов. Автор сосредоточился на вскрытии причин падения главного российского либерала, определении места и роли в этих событиях полиции и самого императора Александра I. Думается, что знакомство с этой книгой, которая появилась уже после кончины автора, позволит читателю в значительной степени по-новому взглянуть на ключевые события отечественной истории начала XIX столетия.

За годы службы в образовательных учреждениях системы МВД России Артем Викторович Давиденко был награжден медалью «За отличие в службе» III, II, I степени, медалью «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945» (1995 г.), медалью «Георгий Жуков» (1996 г.), медалью «За доблесть в службе» (2012 г.), медалью «Патриот России» (2014 г.), медалью «За мужество и гуманизм» (2014 г.), медалью «За боевое содружество» (2015 г.), медалью «Московский университет МВД России» (2015 г.), медалью «300 лет российской полиции» (2019 г.).

25 апреля 2019 г. сердце Артема Викторовича перестало биться, оборвалась жизнь замечательного человека. Незадолго да своего ухода, он сказал, что не ропщет и принимает свою судьбу. Это был человек удивительной духовной силы, настоящий исследователь, педагог и воспитатель, замечательный руководитель и товарищ, внимательный сын и заботливый отец. В основе его мировоззрения лежала всепоглощающая христианская любовь. Невыносимо горько от того, что его нет рядом. С Артемом Викторовичем в этом мире было светлее…

Список литературы

1. Давиденко, А. В. Методология противодействия попыткам фальсификации истории Великой Отечественной войны / А. В. Давиденко // Совершенствование преподавания исторических и историко-правовых дисциплин в свете реформирования системы высшего образования: сборник статей / под общ. ред. Н. В. Михайловой. – М., 2012. – С. 25–39.

2. Давиденко, А. В. Миф о моральной предосудительности сотрудничества СССР как продукт англоязычной историографии Второй мировой войны / А. В. Давиденко // История России: мифы и реальность : материалы круглого стола / под ред. В. В. Крючкова. – Рязань, 2013. – С. 5–10.

3. Давиденко, А. В. Об исторической правде, героях и злопыхателях / А. В. Давиденко // Щит и меч. – 2018. – № 28. – С. 11.

4. Давиденко, А. В. Эволюция правомонархических концепций политического устройства России : дис. … канд. ист. наук / А. В. Давиденко. – М., 2001. – С. 254.

Абдрахманов А. И.[1]*,*
доцент кафедры
истории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

О ЗНАЧЕНИИ НКВД В ПРОВЕДЕНИИ ПОЛИТИКИ ВОЕННОГО КОММУНИЗМА

На март 2021 г. приходится 100-летие завершения политики военного коммунизма. Означенная дата – основание задуматься, что именно представляла собой эта политика, обратиться к ее малоизученным аспектам. Одним из таковых является роль Наркомата внутренних дел в проведении военно-коммунистических мероприятий. Кратко напомним – сутью военного коммунизма являлось обеспечение выживания страны в условиях жесточайшего дефицита ресурсов (прежде всего – продовольствия и топлива) и угрожающего упадка созидательной сферы (сельского хозяйства, промышленности, транспорта, коммунальной сферы и др.).

При столь тягостных обстоятельствах перед властями Советской России стояла задача «изъять» продовольствие у деревни (именно изъять, так как эквивалентно оплачивать изымаемое у крестьян было нечем) и распределить добытое среди трудящихся, армии, а также тех, кто в силу различных причин трудиться не мог (нетрудоспособных) – детей, пожилых, увечных и пр. Крестьянам при этом предполагалось оставлять необходимый для своего пропитания и продолжения собственного хозяйства минимум, не более того.

Помимо ряда идеологических, политических аспектов осуществление означенной схемы было чрезвычайно сложной и масштабной управленческой задачей, никогда ранее в столь существенных масштабах не реализовавшейся. Ответственность за воплощение этой задачи повышалась тем, что любой просчет, упущение, недоработка в проведении предусмотренных мероприятий, неизбежно оборачивались новыми людскими страданиями и необратимыми человеческими потерями. В условиях, когда большая часть населения страны недоедала, промахи в изъятии продовольствия у крестьян, упущения в его транспортировке и складировании, перебои с распределением приводили к тому, что люди заболевали и умирали.

В ситуации нарастающей разрухи для предотвращения окончательного вырождения и одичания Страны Советов, от властей требовалось железной рукой

[1] © Абдрахманов А. И., 2021.

удерживать положение дел под контролем и продолжать «продовольственное дело». Важнейшее значение в осуществлении этой функции выполняли органы НКВД Советской России, представлявшие собой далеко не только милицию и зарождающие части ВОХР, как это ныне принято считать. Прежде всего в составе каждого территориального органа власти – исполнительного либо революционного комитета учреждался так называемый отдел управления. В плане подведомственности отдел управления исполнительного комитета определялся именно как орган Народного комиссариата внутренних дел и отвечал за организацию органа власти, его общую деятельность.

Именно в качестве основы системы органов Советской власти отделы управления непосредственно обеспечивали проведение ряда мероприятий военного коммунизма. Так, 9 сентября 1920 г. НКВД направил всем отделам управления губернских и уездных исполкомов циркуляр о содействии продорганам в реализации урожая 1920 г. В циркуляре отмечались особые трудности заготовительной кампании 1920 г. Все местные органы власти обязывались принять энергичные меры содействия продорганам в их работе, для этого отделы управления должны были мобилизовать весь подведомственный им аппарат [10, с. 410]. Для примера, зимой–весной 1921 г. своей главной задачей отдел управления Волоколамского уездного исполкома (Московская губерния) считал организацию посевных комитетов (посевкомов) [14, с. 121]. Текущая же работа волостных отделов управления «заключалась в побуждении местных крестьян к выполнению продразверстки и в проведении в жизнь по волостям и селам труд – и гужповинностей» [14, с. 121].

В некоторых случаях наркомвнудел подключался к таким специальным вопросам, как реализация правил «для закупки и транспортировки лошадей в Москву для убоя на мясо и о заготовке конины на заготовочных пунктах». Показательно, что соблюдению этих правил придавалось такое значение, что их текст подписали народный комиссар внутренних дел Г. И. Петровский и заведующий Ветеринарным отделом НКВД Попов [9]. Кроме того, отделы управления жестко добивались своевременного вывоза собираемого хлеба «не останавливаясь перед арестом лиц, не выполнивших данный приказ. Фамилии таковых лиц немедленно сообщать в губотдел управления для предания суду» [12, с. 344].

Помимо общего участия в реализации генеральной линии, органы Наркомата внутренних дел обеспечивали важные специальные мероприятия военного коммунизма. Спектр таких мероприятий был довольно широк, в их числе меры по поддержанию железнодорожного сообщения. Подключение отделов управления к этой задаче объяснялось чрезвычайными обстоятельствами, а именно тем, что

к 1918 г. железнодорожный транспорт приближался к состоянию паралича, угрожая тема самым парализовать и любую хозяйственную политику. Как констатирует К. В. Скоркин: «Уже с весны (1918 г. – *Прим. авт.*) начались постоянные перебои в работе железнодорожного транспорта. Во многие города практически полностью прекратился подвоз дров и других видов топлива» [13, с. 44]. Железнодорожное же управление на тот момент утратило реальные возможности противодействия угрожающему упадку, для преодоления которого требовалось подключать все имеющиеся механизмы.

К зиме 1918 г. в наиболее злободневной транспортной проблемой стали снежные заносы на железнодорожных путях. «Обильные снегопады остановили железнодорожное сообщение практически по всей республике. Это привело к существенному сокращению запасов продовольствия и топлива в городах» [13, с. 74]. В этой ситуации через НКВД на местные Советы была возложена задача организовать восстановление железнодорожных путей в порядке трудовой повинности [13, с. 74]. В следующем году декретом Совета Обороны от 5 декабря 1919 г. общее руководство и наблюдение за проведением в жизнь трудовой повинности по расчистке снега на железнодорожных путях возлагались на заведующих отделами управления исполкомов [10, с. 354].

Еще одна из значимых функций НКВД и отделов управления – предоставление центральным государственным учреждениям объективной и полной информации о ситуации на местах. По мере реализации данной функции, «в 1918 г. основные информационные потоки о положении в стране поступали во ВЦИК и СНК через НКВД РСФСР» [13, с. 82]. В результате именно в фондах этого наркомата накоплен массив материалов, многосторонне отражающих драматические реалии эпохи «военного коммунизма» [3]. Особое значение сведений наркомата внутренних дел «политические сводки, доклады и обзоры региональных, губернских, уездных и волостных органов …» для освещения реалий военного коммунизма, подчеркивал С. В. Яров [15, с. 9].

Отдельная сфера ответственности наркомата – противодействие нарушениям принципов военного коммунизма, преступлениям в этой области [4, с. 221]: борьба со спекуляцией [13], должностными преступлениями [1, с. 79], расхищением грузов и иного имущества на железных дорогах [13, с. 74], а также противодействие спекуляции. В реалиях военного коммунизма, этот вид противоправной деятельности приобрел угрожающий размах и особую опасность, потребовавшие от СНК РСФСР принятие декрета «О борьбе со спекуляцией» (22.07.1918).

Спекуляция подрывала не только принципы военного коммунизма, но и основы жизнеспособности страны. Поэтому не удивительно, что «контроль за проведением данного декрета в жизнь СНК возложил на НКВД и НКЮ. В борьбу со спекуляцией были сразу же подключены местные органы НКВД и ВЧК» [13, с. 79].

Интересен спектр мер, которые предпринимали местные органы в против спекулянтов: от решения «выселить таковых из пределов Российской республики» (Псковский уезд, февраль 1919 г.) и не допускать их в села (Курск, 11 октября 1920 г.), до поручения отделу управления «в срочном порядке… заключить в принудительный лагерь всех наиболее злостных сельских кулаков и спекулянтов» (Тамбов, 1919 г.) [10, с. 369].

Серьезные сложности приходилось разрешать в деле противодействия допускаемым в ходе реализации мероприятий военного коммунизма должностным нарушениям. Ситуация была далека от благополучия как с должностной преступностью вообще, так и со злоупотреблениями именно в означенной сфере. Это неблагополучие отразилось в телеграмме наркома внутренних дел Г. И. Петровского, посланной 5 декабря 1918 г. всем губернским, городским и уездным исполкомам: «В последнее время целый ряд губерний был охвачен восстанием… уже с первых шагов следствия выяснилось, что… одной из причин восстаний была недостаточная тактичность в действиях представителей местной Советской власти, неумелое исполнение ими заданий центра и непонимание характера своей работы» [10, с. 259].

Циркуляры народного комиссара конкретизировали рапорты с мест. Например, в августе 1918 г. коллегия НКВД рассматривала содержание телеграммы о состоянии пензенских властей: «Дела Совета Пензы запутаны и безобразны. Беспомощность преступная… Я в Саранске вынужден был арестовать ответственных работников. Воровство в Совете поразительно, в Продовольственном Отделе ревизией обнаружен недочет 270000 р. из военных складов расхищено сукна на 500000 р.» [9]. Летом следующего года инструктор НКВД Чанышев в своей информации по Елатомскому уезду (Тамбовской губ.) за первую половину 1919 г. писал: «Отношение крестьян к… местным Советам натянутое и недружелюбное ввиду того, что местная власть грубо и цинично подходит к населению, проводит все распоряжения чисто по-чиновничьи, приказами, а иногда угрозами» [10, с. 259].

К значимым задачам, определенным к ответственности наркомата внутренних дел, относилось пресечение расхищения грузов, оборудования, иного имущества на железных дорогах. Масштабы этого вида преступления характеризует

то обстоятельство, что к весне 1918 г. «Подвоз продовольствия в Москву и Петроград… сократился в несколько раз за счет разграбления населением продовольственных эшелонов в пути следования» [13, с. 77]. О том, какое значение придавалось деятельности по защите грузов говорит тот факт, что в январь 1921 г. один из рапортов старшего милиционера Троицкого уезда Челябинской губернии о неудовлетворительном хранении мяса на железнодорожной станции «удостоился» личной реакции В. И. Ленина [10, с. 253].

Под давлением угрожающих проявлений разрастающейся деградации железнодорожного комплекса, чреватой срывом мероприятий военного коммунизма, наркомат внутренних дел организовывал различные меры по борьбе с противоправными действиями на дорогах.

Начиная с января 1918 г. только в Вестнике отдела местного управления (ОМУ) НКВД был опубликован ряд соответствующих циркуляров. Уже во втором номере Вестника Наркомат предписал губернским совдепам принять меры (в том чиле усилить караулы) к недопущению распространяющихся разгромов станций, вагонов и бесчинств со служащим персоналом [5, с. 2]. В следующем, третьем номере издания (18 января 1918 г.) НКВД поручал губернским Советам, в числе прочего, установить в районе вокзалов тщательную охрану для пропуска солдат и пассажиров поезда; принять решительные меры по борьбе «со спекулянтами, прикрывающимися солдатской формой, и мародерством в тылу» [6, с. 3]. В четвертом номере Вестника (24 января 1918 г.) ряду Совдепов поручалось «срочно принять самые решительныя меры по охране продовольственных грузов от самовольных конфискаций и… возможно усилить охрану на железнодорожных станциях для сохранения планомерности выполнения продовольственных нарядов и спокойной деятельности железных дорог» [7, с. 1].

Позднее, в циркуляре НКВД от 25 декабря 1918 г. обращено внимание исполнительных комитетов и отделов управления на участившиеся факты «хищения снеговых щитов на топливо, причем производится неисправимый вред железнодорожному движению, которое благодаря снежным заносам может приостановиться, а это угрожает населению прекращением подвоза продовольствия и предметов первой необходимости» [8, с. 74].

Постановлением Совета Рабоче-Крестьянской Обороны от 8 апреля 1919 г. на местные Советы возлагалась прямая ответственность по охране важных объектов железных дорог, находившихся на соответствующей территории.

Исполкомы Советов обязывались: а) установить постоянное наблюдение местного населения за всей 30-верстной полосой вдоль железных дорог; б) установить тщательный надзор в этом районе за всеми подозрительными лицами;

в) разработать определенную схему охраны населением железных дорог и сооружений. В постановлении указывалось, что исполкомы, «не проявляющие должной инициативы и энергии в установлении и осуществлении указанных выше мероприятий, предаются суду революционного трибунала». В постановлении не упоминаются отделы управления, но содержится пункт, из которого следует сохранение особой ответственности НКВД за проведение предписанных мероприятий [11].

Таким образом, и в деле поддержания порядка в железнодорожном комплексе сфера ответственности Наркомата внутренних дел оказалась весьма значительной. Означенный наркомат обеспечивал соответствующие действия системы органов Советской власти и «… при всех своих издержках рассматриваемая практика НКВД оказалась одной из немногих форм результативной поддержки дееспособности отечественного железнодорожного транспорта на протяжении 1918–1919 годов» [2]. В итоге была реализована еще одна из важнейших функций военного коммунизма – доставка собранного по разверстке продовольствия по назначению в города, на предприятия, воинские соединения.

Оценивая общий вклад народного комиссариата внутренних дел в проведение политики военного коммунизма, заметим, что через это ведомство обеспечивались основные мероприятия означенной политики. В итоге функционирующая при значительном участии НКВД система сбора и распределения жизнеобеспечивающих ресурсов, прежде всего продовольствия, обеспечила выживание Советской России в сложнейших условиях интервенции и Гражданской войны.

Список литературы

1. Абдрахманов, А. И. «Косматые времена». Обеспечить изъятие – но не любой ценой! / А. И. Абдрахманов // Служу Закону. – 2021. № 3 (93). – С. 6–7.

2. Абдрахманов, А. И. Значение НКВД в преодолении криминальных угроз на железнодорожном транспорте в 1918 году / А. И. Абдрахманов // Вестник ВИПК МВД. – № 4 (32), 2014. – С. 115–120.

3. Аптекарь, П. А. Сопротивление крестьян политике большевиков в 1918 – 1922 годах (по материалам европейских губерний РСФСР) : дис. … канд. ист. наук / П. А. Аптекарь. – М., 2002. – С. 10, 58, 90.

4. Соколов, К. И. Пламя над Волгой. Крестьянские восстания и выступления в Тверской губернии в конец 1917–1922 гг. / К. И. Соколов. – М., 2017.

5. Бондарев, С. В. Рыночная торговля в Петрограде в 1917–1921 гг. : дис. канд. ист. наук / С. В. Бондарев. – СПб, 2015. – С. 15, 221.

6. Вестник Отдела местного управления комиссариата внутренних дел. – 1918. – № 2. – С. 2.

7. Вестник Отдела местного управления комиссариата внутренних дел. – 1918 – № 3. – С. 3.

8. Вестник Отдела местного управления комиссариата внутренних дел. – 1918 – № 4. – С. 1.

9. Власть Советов (Москва). – 1918. – № 39. – С. 15.

10. ГАРФ. – Ф. Р-393. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 1.

11. Гимпельсон, Е. Г. Советы в годы иностранной интервенции и гражданской войны / Е. Г. Гимпельсон. – М. : Наука, 1968. – С. 410.

12. Декреты советской власти. – Т. V. (1 апреля–31 июля 1919 г.). – М., 1971. – С. 44–46.

13. Лабузов, В. А. Аграрные отношения на Южном Урале в первые десятилетия Советской власти (1917–1932 гг.) / В. А. Лабузов. – Оренбург, 2004. – С. 344.

14. Скоркин, К. В. НКВД РСФСР: 1917–1923 / К. В. Скоркин // МВД России: Люди структура, деятельность. – М., 2008. – Т. II. – С. 44.

15. Советы в эпоху военного коммунизма (1918–1921) : сборник документов / под ред. и с предисл.В. П. Антонова-Саратовского. – М.: Изд-во коммунистической академии, 1929. – Ч. II. – С. 121.

16. Яров, С. В. Человек перед лицом власти. 1917–1920-е гг. / С. В. Яров. – М. : Политическая энциклопедия, 2014. – С. 9.

Алексеева Л. А.[1]*,*
профессор кафедры
государственно-правовых дисциплин
Орловского юридического института
МВД России имени В.В. Лукьянова,
кандидат юридических наук

ВЛИЯНИЕ ИДЕЙ ЛИБЕРАЛИЗМА НА ИДЕОЛОГИЮ РОССИИ

Либерализм представляет собой тип мышления, который создает свое представление об окружающем мире и человеке в нем [2]. На протяжении ряда столетий либеральные и консервативные идеи сменяли друг друга в борьбе за обоснование форм правления, моделей взаимоотношения общества, личности и государства. Либеральные идеи во многом служили «локомотивом» общественного и государственного развития, а их прогрессивность и значимость привели к тому, что некоторые из них получили нормативное закрепление в ряде государствообразующих актов: Декларация прав и свобод человека и гражданина 1789 г., Декларация независимости США 1776 г., Конституция США 1787 г.

В современной отечественной политико-правовой мысли принято противопоставлять либеральной идеологии консервативную. При этом нередко об идеях либерализма высказываются в пренебрежительном тоне, выдавая его за некие «западные» ценности, которые ставят под угрозу существование российской государственности.

Вместе с тем, анализ отечественного законодательства в целом и, прежде всего Конституции Российской Федерации свидетельствует, что она фактически пронизана либеральными идеями, которые проповедовали Дж. Локк, Ш.- Л. Монтескье, И. Кант, Б. Констан, А. де Токвиль, Бентам, Дж. С. Милль, Т. Х. Грин, Л. Хобхауз, Б. Бзанкет и другие.

В идеологии либерализма профессор А.В. Корнев выделяет юридические, политические, экономические, социальные составляющие.

Юридическую образует естественно-правовая доктрина прав человека, утверждающая, что человек обладает определенными неотчуждаемыми правами, которые принадлежат ему в силу факта самого рождения, а также концепция правового государства, которое базируется на принципе разделения властей. В законах государственных всегда должны отражаться законы общечеловеческие.

[1] © Алексеева Л. А., 2021.

«Разумность законов, – писал Б. Спиноза, – и общая воля обеспечены только там, где законы принимаются многочисленным собранием, на котором все аффекты, страсти и частные интересы людей взаимопогашаются» [1, с. 98].

Политическая составляющая либерализма основана на идее разделения властей, сама же власть должна не только выбираться народом, но и контролироваться им, нести перед народом ответственность. Иными словами, органы государства должны быть подконтрольны личности, само же государство стоит на позиции невмешательства в дела индивида. «Задача государственной власти, как отмечал Г. Гроций, – контролировать ненарушение гражданских прав и осуществлять защиту права и свобод» [1, с. 98].

В экономической составляющей либерализм делает основной упор на защиту и обоснование «гражданской свободы», понимаемой как свобода частной инициативы, предпринимательства; договоров, свобода совести, мнений и печати. Государство, согласно этой концепции, должно лишь обеспечивать безопасность личности, частной собственности, охранять общество, основанное на «гражданской свободе» [2].

Гуманитарный аспект либерализма сводится к признанию человека в качестве высшей ценности, человека свободного и самодостаточного, обладающего правами и свободами, способного самостоятельно строить свою жизнь.

Социальный аспект либерализм воплощает в реализации идеи гражданского общества, нашедшего отражение в работах ряда экономистов, юристов, философов. Основа гражданского общества базируется на личной свободе, частной собственности и экономической самостоятельности. Государство выступает в качестве института, чья основная задача заключается в обеспечении правопорядка, защите и охране всех форм собственности, создании гарантий свободной конкуренции. «Государство необходимо для того, чтобы охранять личность и гарантировать ей максимальную свободу деятельности», – писал основоположник французского либерализма Б. Констан.

Несмотря на то, что в либерализм в России традиционно носил весьма противоречивый характер, многие основные концептуальные аспекты либерализма в той или иной форме нашли отражение в Основном законе нашего государства. И они не просто формально закреплены, но и созданы реальные механизмы, направленные на воплощение теоретических конструкций в жизнь.

Вольтер, которого нередко называют олицетворением либерализма, отстаивал тип общественного устройства, в основе которого бы лежали принципы равенства, свободы и неограниченной частной собственности, хотя, пожалуй, основа этих идей была заложена еще Аристотелем, который в своих трудах говорил

о собственности, как о естественном, природном и неотъемлемом праве человека. Все это нашло отражение в ст. 8 и ст. 35 Конституции, провозгласивших свободу и равную защиту всех форм собственности.

Статья 1 Конституции Российской Федерации закрепляет, что Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления.

Идея правового государства в современном его понимании разработана представителями либеральной политико-правовой мысли, поскольку именно либеральная политико-правовая мысль в качестве антитезы полицейскому государству противопоставляла правовое или конституционное государство.

Одним из основных признаков правового государства является разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную. Эта теоретическая конструкция в политико-правовой литературе обычно связывается с именами Дж. Локка и Ш. Л. Монтескье.

Локк, проводя в своих работах идею разделения власти, первостепенное значение отдавал законодательной власти, подчеркивая при этом, что самим своим существованием она обязана всему обществу, а, следовательно, смысл и цель ее деятельности заключаются в достижении общего блага, с намерением сохранить как можно лучше «себя, свою свободу и собственность». О необходимости разделения властей писал и Ш. Монтескье, предупреждая, что объединение властей неизменно приведет к установлению деспотии.

Идеи Дж. Локка и Ш. Монтескье нашли отражение в ст. 10 Конституции, где закреплено, что государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную.

Интересны и идеи Монтескье относительно установления всеобщего избирательного права вне зависимости от имущественного положения избирателей, исключая, однако, тех, «положение которых так низко, что на них смотрят как на людей, неспособных иметь свою собственную волю» [3, с. 386]. Право граждан на участие в выборах в ст. 32 закрепила и Конституция Российской Федерации, причем ограничив его для лиц, признанных судом недееспособными, и лиц, находящихся в местах лишения свободы.

Кроме того, Дж. Локком высказал мысль о необходимости править в соответствии с постоянными законами, которые провозглашены и известны всему народу. Эта идея легла в основу ч. 3 ст. 15 Конституции Российской Федерации, провозгласившей, что законы и иные нормативные акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека, подлежат официальному опубликованию, иначе они не могут быть применены.

Изучая труды Дж. Локка, обращает на себя внимание и его позиция относительно беспристрастности и справедливости судей, которые должны разрешать споры посредством законов [3, с. 386]. Данная идея практически в неизменном виде была перенесена в ст. 120 Конституции Российской Федерации, провозгласившей независимость и подчиненность закону судей в Российской Федерации. Развивая идею независимости судебной власти, в конце XIX – начале XX в., С. А. Котляревский высказался об установлении необходимой возможности судьи проверять как конституционность законов, так и конституционность актов органов исполнительной власти, что создаст гарантию против нарушений конституции законодательной властью. Позиция С. А. Котляревского реализована в нормах ст. 125 Конституции Российской Федерации, регламентирующей полномочия Конституционного Суда Российской Федерации.

В качестве основного признака правового государства Б. А. Кистяковский называет ограниченность власти, которая должна быть поставлена в рамки закона. Первичность прав и свобод личности предполагает суверенитет народа, его верховенство. Народ принимает участие в организации государственной власти и в создании государственных учреждений. Самое важное учреждение правового государства, народное представительство, является соучастником государственной власти, непосредственно создавая одни акты ее и влияя на другие [6]. Эта идея нашла закрепление в ряде норм Основного закона, который, в частности в качестве единственного источника власти, утверждает многонациональный народ, которому принадлежит право осуществлять свою власть как непосредственно, так и опосредованно – через выборные органы. Концепция подчиненности деятельности высших органов власти Конституции получила закрепление в ч. 1 и 2 ст. 15; признание, соблюдение и защита прав человека и гражданина как высшая цели и смысл существования государства закреплены в ст. 2; а народное представительство как способ выражения воли населения закреплено в ч. 3 и 4 ст. 15 Конституции.

Реализованная в Конституции идея народного представительства отражена и в работах А. С. Алексеева, который отмечал, что верховенство права требует в государстве народного представительства, но не в том смысле, чтобы оно заменяло собой все власти, а в том, чтобы юридически все от него исходило [5, с. 153].

Бенжамен Констан, занимаясь проблемами свободы, высказал радикальную для своей эпохи мысль о недопустимости для государства навязывать своим гражданам какую-либо идеологию. Спустя несколько столетий эта идея нашла закрепление в ст. 13 Конституции Российской Федерации, провозгласившей

идеологическое многообразие и установившей запрет на создание и навязывание гражданам государственной идеологии.

Будучи автором ряда работ, посвященных политико-юридическим темам, Констан подчеркивал, что никто не может быть подвергнутым дурному обращению, аресту, заключению, смертной казни вследствие произвола. Каждый вправе высказать свое мнение; выбирать себе занятие; распоряжаться своей собственностью; свободно передвигаться и не отчитываться ни перед кем в мотивах своих поступков. Каждый вправе объединяться с другими индивидами, вправе оказывать влияние на осуществление правления либо путем назначения всех или некоторых чиновников, либо посредством представительства, петиций, запросов, которые власть в той или иной мере принуждена учитывать.

Идеи Б. Констана положены в основу главы 2 Конституции, а осознание значимости и нерушимости этих прав заставило законодателя юридически закрепить запрет на возможность их пересмотра.

Список литературы

1. Алексеева, Л. А. История политических и правовых учений : учебное пособие / Л. А. Алексеева, О. В. Беляева. – Орел, 2021. – С. 98.

2. История политических и правовых учений : учебник для юрид. вузов / под ред. проф. О. Э. Лейста. – М., 1999. – С. 419–420.

3. История политических и правовых учений. Ч. 1: Зарубежная политико-правовая мысль : хрестоматия / сост. В. В. Ячевский. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2000. – С. 386.

4. Корнев, А. В. Консервативная и либеральная теории государства и права в России (XIX – начало XX вв.) : дис. … д-ра юрид. наук / А. В. Корнев. – М., 2004.

5. Савальский, В. А. Государственное право (общее и русское) / В. А. Савальский. – Варшава : Изд. студ.-слушателя П. Савальского, 1912. – С. 153.

6. Скворцов. В. П. Концепция правового социалистического государства в учении Б. А. Кистяковского / В. П. Скворцов // Вестник ТГУ. – 2003. – № 2 (30).

Алешин П. И.[1],
соискатель кафедры
истории государства и права
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

АВТОКРАТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ВЛАСТИ ПРИ АЛЕКСАНДРЕ III: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА АНТИГОСУДАРСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ

14 августа 1881 г. Александр III подписал, по мнению Р. Пайпса, «наиболее важный законодательный акт в истории императорской России между отменой крепостного права в 1861 г. и Октябрьским Манифестом 1905 г.» [4, с. 398]. Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия стало объединяющим актом, в положениях которого отразились репрессивные меры, используемые правительством для борьбы с революцией [6, № 350].

Подобная мера была предпринята в связи с тщетностью борьбы с революционной «крамолой», поразившей Россию в 70–80-х годах XIX в. С. Ф. Платонов, характеризуя данное время, писал: «Революционный террор не прекращался. Общество же, замученное репрессиями, было взволнованно и раздражено» [5, с. 501]. Правительство попыталось найти выход в привлечении широких кругов общественности к борьбе с революционным движением. 18 марта 1881 г. было принято решение о создании при градоначальнике временного Совета из 25 человек, избираемых от санкт-петербургских жителей. Этот орган призван обсуждать меры по обеспечению общественной безопасности, предлагаемые градоначальником, и если Совет одобрял, то мероприятие подлежало реализации, а если отклонял, то градоначальнику запрещалось ее реализовывать. Однако Совет так и не был создан, подобный проект появился из-за растерянности и страха правительства. В результате, Александр III проводил политику укрепления авторитета верховной власти и решительной борьбы с революционным движением.

На основании Положения на территории Российской империи мог быть установлен особый правовой режим. Введение и реализация этого режима наделяли местный административный и полицейский аппарат чрезвычайными полномочиями. Согласно Положению в отдельных местностях мог быть установлен либо режим «усиленной охраны» со сроком действия в один год и режим «чрезвычайной охраны», предполагающий шестимесячный срок действия.

---

[1] © Алешин П. И., 2021.

Усиленная охрана вводилось в случаях, когда в местности происходили случаи преступной деятельности, направленной на нарушение общественного порядка и безопасности. Тогда режим «усиленной охраны» позволял вводить и реализовывать программу особых мероприятий [6, № 350]. Для установления режима «усиленной охраны» было достаточно распоряжения министра внутренних дел.

Положение чрезвычайной охраны вводилось и реализовывалось, если в преступную деятельность было втянуто население, следствием чего стало «принятие исключительных мер для безотлагательного восстановления нарушенного порядка» [6, № 350].

Установление режима «чрезвычайной охраны» было прерогативой Комитета министров, предложение о введении режима подавал министр внутренних дел.

В качестве органа, в чьих руках были сосредоточены все нити борьбы с революционным движением, выступало Министерство внутренних дел [8, с. 167]. На основании Положения именно министр внутренних дел получал «высшее направление действий к охранению» государственного порядка и общественного спокойствия.

Выступая гарантом исполнения норм Положения, министр внутренних дел имел право требовать от местной администрации выполнения всех его распоряжений, отменять распоряжения нижестоящего административного начальства, мог ставить вопрос о принятии новых мероприятий в области охраны общественного порядка и безопасности, имел право непосредственных распоряжений в определенных случаях [6, № 350].

Введение режима «усиленной охраны» позволяло местным властям (губернаторам и градоначальникам) осуществлять мероприятия превентивного и репрессивного характера. Мероприятия первого рода касались отмены гарантий личной свободы. Администрация обладала правом административной высылки из местности, объявленной в положении усиленной охраны[1].

Значение Положения для российского общества и государства весьма верно охарактеризовано главой Департамента полиции А. А. Лопухиным. «Положение это никогда, ни в один из периодов своего существования не принесло государству ничего, кроме вреда. Вследствие этого я согласился принять должность директора департамента полиции только под условием полного прекращения действия Положения об охране. Не моя вина, что условие это не было выполнено, и я вынужден был посвятить себя посильному ослаблению

[1] Срок высылки составлял от 1 года до 5 лет в «отдаленные места империи». Высылка согласовывалась в Особом совещании при Министерстве внутренних дел.

приносимого вреда Положением об охране» [3]. По мнению А. А. Лопухина, Положение «поставило все население России в зависимость от личного усмотрения чинов политической полиции. Таким образом, там, где речь шла о государственной, безопасности, объективного критерия виновности больше не существовало: виновность устанавливалась на основании субъективного мнения полицейских чиновников» [3]. Р. Пайпс считал, что «планомерное наступление на права граждан, совершившиеся во имя государственной безопасности, не упрочивало власти монарха; выигрывал не он, а бюрократия и полиция, получавшие все более широкие полномочия для борьбы с революционным движением» [4, с. 400]. А. Горбунов называл Положение 14 августа 1881 г. «Magna charta административного усмотрения» [2].

Прокурор Харьковской судебной палаты С. С. Хрулев отмечал, что «угроза военным судом и смертной казнью не имеет серьезного значения и никого не устрашает», так как охранительные административные меры способствуют «притуплению чувств» [1, с.187]. По его мнению, нужно поменять «постановку и цели политического розыска. Действия административного разрешения политических дел, где разыскные органы и производящие дознания офицеры корпуса жандармов привыкли к тому, что главным основанием ... обвинения служат агентурные сведения», и вопрос о составе преступления сливался с неопределенным понятием «политической неблагонадежности», а привлечение на таких основаниях к суду по статье 1035 Устава уголовного судопроизводства заканчивалось оправданием, что порождало «озлобленность» у тех, кто не был виноват» [1, с. 84].

Как отмечал Н. Г. Янгол «в жизни любого государства могут возникнуть такие моменты, когда постоянные законы, имеющие целью охрану общественного порядка и спокойствия, признаются недостаточными и поэтому в основном восполняются временными исключительными мерами. Суть последних заключается в расширении пределов власти административных учреждений и в ограничении гражданских свобод» [1, с. 519]. Однако, как отмечено в статье Энциклопедического словаря Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, «обращаться к этим мерам можно лишь в случаях крайней необходимости и притом на возможно кратчайший срок, так как они служат тормозом развития страны и причиняют тяжелый испытания гражданам, лишая их таких благ, как неприкосновенность домашнего очага (обыски), свободы: слова, печати, общения и т. п.» [7, с. 508].

Подводя итог вышесказанному можно отметить, что Положение является органичным продолжением традиционной охранительной политики российского государства, его ответом на волну революционного террора, охватившего

Российскую империю в 70–80-х годов XIX в. Положение, принятое как временный акт, в результате действовало до 1917 г.[1]

Список литературы

1. Александров, О. Г. Чрезвычайное законодательство в России во второй половине XIX –- начале XX в. : дис. … канд. юрид. наук / О. Г. Александров. – Н. Новгород, 2000. – С. 87.

2. Горбунов, А. Законность управления и ее необходимые условия / А. Горбунов // Право. – 1905. – № 1. – С. 15–21.

3. Лопухин, А. А. Настоящее и будущее русской полиции / А. А. Лопухин. – М., 1907. – С 26–27.

4. Пайпс, Р. Россия при старом режиме / Р. Пайпс. – М., 1993. – С. 398.

5. Платонов, С. Ф. История России / С. Ф. Платонов. – СПб., 1995. – С. 501.

6. ПСЗ РИ. – Собр. 3. – Т. № 350.

7. Энциклопедический словарь: в 86 т. / под ред. К. К. Арсеньева, Ф. Ф. Петрушевского. – СПб.: Акц. изд. общ. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрона. – 1890–1907. – Т. 44. – С. 508.

8. Яцкова, А. П. Основные Государственные законы Российской империи 23 апреля 1906 г. – первая российская конституция : дис. … канд. юрид. наук / А. П. Яцкова. – М., 2001. – С. 167.

[1] 30 августа 1915 г. Николай II подписал Именной Высочайший Указ Правительствующему Сенату «О продлении срока действия Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия и о дальнейшем оставлении на положении чрезвычайной охраны некоторых местностей Империи. (Собрание узаконений. 1915. № 245. 4 сентября. Ст. 1849).

Антохина М. Е.[1]*,*
соискатель кафедры
истории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

К середине XIX в. высшее образование в Российском государстве находилось в состоянии кризиса, на что повлияла прежде всего политика государства, культивирующая замкнутость, элитарность и сословность высшей школы. Тем не менее промышленный переворот 30–40 годов XIX в. способствовал развитию специализированных высших учебных заведений, создаваемых для удовлетворения потребностей государства в специалистах в технической области и области национальной безопасности: создаются технические университета, а также уделяется внимание созданию образованных кадров для государственного аппарата. Начался период формирования отечественных научных школ, но бюрократическая составляющая образования прогрессирует.

В начальный период правления Александра II издан указ от 23 ноября 1855 г. «О приеме неограниченного числа студентов во все факультеты университетов» [1], снимающий запрет на количество студентов, принимаемых каждый год в российские университеты. Изменяется система льгот для малообеспеченных студентов. После запрета 1848 г., в 1856 г. вновь стала возможным подготовка к профессорскому званию за границей, в 1857 г. высшее образование стало доступно для лиц, находящихся на домашнем обучении. С 1858 г. власть инспектора была ограничена территорией университета. В связи с окончанием Крымской войны в столичных университетах отменяется курс военных наук.

С осени 1857 г. начинается работа над новым университетским Уставом, поскольку Устав 1835 г. фактически не действовал из-за сковывающих его подзаконных актов. В ходе работы над Уставом пересматриваются «общие основания всей системы народного образования». Основными требованиями были: университетская автономия, свобода преподавания, улучшение материальной базы, увеличение прав профессорской коллегии, повышение жалования. Существенные проблемы коренились в программе обучения: она переполнилась обязательными предметами, что повлекло необходимость жертвовать

[1] © Антохина М. Е., 2021.

фундаментальностью знаний. В плохом состоянии была и материально-техническая база университетов и институтов, не позволяющая обеспечивать практические занятия по ряду естественных и технических дисциплин, что не способствовало конкуренции с европейскими образовательными учреждениями.

В связи с отменой ограничений для получения высшего образования численность поступающих резко возросла. Одновременно с этим двери учебных заведений открываются и для вольнослушателей, как мужчин, так и женщин.

Начало 60–х годов отмечено возникновением в обществе революционных настроений, особенно сильно проявляющиеся в студенческой среде, которая, по выражению Н. И. Пирогова, была «лучшим барометром общества». Разработка нового университетского устава была отложена, введен ряд ограничительных мер. Изменения в сфере высшего образования начались с мая 1859 г., когда обновлилисьправила приема в университеты. Усложняются вступительные и переводные экзамены. От вступительных испытаний освобождались только выпускники гимназий, отучившиеся с отличием или имеющие отметку в аттестате о поступлении без экзаменов.

Вновь поднимается вопрос о разработке нового университетского Устава. Сформированная комиссия начинает работу в декабре 1861 г., проект создавался на основе текста Устава 1835 г. В сжатые сроки, буквально за год, с декабря 1861 г. по январь 1862 г., комиссия передала в министерство народного просвещения пересмотренный Устав. 18 июня 1863 г. изданы указы «Об открытии всех факультетов С.-Петербургского университета», «Учреждение Министерства народного просвещения» и «Общий Устав Императорских Российских университетов» [2]. На основании Устава университеты получили автономию, недоступную в годы правления Николая I.

Согласно Уставу обязательными становятся четыре факультета – историко-филологический, физико-математический, юридический, медицинский. В программе обучения появились новые дисциплины, что привело к увеличению профессорско-преподавательского состава. Становится выборной должность ректора со сроком полномочий на четыре года. Не остался в стороне и «женский вопрос». В 1869 г. введено женское образование с университетскими программами – Высшие женские курсы, Аларчинские в Петербурге и Лубянские в Москве, в 1870 г. Бестужевские курсы и курсы Герье.

Смерть Александра II положила конец либеральным начинаниям в сфере образования. В правление Александр III, характеризуемое как «время контрреформ», в 1884 г. был издан новый университетский Устав, который отменил университетскую автономию [3]. Увеличение платы за обучение ограничило круг

лиц, способных получить высшее образование. Александр III считал, что большое количество образованной молодежи из низших слоев общества грозит социальными потрясениями. Студенты попадают под неусыпный и тотальный контроль не только попечителей и инспекторов, но и полиции. Были введены различные наказания, которые варьировались от степени вины, от выговора до заключения в карцер или исключение. Назначение на должность ректора и профессора производит министерство народного просвещения, расширены должностные обязанности ректора. Он контролировал университетский бюджет, отвечал за сохранность имущества и соблюдение правил, предписанных студентам и иным посетителям. Была ужесточена цензура в отношении печатных изданий, издаваемых учебными заведениями. Александр III, как и Николай I, стремился к укреплению власти и самодержавия в стране, пытаясь избежать социальных потрясений путем введения жестких ограничительных мер.

В годы правления Николая II давление государства на систему образования ослабилось. Средства, выделяемые из бюджета на нужды образования, вырастают в восемь раз, продолжает развиваться женское образование, университеты открывают двери для представителей всех сословий, создаются новые учебные заведения. Начиная с 1894 г. и по 1917 г. число вузов выросло до ста восемнадцати. Однако, несмотря на увеличение количества вузов, высшее образование все равно оставалось сословным.

Таким образом, реформы второй половины XIX – начала XX в. заложили основы правового регулирования в сфере высшего образования и стали базой для создания научных школ в СССР и в современной России.

Список литературы

1. ПСЗ РИ. – Собр. 1. – Т. XXX. – Отд. 1. – № 29849.
2. ПСЗ РИ. – Собр. 1. – Т. IV. – № 2404.
3. ПСЗ РИ. – Собр. 1. – Т. XXXVIII. – Отд. 1. – № 39750, 39751, 39751.

Астахов Р. Д.[1],
курсант 1 курса института подготовки
сотрудников органов предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

Научный руководитель:
Феднева Н. Л.,
доцент кафедры истории государства и права
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат исторических наук, доцент

ВКЛАД ОРГАНОВ МИЛИЦИИ В ПРОВЕДЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПО БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ ПРОТИВ ВЫМЫСЛОВ

Проблема реагирования государства на негативно отклоняющееся поведение молодежи явилась в последнее время актуальной в связи с попытками несистемной оппозиции, направляемой из-за рубежа, вывести несовершеннолетних на улицу, спровоцировав «протестное движение» по «делу Навального».

Обращение к историческому опыту показывает, что отечественное государство стало влиять на воспитание и образование молодежи с XVIII в., а в XX в. политика в отношении молодежи оформилась в отдельное направление. Эта политика проводится в жизнь прежде всего через образование, обеспечивающее формирование ориентированной на нормативное поведение личности, и семью, поддерживаемую государством, но также и через такой социальный институт, как органы внутренних дел, в компетенцию которых входит пресечение негативной девиации молодежи.

Сегодняшние попытки оппозиции манипулировать детьми и подростками имеют целенаправленный характер и сопровождаются стремлением к установлению контроля над сознанием подрастающего поколения, навязыванием ему картины мира, не адекватно отражающей реальность в целом, и в том числе, содержание государственной политики, направленной на пресечение девиантного поведения молодежи.

---

[1] © Астахов Р. Д., 2021.

Например, распространенные в сети установки на то, что детская беспризорность и преступность, с которыми Советское государство активно вело борьбу, порождены самим его политическим курсом, направленным на разжигание социальной розни и классовой вражды[1].

Отечественные историко-правовая, педагогическая и социологическая науки не обошли стороной борьбу с детской и молодежной преступностью, беспризорностью и безнадзорностью; в них сложился комплексный подход к проблеме, согласно которому преступность несовершеннолетних и возможности ее пресечения рассматриваются в тесной связи с социальной средой и объективными условиями жизни; предполагают активное участие государства и его правоохранительных институтов[2]. Этот подход позволяет объективно представить цели и направления государственной политики, направленной на предотвращение всех видов негативных девиаций в поведении детей и подростков, распространившихся в годы Великой Отечественной войны, а также оценить результаты ее реализации.

Проанализируем нормативную базу и направления деятельности милиции как инструмента государственной политики по борьбе с преступностью несовершеннолетних в годы Великой Отечественной войны.

В начальный период войны основным направлением борьбы с детской преступностью были противодействие и пресечение беспризорности и безнадзорности, которые вели сотрудники детских комнат милиции, созданных еще в 1935 г., и приемников-распределителей. Они выявляли места скопления детей, оставшихся без присмотра, проводили совместные с общественностью рейды по изъятию беспризорников с улиц и из подвалов, определяли и нейтрализовывали совместно с оперативными сотрудниками круг взрослых, использовавших детей в преступных целях. Обнаруженные в ходе рейдов направлялись в приемники-распределители, а затем те из них, кто не были замешены в совершении преступлений, – в детские дома или приемные семьи.

---

[1] См., напр.: http://geum.ru/aref/detskaya-besprizornost-beznadzornost-rossii-konca-1920-ref.php. На этом сайте предлагаются рефераты по тематике борьбы с беспризорностью, составленные на основе докторской диссертации Славко А. А. Детская беспризорность и безнадзорность в России конца 1920-х – начала 1950-х годов: социальный портрет, причины, формы борьбы : автореф. … д-ра ист. наук. 07.00.02. Самара, 2011. При этом те вопросы, которые автор относит к проблемным и дискуссионным, решаются однозначно таким образом, чтобы обосновать заведомо негативную роль государства в борьбе с преступностью несовершеннолетних.

[2] Первое историко-правовое исследование проблемы: Ермаков, Е. Г. Организационно-правовые основы деятельности органов внутренних дел по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период (1941–1950 гг.): историко-правовой аспект : дис. … канд. юрид. наук / Е. Г. Ермаков. М., 2002.

Однако в ходе войны детская преступность выросла более, чем вдвое: с 5 % всех зарегистрированных в стране в 1941 г. преступлений до 11 % в 1944 г. [1, с. 16]. Это были квартирные и карманные кражи, нападения с применением оружия, найденного по полях сражений, и убийств с целью получения карточек на продукты, при этом число тяжких преступлений не уменьшалось.

Нормативной основой ужесточения государственной политики по борьбе с преступностью несовершеннолетних послужило постановление Совнаркома СССР от 15 июня 1943 г. «Об усилении борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством» [2]. В нем поручалось НКВД СССР в дополнение к действовавшим трудовым колониям, в которых находились осужденные судами несовершеннолетние, создать трудовые воспитательные колонии для содержания беспризорных и безнадзорных детей, а также детей и подростков, неоднократно замеченных в мелком хулиганстве и других незначительных преступлениях. Направление несовершеннолетних правонарушителей от 11 до 16 лет в трудовые воспитательные колонии рассматривалось как принудительная воспитательная мера, осуществлялось в административном порядке на основе инструкции НКВД, Прокуратуры и НКЮ СССР.

В составе Главного управления милиции НКВД СССР, НКВД союзных и автономных республик, УНКВД краев и областей, а также в составе дорожных отделов милиции приказом НКВД СССР от 21 июня 1943 г. создавались отделы по борьбе с детской беспризорностью, безнадзорностью и преступностью, которым выделялось дополнительное финансирование. Через них проходили и направлялись в колонии все беспризорные, а также несовершеннолетние, задержанные за хулиганство или мелкие кражи, и нарушители распорядка – воспитанники детских домов.

Планировалось в 1943 г. довести общую численность мест в колониях для несовершеннолетних до 50 тыс. Часть ремесленных училищ вместе с оборудованием, находившихся в ведении Управления трудовых резервов при СНК СССР, передавалась НКВД для создания трудовых воспитательных колоний, в которые предлагалось направлять по заявкам НКВД наиболее подготовленных учителей.

Во исполнение постановления Совнаркома СССР от 15 июня 1943 г. утверждены: Положение об отделе НКВД СССР по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью; Положение о трудовых воспитательных колониях НКВД для несовершеннолетних; Инструкция о порядке изъятия органами милиции безнадзорных и беспризорных детей с улиц, общественных и других мест их возможного пребывания; Инструкция о работе детских комнат милиции.

В силу вынужденных обстоятельств НКВД СССР пошло на создание 25 июня 1943 г. в составе отдела уголовного розыска Главного управления милиции

отделения по борьбе с детской преступностью и хулиганством, которое должно было опираться в своей деятельности на соответствующие подразделения на местах [1, с. 16]. Приказом НКВД СССР от 5 августа 1943 г. «Об объявлении инструкции о борьбе с детской преступностью и хулиганством» в качестве временной меры специального характера сотрудникам уголовного розыска разрешалось вербовать в секретные осведомители несовершеннолетних, в возрасте не моложе 15 лет, а также из взрослых лиц среди школьных учителей и обслуживающего персонала. Создание агентурно-осведомительного аппарата рассматривалось как основное средство предупреждения и пресечения готовящихся преступлений. Это была вынужденная мера.

Для советской милиции это направление борьбы с подростковой преступностью было относительно новым, однако российская полиция прибегала к вербовке агентов из учащихся гимназий в конце XIX – начале XX вв., когда в молодежной среде активно действовали террористы, создававшие угрозу безопасности. По мере снижения этой угрозы в 1913–1915 гг. при командующем Отдельным корпусом жандармов В. Ф. Джунковском агентура из несовершеннолетних в средних и высших учебных заведениях была запрещена с сохранением использования агентов из обслуживающего персонала.

Динамика роста агентов и осведомителей отражена в таблице, приведенной ниже. На ней виден их рост за 1944 г. примерно в 3 раза. При этом их доля по линии обслуживания несовершеннолетних составляла 8 % общего числа агентуры и осведомителей, задействованных в уголовном розыске в целом.

Таблица 1

<table>
<tr><td rowspan="3">Несовершеннолетних</td><td colspan="2">По линии несовершеннолетних</td><td>В уголовном розыске всего</td></tr>
<tr><td>На 01.01.1944.</td><td>На 01.01.1945</td><td>На 01.01.1945</td></tr>
<tr><td>153 агента</td><td>494 агента</td><td>9845 агентов</td></tr>
<tr><td></td><td>2870 осведомителей</td><td>6355 осведомителей</td><td>156669 осведомителей</td></tr>
<tr><td rowspan="2">Взрослых</td><td>216 агентов</td><td>595 агентов</td><td rowspan="2"></td></tr>
<tr><td>3960 осведомителей</td><td>5928 осведомителей</td></tr>
<tr><td>Итого</td><td>7199</td><td>13372</td><td>Из которых по линии борьбы с несовершеннолетними приходилось 8% всего состава</td></tr>
</table>

Деятельность агентуры дала результаты. Благодаря ее данным в течение 1944 г. к уголовной ответственности привлечено 16508 малолетних преступников, из них 6743 по групповым делам [1, с. 18].

Агенты и осведомители работали и на предотвращение преступлений: благодаря им было предупреждено 4833 преступления, что составило 7,5 % от числа зарегистрированных преступлений, совершенных несовершеннолетними; предотвращено формирование ряда преступных групп.

В 1945 г. с помощью агентуры было предупреждено уже 9,9 % от общего зарегистрированного числа – 3406 преступлений несовершеннолетних. Из 34 440 преступлений, совершенных несовершеннолетними, раскрыто с помощью агентурных сведений 12 080 (35,1 %) [1, с. 19].

В конце 1945 г. вербовка агентуры из числа несовершеннолетних была запрещена. В послевоенный период, характерной чертой которого стало значительное увеличение количества беспризорных и безнадзорных детей, вызванное послевоенной разрухой и голодом 1946 г., на первый план вновь были выведены направления деятельности милиции: отправка в детские дома и трудовые колонии, усиление работы по поиску родственников для восстановления семей через специальные адресные детские столы. Они сопровождались общегосударственными мерами социальной защиты. После 1946 г. преступность несовершеннолетних пошла на спад.

Таким образом, в чрезвычайных условиях навязанной СССР фашистской агрессии государство неуклонно осуществляло борьбу с преступностью несовершеннолетних, с порождающей ее детской беспризорностью и безнадзорностью, остававшуюся важным направлением внутренней политики. Решающий вклад в реализацию этого направления политики внесли органы внутренних дел, прежде всего милиция, сотрудники которой использовали различные формы и методы для профилактики и пресечения негативных отклонений среди детей и подростков.

В военный период, когда общество оказалось перед смертельной опасностью извне, это направление не было отброшено, но продолжало реализовываться в том числе с помощью чрезвычайных мер, адекватных обстановке и носивших временный характер. Деятельность милиции по борьбе с преступностью несовершеннолетних дала положительные результаты, позволила сбить темп роста этой преступности и перейти к его снижению, что позволило избежать криминализации общества и сберечь послевоенное поколение от негативной девиации.

Список литературы

1. Гусак, В. А. Деятельность агентурно-осведомительного аппарата органов милиции среди несовершеннолетних в период Великой Отечественной войны / В. А. Гусак // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2008. – № 3 (6). – С. 16.

2. Постановления Совета Народных Комиссаров СССР за июнь 1943 г. // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=24487#09818652039303077 (дата обращения: 09.03.2021).

Ахмедов Д. Р.[1],
курсант 3 курса института подготовки
сотрудников органов предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Никитин А. Н.,
профессор кафедры истории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ВЕРЫ И ИДЕОЛОГИИ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Правовая регламентация проблемы соотношения веры и идеологии представляет собой научный интерес для исследователя, как в современное время, так и в историческом прошлом, ввиду ее социальной значимости. Отечественный законодатель в ч. 2 ст. 67.1 Конституции Российской Федерации, впервые юридически упоминал о Боге, указав, что: «Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство» [5].

С учетом того, что представленная работа посвящена парадигме юридической регламентации уголовной ответственности по Российскому законодательству XVIII – XIX вв., где преступления против конфессии имели различный категориальный подход и значение, с учетом степени важности для дореволюционной российской общественности того или иного религиозного культа, далее в тексте, относительно социально негативных проявлений, против реализаций института свободы совести и свободы вероисповедания будет применяться терминологическое словосочетание – «преступления против веры».

В современном российском обществе широкое распространение получили мировые монотеистические религии: христианство, ислам, иудаизм и буддизм, а вместе с ними и негативные социальные проявления, которые сопровождали и продолжают сопровождать общественную жизнь под названием – «преступления против веры» или иначе, как трактуется в современном юридическом понимании, – «преступления, совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих» (ст. 148 УК РФ).

---

[1] © Ахмедов Д. Р., 2021.

Преступления, совершенные в подобных целях, являются порождением негативного противодействия отдельных групп населения, либо индивидов, по отказу от соблюдения установленных законами правил социального поведения, либо в виде противодействия реализаций установленных государственной властью законных предписаний, как публично-правового, так и частного характера. В современном мире особую остроту приобрели так называемые межконфессиональные конфликты, порождением которых стали исторически сложившиеся условия в архаичном прошлом периода Средневековья мировых цивилизации, а именно: крестовые походы, религиозные войны [2].

Примеры тому – религиозный экстремизм и терроризм, охватившие различные уголки земного шара [7, 8, 9], в том числе и Российскую Федерацию, где законодатель предпринял ряд юридических уточнений, по защите конституционных прав и свобод человека и гражданина на свободу совести и свободу вероисповедания. Так, в частности, Федеральным законом от 29 июня 2013 г. № 136-ФЗ «О внесений изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации, в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан» [11] предусмотрены меры уголовной ответственности за деяния, а именно: «публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные, в целях оскорбления религиозных чувств верующих; незаконное воспрепятствование деятельности религиозных организаций или проведению богослужений, иных религиозных обрядов и церемоний».

Вопросы юридической регламентации защиты конституционных прав и свобод, по реализации гражданами права на свободу совести и свободу вероисповедания законодатель обозначил в категории первоочередных. Следовательно, вытекающие из них меры уголовно-правовой охраны и защиты, в том числе в вопросах противодействия преступлениям, против свободы совести и свободы вероисповедания, находятся в повышенном научном, общественном и государственном внимании, в том числе и опыт противодействия им. Так как в последнее время с учетом сложившейся религиозной обстановки в международном сообществе данному вопросу все более пристальное внимание уделяют представители средств массовой информации, благодаря чему данное отрицательное социальное явление – преступления против оскорбления религиозных чувств – приобретает среди общественности повышенный интерес.

Чтобы более подробно разобраться в данной проблематике, необходимо обратиться к историческому прошлому, где впервые получило юридическое закрепление, в качестве средства государственно-правового противодействия

данным негативным социальным проявлениям, юридическая регламентация преступлений против веры. Особый юридический интерес, в направлении научного поиска, представляет период с XVIII по XIX в.

Религия на протяжении общественной жизни мировых цивилизаций оказывала огромное влияние на население различных стран, в том числе и на подданных Российской империи, и на граждан Российской Федерации.

Казалось бы, как религия может быть связана с правом? Так религия – один из основных источников возникновения и развития права, так как в религии, а именно в религиозных учениях: христианство, ислам, в их канонических нормах, содержащихся в первоисточниках: Библия [4], Коран [1], существует много постулатов, которые прямо или косвенно были в последующем закреплены в нормативных правовых актах, в виде соответствующих императивных предписаний, имеющих качественно-императивное значение, в виде социальных регуляторов. Например, заповеди: «Не убей», «Не кради», «Не произноси ложного свидетельства» [6] соответствуют положениям статей современного Уголовного кодекса Российской Федерации, а именно: ст. 105 УК РФ «Убийство», ст. 158 УК РФ «Кража», ст. 306 УК РФ «Заведомо ложный донос о совершении преступления» и ст. 307 УК РФ «Заведомо ложные показание свидетеля, потерпевшего либо заключение или показание эксперта, показание специалиста, а равно заведомо неправильный перевод в суде либо при производстве предварительного расследования» [10].

Следовательно, морально-нравственная норма, возведенная в закон, требует исключительного его соблюдения, так как санкционирована государственной властью. Соответственно лицо, подпадающее под сферу воздействия общественных отношений, урегулированных данной нормой права, обязано соблюдать установленные правила поведения. В то же время соблюдение правил религии, в виде морально-нравственных предписаний, не всегда требует обязательного их исполнения, так как религиозный проступок, не всегда правильный с точки зрения морали, не обязательно является нарушением нормативных правовых предписаний, санкционированных государством. Поэтому, человек в современном мире сам выбирает соблюдать ли ему определенные правила, установленные соответствующим вероучением.

В то же время, религия – один из регуляторов общественных отношений, которые проявляются в виде соответствующих социально-нравственных императивов и правил канонического характера, устанавливающих и разъясняющих общественные и природные явления, происходящие в мире, текущую окружающую реальность, формируют представления о будущей праведной

жизнедеятельности и социальном благе. При этом каждому явлению она придавала свое, индивидуальное объяснение и значение, иногда возводя в категорию социально-нравственной императивной нормы, охраняемой каноническими требованиями и религиозной догмой, при ее реализации.

В процессе повседневной жизнедеятельности общество сталкивается с различными обстоятельствами, в том числе и с теми, которые оказывают негативное воздействие на санкционированные государством, религиозными канонами нормы поведения, придав им официальное наименование – преступление либо проступок. Преступления, юридически закрепившись в общественной среде, в качестве негативного социального проявления, затронули практически все сферы ее жизнедеятельности. Не исключением в данном вопросе стала и сфера вероисповедных отношений. Однако, учитывая, что государство и религия возникали параллельно [12], светская власть всегда стремилась защитить интересы официального религиозного культа, получившего государственно-правовое оформление и закрепление в пределах территориальной юрисдикции национального государства.

Официальный религиозный культ, в качестве взаимных обязательств перед органами государственной власти, в свою очередь, обеспечивал сакрально-идеологическую легитимацию деятельности государя и его полномочных представительств (институтов в лице органов государственной власти), как наместника «божественной» власти на земле. Поэтому результаты совместной деятельности светской и духовной власти отражались в виде нормативных правовых предписаний, определяющих правила поведения для участников общественных отношений, находящихся в пределах территориальной юрисдикции данного государства, вплоть до применения мер уголовной ответственности за преступления против интересов государственной религии, невыполнения ритуального культа или обряда, получившее в отечественном дореволюционном законодательстве наименование – «преступления против веры».

Наиболее наглядная форма совместной деятельности религии и государства, по реализации общих целей и задач, получила юридическую формализацию, в виде симфонии «священства и царства», которая зародилась и практически воплотилась в Восточно-римском (Византийском) государстве. Данная сакрально-юридическая формула взаимных отношений, между институтами государства и религии, имеет непосредственное отношение и к России, как к последующей правопреемнице православных церковно-политических традиций Византийской империи [3].

Таким образом, рассматривая вопросы совместных взаимоотношений органов государственной власти и институтов религиозных объединений, необходимо отметить, что наиболее существенный период времени, когда отечественный законодатель активно разрабатывал правовые предписания, регламентирующие религиозные отношения в российском обществе, в том числе меры уголовной ответственности, – это период XVIII–XIX вв., когда в российском законодательстве под воздействием внутренних и внешних социально-политических, культурно-идеологических, экономических факторов происходили существенные преобразования во всех направлениях общественной и государственной жизни страны, в том числе и в религиозной сфере.

Список литературы

1. Аль-Мунтахаб фи Тафсир аль-Кур’ан аль-Карим. Толкование Священного Корана на русском языке / под ред. Р. У. Ходжаевой. – Казань, 2001.

2. Васильев, А. Византия и крестоносцы. Падение Византии / А. Васильев. – М. : Ломоносовъ, 2018.

3. Величко, А. М. Византийская «симфония» / А. М. Величко. – М. : Вече, 2018.

4. Закон Божий для семьи и школы со многими иллюстрациями / сост. Протоиерей Серафим Слободский. – СПб., 1997.

5. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. – 1993. – № 237. – 25 дек.

6. Бойко, А. И. Мировые религии о преступлении и наказании / [А. И. Бойко и др.]. – М. : РИПОЛ классик, 2013.

7. Терроризм и религия / научн. ред. В. Н. Кудрявцев; сост. Л. В. Брятова; Обществ.-консультативный совет по проблемам борьбы с международным терроризмом РАН. – М. : Наука, 2005.

8. Религия и конфликт / под ред. А. Малашенко, С. Филатова; Моск. Центр Карнеги. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007.

9. Эмануилов, Р. Я. Террор во имя веры: религия и политическое насилие / Р. Я. Эмануилов, А. Э. Яшлавский. – М. : Мосты культуры, 2011.

10. 8 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 30.12.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25, ст. 2954.

11. Федеральный закон от 29.06.2013 № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные

законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 26, ст. 3209.

12. Фюстель де Куланж Древняя гражданская община: исследование о культе, праве, учреждениях Греции и Рима / пер. с фр. изд. стереотип. – М. : КРАСАНД, 2019.

Байкеева С. Е.[1]*,*
профессор кафедры
истории государства и права
Санкт-петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

ИДЕОЛОГИЯ И ПРИНЦИПЫ КАДРОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Функционирование современного государства, продуктивная деятельность органов государственной власти и управления, формирование комплекса инструментов взаимодействия государства и общества видятся в тесной взаимосвязи с совершенствованием института государственной службы. Важнейшим направлением реформы органов государственной власти является совершенствование государственной службы. Особого внимания заслуживает ее кадровое обеспечение, так как эффективное решение кадровых задач – залог успешного функционирования системы государственной службы государства.

В настоящее время в нашей стране назрела острая необходимость в выработке идеологии государственной службы, определении принципов и направлений ее развития.

Становление гражданского общества и правового государства напрямую зависит от успешной организации системы кадрового обеспечения государственной службы, которая сможет обеспечить осуществление демократических прав и свобод, новых подходов в системе государственного управления. В условиях реформирования всех сфер жизни общества назрела настоятельная необходимость восполнить дефицит квалифицированных государственных служащих, способных, в соответствии со своей квалификацией, эффективно принимать управленческие решения, свободные от бюрократизма и коррумпированности.

Кадровое обеспечение государственной службы – одно из важнейших направлений реализации кадровой политики государства и включает ряд подсистем: правовая, социальная и идеологическая. Именно идеология кадрового обеспечения государственной службы предполагает формирование аппарата служащих с учетом их высоких морально-нравственных качеств, что позволяет им осуществлять свою профессиональную деятельность на высоком уровне. В. Л. Чепляев отмечает, «Для каждого работника, в том числе государственных и муниципальных служащих, мотивацией служат различные внутренние и

[1] © Байкеева С. Е., 2021.

внешние факторы, которые складываются еще в процессе его подготовки как специалиста под воздействием определенных обстоятельств» [11, с. 23]. Идеология государственной службы должна совпадать с идеологией государства. Л. Н. Гончаренко и Э. Б. Авакова утверждают, что «стержнем любой государственной идеологии всегда являлись интересы, общественные и политические притязания, а также ценности элитарных групп населения, обладающих властью и влиянием в стране» [5, с. 6]. История показывает, что идеология государства не постоянна и может видоизменяться под влиянием социальных процессов.

Проблема идеологического построения кадрового обеспечения государственной службы для российского государства не нова. Еще в годы правления Петра I одним из важнейших составляющих организации государственной службы в России стала иерархическая система чинов, титулов и званий, положившая начало формированию системы кадрового обеспечения органов государственной власти и управления. Такая организация системы должна была позволить сформировать крепкий чиновничий корпус, деятельность которого основывалась на соблюдении принципа трудовой дисциплины и субординации. В. Н. Толкунова, Н. К. Гусов рассматривают дисциплину труда как один из принципов трудового права [10, с. 281], однако дисциплину труда можно выделить и в качестве принципа кадрового обеспечения.

В соответствии с главой I принятого 28 февраля 1720 г. Генерального Регламента, члены государственных коллегий и «прочие чины гражданские обще» должны быть «верные, честные и добрые люди и слуги быть... убыток, вред и опасность отвращать» [3]. Этот документ предписывал государственным служащим соблюдать требования государственной тайны: «Когда же в службе и пользе Его Величества, какое тайное дело, или какое бы оное ни было, которое приказано мне будет тайно содержать, и то содержать в совершенной тайне, и никому не объявлять, кому о том ведать не надлежит и не будет повелено объявлять» [3]. Устанавливались и требования служащим исполнять свою должность, по совести, не беря во внимание соображения свойства, родства, корысти, личных отношений. Исполнение обязанностей службы должно было осуществляться «верно и прилежно, ни по дружбе, или вражде, или из-за взяток» [1, с. 45].

В первой четверти XVIII в. были сформированы правовые основы кадрового обеспечения государственной службы. Законодательно существование чиновничества как особой группы служащих и его правовое положение закреплены в изданной 24 января 1722 г. «Табели о рангах всех чинов воинских, статских и придворных» [9]. Табель определял порядок поступления на государственную службу, принципы ее кадрового обеспечения. В приоритете при

назначении на должности были личные заслуги, профессиональные способности, знания и опыт.

Указ от 31 января 1724 г. «О непроизвождении в Секретари приказных, которые дворянства не имеют» [8] ввел новый принцип комплектования бюрократического аппарата – допущение к секретарским должностям тех разночинцев, которые проявили рвение к службе: «буде же из подьяческого чина кто какое знатное дело покажет и заслужит, то таких... (в секретари. – *Прим. авт.*) производить». Этот указ позже подтвержден 20 апреля 1762 г. Высочайше утвержденным докладом Сената «О производстве в секретари приказнослужителей не из Дворян» [2]. Этот документ устанавливал срок выслуги в чине, необходимый для получения следующего классного чина коллежскими секретарями, «которые из приказных чинов, а не из дворян» [2] который составлял 12 лет. В докладе указывалось, что многие секретари, которые не имеют дворянства, несмотря на свою беспорочную службу, не имеют возможности получать достойное вознаграждение за их труд и продвигаться по служебной лестнице.

С приходом на престол Анны Иоанновны порядок осуществления гражданской службы в империи был изменен и введен новый принцип несения гражданской службы – принцип добровольности, по которому устанавливался новый порядок выхода в отставку государственных служащих – дворян по сенатскому решению [4, с. 134].

Дальнейшая централизация государственного управления потребовала реформы системы отраслевых органов государственного управления. В 1802 г. был издан манифест «Об учреждении министерств» [7], положивший начало новой форме отраслевых управленческих органов. 25 июня 1811 г. «Общее учреждение министерств» устанавливало четкое разграничение функций между министерствами и главными управлениями, единые принципы их организации и общий порядок прохождения в них дел 6 августа 1809 г. император Александр I, подписал указ, подготовленный М. М. Сперанским «О правилах производства в чины по гражданской службе и об испытаниях в науках, для производства в коллежские асессоры и статские советники» [6]. Эти документы устанавливали ряд испытаний для государственных служащих, имеющих намерение продвигаться по служебной лестнице. Испытания позволяли выявить у кандидатов знаний и навыков, необходимых для осуществления профессиональной деятельности, а также установленных государством и отдельными его структурами правил, норм и предписаний.

Таким образом, изначально законодательно существование чиновничества, его правовое положение и принципы кадрового обеспечения закреплены в

изданной 24 января 1722 г. [9]. «Табели о рангах всех чинов воинских, статских и придворных». Основными принципами кадрового обеспечения государственной службы стали: принцип законности, обязывающий чиновников неукоснительно соблюдать законы империи: принцип гуманизма, который выражался в требованиях служить людям, царю и Отечеству, проявлении внимания к нуждам общества. Принцип ответственности, обязывающий государственных служащих нести не только юридическую, но и нравственную ответственность за принимаемые управленческие и кадровые решения. Принцип всесословности, который позволял отличившимся в службе чинам, не имеющим дворянства, получить следующий классный чин. Принцип добровольности, который выражался в установлении единого порядка выхода в отставку государственных служащих – дворян по сенатскому решению. Принцип трудовой дисциплины, означающий осознанное, добровольное соблюдение служащими установленных государством, отдельными его структурами правил, норм, предписаний своего служебного поведения. Принцип честности и неподкупности, требующий категорического неприятия таких явлений, как коррупция и бюрократизм.

Таким образом, государственная служба в Российской империи выделилась в самостоятельную сферу деятельности, сформированы идеологические основы функционирования и кадрового обеспечения особой, профессиональной, социально и корпоративно выделенной группы государственных служащих, определены основные принципы ее кадрового обеспечения.

Список литературы

1. Аказеев, Д. М. Развитие системы работы с кадрами полиции Российской империи (XVIII – начало XX века). Историко-правовое исследование : дис. … канд. юрид. наук / Д. М. Аказеев. – М., 2017. – С. 45.

2. Высочайше утвержденный доклад Сената «О производстве в секретари приказнослужителей не из Дворян» // Полное Собрание Законов Российской империи в 45 томах. – Собр. I. – Т. XV 15. – СПб., 1830.

3. Генеральный Регламент или Устав, по которому государственныя Коллегии, також и все оные принадлежащих к ним канцелярий и контор служители, не токмо во внешних и внутренних учреждениях, но и во отправлении своего чина, подданнейше поступать имеют от 28 февраля 1720 г. // Полное Собрание Законов Российской империи в 45 томах. – Собр. I. – Т. VI. – СПб., 1830.

4. Гимаев, И. Р. Становление и развитие государственной и муниципальной службы в Российской Федерации: Теоретическое и конституционно-правовое исследование : дис. … д-ра юрид. наук / И. Р. Гимаев. – СПб., 2005. – С. 134.

5. Гончаренко, Л. Н. К вопросу о государственной идеологии современной России / Л. Н. Гончаренко, Э. Б. Авакова // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. – 2020. – Т. 31. – С. 6.

6. Именный, данный Сенату «О правилах производства в чины по гражданской службе и об испытаниях в науках, для производства в Коллежские Асессоры и Статские Советники» // Полное Собрание Законов Российской империи в 45 томах. – Собр. 1. – Т. XXX. – СПб., 1830.

7. Манифест об учреждении Министерств от 8 сентября 1802 г. // Полное Собрание Законов Российской империи в 45 томах. – Собр. I. – Т. XXVII. – СПб., 1830.

8. О непроизвождении в Секретари приказных, которые дворянства не имеют от 31 января 1724 г. // Полное Собрание Законов Российской империи в 45 томах. – Собр. I. – Т. VII. – СПб., 1830.

9. Табель о рангах всех чинов Воинских, Статских и Придворных, которые в котором классе чины; и которые в одном классе, те имеют по старшинству времени вступления в чин между собою, однакож Воинские выше прочих, хотя бы и старее, кто в том классе пожалован был от 24 января 1722 г. // Полное Собрание Законов Российской империи в 45 томах. – Собр. I. – Т. VI. – СПб., 1830.

10. Толкунова, В. Н. Трудовое право России / В. Н. Толкунова, К. Н. Гусов. – М., 2006. – С. 281.

11. Чепляев, В. Л. Идеологический плюрализм и патриотизм: к вопросу об идейном воспитании государственных служащих / В. Л. Чепляев // Вестник Поволжского института управления. – 2016. – № 6 (57). – С. 23.

Беляева О. В.[1]*,*
доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин
Орловского юридического института
МВД России имени В.В. Лукьянова,
кандидат юридических наук, доцент

Савченко В. А.[2]*,*
слушатель Орловского юридического института
МВД России имени В.В. Лукьянова

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ИСТОРИИ РОССИИ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ

Несмотря на процветание гуманизма и толерантности, моду на «мир во всем мире» и массового разоружения, люди всегда находят, за что бороться. Они идут войной друг на друга из-за денег, территории и власти. Это доказывают вооруженные конфликты и войны, сопровождаемые неизбежными человеческими потерями, которые происходят в эту минуту.

Войны продолжаются, но отношение к войне сильно изменилось. Еще недавно, чуть больше сотни лет назад, войну романтизировали: считали неизбежным и благородным занятием. Люди видели в войне единственный способ показать превосходство, укрепить государственность.

С течением времени изменилось не только отношение к войне, но и к используемым средствам. Сабли и штыки сменились ядерным оружием и компьютерными технологиями. Инновации в сфере компьютерного программирования спровоцировали переход войны на информационный уровень, что повлекло формирование новых способов воздействия, в большей мере оказывающих влияние на мировоззрение, сознание людей, например, фальсификация истории той или иной страны.

Термин «фальсификация» в контексте рассматривается по-разному, но все равно означает некую подделку. Фальсификации подвергаются документы, ювелирные изделия, денежные средства, произведения изобразительного искусства и другие вещи, имеющие ценность. Отдельно существует и фальсификация доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности (ст. 303 УК РФ).

---

[1] © Беляева О. В., 2021.
[2] © Савченко В. А., 2021.

Согласно словарю С. И. Ожегова, фальсификация – это поддельный предмет, вещь, выдаваемая за настоящую, подделка [4]. Профессор истории А. А. Данилов дает свое определение фальсификации истории: это предумышленное, а порой и злонамеренное искажение исторических фактов и событий, истолкование их в угоду какой-то позиции [3].

Таким образом, фальсификация истории означает подделку исторических фактов, сведений и обстоятельств; сознательное искажение исторической истины и действительности прошлых лет.

Существует множество способов и методов ее непосредственной реализации. Методом называется совокупность рациональных действий, которые необходимо предпринять, чтобы решить определенную, сформированную задачу или достичь поставленной цели.

В ходе изучения понятия «фальсификация истории» необходимо понять, какие действия возможны для ее осуществления. Например, авторы, желающие переписать ход истории, могут не указывать источники, сведения из которых они преподносят «истинными», или могут ссылаться на несуществующие издания. Сейчас стало актуальным фальсифицировать историю как бы случайно, неосознанно. Данный способ характерен в большей мере для художественной литературы или кинематографа. Писатели и режиссеры, в погоне за просмотрами и рейтингами изменяют историю, стараясь сделать ее более интересной, тем самым привлечь зрителя. Чаще всего это реализуется с помощью сложных любовных историй или запутанных родственных отношений.

В качестве наиболее сложного, интересного и тонкого способа фальсификации выступает подделка первичных источников: «сенсационные» открытия, ранее «неопубликованные» и «неизвестные» материалы, мемуары, дневники и т. д. В этом случае необходима специальная экспертиза для опровержения ложных данных.

Что касается причин фальсификации истории, они схожи с причинами любых военных действий, например банальное желание завладеть богатствами или территорией другой страны и др., но во всех войнах всегда присутствует экономический интерес, даже если стороны конфликта говорят о более благородных целях. Современные конфликты подкрепляют жесткие политические интересы: стремление к господству на международной арене.

Фальсификация истории как проявление информационной войны влияет на сознание, мировоззрение людей. Это тонкий психологический маневр. Люди склонны верить в то, что говорят, стоя перед камерой, авторитетные значимые

популярные лица, не проверятя достоверность их слов. Услышанное откладывается в подсознании и формирует мировоззрение, отношение к окружающему.

Причины, цели, поводы и мотивы исторических фальсификаций могут быть самыми разнообразными, например, закрепить за той или иной страной историческое право на определенную территорию, обосновать легитимность правящей династии или правопреемство государства по отношению к тому или иному историческому предшественнику.

Фальсификация истории России используется как средство принижения ее исторической значимости, как гаранта стабильности в Евразии, с целью ограничить влияние на мировые процессы. Фальсификаторы стараются разрушить стремление государств бывшего Союза к единению, проведению скоординированной внутренней и внешней политики.

Так, выступая с ежегодным посланием Федеральному Собранию Российской Федерации, Президент России В. В. Путин четко обозначил проблему содержания учебников истории, по которым школьников знакомят с подробностями войны на «втором фронте», но не упоминают Сталинградскую битву. В ближайшее время после критики Президента России Минпросвещения должно проверить все учебники истории.

Представляется, что общая цель фальсификаций и искажений истории нашего Отечества – представить Россию «империей зла», отнять у нее героическое прошлое, а у народа историческую память, сделать Российскую Федерацию изгоем мировой политики, лишить возможности развития как единого государства, по сути – оставить Россию без будущего [2].

Фальсификация истории нашей страны появилась вместе с самой историей России. Она проявлялась во все исторические периоды, сопровождая каждую формацию, при всех режимах и при каждом правителе. Но в конце прогрессивного 20 века и в 21 столетии она стала совершенно далекой от истины, агрессивной, вульгарно наглой. Например, факт фальсификации истории России, появившейся в сети не так давно. В 2020 г. зафиксированы попытки США обвинить СССР в ядерных бомбардировках Японии. Обвинения выдвинуты заведующим научно-методическим отделом Музея Победы в Москве Станиславом Давыдовым. И хотя большинство людей заявили, что подобная дезинформация не может быть никем воспринята всерьез только потому, что первое испытание ядерного оружия Советским Союзом произошло спустя четыре года после окончания Второй мировой войны, другие уверенно заявляли, что уклон такого рода пропаганды делается на молодежь, новое, подрастающее поколение. Они не могут

знать наверняка и верят тому, что рассказывают взрослые, влиятельные люди, и тому, что пишут в их учебниках.

Проведенные социальные опросы свидетельствуют, что две трети респондентов убеждены в том, что ядерные бомбы на японские города, Хиросиму и Нагасаки, сбрасывали по приказу Сталина – руководителя СССР. Доказательством того, что данные сведения – ложь является факт: первое испытание ядерной бомбы в СССР случилось 21 августа 1949 г., а бомбу на Хиросиму и Нагасаки американцы сбросили 4 и 6 августа 1945 г. Подобное заявление сильно влияет на отношение других стран к Российской Федерации. Запад воспринимает Россию как агрессора, а Япония как виновника огромного количества жертв.

Существует огромное количество заявлений, искажающих действительность событий Великой Отечественной войны. Это объясняется тем, что ряд фальсификаторов выполняют политический заказ реваншистских сил с целью принижения роли советского народа в победе над фашизмом. Особенно, это касается предыстории Второй мировой войны, где историческую правду заменяют ложь и абсурд. Например, Европарламент принял резолюцию, которая фактически ставит на один уровень и гитлеровскую Германию, и Советский Союз, намекая, что СССР является инициатором начала Второй мировой войны.

Необходимо отметить, что фальсификация событий и итогов Великой Отечественной войны всегда была важнейшей чертой современной западной военной историографии и пропаганды. Это объясняется желанием западных стран подорвать чувство собственного достоинства россиян, лишив самого главного – гордости за свое Отечество, за наши великие свершения и вклад в мировую цивилизацию. Они преследуют цель запутать вопрос о причинах Второй мировой и Великой Отечественной войн; оправдать правительства и финансовую олигархию ведущих мировых держав того времени – главных виновников произошедшего; представить в искаженном свете предысторию войн; исказить факты участия СССР в войне с Третьим рейхом, принизить вклад нашей страны в Победу над фашизмом [1].

Ярким примером, характеризующим фальсификацию современной истории России, являются события 16 марта 2014 г.: за присоединение полуострова Крым к территории Российской Федерации на референдуме проголосовали 97 % его жителей. Официальные власти Украины до сих пор не желают признать результат народного голосования и заявляют, что он был проведен под дулами автоматов российских военных. Они уверяют, что такого решения власти Российской Федерации добились путем шантажа, вооруженного устрашения. Западные страны результат референдума также не признали.

Представитель американского внешнеполитического ведомства Дженнифер Псаки заявляла: «Мы не признаем попытку аннексии Россией и не сделаем этого. Призываем президента России Владимира Путина прекратить оккупацию Крыма». Такого рода публичная фальсификация опасна. Люди ограничены в получении информации и верят представителям своей страны. Слово «оккупация» явно не уместно при 97 % голосов «за». Явные, демонстративные искажения фактов порождает в сознании людей неправильное восприятие политической ситуации в мире.

В настоящее время глава Соединенных Штатов Америки, Президент Джо Байден, заявил, что власти их страны никогда и ни за что не признают присоединение к России полуострова Крым. Соответствующее заявление он выпустил 26 февраля этого года, в день сопротивления «оккупации» Крыма и Севастополя, который отмечают в Украине 26 февраля. Праздник был введен Владимиром Зеленским, действующим Президентом Украины. По его мнению, возвращение полуострова – часть национальной идеи страны. Свои действия он осуществляет рамках борьбы против «российской агрессии». Политика героизации нацизма недопустима и оскорбляет память героев войны, – заявил Владимир Путин на заседании оргкомитета «Победа» Фальсификация, манипуляция историческими фактами ведут к разобщению стран и народов, к появлению новых разделительных линий, формированию образа врага» [5].

Таким образом, фальсификация истории России в современном мире действительно выступает как проявление информационной войны. Бороться с фальсификаторами истории нашей страны сложно, но необходимо. Нельзя допускать формирования неправильного восприятия основ современного порядка у россиян и жителей иностранных государств.

Список литературы

1. Заварзин, В. Противостоять попыткам переписать историю можно только аргументированной правдой / В. Заварзин, К. Иманалиев // Российская гозета. – URL: https://rg.ru/2020/04/28/protivostoiat-popytkam-perepisat-istoriiu-mozhno-tolko-argumentirovannoj-pravdoj.html (дата обращения 16.04.2021 г.).

2. Кикнадзе, В. Г. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Мифы и реальность / В. Г. Кикнадзе, В. В. Изонов; под ред. В. Б. Зотова, И. И. Басика. – М.: Юго-Восток-Сервис, 2010. – Ч. 1. – С. 4–7.

3. Криворученко, В. К. Борьба с фальсификацией истории на постсоветском пространстве: история или политик / В. К. Криворученко // КиберЛенинка. –

URL: https://cyberleninka.ru/article/n/borba-s-falsifikatsiey-istorii-na-postsovetskom-prostranstve-istoriya-ili-politika (дата обращения: 16.04.2021).

4. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : Азъ, 1994.

5. Путин, В. В. Фальсификация истории ведет к разобщению стран и народов / В. В Путин // МИА «Россия сегодня». – URL: https://ria.ru/20170420/1492658951.html (дата обращения: 16.04.2021).

Бредихин А. Л.[1]*,*
старший преподаватель
кафедры математики и информатики
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941–1945 ГОДОВ КАК ЭЛЕМЕНТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕОЛОГИИ

В ряду функций, которые осуществляет государство, важное место определено идеологической функции. Идеологическая функция – основное и постоянное направление деятельности государства как общественно-политического института, содержанием которого является процесс построения определенной модели общественно-политических отношений в границах данного государства [1, с. 10].

В рамках осуществления идеологической функции современное государство воспроизводит два наиболее важных процесса: легитимацию государственной власти и государственное целеполагание. В рамках первого процесса осуществляются мероприятия, направленные на поддержание должного уровня доверия населения к государственной власти, восстановление доверия, чтобы большая часть населения признавала данную власть и выражала готовность ей подчиняться. Легитимация «осуществляется как идеологический процесс» [4, с. 10]. В рамках второго процесса происходит целеполагание, т. е. постановка общегосударственных целей и ориентиров развития данного государства, а также обеспечение поддержки данных целей и ориентиров большинством граждан. Примером такого целеполагания является стратегическое планирование.

В основе идеологической функции лежит идеологический компонент, содержащий идеологические элементы (идеологиемы), совокупность которых с определенной долей условности можно назвать идеологией.

Помимо привычного представления об идеологии и идеологической функции государства, немаловажными компонентами являются определенные символы, в том числе исторические события [2], которые действующая власть видит наиболее значимыми, и которые имеют непосредственную связь с текущим политическим режимом.

В российском государстве таким историческим значимым событием стала Великая Отечественная война. По итогам войны, несмотря на чудовищные

---

[1] © Бредихин А. Л., 2021.

потери населения, инфраструктуры, Советский Союз на правах страны-победителя на долгие годы приобрел статус одного из важнейших субъектов мировой политики. По состоянию на начало войны Советский Союз не имел такого места на международной арене. Следовательно, в массовом сознании возникает чувство национальной гордости, солидарности, патриотизма, что способствует идентификации граждан с государством и дает возможность государственной власти эффективно управлять общественными процессами.

Значение победы над фашизмом для Советского союза очевидно, поэтому в советский период организовано множество посвященных войне мемориальных сооружений, достопримечательных мест. Символы Победы воспроизводились повсеместно, начиная с топонимических наименований (названия городов, улиц, парков, площадей и т. п.), заканчивая названиями товаров народного потребления (например, часы и модель автомобиля именовались «Победа»).

Для современной России вопрос идеологии встал в начале 1990-х годов после распада СССР. Новая Конституция Российской Федерации восприняла демократические западные ценности и идеалы, которые ранее признавались враждебными для советского общества и государства. Начался процесс отторжения элементов советской системы на политическом и бытовом уровне. Великая Победа – это тоже достижение советского общества и государства, а нынешнее государство юридически стало правопреемником СССР на международном уровне, заняло его место в международных органах (например, Совете Безопасности ООН). То есть «выбросить» Великую Отечественную войну из общественного сознания невозможно, нелогично и нецелесообразно. Дальнейшие события и развитие российского законодательства показали, что Великая Отечественная война, и все что с ней связано, осталось, как символ, важнейшей частью государственной идеологической системы, полноценной замены которой не найдено до сих пор.

Первым значимым законодательным документом, определившим отношение новой российской власти, к той войне стал Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов», который действует до сих пор в обновленной редакции. Согласно первоначальной редакции названного закона, в него включались вопросы празднования «Дня Победы» 9 мая, установления государственных наград и премий, определения статуса памятников и некоторые другие вопросы. Отдельно следует обратить внимание на ст. 6 данного закона, определяющую необходимость и готовность России обороться с проявлениями фашизма.

В идеологическом плане наиболее интересна преамбула к названному закону «Исходя из традиций народов России хранить и беречь память о защитниках Родины, тех, кто отдал свои жизни в борьбе за ее свободу и независимость, принимая во внимание, что забота об участниках, о ветеранах и жертвах войны является историческим долгом общества и государства, учитывая народный, освободительный характер Великой Отечественной войны…»

Из данной преамбулы однозначно явствует, что новое государство придает войне то же значение, что и в свое время Советский Союз.

На сегодняшний день документ претерпел несколько изменений, наиболее существенными из которых являются дополнения ст. 6. Так добавились положения о запрете использования нацистской символики, а также отрицание фактов, установленных Международным военным трибуналом для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси (Нюрнбергского трибунала) либо вынесенными в период Великой Отечественной войны, Второй мировой войны.

Названные выше изменения назрели ввиду реальных попыток фальсификации истории России, главным образом истории Великой Отечественной войны, очернение роли СССР в ней. Эта проблема осознана еще в 2009 г., когда Указом Президента Российской Федерации от 15 мая 2009 г. № 549 «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России» создана одноименная комиссия. Комиссия просуществовала до 2012 г. и была упразднена ввиду выполнения возложенных на нее задач.

В контексте борьбы с фальсификацией истории, в Уголовный кодекс Российской Федерации в 2014 г. внесена статья 354.1 «Реабилитация нацизма». Часть 1 данной статьи предусматривает наказание за отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, одобрение преступлений, установленных указанным приговором, а равно распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, совершенные публично.

В данном пункте нужно выделить два аспекта. Во-первых, собственно реабилитацию нацизма, а во-вторых, распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, совершенные публично. Публичность здесь выступает обязательным условием уголовной ответственности и определяет общественную опасность данного преступления.

Второй аспект, на наш взгляд, продолжает тенденцию охраны образа Великой Отечественной войны в массовом сознании, признание войны в качестве компонента государственной идеологии, хотя и подвергается критике [3, с. 888].

Поскольку события периода Второй мировой войны все дальше от нас, уже осталось мало их непосредственных свидетелей, а новые поколения все меньше знают и понимают масштабы тех событий и подробности. Поэтому достаточно просто переписать историю, подменить факты и не просто сочинить новую историю войны, но и заставить поверить в нее подрастающее поколение. А это прямая угроза как для общественных и государственных устоев, так и легитимности государства.

Реализуя идеологическую функцию, государство максимально проводит просветительскую работу по событиям тех лет, проводятся тематические мероприятия, устанавливаются памятники, организуются музейные выставки, специализированные архивы, интернет-ресурсы и т. д. Тем не менее, важно не только своего рода «состязание» с деструктивной информационной деятельностью, но и ее прямое пресечение, в том числе уголовно-правовыми средствами.

По ст. 354.1 УКРФ уголовной охране подлежит и распространение порочащих сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества, и публичное осквернение символов воинской славы России. Хотя список дней воинской славы не исчерпывается событиями Великой Отечественной войны, но среди них значительная часть отведена именно событиям войны.

С увековечиванием памяти Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. связано присвоения звания Города воинской славы (Федеральный закон от 9 мая 2006 г. № 68-ФЗ «О почетном звании Российской Федерации «Город воинской славы»). Согласно ч. 1 ст. 1 названного закона звание «Город воинской славы» присваивается городам Российской Федерации, на территории которых или в непосредственной близости от которых в ходе ожесточенных сражений защитники Отечества проявили мужество, стойкость и массовый героизм, в том числе городам Российской Федерации, которым присвоено звание «Город-Герой».

В свою очередь, звание Города-Героя присваивалось именно за оборону в период Великой Отечественной войны.

Знаковым событием стало принятие в 2020 г. поправок к Конституции Российской Федерации, а именно дополнение текста ст. 67.1, где в ч. 3 указано: «Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не

допускается». Хотя периодом Великой Отечественной войны данное положение не ограничено, очевидно, что речь идет в первую очередь об этом времени. Во всяком случае, в выступлениях высших должностных лиц Российской Федерации в контексте защиты исторической правды речь шла всегда о фактах, касающихся войны 1941–1945 гг.

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод, что Великая Отечественная война 1941–1945 гг. осталась самым значимым событием в истории современной России, а победа в этой войне – предмет национальной гордости. Именно Победе в Великой Отечественной войне современная Россия обязана своим статусом в мировой политической системе.

За период существования современной России (начиная с 1991 г.) не было найдено другой идеи и исторического события, которое было бы для общества столь мощным объединительным фактором. Таким образом, в последние годы наблюдается тенденция возвеличивания Великой Отечественной войны в массовом сознании, попытки вернуть былую славу героям и событиям того периода.

Список литературы

1. Бредихин, А. Л. Идеологическая функция в системе функций государства / А. Л. Бредихин // Теория государства и права. – 2019. – № 4. – С. 10.

2. Бредихин, А. Л. О структуре идеологической функции государства / А. Л. Бредихин // Государственная власть и местное самоуправление. – 2020. – № 1. – С. 21–23.

3. Дяченко, А. В. Обоснованность криминализации реабилитации нацизма в свете ограничения права на свободу слова / А. В. Дяченко // Вопросы российской юстиции. – 2020. – № 9. – С. 888.

4. Хабибулин, А. Г. Теория и идеология государства: политико-правовые процессы / А. Г. Хабибулин, Р. А. Рахимов. – СПб., 1998. – С. 10.

Варенцова Л. Ю.[1],
доцент кафедры теории
и истории государства и права
Нижегородской академии МВД России,
кандидат исторических наук, доцент

ИДЕОЛОГИЯ МОНАРХИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ В РОССИЙСКОЙ ПОЭЗИИ XVII в.

Идея абсолютной монархической власти приобрела особую популярность в Российском государстве после принятия в 1649 г. «Соборного Уложения». Она широко внедрялась на всех уровнях общественного сознания. Она нашла отражение в развитии русской литературы XVII в., в том числе и в сфере поэзии. Представители интеллектуальной элиты создавали свои произведения не по образцу народных песен, а в виде стихов, получивших название «вирши» [7, с. 612]. Прежде всего в виршах прославлялась царская власть в России.

Писатель из Белоруссии, российский общественный и церковный деятель, писатель, проповедник, переводчик Симеон Полоцкий (мирское имя – Самуил Емельянович Петровский-Ситнианович) (1629–1680 гг.) известен не только как наставник детей царя Алексея Михайловича от Марии Милославской (Ивана, Софьи, Федора), основатель типографии в Московском Кремле, соавтор проекта Славяно-греко-латинской академии, но и как создатель поэтических произведений философского и политического характера. Он сочинял стихи на польском, латинском, русском языках.

С. Полоцкий учился в Киево-Могилянской академии, в Вленской иезуитской коллегии. В 1656 г. он стал монахом Полоцкого Богоявленского монастыря. В том же году состоялось первое знакомство Симеона Полоцкого с царем Алексеем Михайловичем. Во время войны с Польшей Алексей Михайлович Тишайший вступил в Полоцк. Симеону Полоцому было поручено приветствовать российского монарха панегирическими стихами.

В 1660 г. он торжественно славил царя стихами в Москве. После возвращения Полоцка Польше С. Полоцкий переехал в Москву. С 1663 г. (1664) он стал преподавателем и проповедником, придворным и наставником детей российского монарха. Он выполнял роль переводчика при Паисии Лигариде – епископе Иерусалимской Церкви, православном митрополите Газы, активном участнике церковно-политической борьбы в России в 1660-х годов. В 1665–1668 гг. С.

[1] © Варенцова Л. Ю., 2021.

Полоцкий руководил школой подьячих Тайного приказа при Заиконоспасском монастыре. На Церковном соборе 1666–1667 гг. был переводчиком. По материалам Собора он написал трактат под названием «Жезл правления», имевший антистарообрядческое содержание.

С 1667 г. он занимался воспитанием царских детей. К придворным праздникам сочинял вирши. В зарождавшихся распрях между «латинствующими» и грекофилами был лидером первых. В 1672 г. он принимал участие в диспуте с иеромонахом Русской православной церкви, богословом, философом и переводчиком Епифанием Славинецким.

После восшествия на престол царя Федора Алексеевича в 1676 г. – воспитанника Симеона Полоцкого, придворный поэт приобрел особое влияние среди российской политической элиты. Даже патриарх Иоаким вынужден был с ним считаться [3, с. 114]. В 1679 г. он добился открытия неподотчетной патриарху дворцовой («Верхней») типографии. В 1680 г. С. Полоцкий подал царю Федору Алексеевичу проект открытия Академии [3, с. 146].

Он пользовался широкой известностью как ученый муж и поэт в России и за границей еще при жизни. Его социальный статус определил характер творческой жизни. Большинство его стихов связано с придворной жизнью того времени. Стихи С. Полоцкого объединены в два больших сборника: «Рифмологион» и «Вертоград многоцветный». Особой энциклопедичностью и грандиозностью отличался сборник «Вертоград многоцветный». «Рифмологион» включал панегирические стихотворения, декламации, а также пьесы («Комедия притчи о блудном сыне» и «О Навуходонасоре») [3].

В 1680 г. он стал создателем «Рифмованной Псалтыри», пользовавшейся большой популярностью в стране [7, с. 613]. С. Полоцкого считают создателем силлабического стихосложения. Он создавал вирши с равным числом слогов в стихотворной строке, с ударением на предпоследнем слоге [7, с. 613].

Творческое наследие С. Полоцкого велико. Он был автором проповедей, статей, писем, других сочинений. Известны его сборники проповедей: «Обед душевный», «Вечеря душевная». Он имел успехи в типографском деле. Как руководитель дворцовой типографии осуществил издание книг просветительского характера, в том числе букварей. После смерти Симеона Полоцкого в «Верхней» типографии печатались его проповеди.

Учениками С. Полоцкого были Сильвестр Медведев и Карион Истомин –продолжатели его мировоззренческих принципов. Свое имущество и рукописи С. Полоцкий завещал любимому ученику – Сильвестру Медведеву.

В 1680 г. Сильвестр Медведев под наблюдением царя Федора Алексеевича составил произведение в стихах под названием «Епитафион», восхвалявшее Симеона Полоцкого, высеченное на надгробной плите в Московском Заиконоспасском училищном монастыре. «Епитафион» начинается словами: «Зряй человече! Сей гроб, сердцем умилися, о смерти учителя славно прослезися…» [1, с. 127].

Книгохранитель, справщик Московского печатного двора, духовный писатель, придворный поэт, историограф, философ Симеон Агафонофич (Сильвестр) Медведев (1641–1691 гг.) был известен как автор нереализованного проекта утверждения Московского университета, создатель панегириков.

Другой ученик Симеона Полоцкого – близкий родственник Сильвестра Медведева, глава Московского печатного двора, иеромонах Московского Чудова монастыря, русский писатель, справщик, придворный поэт Карион Истомин (конец 1640-х гг. – 1717 годов) прославился как автор иллюстрированного букваря – лучшего учебного пособия своего времени (1691 г.) [7, с. 613].

С. Полоцкий создавал образ идеального главы государства. Главное достоинство царской персоны – это всеобщее благо, забота о людях: «Сам хощет умрети, аки отец ли мати за любыя дети» [4, с. 18]. Именно такие слова С. Полоцкий привел в стихотворении «Любовь к подданным».

Стихотворения С. Полоцкого неоднократно публиковались в России. К их числу можно отнести литературные труды «Нищета царей» и «Разнствие».

В произведении «Нищета царей» С. Полоцкий дал оценку царской домениальной собственности: «Цари и князи сущи пребогаты», «много рабов имут», «сокровище в злато соблюдают иным зело пребогато» [5, с. 116].

В стихотворении «Разнствие» поэт рассуждал о сущности понятий «царь» и «тиран», продолжая традиции античных философов: «Кто есть царь и кто тиран, хощещи ли знати, Аристотеля книги потщися читати» [6, с. 129]. «Тиран паки прижитий всяко ищет себе, о гражданстей ни мало печален потребе» [6]. По мнению С. Полоцкого, русский царь – это вовсе не тиран, так как «царь подданным прибытков ищет и желает» [6]. Именно такую установку имели русские цари в XVII в. по отношению к населению городов, волостей, сел и деревень. В его поэзии виден определенный «учительный» пафос, закреплены быт, нравы, обычаи того времени.

В поэзии С. Полоцкого прослеживались следующие тенденции: во-первых, автор пытался проанализировать феномен царской власти в нашей стране; во-вторых, он претендовал на знание особенностей системы власти не только в России, но и в мире, начиная с периода Древнего мира; в-третьих, он высоко

оценивал российский абсолютизм и воспевал его; в-четвертых, он формировал систему общественных ценностей, идеологию монархизма. Неслучайно ученик Симеона Полоцкого Сильвестр Медведев в «Епитафионе» назвал своего учителя «мужем благоверным, потребным своими проповедями для церкви и царства, российского народа [6, с. 127].

Помимо известных поэтов, воспевавших в XVII столетии монархическую власть, был целый ряд неизвестных поэтов, восхвалявших российский абсолютизм. Это была старая традиция русской литературы, когда в ней отсутствовало четко обозначенное авторство [7, с. 615].

В Отделе рукописей Государственного исторического музея в фонде «Собрание рукописей Е. В. Барсова» сохранился уникальный литературный памятник «Переписка в виршах XVII в.» [2]. Он представляет собой стихотворные отрывки из произведений русских писателей, выполненные оригинальной скорописью. Достаточное внимание в переписке уделено институту царской власти, особо сделан акцент в виршах на ее сакральности: «Российского царствия народа богоданный пастырь». Благодаря этнографу, археографу, библиотекарю Румянцевского музея в Москве Е. В. Барсову (1836–1917 гг.), сохранились оригинальные стихи, восхвалявшие правившую династию Романовых.

В российской поэзии XVII в. авторы акцентировали внимание не на личной судьбе монархов, не на их воинских подвигах, деловых качествах или светской жизни. Они пытались осмыслить великую роль монарха в жизни российского общества, наделить его сакральным авторитетом. Российский монарх должен был восприниматься в обществе как идеальный государь. В условиях становления абсолютной монархии в России в XVII столетии это был естественный процесс. Российская поэзия закрепляла комплекс этических идеалов, символов, формировала определенный общественный порядок, утверждала незыблемость политической власти. Поэзия в России в XVII в. была показателем уровня культуры и просвещения, господствовавшей монархической идеологии. В связи с этим ценными памятниками литературы являются вирши известных и неизвестных авторов.

Список литературы

1. Вирши (силлабическая поэзия XVII–XVIII вв.) / Библиотека поэта, Малая серия / под общ. ред. П. Н. Беркова, вст. ст. Ив. Розанова. – Л. : Советский писатель, 1935. – С. 127.

2. Переписка в виршах XVII в.. – М. : Государственный исторический музей. Отдел рукописей; Барс.С. 470.

3. Литература и культура Древней Руси : словарь-справочник / [О. М. Анисимова и др.]; под ред. В. В. Кускова. – М. : Высшая школа, 1994. – С. 114.

4. Полоцкий, С. Избранные сочинения / С. Полоцкий. – М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1953. – С. 18.

5. Полоцкий, С. Нищета царей / С. Полоцкий // Памятники литературы Древней Руси. XVII в. Кн. 3 / сост. и общ. ред. Л. Дмитриева, Д. Лихачева. – М. : Художественная литература, 1994. – С. 116.

6. Полоцкий, С. Разнствие / С. Полоцкий // Памятники литературы Древней Руси. XVII в. Кн. 3 / сост. и общ. ред. Л. Дмитриева, Д. Лихачева. – М. : Художественная литература, 1994. С. 129.

7. Пушкарев, Л. Н. Литература / Л. Н. Пушкарев // Очерки истории СССР. Период феодализма XVII в. / под ред. А. А. Новосельского, Н. В. Устюгова. – М. : Академия наук СССР, 1955. – С. 612.

Васечко А. А[1]*,*
доцент кафедры философии
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ СОХРАНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИИ

В последнее время кризисные явления, происходящие в обществе, принимают мировой масштаб и тревожный контекст. Все они, несомненно, имеют под собой духовную основу. В связи с этим необходимо, прежде всего, говорить об упадочном состоянии духовной сферы жизни человека и общества, «духовном вакууме», идейном оскуднении всего человечества, нарушении работы механизмов, сдерживающих человеческое «эго», а также стремлении к гегемонии отдельно взятых цивилизаций. При этом объектом посягательства становится самое ценное, что есть у любого народа, – история, духовные начала, лежащие в основе его единства и развития, – духовный суверенитет, который является важнейшей частью цивилизационного суверенитета. В связи с растущими темпами глобализации сохранять национальную идентичность становится все сложнее. История сегодня является объектом растущего интереса различных политических сил. Преобладает тезис о том, что без знания прошлого мы не сможем познать и понять настоящее и определить тенденции будущего. Изучение философии истории логически приводит к вопросу об историческом сознании. Исследование исторического сознания важно с мировоззренческой точки зрения, поскольку оно является необходимым условием жизнеспособности и самоидентификации общества.

Историческое сознание традиционно понимается как совокупность представлений и идей, присущих обществу в целом и его социальным группам в отдельности о своем прошлом, и прошлом всего человечества. Его сущность усматривается во взаимосвязи времен – прошлого, настоящего и будущего – как в сознании самого индивида, так и всего общества. Однако разрыв временных связей еще не означает полное исчезновениеисторического сознания. Развитие истории показало неизбежность восстановления связи времен после любого варианта ее разрыва, хотя это происходит в каждом случае в своем особом содержании [4, с. 63]. Разрыв времен не означает возвращение к начальной точке, без какой-либо связи с прошлым, и предполагает наличие некоторых точек опоры для

[1] © Васечко А. А., 2021.

дальнейшего варианта развития. Но именно в такие периоды разрыва временных связей нация становится наиболее уязвимой для различного рода угроз, как внутренних, так и внешних.

Сознание – одно из основных понятий философии, социологии и психологии, означающее способность идеального воспроизведения действительности, идеи задают смысловую базу мировоззренческой ориентации. В историческом видении реальности всегда присутствует идеологический компонент, поскольку субъект, размышляющий над историческим прошлым, неизбежно имеет определенные взгляды на современность, на существующие социальные отношения [3, с. 93].

Идея, как мысленный, «умопостигаемый» прообраз, возникающий в сознании общества, выделяющий основные и существенные его черты и относительно верно отражающий логику его собственного развития, органично связана с историей народов [1, с. 120]. С одной стороны, идея, воздействуя на сознание, разум человека объединяла, с другой – использовалась как средство политической борьбы для разрушения [2, с. 105]. В этом контексте историческое сознание становится одной из основных целей идеологической войны, которая сегодня приобретает мировые масштабы. Взаимодействие мирового сообщества сегодня активно происходит и в историко-идеологическом пространстве.

Что же тогда предмет для различного рода спекуляций в историческом пространстве? Историческое сознание является своего рода отражением исторических событий и тесно связано с процессом их рационализации в историческом знании и формируется на основе исторических событий и исторических фактов. Профессор Д. Т. Жовтун разделяет понятия «исторический факт» и «историческое событие», понимая под историческим фактом утверждение о событии, но не само событие. Таким образом, историческое событие оказывается источником разных исторических фактов и оценок. Относительно одного и того же события могут возникнуть несколько исторических фактов и исторических оценок, что зависит от идеологических предпочтений тех или иных политических сил общества. Исходя из этого различные исторические факты и плодородная почва для воздействия на историческое сознание, которое несет в себе долю неопределенности, что обусловлено спецификой истории как науки.

В сложившихся российских реалиях сознание человека является предметом борьбы различных политических сил. На протяжении XX столетия Россия дважды находилась под угрозой утраты национальной идентичности. Историческое прошлое, исторические события, исторические личности и их поступки интерпретировались в зависимости от идеологических предпочтений. У отдельных индивидов, наций, народов, культур при попытках самопознания и определения

ориентиров дальнейшего развития возникают искаженные представления, слабо связанные с реальностью. В огромном потоке исторических фактов-оценок теряются исторические события, а исторический материал превращается в неуправляемую угрожающую массу. Интенсивное развитие современного общества и, прежде всего, информационно-телекоммуникационных систем только усиливает это воздействие.

Сегодня нельзя однозначно утверждать, что Россия после произошедших с ней в конце XX в. потрясений нашла новый ориентир на будущее. Однако в последние годы все более активно развивается концепция либерально-демократических ценностей. С одной стороны, трансляция этих идей складывается стихийно, имея поддержку у некоторой части российской общественности, а с другой – эти ценности, являясь порождением Запада, составляют основу Западной модели построения государственно-властных отношений, реализуемой сегодня Российским государством. Существующая двойственность свидетельствует об отсутствии стабильности в российском обществе, но и о наличии потенциала для скорейшего отыскания нужного вектора в развитии.

Однако действительно нужный вектор развития Российское государство и общество могут обрести, обозначив точки опоры в виде исторических событий и исторического знания. Для их обнаружения необходимо отсечь все, что отягощает и засоряет сознание, иначе итог окажется неутешительным в виде расстройства сознания или его полной утраты. На уровне наций, народов и культур это грозит утратой культурно-исторического ядра, национальной идентичности и безопасности. Проводить подобную работу приходится совместными силами государственных органов, политиков, социологов, историков, философов и педагогов, поднимая уровень современной культуры и образования, прежде всего, гуманитарного. Вопрос российского гуманитарного образования сегодня не столько вопрос престижа, сколько самовыживания [5, с. 235].

Однако только логических методов борьбы явно недостаточно. Логическое противостояние любым попыткам искажения исторических событий должно быть подкреплено внелогическими методами. Важнейшими стратегическими ресурсами в борьбе за сохранение национальной идентичности являются духовно-нравственное воспитание, развитие чувства патриотизма, сохранение исторической памяти народа. В большей степени все эти явления имеют эмоциональное оформление, воздействуя на чувства человека. Это важнейшие компоненты идентичности личности, социума, нации, выражающие пристрастность человека, и без которых немыслим ни один его активный шаг.

Список литературы

1. Васечко, А. А. Идейное начало как определяющий фактор в формировании источников права / А. А. Васечко // Философские исследования и современность. – М., 2016. – Вып. 5. – С. 120.

2. Васечко, А. А. Информационно-психологическая война в межгосударственном противостоянии / А. А. Васечко // Философские исследования и современность. – М., 2017. – Вып. 6. – С. 105.

3. Жовтун, Д. Т. Идеологизация исторического сознания / Д. Т. Жовтун // Социология власти. – 2003. – № 2. – С. 93.

4. Смоленский, Н. И. О формировании либерального варианта исторического сознания в России на рубеже XX–XXI вв. / Н. И. Смоленский // Вестник МГОУ. – 2019. – № 4. – С. 63.

5. Цивилизационный суверенитет России: глобальные угрозы и стратегические перспективы: материалы всероссийского круглого стола // Философские исследования и современность. – М., 2018. – Вып. 7. – С. 235.

Васильева Е. В.[1]*,*
старший преподаватель кафедры
теории и истории права и государства
Омской академии МВД России,
кандидат исторических наук

ИДЕОЛОГИЯ РОССИЙСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА В УСЛОВИЯХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Проникновение либеральных идей в Россию началось еще в XVIII в. Как научные знания и передовые технологии, их беспорядочно перенимались представителями русской знати во время учебы и пребывания по делам службы за границей. Однако в систему концептуально оформленных взглядов и идей отечественный либерализм сложился только во второй половине XIX – начале XX в., став политической идеологией Союза 17 октября, Кадетской и Прогрессивной партий.

Несмотря на все различия, нашедшие отражение в программах, либеральные партии Российской империи объединяла общая цель – создание общества, где высшей ценностью будут права личности и свобода человеческого духа от притеснений со стороны религии, традиций, государства. К ней либералы шли на протяжении 1905–1917 гг., отстаивая свои идеи на площадке Государственной думы. Однако попытки строительства парламентского демократического порядка были насильственно прерваны Революцией 1917 г. и последовавшей за ней Гражданской войной. Более того, почти все российские политические партии, выступавшие в качестве носителей либеральной идеологии, прекратили существование. Исключением стали лишь кадеты, осуществившие значительный вклад в Белое дело.

Важно отметить, что программные установки многих видных представителей Партии народной свободы (иначе – ПНС) в чрезвычайных условиях Гражданской войны претерпели существенные изменения, суть которых предельно точно выразил один из кадетских лидеров в Сибири, председатель местного отдела партии А. К. Клафтон. «Мы считали своим долгом идти за жизнью…» [3, с. 76], – обращался он к делегатам Третьей Восточной конференции ПНС (май 1919 г.) и, раскрывая смысл своих слов, добавлял: «Для нас было важно… поставить перед общественным сознанием проблему национальную, задачи переходного времени ближайшего будущего … только исключительными мерами в этот совершенно

[1] © Васильева Е. В., 2021.

неслыханный период распада русского государства русская государственность может возродиться» [3, с. 87]. Такой исключительной мерой было суждено стать диктатуре, которую конституционные демократы рассматривали не столько как средство победы над большевиками, сколько как объединяющую силу, призванную сплотить общество и возглавить его борьбу за возрождение России [2, с. 56].

В условиях острого военного противостояния идеи свободы, конституционализма, парламентаризма, правового государства оказались нереализуемы и утопичны. В этом были единодушны кадеты столицы, Юга страны и Сибири. «Если от нашего демократизма ничего не останется, – заявлял широко известный либерал-западник, член ПНС П. И. Новгородцев, – тогда это отлично; единственное, что теперь требуется – диктатура, сила для создания власти… Нет «кадетизма» или «демократизма», есть только задача национального объединения… Партийные догмы должны быть отброшены» [1].

Таким образом, обстановка военного времени располагала к решительным действиям и твердости, поскольку в представлении конституционных демократов большевистской диктатуре можно было противопоставить только власть, опирающуюся исключительно на силу, а не на закон. Подталкивала к этому и инертность населения российских окраин, которое не до конца понимало смысл и цели войны. Отсутствие социальной поддержки как самих либералов, так и антибольшевистских правительств вынуждало искать опору в армии. По этой причине происходили сближение с русским офицерством и размежевание кадетов с партиями и другими организациями, не разделявшими их тягу к диктатуре.

Обособленность и разбросанность «белых» правительств и армий по всему пространству бывшей Российской империи предполагали, что успеха в Гражданской войне можно добиться только благодаря иностранной помощи. Поэтому представители Партии народной свободы на протяжении 1918–1919 гг. делали все возможное, чтобы ее получить.

Тактику конституционных демократов во многом определяли директивы центрального комитета ПНС и политические установки Всероссийского национального центра. Из Петрограда и Москвы на периферию были направлены видные партийные деятели, четко следовавшие инструкциям из центра. Так, в Омске в августе 1918 г. оказался В. Н. Пепеляев, а в Екатеринодаре – авторитетные члены ЦК кадетской партии: П. Д. Долгоруков, Н. И. Астров, М. П. Федоров, В. А. Степанов, П. И. Новгородцев, К. Н. Соколов и др. И цель у всех была только одна – подготовить почву для диктатуры и оказать всестороннюю поддержку правителю.

Период Гражданской войны был временем идейных метаний конституционных демократов. Существование различных подходов к решению важнейших государственных задач и несогласованность действий демонстрировали отсутствие общей идеологии и единого политического курса. Для одних кадетов поддержка А. В. Колчака, А. И. Деникина, барона П. Н. Врангеля, атамана Г. М. Семенова означала предательство программы и духа русского либерализма, так много достигшего в 1917 г. [1], для других – единственное средство «объединения России, восстановления разрушенного в ней аппарата власти, преодоления мятежных анархических элементов и водворения элементарных условий общежития и социального мира», без которых будут «невозможны ни созыв Всероссийского представительного собрания, ни осуществление реформ, ни обеспечение личности и собственности в освобожденных от большевиков областях» [4, с. 145].

Примечательно, что с установлением военных режимов на окраинах страны кадеты поспешили не просто выразить им свое признание, но и включиться в активную работу по государственному строительству, заняв ответственные посты в «белых» правительствах. Именно в этот период многие видные члены ПНС объявили об освобождении от «надзора и указаний партийных комитетов» [4, с. 146], стали позиционировать себя как независимых политиков, агентов государственной власти. И делалось это конституционными демократами вполне осознанно. Только Партии народной свободы, всегда аккумулировавшей значительные интеллектуальные ресурсы, было под силу содействовать правителю в деле организации тыла и направлять его работу в нужное русло, поскольку, с точки зрения либералов, национальная диктатура призвана «не только насадить порядок, но и создать условия для порядка» [4, с. 135].

В условиях Гражданской войны кадеты, не отказываясь от основополагающих либеральных ценностей, идей и принципов, все усилия направили на борьбу с большевиками и преодоление «революционной стихии». На первый план вышли тактические установки. В 1918 – начале 1919 г. конституционные демократы России склонялись к идеологии диктаторских режимов, которая была скорее идеологией борьбы, а не созидания. Однако на фоне военных неудач «белых» армий все громче стали звучать голоса тех кадетов, которые призывали к примирению всех общественных сил, ведущих войну за демократическое будущее России, и немедленному созданию основ «государственного порядка, вне которых не может быть осуществлено правильное и сознательное волеизъявление народа» [5, с. 129].

Таким образом, результатом осмысления опыта, полученного в ходе Гражданской войны, особенно в наиболее масштабной ее фазе, стала твердая уверенность конституционных демократов России в том, что военные неудачи «белых» армий обусловлены отсутствием широкой социальной базы у диктаторских режимов. В стремлении ее расширить кадеты предложили создать представительное учреждение. Однако время было упущено, реформы, основанные на национальной демократической программе Партии народной свободы, оказались запоздалыми. Либералы переоценили ресурсы политических режимов, установившихся на Юге, Севере и Востоке страны в годы Гражданской войны, не учли реальных возможностей власти и объективного характера обстановки (влияния «левой» оппозиции, роста недовольства населения, безразличия иностранных держав к внутрироссийским проблемам и т. д.). Все это в совокупности привело к поражению Белого движения в войне и краху либеральных проектов возрождения России после ее окончания.

Список литературы

1. Думова, Н. Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром (октябрь 1917–1920 гг.) / Н. Г. Думова. – М., 1982. – URL: https://history.wikireading.ru/351048 (дата обращения: 10.04.2021).

2. Любезнова, Е. В. Проекты кадетов Сибири по укреплению власти на Востоке России в период правления А. В. Колчака / Е. В. Любезнова // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2010. – № 11. – С. 56.

3. Третья Восточная конференция партии народной свободы 20–21 мая 1919 г. // Съезды и конференции конституционно-демократической партии. – М., 2000. – Т. 3. – Кн. 2. – С. 76.

4. Харьковское совещание Партии народной свободы // Съезды и конференции конституционно-демократической партии. – М., 2000. – Т. 3. – Кн. 2. – С. 145.

5. Юго-Восточная конференция Партии народной свободы, Екатеринодар, 29–30 июня 1919 г. // Съезды и конференции конституционно-демократической партии. – М. : РОССПЭН, 2000. – Т. 3. – Кн. 2. – С. 129.

Гарина О. В.[1]*,*
старший преподаватель
кафедры государственно-правовых дисциплин
Орловского юридического института
МВД России имени В.В. Лукьянова,
кандидат юридических наук

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ЛЕГИТИМАЦИИ И ЛЕГИТИМНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Легитимность власти выступает одной из ведущих характеристик публично-правового взаимодействия между государственной властью и народом, но единство по поводу понимания данного феномена в различных теориях и доктринах не прослеживается.

Легитимация и легитимность государственной власти два взаимосвязанных понятия и явления. На всем протяжении развития государства они существуют параллельно и позволяют охарактеризовать взаимодействие государственной власти и народа в Российском государстве. Обратившись к истокам государственности, к вопросу реализации полномочий главы племени, государства, мы наблюдаем ситуацию, в которой он опирается на население, на народ. Эта тенденция сохранилась до настоящего времени. В истории России присутствуют примеры прихода к власти легальных правителей, но не легитимных и наоборот, легитимных, но не легальных. Что касается легитимности, то достичь ее полностью невозможно, так как в обществе существую плюрализм мнений и формирование единой позиции затруднительно.

Проблема правовой легитимации государственной власти на протяжении развития государства всегда выходила на первое место. Легитимная государственная власть – это власть, которую общество считает надлежащей. Легитимность – это процесс легитимации, при которой власть приобретает признание и установлена законность ее возникновения, т. е. только благодаря легитимации государственная власть становится легитимной [1, с. 93]. Легитимация власти устанавливает ее легитимность. Стоит отметить, что государственная власть посредничает между властвующими и подвластными, поэтому в любой момент может произойти «девальвация», а также «ревальвация», и она в любой момент может стать нелегитимной.

---

[1] © Гарина О. В., 2021.

Вопросы легитимации и легитимности государственной власти актуальны для каждого этапа развития Российского государства. «Значимость правовых форм легитимации государственной власти зависит от конкретного периода государственного развития, но в целом в современном обществе правовые формы легитимации государственной власти наиболее востребованы» [2, с. 164]. Легитимность нельзя рассматривать абстрактно, в разрыве с историческим контекстом, от доминирующего типа правового мышления, уровня развития правосознания, правовых социально-нормативных систем. Из этого следует, что легитимность российской правовой политики имеет свои, обособленные от других смысловые оттенки и возможности [3, с. 12]. В национальной культурной традиции легитимность политики государства является основной характеристикой, которая имеет духовно-нравственное измерение. В древнерусском государстве легитимность, применительно к государственной политике, выражала своеобразный символ веры народа государству. На протяжении всей истории существования нашего государства и перехода в настоящую форму – Российская Федерация формировалась легитимность государственной власти, которая видоизменялась и превращалась с течением времени, в то понятие, которое наблюдается в современной России.

В Конституции Российской Федерации есть положение о том, что источником власти является народ, государственная власть осуществляется только на основании основного закона государства, имеющим высшую юридическую силу. Таким образом, государственная власть в России при условии соответствия положениям Конституции приобретает легитимность только через легитимацию, которая осуществляется народом. Государственная власть не может быть легитимной, если она не выражает мнения и желания народа. Исходя их этого легитимность государственной власти влияет на политический режим в стране.

В Российской Федерации население участвует в осуществлении власти непосредственно или через своих представителей, что закреплено в ст. 32 Конституции Российской Федерации. Первая форма возможна путем принятия участия в выборах и референдуме. Иными формами оказания воздействия на управление делами в государстве выступают инициатива о проведении публичных слушаний по определенному вопросу (например, внесение изменений в план застройки территории района), сход граждан, заявление правотворческой инициативы, объединение в политические партии, проведение общественных мероприятий, участие в общественном контроле, участие в общественных объединениях, право на непосредственное обращение в органы власти. Этот перечень не исчерпывающий.

К правовым основам реализации указанных выше форм помимо Основного закона государства относится федеральное законодательство: Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», Федеральный закон от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях», Федеральный закон от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях», Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации», Федеральный закон от 19 мая 1995 г. «82-ФЗ «Об общественных объединениях» и т. д.

Таким образом, следует согласиться с выводом А. С. Прудникова и Ю. А. Иванченко о том, что «импульс к легитимации государственной власти создается не обществом, а самой государственной властью» [5, с. 45].

Самыми близкими к населению являются органы местного самоуправления. Задействованность в этой сфере граждан свидетельствует об уровне легитимности власти. Чем разнообразнее и многочисленнее формы участия населения в местном самоуправлении, тем выше легитимность власти. Это возможно в силу активного взаимодействия общества и органов власти. Оно выражается в форме взаимовыгодного партнерства.

Референдум как форма волеизъявления граждан редко используется в субъектах Российской федерации и ее муниципальных образованиях. На уровне местного самоуправления он заменяется простым выявление мнений, т. е. опросом. Такая ситуация свидетельствует о «вымирании» отдельных форм участия населения во власти. Несомненно, среди них есть эффективные и неэффективные формы, есть проблемные и широко распространенные. В любом случае, управляя государством в рамках партнерства между населением и органами власти необходимо реализовывать весь доступный потенциал.

До настоящего времени отдельные положения Конституции Российской Федерации не претворены в жизнь. Так, к компетенции органов местного самоуправления отнесена охрана общественного порядка. Но эта задача только декларирована на бумаге. Статья 132 Конституции Российской Федерации возлагает на органы местного самоуправления охрану общественного порядка, что также предусмотрено в п. 8 ч. 1 ст. 131 ФЗ РФ от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [4]. Законодатель, не отменяя эти положения и не внося в них изменения, возможно в будущем, предусмотрит возможность ее образования, что

приведет к реорганизации существующей правоохранительной системы. Существование не претворенных в жизнь положений нормативных правовых актов, не исключает органы местного самоуправления из системы обеспечения безопасности.

Такая ситуация негативно отражается на легитимности власти. Конституция Российской Федерации установила, но уже в течение длительного периода времени ее положение не реализуется. К проблематике легитимации и легитимности стоит отнести нереализованность положений, закрепленных в Основном законе государства.

Таким образом, легитимация власти невозможна без права, оно его обязательный элемент, в силу того, что легитимация государственной власти возможна именно в рамках ее институтов, механизмов, процедур, имеющих правовые основания, и право при этом выступает не как прямое легитимационное средство, а как придающее устойчивость всему комплексу легитимационных систем [5, с. 45].

Список литературы

1. Бадретдинов, И. Р. Легальность и легализация государственной власти в свете современного понимания легитимности / И. Р. Бадретдинов // Право и государство: теория и практика. – 2019. – № 12 (180). – С. 93.

2. Иванченко, Ю. А. Исторические типы легитимации государственной власти и их организационно-правовые формы / Ю. А. Иванченко // Вестник экономической безопасности. – 2017. – № 2. – С. 164.

3. Квон, А. Г. Легитимность государственной власти, как гарант конституционализма / А. Г. Квон // Инновации в науке и практике. – 2018. – С. 12.

4. Федеральный закон Российской Федерации от 6 октября 2003 г. № 3-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» : с изм. и доп. от 1 мая 2019 г. № 87-ФЗ // Российская газета. – 2003. – № 202.

5. Прудников, А. С. Правовые основания и средства легитимации государственной власти / А. С. Прудников, Ю. А. Иванченко // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. – 2020. – № 1 (56). – С. 45.

Григорьев И. А.[1],
курсант 1 курса факультета
подготовки сотрудников полиции
для подразделений по охране общественного порядка
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Абдрахманов А. И.,
доцент кафедры истории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

КРИМИНОГЕННАЯ СИТУАЦИЯ В СССР В ПЕРИОД НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Наряду с положительными сдвигами, эпоха нэпа вызвала к жизни рост криминальных элементов и новую волну нестабильности и антисоциальных угроз. Происходило нарастание организованной и экономической преступности. Причины ухудшения ситуации в сфере охраны общественного порядка, характер этого ухудшения ранее предметно в науке не рассматривались. Признавалось, что росту криминогенной напряженности в обществе способствовали события недавней Гражданской войны, разруха, голод и безработица. К концу эпохи нэпа ситуацию осложнила общесоюзная амнистия заключенных, предусмотренная к десятилетию Октябрьской революции. В это время из тюрем вышли на свободу порядка 2/3 заключенных, что вызвало новый всплеск дестабилизации обстановки.

Однако причины ухудшения криминогенной ситуации явно глубже, чем это до сих пор принято считать. Так, здесь негативно сказалось развитие свободы предпринимательства, вызвавшее у нечестных граждан страны ощущение возможности разжиться «легкими» деньгами. Поэтому по статистике в начале 1920-х гг. ведущим видом преступности стали преступления экономической направленности – растраты государственного и иного имущества, мошенничество, подделка ценных бумаг и документов и др. В 1921 г. подобные преступления составляли 73 % случаев общего количества преступных деяний. Ровно через год в 1922 г. число аналогичных преступлений выросло до 75 % [4, с. 12].

---

[1] © Григорьев И. А., 2021.

Злоумышленники, среди которых было немало должностных лиц, отличались изощренностью и изобретательностью. В условиях острого товарного дефицита возник особый вид преступления – получение товаров по поддельным чекам. При удручающей потребительской скудости 20-х годов перепродать любой бытовой предмет не представляло какой-либо сложности, а также подделать соответствующий чек. Кроме того, вначале 1920-х гг. угрозу экономической безопасности СССР представляло фальшивомонетничество. Его развитию способствовали неустойчивость финансовой системы страны, возможность печати частным образом денежных знаков и облигаций. В частности, в докладе Центрального административного управления (ЦАУ) НКВД от 11 апреля 1923 г., на территории РСФСР ходило в наличии до 25 % фальшивых банкнот. В 1922 г. в целом по стране было заведено 1522 уголовных дел, связанных с фальшивомонетничеством, но раскрыто из них по горячим следам только 41 % [8, с. 40].

Не меньшую опасность составляли должностные преступления, среди которых наибольший вес имело взяточничество. 16 августа 1922 г. в СНК РСФСР принял декрет «О борьбе с взяточничеством». Аналогичный декрет принимался еще в 1918 г., однако сам по себе он не был способен улучшить ситуацию. Для борьбы с коррупцией на местах создавались особые отряды НКВД [6, с. 165], которые занимались противодействием хищению товаров со складов.

Угрозу для экономики представляли также многочисленные ухищрения нэпманов, использующих возможности махинаций с госкредитами. Здесь «красные» дельцы симулировали банкротство, добиваясь списания полученных средств. По данным Экономической инспекции НК РКИ СССР, в начале 1924 г. государственный долг предпринимательского сектора составлял в общей сумме 80 % всех средств, выделенных государством на поддержку частного предпринимательства. Экономические аферы новых бизнесменов распространялись и на сферу государственных подрядов, поставок и различных посреднических операций. Как видно, недостаточная проработанность законодательства и слабый контроль за его исполнением в 20-е годы вызвали к угрожающий рост экономических и должностных преступлений.

Кроме того, условия новой экономической политики приводили к изменению структуры преступного мира. В стране формировалась новая преступная «элита», что также способствовало росту организованной преступности. Складывалась и новая преступная иерархия, утверждались «воры в законе», начинался раздел сфер влияния в криминальном мире. Все эти тенденции сопровождались бандитскими войнами, множественными нарушениями общественного порядка. На улицах господствовали многочисленные преступные сообщества –

банды, шайки и пр. Насильственная преступность, бандитизм получали не меньшее распространение, нежели злоупотребления экономического характера.

Деятель советской юстиции А. Я Вышинский отмечал: «Бандитизм является преступлением опасным раньше всего именно для государства, так как он колеблет основы государственного управления, приводит к нарушению правильной деятельности органов управления, извращает эту деятельность, приводит в конечном итоге к колебанию государственного правопорядка и защищающих, и охраняющих этот правопорядок законов, вызывает ослабление силы и авторитета власти» [3, с. 162]. В данном определении заметно стремление политизировать уголовное явление. Впрочем, среди криминогенных факторов действительно проявлялась политическая составляющая. Размаху бандитизма способствовала деятельность подпольных контрреволюционных ячеек, сформированных из членов бывших белогвардейских армий, левых эсеров и иных противников советского строя.

Известно, что в эпоху нэпа в Центральной части Европейской России бандиты нападали на склады, магазины, пункты хранения продовольствия и других материальных ценностей, музеи и другие объекты. Существовали также случаи атаки преступниками учреждений госорганов. Эти действия расценивались как «месть режиму» и проходили под политическими лозунгами.

Имели место ситуации, когда преступникам помогали настроенные против власти местные жители. Так, в сентябре 1921 г. крестьяне деревни Бутово Алексеевской волости Щелковского уезда Московской губернии вместе с бандитами выступили против сборщиков продовольственного налога [7]. Инцидент быстро ликвидировали, но этот факт свидетельствовал о том, что так называемые «контрреволюционные элементы» объединялись для борьбы с Советской властью, используя для этого любые преступные возможности.

Разумеется, совершались и чисто уголовные преступления. В 20-е годы были часты преступления против порядка управления – 29 % всех прочих преступлений, преступления против личности, должностные преступления, кражи и др. Выросло число убийств и изнасилований. В Москве и Петрограде действовали крупные бандитские группировки, терроризируя советских граждан. Еще сложней оказалась ситуация в отдалении от столиц. Действия же власти далеко не всегда успевали за ситуацией.

В столько сложной ситуации одной из главных задач государственных органов было противодействие преступным элементам. Органы НКВД–ОГПУ получили право проводить внесудебные репрессии, привлекать к уголовной ответственности «социально опасный элемент» на основании оперативной,

агентурной информации. Тем не менее, наиболее опасные противозаконные группы уничтожены только к 1926 г. при помощи привлекаемых к борьбе с криминальным террором войсковых частей [10, с. 231].

Для борьбы с преступными элементами усилилась строгость тюремного режима. Возник новый тип тюрем – «крытки», в которых содержались наиболее опасные преступники. Нередко тюремная администрация привлекала к сотрудничеству уголовные элементы, от которых получала ценные сведения о преступных авторитетах и их дислокации. Эти сведения позволяли активизировать борьбу с организованной преступностью в различных регионах страны.

При этом доля лиц, отбывавших наказания за контрреволюционные преступления, составляла порядка 1,3 %. Таким образом, в эпоху нэпа репрессивная политика государства еще не набрала ту силу, которая зачастую приписывалась советской системе.

В числе факторов высокой криминализации 20-х годов приходится особо отметить удручающее ослабление системы охраны общественного порядка. Соответствующие факты приведены в работах А. Я. Малыгина и других исследователей. В немалой степени здесь проявилась идеологическая составляющая: «… Нельзя не учитывать влияния прекраснодушных утопий, о реальности перспективы полного отмирания преступности в правильно организованном обществе, не одно десятилетие господствующих в революционно-демократической идеологии. Эти утопии, не всегда в равной степени, но, тем не менее, постоянно, определяли политико-идеологическую недооценку серьезности криминальных угроз и значения службы охраны общественного порядка на всем протяжении советского периода истории нашей страны» [2, с. 46].

В условиях явной дезорганизации, жесточайшей бюджетной экономии органы милиции и ОГПУ не только подвергались сокращению, ограничению в обеспечении службы, но и оказывались подвержены угрозе коррумпирования. Как подчеркивает А. И. Абдрахманов: «С началом новой экономической политики и реорганизацией ВЧК в ГПУ, коррупционная составляющая в этом ведомстве, безусловно, сохранялась, видоизменяясь под воздействием новых условий» [1, с. 33]. Действительно, «среди личного состава органов ГПУ участились случаи злоупотребления служебным положением, взяточничества, вымогательства и другие преступления. Сложилась опасная тенденция: покровительство отдельным предпринимателям; оказание им помощи в уклонении от ответственности; предательство интересов службы и др.» [9, с. 228]. В итоге, по заключению О. Б. Мозохина «сложилась ситуация, когда наряду с криминализацией общества наступает криминализация органов, призванных бороться с преступностью» [9].

Одним из условий контроля над криминогенной ситуацией является обеспечение качества уголовного законодательства. В этом контексте уголовный кодекс РСФСР 1926 г. упорядочил систему преступлений и наказаний за них. Изменились понятия, связанные с определением преступлений. Например, хулиганство стало относиться к преступлениям против порядка управления. Но новый УК не снизил число рецидивов. Напротив, их количество заметно выросло. Только с 1928 г. количество рецидивов стало резко снижаться, что было связано с некоторым усилением государственной власти и сворачиванием нэпа [5].

Согласно УК 1926 г. преступлением могли считаться любое деяние и бездействие, угрожающие основам советского строя и правопорядка. В данном отношении любые подозрительные действия могли быть инкриминированы и подведены под соответствующую статью. Осуждению за преступления могли подвергаться все граждане, находящиеся на территории РСФСР, в том числе иностранцы. Возраст уголовной ответственности по УК 1922 г. составлял 14 лет. В 1929 г. он был поднят до 16 лет. Таким образом, изменились принципы подхода к оценке деяний, ужесточалась ответственность, совершенствовались нормы уголовного законодательства.

Изменения в порядке оценки преступлений произошли в 1925 г. В этот год часть преступлений из уголовных перешло в административно-наказуемые деяния: незаконная рубка леса, охота и потрава зеленых насаждений. Рассматриваемые изменения затрагивали аспекты работы органов правопорядка. Теперь они стали уделять значительно большее внимание преступлениям экономической направленности, а также особо тяжким преступлениям, совершенным группой лиц по сговору.

Как видим, криминогенная ситуация в СССР в эпоху нэпа отличалась нестабильностью и тревожной динамикой. На первом месте находились преступления экономической направленности. Их размах свидетельствовал о наличии слабой и недостаточно проработанной законодательной базы, возможности поиска скрытых путей для совершения преступлений. Обостренную актуальность приобрела борьба с коррупцией, бандитизмом, преступлениями против собственности.

Некоторое снижение преступности ощущаться только к концу нэпа в связи с многолетними мерами Советского государства и общим изменением социально-политической обстановки. Сказывается и ужесточение законов, свертывание возможностей частного предпринимательства, преодоление безработицы. Проблема преступности в условиях нэпа до наших дней еще не получила полного и основательного освещения. Развитие исследовательской работы в данном направлении позволит раскрыть многие составляющие той насыщенной событиями эпохи.

Список литературы

1. Абдрахманов, А. И. О проблеме коррупции в практике чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности / А. И. Абдрахманов // Государственная власть и местное самоуправление. – 2009. – № 6. – С. 33.

2. Абдрахманов, А. И. Проблемы организации материального обеспечения охранительных органов в начальный период НЭП в свете экономической безопасности общества / А. И. Абдрахманов // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2009. – № 2. – С. 46.

3. Вышинский, А. Я. Судебные речи / А. Я. Вышинский. – М., 1955. – С. 162.

4. Камалова, Г. Т. Советская милиция в борьбе с преступностью в годы НЭПа / Г. Т. Камалова, Р. Ф. Зорина // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2012. – № 43. – С. 12.

5. Колесник, Е. В. К вопросу о содержании советского уголовного законодательства РСФСР в условиях новой экономической политики / Е. В. Колесник // Издательский дом «Образование и наука». – URL: http://www.rusnauka.com/ 11_EISN_2008 /Pravo/ 30656.doc.htm (дата обращения: 02.02.2021).

6. Краковский, К. П. Уголовная ответственность советских государственных служащих за должностные преступления (1920-е гг.) / К. П. Краковский // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2020. – № 5. – С. 165.

7. Лозбенев, И. Н. Развитие бандитизма в Центральной России в годы НЭПа как последствие гражданской войны / И. Н. Лозбенев // ПермГАСПИ. – URL: https://www.permgaspi.ru/publikatsii/konferentsii/grazhdanskaya-vojna-na-vostoke-rossii/i-n-lozbenev-razvitie-banditizma-v-tsentralnoj-rossii-v-gody-nepa-kak-posledstvie-grazhdanskoj-vojny.html (дата обращения: 02.02.2021).

8. Лосяков, А. В. Развитие экономической преступности в годы НЭПа / А. В. Лосяков // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. – 2020. – № 1. – С. 40.

9. Мозохин О. Б. ВЧК–ОГПУ–НКВД на защите экономической безопасности государства. 1917–1941 годы. – М., 2016. – С. 228.

10. Тепляков А. Г. Криминал и власть в годы гражданской войны и НЭПа / А. Г. Тепляков // Исторические записки. – 2018. – № 17. – С. 231.

Ермаков Е. Г.[1]*,*
доцент кафедры
истории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ПРОБЛЕМЫ ОСВЕЩЕНИЯ УЧАСТИЯ ПОЛИЦИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 г. В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ДЛЯ ВУЗОВ

Российская полиция имеет славные традиции и богатую историю, которая позволяет не только совершенствовать отечественную правоохранительную систему, но и способствовать укреплению российского общества на современном этапе развития.

К сожалению, в современных вузовских учебниках по истории России почти не затрагиваются вопросы участия и положительной роли правоохранительных органов в ключевых событиях нашего прошлого.

Такую же картину можно наблюдать в вопросах освещения участия полиции в общенародной борьбе с наполеоновским нашествием. Отдельные редкие упоминания не позволяют получить верное представление об участии стражей правопорядка в таком ключевом событии истории России, как отражение наполеоновской агрессии 1812 г.

Студенты не только не узнают из большей массы учебников, что полиция сыграла важную роль в отражении агрессии Наполеона, но даже и того, в России вообще было Министерство полиции (впрочем, как и МВД).

На их страницах в лучшем случае мелькнет фамилия министра полиции А. Д. Балашова, изредка, в рамках министерских преобразований императора Александра I, прозвучит название «Министерство полиции», но не более того.

Имя А. Д. Балашова появляетсятолько в считанном числе учебников в двух ситуациях: устранение М. М. Сперанского, где министр представляется в негативном свете (борец с проводником передовых либеральных идей, «доносчик»[2]), и знаменитая встреча с Наполеоном в июне 1812 г. в качестве царского посланца. К сожалению, такое яркое событие, как словесная дуэль Балашова и Наполеона, описывается всего лишь в нескольких изданиях. Наиболее полно оно

---

[1] © Ермаков Е. Г., 2021.

[2] А. В. Давиденко в своих работах убедительно показал ошибочность данной точки зрения о личности А. Д Балашова. См., нап.: Давиденко А. В. «Содействовать против всех вражеских замыслов и покушений…» : труды и подвиги российской полиции в эпоху 1812 г. Очерки : монография. М. : Московский университет МВД имени В.Я. Кикотя, 2020.

представлено в учебнике под редакцией А. Н. Сахарова: «Александр поначалу хотел покончить дело миром и направил к Наполеону для переговоров генерала Балашова. Но Наполеон даже не принял царского посла и приказал ему следовать вместе с армией в Вильно. И только там он дал Балашову аудиенцию. Наполеон обрушил на генерала град упреков, отказался вести переговоры и дерзко спросил у него, каков самый короткий путь на Москву. На этот вопрос генерал находчиво ответил: «Карл XII шел через Полтаву» [7, с. 15].

Этот эпизод представлен в комплементарном ключе, однако, нет даже намека на то, что этот генерал, доверенное лицо императора, являлся министром полиции. Как говорится, sapienti sat, но не в учебной же литературе!

В большей части учебников по истории России о полиции не говорится вообще ни слова! [8, 9, 10, 11, 12].

Но ведь в схватке, в которой решалась судьба России, значительную роль сыграли стражи правопорядка. Особое место в истории Отечественной войны 1812 г. занимает московская полиция, находившейся в подчинении столичного военного губернатора Ф. В. Ростопчина. Именно под его председательством в ночь на 2(14) сентября 1812 г. прошло заседание полицейских чинов о сожжении Москвы, а также о разведывательных мероприятиях и организации связи оставляемых в столице добровольцев-информаторов с военным командованием. Полицейские-разведчики сообщили командованию русской армии о выходе французов из Москвы и о приказе маршалу Мортье взорвать Кремль [13, с. 259].

Удивительно, но в ряде учебников о причинах пожара Москвы вообще не говорится. Поэтому в данных случаях в принципе не может идти речь о какой-либо роли полиции в изгнании Наполеона из Москвы. В результате этого и подобных нелогичных умолчаний в должной мере не используется мощный патриотический потенциал нашей истории.

В современных вузовских учебниках верно оценивается вклад ополчения в противостоянии с Наполеоном, но нигде не говорится, что во многом он стал возможен благодаря полиции. Так, например, во время Бородинской битвы на поле боя находилось 29 тысяч московских ополченцев, собранных под руководством Министерства полиции столичной властью. За счет того, что ратники ополчения взяли на себя тяготы выноса раненых и подвоза боеприпасов, значительная часть регулярной армии была освобождена для прямого участия в сражении.

Во всех учебниках называются имена военачальников М. И. Кутузова, П. И. Багратиона, М. Б. Барклая-де-Толли, партизан Д. В. Давыдова, А. Н. Сеславина, А. С. Фигнера, Г. М. Курина, В. Кожиной и др., но ни одной фамилии стража правопорядка не найти. Неужели полицейские, отличившиеся в ходе войны с Наполеоном, не достойны ни единого упоминания? Например,

оставшийся с боевыми товарищами в Москве для разведывательной деятельности, каждодневно рисковавший жизнью квартальный надзиратель П. И. Вороненко или пропавший без вести при выполнении разведывательного задания бывший полицмейстер г. Ковно Вейс?

В одном из изданий много внимания уделяется даже врачам, как русским, так и даже французским [6], но вот только почему-то российской полиции в учебниках по истории места не нашлось!

Следует отметить, что на современном этапе развития отечественной науки интерес исследователей к истории российской полиции заметно возрастает: в научный оборот вводятся новые источники, растет количество профильных конференций, расширяется тематика научных исследований [1, 2, 3, 4]. Казалось бы, используя накопленные знания, авторам учебников не составит труда объективно оценить вклад полиции в победе над Наполеоном, однако этого пока не происходит. В чем причина? Едва ли дело в злонамеренном утаивании правды, скорее всего, в данном случае можно говорить о силе инерционного мышления, – раньше об этом не писали, зачем и начинать.

Уникальным примером научно-обоснованного освещения роли полиции в отражении наполеоновской агрессии может служить курс лекций «История органов внутренних дел», авторы которого А. В. Давиденко, Н. В. Михайлова, Н. Л. Феднева и Н. Д. Эриашвили, но данная учебная дисциплина преподается только в вузах системы МВД [5].

В свете вышеизложенного представляется, что проблема освещения участия полиции в отражении наполеоновской агрессии является в настоящее время весьма актуальна. К сожалению, в современных учебниках по истории России почти не затрагиваются вопросы участия и роли полиции в деле общенародной борьбы с наполеоновским нашествием. Отдельные редкие упоминания не позволяют получить верное представление об участии стражей правопорядка в таком ключевом событии истории России, как отражение наполеоновской агрессии 1812 г. Умалчивая о нем, представляя в предельно усеченном виде, мы в целом имеем дело с необъективной картиной нашей истории.

Список литературы

1. Журов, А. Н. На страже правопорядка: квартальный надзиратель (к 300-летию российской полиции) / А. Н. Журов, Н. В. Шингарева // Евразийский юридический журнал. – 2017. – № 12 (115). – С. 89–91.

2. Феднева Н. Л. К вопросу о соотношении принципов назначения и выборности руководящих кадров полиции (от зарождения правоохранительной деятельности до середины XIX века) / Н. Л. Феднева // Право, общество,

государство: проблемы теории и истории. – М. : Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2017. – С. 141–150.

3. Журов, А. Н. Участие полиции в обеспечении благоустройства Санкт-Петербурга в первой четверти XVIII в. / А. Н. Журов, С. С. Гостев, Е. Г. Ермаков // Юридическая наука. – 2020. – № 11. – С. 7–11.

4. Иванченко, Ю. А. Организация политического сыска в системе Министерства полиции / Ю. А. Иванченко // Исторический материализм и диалектика в теоретико-правовых и историко-правовых исследованиях. – М., 2020. – С. 90–95.

5. Давиденко, А. В. История органов внутренних дел. Курс лекций: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / А. В. Давиденко, Н. В. Михайлова, Н. Л. Феднева, Н. Д. Эриашвили. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017.

6. Исхакова, Т. А. История Отечества: учебник / [Т. А. Исхакова и др.]; под ред. Е. П. Супруновой, Г. А. Трифоновой. – Саратов : Вузовское образование, 2020.

7. Сахаров, А. Н. История России с древнейших времен до наших дней : учебник: в 2 т. Т. 2 / А. Н. Сахаров, А. Боханов, В. А. Шестаков; под ред. А. Н. Сахарова. – С. 15.

8. Орлов, А. С. История России : учебник. / А. С. Орлов, В. А. Георгиев, Н. Г. Георгиева, Т. А. Сивохина. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Проспект, 2021.

9. Айсина Ф. О. История России : учебник для студентов вузов / [Ф. О. Айсина и др.]; под ред. Г. Б. Поляк. – 3-е изд. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2017.

10. Волков, Е. А. История России. Конец XVII – начало XX вв. : учебник для бакалавриата / Волков Е. А., Волкова Е. В. – М. : Прометей, 2019.

11. Воробьева, Э. А. История России с начала государственности до 1917 г. : учебник / Э. А. Воробьева. – Новосибирск : Новосибирский государственный технический университет, 2019.

12. Российская империя XVIII – начала XX в. Полный курс истории России для учителей, преподавателей и студентов. Кн. II. – М. : Концептуал, 2019.

13. Шаховский, А. А. Первые дни в сожженной Москве / А. А. Шаховский // Наполеон в России глазами русских. – М., 2004. – С. 259.

Ефременко Д. О.[1]*,*
преподаватель кафедры
истории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

К ВОПРОСУ О ФАЛЬСИФИКАЦИИ ФАКТОВ ОТПРАВЛЕНИЯ ПРАВОСУДИЯ В СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Одной из самых актуальных и востребованных тем в юридической науке остается проблематика отправления правосудия в механизме государственного управления как наиболее показательный способ оценки эффективности деятельности всей правоохранительной системы и реальности провозглашенных правовых гарантий граждан.

Не угасает интерес исследователей к вопросу организации судебной системы, применению норм уголовного законодательства в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Этот период нашей истории – один из самых кровопролитных, тяжелейших этапов для всего советского народа. Ужасающие человеческие потери, голод и разруха потрясли наше Отечество. События военных лет потребовали реорганизации всех сфер жизнедеятельности общества, а также перестройки государственного аппарата и права.

Сегодня по-прежнему актуален вопрос умышленной фальсификации исторических событий и роли Советского Союза в Великой Отечественной войне. Фальсификация – сильнейший идеологический инструмент, имеющий свои направления и цели для разрушения. Попыткам исказить суть подвергнуты не только отдельные этапы войны, ход и результат сражений, но и функционирование государственного аппарата в условиях военного положения, в частности правосудная деятельность.

Условия военного времени стали серьезной проверкой эффективности деятельности всего государственного аппарата, что также нашло отражение в трансформации отдельных структурных элементов судебной системы. Правовой основой рассматриваемого периода стоит считать Указ Президиума Верховного Совета СССР «О военном положении», изданный уже в первый день войны, директиву ЦК ВКП(б) и СНК СССР, содержащую программу мероприятий по борьбе с агрессором, а также важное значение имело «Положение о военных

[1] © Ефременко Д. О., 2021.

трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий». Судебная система в годы Великой Отечественной войны выглядела следующим образом: Верховный суд СССР, Верховные суды союзных и автономных республик, краевые и областные суды, народные суды, а также сформированные военные трибуналы.

Введенное военное положение диктовало необходимость усилить роль центрального аппарата. Как справедливо отмечает А. Л. Иванов, «структура управленческого аппарата значительно изменилась, второстепенные звенья отсекались, подразделения с дублирующими функциями сливались, штаты иногда в разы сокращались» [2, с. 9]. Происходила централизация государственного управления с повышением роли исполнительно-распорядительных советских органов в условиях военного положения, что было оправданно и необходимо. Фактически выборность отдельных органов была заменена системой назначений, что привело к усилению значения исключительных полномочий советов, требуя максимально консолидировать руководство всеми силами и ресурсами страны для того, чтобы одержать победу.

Изменения коснулись и организации военного правосудия [3, с. 42]. В период Великой Отечественной войны следует выделить следующие направления, касающихся реорганизации и организационно-правовых основ деятельности судов:

– процесс установления уголовно-правовых запретов (криминализация отдельных деяний); «…общественная опасность ряда деяний существенно возросла. Это в первую очередь относилось к воинским преступлениям» [4, с. 35], отдельными Указами Президиума Верховного Совета СССР была определена ответственность за новые составы преступлений;

– повышение роли государства в отправлении правосудия; система и структура следственных органов, суда и прокуратуры были существенно перестроены, возросла степень участия структур юстиции в охране отношений собственности и общественного порядка в период Великой Отечественной войны;

– проведение мероприятий, направленных на совершенствование правоприменительной практики военных трибуналов;

– привлечение внимания к вопросу комплектования кадрами судебной и правоохранительной системы, а также повышения их профессиональной компетенции и квалификации в военный период;

– профилактика и предупреждение преступлений в войсках.

Отдельного внимания заслуживают материалы судебной практики. О. В. Григорьев в своих исследованиях приводит статистические данные,

основанные на анализе архивных материалов уголовных дел военного времени. В период Великой Отечественной войны осуждено 2 530 683 чел., основная масса – 1 266 503 чел. – общеуголовные преступления; 792 192 чел. – воинские преступления; 471 988 чел. – государственные преступления. Военными трибуналами были осуждены 994 003 военнослужащих, 376 300 из которых – за дезертирство. Массив вынесенных судебных решений, сжатые сроки отправления правосудия, влияние военного положения на процессуальные реалии позволяют сегодня осуществлять умышленные попытки исказить содержание и результаты судебных процессов [1, с. 61].

Отдельного внимания заслуживают попытки фальсифицировать судебные приговоры путем описания ложных обстоятельств и мотивов деятельности судебных органов, а также попытки усмотреть в вынесенных судебных решениях нарушение процедуры привлечения лица к ответственности в связи с отсутствием нормативной базы, регламентирующей судебный процесс над военными преступниками.

Ярким примером можно считать трагедию в белорусской деревне Хатынь, отдельные авторы в интернете размещают статьи под названием «Хатынь – ложь российской пропаганды», усматривающие виновность в случившемся только граждан советского союза, совершивших зверское преступление против человечности; ставится под сомнение эффективность деятельности НКВД в послевоенном СССР по расследованию преступлений в и отношении изменников Родины. Такого рода материал основан исключительно на субъективизме авторов, оперирующих не конкретными историческими фактами и нормативными документами, а ссылаясь на засекреченность материалов данного дела.

В военные годы был проведен ряд открытых судебных процессов над преступниками, совершавшими злодеяния против мирного населения на территории СССР. Наиболее известны: Краснодарский процесс (14–17 июля 1943 г.), на котором осуждены 11 советских граждан, служивших во вспомогательных частях зондеркоманды СС 10-А, преимущественно на обслуживании газвагенов (автомобилей-душегубок), по приговору суда восемь преступников приговорены к смертной казни через повешение, трое – к 20 годам каторжных работ, Харьковский процесс (15–18 декабря 1943 г.), на котором суду предстали три немецких военных преступника и один советский коллаборационист – водитель автомобиля-душегубки. Обвиняемые приговорены к смертной казни через повешение. Этот процесс стал первым в мире (еще за несколько лет до Нюрнбергского процесса) международным судом по привлечению к ответственности лиц, совершивших преступления против мира и человечности, а также судом, признавшим

агрессию тягчайшим уголовным преступлением. Противники советского правосудия тяготеют к критике проведенных процессов в связи с отсутствием норм международного права, т. е. материального права, инициирующего процессуальную деятельность.

Стоит отметить, что такие процессы не были самодеятельностью Советского государства, это было стремление всего мирного населения, вовлеченных в войну государств, покарать злодеяния фашистов. Так, например, военный журналист Илья Эренбург 17 декабря 1943 г. в своем первом репортаже из зала суда в харьковском оперном театре писал: «Я долго ждал этого часа. Я ждал его на дорогах Франции, где гитлеровцы расстреливали беззащитных беженцев. Я ждал его в Истре и в Волоколамске, глядя на пепелища и виселицы. Я ждал его в селах Белоруссии, в городах омраченной Украины. Я ждал часа, когда прозвучат слова: «Суд идет»… Мы запомним 15 декабря – в этот день мы перестали говорить о предстоящем суде над преступниками, мы начали их судить» [5].

Попыткам искажения подвергается содержание проведенной в военное время реорганизация судебной системы, сводящимся к стремлению признать отдельные судебные решения не правовыми и не обоснованными, по причинам:

– целенаправленная фальсификационная политика;

– засекреченность (недоступность) отдельных материалов уголовных дел для изучения, позволяющая отдельным исследователям основываться на собственных домыслах и обобщениях, усматривая в материалах, не подлежащих оглашению, попытки советского правительства скрыть собственные преступления;

– многотомность уголовных дел, размещенных в архивных источниках (отдельные дела насчитывают более 50 томов), что позволяет «вырывать из контекста» отдельные документы, показания очевидцев и свидетелей на этой основе искажать содержание всего судебного процесса;

– рассмотрение дел без участия сторон, в основном в закрытых судебных заседаниях, соотносят с отсутствием правовых гарантий участников судебного разбирательства;

– сжатые сроки проводимого расследования, закрепленный в Положении о военных трибуналах порядок рассмотрения уголовных дел в течение 24 часов после получения копии обвинительного заключения.

Попытки очернить правосудие в военные годы связаны также с тем обстоятельством, что для приговоров военного трибунала отсутствовала кассационная инстанция. Такие изменения в судебном порядке обжалования не являются свидетельством неэффективности судебной деятельности

(отсутствием гарантированного законом права на обжалование). Важно подчеркнуть, что в военный период функционировала более разветвленная система надзора за выносимыми судебными решениями, осуществляемая по двум направлениям: «…По линии расширения круга судебных инстанций, имеющих право пересмотра вступивших в законную силу приговоров, и по линии расширения круга должностных лиц, которым было предоставлено право опротестования таких приговоров» [1, с. 61].

Несмотря на сжатые сроки следствия и дознания, упрощенную в отдельных стадиях процедуру, приговор о высшей мере наказания вступал в законную силу при условии, что в течение 72 часов не поступало никаких сообщений от лиц, наделенных правом его отмены.

Из приведенного общего количества вынесенных судебных решений военных трибуналов к 422 700 чел. была применена отсрочка исполнения приговора. В таких случаях, осужденному предоставлялось право «искупить свою вину кровью в борьбе с фашистскими захватчиками» [4, с. 36]. Иными словами, осужденных отправляли на фронт, где проходили военные действия. Штрафные роты и батальоны сформированы летом 1942 г. «Всего за годы войны было сформировано 65 штрафных батальонов и 1037 штрафных рот» [1, с. 62].

Анализ деятельности судебных органов в военный период свидетельствует, что «…в обстановке военного времени нужно устанавливать особый, чрезвычайный порядок рассмотрения уголовных дел военными и специальными судами, поскольку эффективная реализация правосудия ими в военной ситуации невозможна на правовой базе мирного периода времени. Результативность деятельности военных трибуналов войск НКВД СССР как в обстоятельствах мирного, так и военного времени обеспечивалась проведением своевременных и оперативных организационно-правовых изменений, централизованным руководством ими со стороны руководящих и директивных органов».

Проведенный в статье анализ не раскрывает всего содержания заявленной тематики, а лишь обозначает вектор дальнейшего научного исследования. Основной задачей научного сообщества и самого государства остается сохранение достоверности исторических фактов, недопущение их фальсификации, касающихся отправления правосудия, государственного управления в годы Великой Отечественной войны, а так же роли, и вкладе СССР в победу над фашизмом в мире.

Список литературы

1. Григорьев, О. В. Основные этапы реформирования военно-судебной системы России с середины XVII до начала XXI вв. / О. В. Григорьев // Международный научно-исследовательский журнал. – 2017. – № 9 (63). – С. 61.

2. Иванов, А. Л. Уголовное законодательство в годы Великой Отечественной войны / А. Л. Иванов // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. – 2015. – № 2 (4). – С. 9.

3. Кодинцев, А. Я. Уголовное судопроизводство в СССР в годы войны / А. Я. Кодинцев // История государства и права. – 2012. – № 16. – С. 42.

4. Ткачевский, Д. Т. Ответственность за воинские преступления во время Великой Отечественной войны (1941–1945) / Д. Т. Ткачевский // Вестник Московского университета. Сер. 11: Право. – 2005. – № 3. – С. 35.

5. Livejournal. – URL: https://varjag-2007.livejournal.com/3920435.html (дата обращения: 21.03.2021).

Жуланов А. В.[1]*,*
доцент кафедры
теории и истории права и государства
Волгоградской академии МВД России,
кандидат педагогических наук

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ИСТОРИИ РОССИИ КАК СПОСОБ ДЕСТРУКТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА НАЦИОНАЛЬНУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ ГОСУДАРСТВА

Политическое противостояние зачастую негативно сказывается на формировании исторической памяти России. Искажение исторических событий находит отражение в сфере противоборства мировых держав. В условиях, когда Россия переживает чрезвычайно сложный период истории и как никогда нуждается в духовном возрождении, роль исторических знаний, как и собственно исторической науки, неизмеримо возрастает. В обращении к Федеральному собранию Президент Российской Федерации подчеркнул: «Мы должны не просто уверенно развиваться, но и сохранить свою национальную и духовную идентичность, не растерять себя как нация. Быть и оставаться Россией» [2].

Фальсификация истории России на современном этапе становится одной из основных проблем, порождающих не только искажение исторических фактов, но и иные политические и морально-нравственные проблемы. Социальные проблемы выражаются в формировании отрицательных морально-нравственных качеств подрастающего поколения, фальсификаторы по средствам искажения истории негативно влияют на молодое поколение страны, тем самым разрушая будущее государства. Цель оппозиционеров, искажающих фактические исторические данные, заключается в расслоении многонационального государства путем разжигания межнациональных и религиозных конфликтов.

Так стоит отметить, что история государства имеет непосредственную связь с внутренней и внешней политикой страны в форме преемственности поколений и формирования устойчивого положительного мнения о государстве на мировой арене. Фальсификация истории воздействует в виде катализатора деструктивно влияющего на национальную безопасность страны. Национальную безопасность государства принято определять как защищенность страны и ее границ от внешних и внутренних угроз, а также обеспечение безопасности граждан [3]. Исходя из понятия национальной безопасности нужно определить, как влияет искажение

[1] © Жуланов А. В., 2021.

истории на безопасность граждан и территории государства и какие меры предпринимаются для разрешения, возникающих проблем.

Влияние фальсификации истории на национальную безопасность государства обусловлено деструктивными факторами воздействия на мировоззрение граждан государства и места России в мировом сообществе. При рассмотрении деструктивного влияния фальсификации исторических данных на внутреннюю политику государства основными спектрами выступают формирование цивилизационной и гражданской идентичности, а также проблемы социализации молодого поколения и мотивация на совершенствования по средствам патриотического примера исторических фактов [4].

Главная задача фальсификаторов – исказить действительные исторические события и факты, тем самым оказав негативное воздействие на формирование морально-нравственных качеств подрастающего поколения. Переписывая историю, искажая ее реальные события, политическая оппозиция добивается результативности. Об этом говорит статистика падения морально-нравственного воспитания граждан Российской Федерации в возрасте от 14 до 20 лет, когда психика еще не сформирована и склонна принимать любые внешние раздражители, не анализируя их достоверность, фальсифицированные исторические данные формируют деструктивное мировоззрение молодого поколения.

Это говорит о том, что фальсификация истории России разрушает выстроенные десятилетиями принципы воспитания подрастающего поколения на исторических примерах [1]. В основном на современном этапе фальсификации подвергаются исторические данные, связанные с участием СССР в Великой отечественной войне. Фальсификаторы на просторах интернета стараются опорочить честь защитников страны и поставить под сомнения большое количество исторических фактов. Распространение фальсифицированных исторических данных в сети интернет направлено именно на деструктивное воздействие, на молодое поколение. К сожалению, на интернет-траницах подростки проводят больше времени, чем за чтением исторической литературы, и, прочитав искаженные данные, зачастую принимают их за достоверные, тем самым не происходит формирование нравственных качеств и разрушается система преемственности поколений. Для разрешения проблемы В. В. Путин поручил Министерству образования проводить мониторинг знаний в сфере истории России, анализировать полученные данные и предпринимать необходимые меры по недопущению фальсификации истории.

Если же говорить о деструктивном воздействии фальсификации истории России применительно к внешней политике государства, то попытки

фальсификаторов разрушить национальное единство государства посягают на суверенитет страны, опорочив ее на мировой арене. Историческая память становится основной целью деструктивного воздействия международных организаций и иностранных государств, осуществляющих антироссийский политический курс. Фальсификация истории через призму внешнеполитических отношений разрушает национальную безопасность страны по средствам информационных дезинформирующих кампаний иностранных государств, а также представления России как агрессора через исторические искаженные данные [5].

Как отмечалось ранее иностранные сообщества чаще всего для фальсификации и искажения исторических данных выбирают период, более уязвимый для России, а именно военное и послевоенное время, когда происходит переоценка ценностей в государстве, и именно военные примеры становятся идеалами для воспитания будущих поколений. Так, Европарламент принял резолюцию, которая фактически ставит на одну доску и гитлеровскую Германию, и Советский Союз, намекая или впрямую говоря, что СССР несет ответственность за начало войны. Данное документальное заявление не только фальсифицирует исторические данные, но и выступает угрозой национальной безопасности страны.

Иностранное сообщество старается поставить многонациональное государство на путь разрушения ценностей единства народов и преемственности поколений. Фальсификация истории внешнеполитическими оппозиционерами приводит к конфликтам на национальной и религиозной почве.

Рассматривая современные события, можно отметить сложность в отношениях России и Украины после вмешательства антироссийских оппозиционеров, которые всеми силами способствовали фальсификации истории Второй мировой войны, разделяя национальности СССР. При этом деструктивное воздействие фальсификации исторических данных по средствам внешнеполитического воздействия возрастает, ставя под угрозу национальную безопасность государства. Это происходит вследствие образования конфликтов, которые направлены на расслоение российского общества и разрушение государства. В таком случае можно говорить о начале «холодной» информационной войны, когда силовые методы воздействия не приносят желаемого результата, происходит перестройка на дезинформационные методы воздействия, которые в современном мире более эффективны. Национальная безопасность государства определяется широким спектром влияния сфер общественных отношений, одной из которых является историческая память. Фальсифицируя исторические события, факты, действия происходит деструктуризация безопасности общества и государства.

Таким образом, фальсификация истории России является одним из наиболее опасных способов деструктивного воздействия на национальную безопасность страны. Она выражается в разрушающем воздействии государственных ценностей по средствам внутри и внешнеполитического искажения исторических данных государства, а, следовательно, проблема фальсификации истории России может иметь массу идеологических возможностей дестабилизации политического уклада страны.

Список литературы

1. Коннов, И. А. Противодействие фальсификации фактов истории России как цель обеспечения национальной безопасности в области образования / И. А. Коннов // Теории и проблемы политических исследований. – 2019. – № 4А. – С. 55–62.

2. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию // Российская газета. – 2012. – 13 дек.

3. Указ Президента Российской Федерации Федеральному от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонстультантПлюс» – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669 (дата обращения: 18.02.2021).

4. Харченко, А. А. О влиянии фальсификации и мифологизации истории России на сознание и социальное поведение современной молодежи / А. А. Харченко, О. В. Заслонкина // Среднерусский вестник общественных наук. – 2014. – № 5 (35). – С. 48–51.

5. Штурба, Е. В. Фальсификация истории как угроза национальной безопасности России / Е. В. Штурба, Л. В. Астанина // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2019. – № 2. – С. 125–133.

Журов А. Н.[1]*,*
доцент кафедры
истории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат исторических наук, доцент

ГОРОДСКАЯ ПОЛИЦИЯ – НА СТРАЖЕ БЛАГОЧИНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Полиция, как орган охраны правопорядка является неотъемлемой частью механизма современного индустриального государства. Недаром она возникла в процессе перехода цивилизации с периода Средневековья к Новому времени. Пример формирования полицейских органов показала Франция XVII в. Абсолютная монархическая власть, стремящаяся к регулированию практически всех сторон общественной жизни, нуждалась в органе, который бы на профессиональной и постоянной основе контролировал жизнь поданных. Таким органом и становится полиция. В 1667 г. в Париже введена должность генерал-лейтенанта города и начала формироваться полицейская команда. В этот же период образованию полиции дается теоретическое и идеологическое обоснование в труде французского просветителя и правоведа Никола Деламара «Трактат о полиции».

Полиция возникла в столичном городе, впоследствиии, полиция формируется и действует прежде всего в городских условиях. Город всегда был гораздо более сложным социальным, экономическим и политическим образованием, чем село, которое в XVII–XVIII вв. еще продолжало жить средневековым, патриархальным укладом. Большая концентрация населения и материальных ценностей, сосредоточенных в городах, порождала и более сложную криминогенную обстановку, что также требовало формирование в них специализированной силовой структуры.

Парижская полиция стала примером для других европейских городов, в том числе и российских. Переход от сословно-представительной к абсолютной монархии также приводит к формированию в нашей стране профессиональных правоохранительных структур. Первым шагом можно считать создание в Москве службы решеточных сторожей и приказчиков на основании «Наказа о градском благочинии», принятом в 1649 г. в период правления царя Алексея Михайловича [1]. Он отвел важную роль обеспечению общественного порядка, борьбе с

[1] © Журов А. Н., 2021.

уголовной преступностью. «Наказ о градском благочинии» учреждал в Москве, по сути дела, самостоятельную полицейскую команду.

Однако полноценная правоохранительная структура европейского образца была создана в России в период государственных преобразований Петра I. Изучив иностранный опыт, царь-реформатор внедрил его с учетом тех особенностей осуществления охраны порядка и борьбы с преступностью, которые существовали в нашей стране на протяжении нескольких веков. К таким особенностям можно отнести, в частности, активное привлечение населения к охране порядка, возложение на подданных полицейских повинностей.

Так же как и в Западной Европе, профессиональные полицейские органы в нашем государстве возникают именно в городах. В 1718 г. в новой столице – Санкт-Петербурге введена должность генерал-полицмейстера. Правовой основой деятельности полиции становятся «Пункты, данными Санкт-Петербургскому генерал-полицмейстеру», который имел пространное название, с большой конкретикой определявшее полномочия нового регулярного государственного органа: «О смотрении, чтобы строение домов производилось по указу; о содержании улиц в чистоте; о допущении торговых шалашей в указных местах; о съестных припасах; о подозрительных домах; о гулящих людях; о приезжих и отъезжающих; об определении с дворов караульщиков, в каждой слободе или улице старост и при каждых десяти дворах десятскаго и о распространении повинности постоя на людей всякаго чина и звания» [7].

Вплоть до 1775 г., до принятия «Учреждения для управления губерний», отечественная полиция была именно городской полицией.

Основной задачей городской полиции было обеспечение благочиния в городах Российской империи. Как неоднократно подчеркивали исследователи, понятие «благочиние» значительно шире «охраны общественного порядка» [8]. Такое расширительное толкования благочиния определило значительные и весьма разнообразные предметы ведения полиции в XVIII – первой половине XIX в.

Помимо «классических» охраны общественного порядка и борьбы с уголовной преступностью, можно выделить еще несколько направлений деятельности городской полиции в означенный период:

- осуществление строительного надзора;
- контроль за поддержанием чистоты и порядка на улицах городов;
- контроль за санитарно-эпидемиологической обстановкой в городах, организация борьбы со всякого рода болезнями, эпидемиями и эпизоотиями;
- контроль за соблюдением правил торговли, качеством продаваемой продукции;

- надзор за деятельностью питейных заведений, противодействие незаконному «кормчеству»;
- осуществление мероприятий противопожарной безопасности, борьба с пожарами;
- осуществление паспортного контроля, учет лиц, проживающих на территории города и выезжающих из него, в том числе иностранцев;
- борьба с нищенством и проституцией;
- обеспечение дорожной безопасности на городских улицах;
- обеспечение безопасности в период проведения массовых мероприятий светского и религиозного характера:
- контроль за соблюдением горожанами предписаний верховных и городских властей;
- контроль за нравственностью городского населения.

Это далеко не полный перечень предметов ведения городской полиции Российской империи. Но он показывает, что деятельность полиции охватывала все аспекты городской жизни. По мнению властей, вырисовывался идеальный образ полиции: «А именно: оная споспешествует в правах и в правосудии, рождает добрые порядки и нравоучении, всем безопасность подает от разбойников, воров, насильников и обманщиков и сим подобных, непорядочное и непотребное житие отгоняет, и принуждает каждого к трудам и к честному промыслу, чинит добрых досмотрителей, тщательных и добрых служителей, города и в них улицы регулярно сочиняет, препятствует дороговизне, и приносит довольство во всем потребном к жизне человеческой, предостерегает все приключившиеся болезни, производит чистоту по улицам и в домах, запрещает излишество в домовых расходах, и все явные погрешения, призирает нищих, бедных, больных и прочих неимущих, защищает вдовиц, сирых и чужестранных по заповедям божьим, воспитывает юных в целомудренной чистоте и честных науках; вкраце ж над всеми сим полиция есть душа гражданства и всех добрых порядков и фундаментальный подпор человеческой безопасности и удобности» [5].

На протяжении XVIII – первой половины XIX в. происходят не только становление и развитие городской полиции Российской империи, но и осуществляется активная нормотворческая деятельность, направленная на обеспечение правовых основ этого важного органа обеспечения благочиния. За обозначенный период было принято более двух тысяч документов тем или иным образом, касающихся службы городской полиции.

Особенно активно правотворческий процесс протекал на начальной стадии формирования этого правоохранительного органа, период государственных

преобразований Петра I, в первой четверти XVIII в. Именно тогда сложилась практика регулирования деятельности полиции отдельными видами нормативных правовых актов. К первому виду можно отнести указы, принятые самим царем-реформатором. Они касались наиболее значимых вопросов организации деятельности полиции. Характерным примером такого документа является уже упоминавшиеся выше «Пункты, данные Санкт-Петербургскому генерал-полицмейстеру» 1718 г.

Более распространенным видом нормативных документов, принимаемых на протяжении практически всего XVIII в., стали указы, издаваемые руководителями столичных полицейских служб. Это указы первого генерал-полицмейстера Санкт-Петербурга Антона Мануиловича Девиера. Такие документы касались самых разнообразных сторон деятельности городской полиции, определяли обязанности и повинности горожан, направленных на обеспечение городского благочиния, устанавливали запреты и санкции, применяемые в случае их нарушения. К этим документам относятся указы «О назначении рынков в Санкт-Петербурге, о наблюдении чистоты торгующим съестными припасами и о ношении им белых мундиров» от 15 ноября 1718 г. [4, с. 266], «О непродаже дворов на Васильевском острове» от 10 декабря 1720 г. [6] и др. Подобная практика продолжилась и дальше, при других полицейских начальниках. В собраниях законодательства Империи можно найти именные указы объявленные «полицмейстерской канцелярией генерал-адъютантом князем Шаховским», и генерал-полицмейстером Салтыковым, и генерал-полицмейстером Наумовым, и генерал-полицмейстером Татищевым и многие другие подобные акты.

Достаточно активно сферу обеспечения благочиния, в том числе и в городах в XVIII в., регламентировали указы, издаваемые Правительствующим Сенатом. Рассматривая отдельные аспекты организации городской жизни, в этих документах, в частности, устанавливались полномочия городской полиции в данных конкретных сферах, так как на полицию власти возлагали обязанность контролировать точное соблюдение подданными властных предписаний, например сенатских актов может служить, например, указ «О даче находящимся в канцелярии у полицмейстера унтер-офицерам и рядовым жалованья, провианта и соли наравне с гарнизонными солдатами» от 7 июля 1718 г. [3, с. 580].

Безусловно, самым важным нормативным паровым актом, на достаточно продолжительный период времени, определившим деятельность городской полиции по обеспечению благочиния, стал принятый в 1782 г. «Устав Благочиния, или Полицейский» [2]. Даже в самом названии документа видно использование термина «благочиние», который глубоко укоренился в нормотворческую практику

российского государства в период проведения политики «просвещенного абсолютизма» императрицы Екатерины II. Документ определил сферу прав и обязанностей полиции, ее место в системе органов государственного управления, порядок и характер правовых отношений с ними. Данный памятник отечественно права прямо указывает на городскую полицию как на подлинного хранителя благочиния в городах Российской империи.

Список литературы

1. ПСЗ РИ. – Собр. I. – Т. 1. – № 6. – С. 164–166.
2. ПСЗ РИ. – Собр. I. – Т. 21. – № 15379. – С. 461–488.
3. ПСЗ РИ. – Собр. I. – Т. 5. – № 3216. – С. 580.
4. ПСЗ РИ. – Собр. I. – Т. 6. – № 3683. – С. 266.
5. ПСЗ РИ. – Собр. I. – Т. 6. – № 3708.
6. ПСЗ РИ. – Собр. I. – Т. 7. – № 4354. – С. 155–156.
7. ПСЗ РИ. – Собр. I. – Т. 5. – № 3203.
8. Феднева, Н. Л. К вопросу об истории разработки «Устава благочиния, или полицейского» / Н. Л. Феднева // Международный журнал конституционного и государственного права. – 2017. – № 2. – С. 51–55.

Золкин А. Л.[1]*,*
профессор кафедры философии
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор философских наук, доцент

РАЦИОНАЛЬНОСТЬ И РУССКАЯ КУЛЬТУРА

Стало общим местом говорить о подозрительном отношении к рациональности в русской культуре. Сразу вспоминаются строки Федора Тютчева 1866 г.:

«Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать –
В Россию можно только верить».

Может быть, русская культура изначально иррациональная? Вероятно, что при положительном ответе на этот вопрос неминуемо появляется предложение учиться рациональности, учиться у ее признанных разработчиков – западноевропейских философов. Однако есть серьезное основание не торопиться, внимательно присмотревшись к источникам негативного отношения русской философии к новоевропейскому проекту рационализации культуры. «Основной принцип этой философии, – утверждал В. Ф. Эрн, – ratio, в корне своем поражен болезнью дурной отвлеченности. Минуя действительность, ratio с необходимостью вовлекается дурной своей логикой в пустой схематизм. Разрыв между сущим и мыслью… – закрепляется и становится каким-то кодексом, какой-то священной скрижалью для огромного большинства философов XIX века. А между тем в этом разрыве уже заложены корни безумия» [4].

О каком безумии говорит Эрн? Это безумие проявляется прежде всего в агрессивном стремлении западноевропейского рационализма подменить реальность абстрактной схемой, выдать ее за прогрессивную ценность и вытеснить реальность в сферу иррациональности. Западноевропейский рационализм обладает фальшивой славой, поскольку представляет собой манипулятивную стратегию, и русская философия вполне обоснованно сомневалась в нем как в полнокровной когнитивной стратегии.

Одним из результатов применения этой стратегии стала русофобия, которая строится не только на культивировании негативных эмоций и ложных оценок, но и на абстрактно-рационалистическом проекте демонизации исторических особенностей развития российской цивилизации. Ловкая подмена реальности

[1] © Золкин А. Л., 2021.

абстракцией всегда будет создавать достаточные основания для помещения России в разряд стран «недостаточно развитых», «отсталых», «нуждающихся в догоняющей модернизации» [2].

Например, демократия – важная форма современного политического устройства общества. Однако европейские общества по своим историческим истокам представляют собой монархии, таковыми некоторые из них остаются и сегодня, причем не чисто формально, как нас пытаются убедить. Россия также формировалась как монархия – и это был исторически разумный и вполне достойный путь. И главное, этот путь был реален, его не следует рассматривать на предмет безупречности воплощения какой-либо идеальной схемы.

Следует отметить, что кризису рациональности уже не один год, и даже не одно десятилетие. Этот кризис диагностируется, как правило, в отношении сциентистского понимания рациональности, порожденного позитивизмом и культурным релятивизмом. Причем если сциентистский характер логического позитивизма представляется совершенно ясным, то за релятивизмом также стоит сциентизм, только антропологического типа. «Концепция рациональности, – указывал американский аналитик Хилэри Патнэм, – определенная по идеалу компьютерной программы, есть научная концепция, вызванная к жизни точными науками, в свою очередь, концепция, утверждающая, что эта рациональность просто определяется культурными нормами местного значения, есть сциентистская концепция, вызванная к жизни антропологией» [3, с. 238].

И все же проблема заключается не только в сциентистском характере западноевропейской рациональности, которая, претендуя сегодня на универсальность, все больше становится софистической манипулятивной практикой. Западный мир под видом рациональности и ценности сегодня создает не просто идеологию, а тоталитарно-манипулятивный формат культуры. Сегодня наиболее угрожающие формы порабощения приходят не извне, а проникают изнутри, прямо через сознание, через субъективное осуществление свободы.

Преодоление этого формата становится основной задачей человечества. Вопрос о разумности сегодня – это вопрос о духовной рациональности. Требуется новая когнитивная программа универсального понимания разумности как таковой. Исток этой программы лежит в русской философии. «Вся философия, – писал А. Ф. Лосев, – сводится к одному вопросу: что есть действительность? … Имена принадлежат вещам; вещи носят свои имена. Ясно, что и вещи, и их имена относятся к действительности и суть какая-то ее сторона» [1, с. 805].

Таким образом, важнейшая задача познания сегодня – называть вещи своими именами. В. Ф. Эрн связывал идею русской философии с разработкой

основных начал «логизма» как альтернативы рационализму. Рационализм, относя личность к сфере иррационального, воспринимает весь мир в категории вещи. Логизм воспринимает мир в категории личности, он также воспринимает всякое явление космической и человеческой жизни –органически, как относительно-самостоятельный организм или как живую часть организма более сложного или более высшего.

Русская философия возродила онтологизм еще в XIX в., однако он был плохо воспринят современниками, поскольку считался идеализмом, несовместимым с механистической или эволюционной картиной мира, господствовавшей в науке того времени. В обобщенной форме главное достижение русской философии в отношении формирования когнитивного проекта – сохранение духовной перспективы познания, стремление преодолеть конфликт научного познания и христианского мировоззрения. Этот проект в основном культивировался в аспекте сохранения самобытности вопреки претензии на универсализм западной культуры и потому приобрел определенные черты книжности и некоторого идеологического романтизма, – феномен, вполне характерный для русской культуры.

И тем не менее настало время для формирования духовно-реалистического мировоззрения с соответствующей когнитивной стратегией. Мы говорим о когнитивной стратегии, поскольку речь идет не только о методе познания, а о широком комплексе механизмов обработки информации, включая кодирование, формирование соответствующих психологических компонентов, проявления архетипических и семантических структур. Духовная перспектива возможна только на основе реалистического мировоззрения. Для этого необходимы изучение и осмысление всех форм детерминации, которые, с одной стороны, обеспечивают человеческое существование, а с другой – ставят под угрозу его личностное бытие.

В этом случае когнитивная стратегия должна быть направлена не на извлечение ресурса власти и богатства из страстей, грехов, страхов, обманутых ожиданий, пустых надежд и слабостей людей, в чем, надо признаться, вполне преуспели наши западные партнеры, а на духовно-личностное становление и синергию в контексте онтологического режима бытия природы, семьи, государства, церкви, национальной культурной традиции, красоты, истины, добра, а также значимых Других и Иных, поскольку они также делают свой выбор или избегают его.

Когнитивная стратегия, строящаяся на демаркации науки и метафизики, рационального и иррационального, свободы и принуждения, уже недостаточна. Требуется духовное зрение, преодолевающее манипулятивный потенциал этих

дихотомий. Духовная разумность должна стать основой нового когнитивного проекта России.

Духовная рациональность тесно связана с идеей личности. Здесь вполне применима гегелевская категория «для-себя-бытие» – бесконечная определенность, суть которой заключается в умении превращать все чуждое в свое, восстанавливать себя из инобытия. В этом и заключается смысл выражения «для себя», поскольку бытие на этом этапе становится своей собственной целью и приобретает сознание. Оно знает себя, даже если не познает себя полностью. Поэтому «для-себя-бытие» есть идеальность, пример которой мы имеем в «Я». Среди других проявлений этой категории – жизнь как наиболее яркий пример того, как все чуждое становится материалом и средством для цели сохранения себя в изменчивой среде. В конечном счете все свойства «для-себя-бытия» соединяются в категории абсолютной личности, или абсолютного духа. Гегель видел свою заслугу в том, что абсолют в его системе – не безличная субстанция, как, например, у Спинозы, а бесконечно богатая содержанием личность.

Для того чтобы человек получил возможность сформировать личностные качества, стать личностью, которая мыслится как духовное единство, он должен приобрести способность к оценке происходящего с точки зрения, выходящей за пределы рассудочного взгляда на мир, приобрести способность к анагогии, к духовному зрению.

Список литературы

1. Лосев, А. Ф. Вещь и имя / А. Ф. Лосев // Бытие – имя – космос. – М., 1993. – С. 805.

2. Общественное сознание и отечественная философская традиция в контексте проблем духовного суверенитета России // Российская многопартийность и российские кризисы XX–XXI вв. – М., 2016. – С. 837–854.

3. Патнэм, Х. Философы и человеческое понимание / Х. Патнэм //Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада. – М., 1996. – С. 238.

4. Эрн, В. Ф. Борьба за логос. Сочинения / В. Ф. Эрн. – М., 1991. – С. 276–277.

Карнаушенко Л. В.[1],
начальник кафедры теории
и истории права и государства
Краснодарского университета МВД России,
доктор исторических наук, профессор

КОНФЛИКТ ЕСТЕСТВЕННО-ПРАВОВЫХ И ПОЗИТИВИСТСКИХ УСТАНОВОК В ПАРАДИГМЕ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

На протяжении длительного времени ведутся споры о природе права и критериях адекватности правовой системы общества. Наиболее известные теоретические подходы в данном отношении сводятся к двум принципиально различным позициям, связанным с объективно-идеалистическим позиционированием права и с его рассмотрением в качестве факта, который необходимо воспринимать в его социально-исторической конкретности. Объективно-идеалистическое рассмотрение права, характерное для естественно-правовой парадигмы, предполагает наличие определенных идеальных норм регуляции отношений между людьми в обществе, которые существуют независимо от конкретных культурных особенностей общества, социального строя, состояния общественных институтов и т. д. Для естественно-правовой теории характерна дифференциация сущего и должного в правовой сфере и, соответственно, формирование положения о неудовлетворительности, несовершенстве существующих правовых систем, что определяет динамический аспект развития права, связанный с его стремлением к правовому идеалу, выраженному на уровне совокупности «естественных прав».

Идеалистическое рассмотрение права определяет исходно критическое отношение к существующим правовым нормам и практикам, что, опять же, с практической точки зрения несет в себе как положительные, так и негативные моменты. Прежде всего, следует отметить, что критическое отношение к правовым нормам, реализуемое с точки зрения провозглашения общечеловеческих ценностей (и стремления данные ценности запечатлеть на уровне системы юридических норм) имеет большое значение с точки зрения эволюции общественных отношений в сторону конструктивного (с точки зрения данных ценностных ориентиров) взаимодействия. В данном случае важным является то, что позитивное право в рамках естественно-правовой теории утрачивает свое сакральное значение и,

[1] © Карнаушенко Л. В., 2021.

напротив, рассматривается с точки зрения активного поиска несовершенств в существующих правовых системах. При этом определяющим критерием адекватности правовых норм становятся не интересы государства или определенных элитарных групп, но общечеловеческие ценности, реализация которых рассматривается в русле теории «естественных прав».

Противопоставление всеобщего морального аспекта права частным интересам действующих правителей, формирующих законы, зачастую, опираясь на выгоды для себя и ближайшего окружения, приводит не только к десакрализации права, но и к постановке под вопрос адекватности действующей власти, при условии, если реализуемые в рамках действий этой власти правовые установления противоречат системе естественного права. Это является тем аспектом, который определил глубокую роль естественно-правовой теории в формировании революционных движений, направленных на противодействие власти, «отрицающей право». В русле данной теории, в частности, находится известное положение о «праве народа на бунт» [5] при условии, если законодательные нормы, продвигаемые представителями действующей власти, противоречат естественно-правовым установкам и, соответственно, представляют собой совокупность «неправовых законов». И здесь мы видим серьезную разрушительную силу естественно-правовой теории, которая, по сути, провозглашает ценностные ориентиры, превышающие по своей приоритетности целостность государства и, соответственно, толкающие людей на противоборство власти в случае, если их понимание адекватного социального порядка отличается от той линии, которая проводится на уровне представителей власти.

Одним из «тонких мест» естественно-правовой теории является вопрос о том, каким образом могут быть определены те самые «естественные права», к которым необходимо стремиться действующим правовым системам. Данное замечание имеет очень большую важность с учетом того, что данные правовые ценности провозглашаются одним из высших социальных приоритетов и, соответственно, могут быть использованы в качестве основания, допускающего насильственное противодействие власти. Вместе с тем, следует отметить, что историческое значение естественно-правовой теории состоит не только в том, что она стала одним из идейных оснований революционных движений, но и в том, что в результате актуализации естественно-правовой парадигмы в социальной мысли произошел поворот в сторону ценностного аспекта права. Рассмотрим данный аспект более внимательно.

В основе общественного порядка лежат не только ценностные установки, определяющие нормы взаимодействия, но и практические цели различных групп

населения, интересы которых согласуются в ходе социально-политических процессов. И в данном случае обнаруживается прямая взаимосвязь между интересами различных групп и тенденциями трансформации правовой сферы. В случае если имеет место преобладание представленности определенной группы на уровне действующей власти, одним из закономерных следствий становится формирование такого набора законодательно закрепленных норм, которые закрепляют привилегированное положение данной группы, ее расширенные возможности по осуществлению различных форм деятельности.

В результате формируется ситуация неравноправия, при которой, по сути, происходит реализация интересов одних членов общества в ущерб интересам других. Введение в правовой дискурс универсальных ценностных ориентиров приводит к уходу от данной практики и созданию условий для формирования правовой системы, имеющей более универсальный (с точки зрения реализации общественных интересов различных членов общества) характер. И в данном отношении значение естественно-правовой теории весьма высоко, поскольку именно она определяет гуманизацию права. В рамках исторического процесса влияние естественно-правовой теории на социально-политическую сферу проявляется в формировании международных соглашений о правах человека, которые, по сути, представляют собой отражение понимания естественных прав в социально-правовой мысли.

В рамках правовой мысли в противовес естественно-правовой теории активно развивается позитивно-правовой подход, рассматривающий в качестве формы права всякие законодательные нормы, принятые на уровне конкретного государства. Если в естественно-правовой теории можно судить о «подлинном праве» и «неправовом законе», рассматривая всякое нормативное установление с точки зрения его моральных оснований и соответствия объективным социальным потребностям членов общества, имеющим универсальный характер и, следовательно, требующим соответствующего нормативного отражения, то с точки зрения позитивно-правового подхода, всякий закон имеет правовой характер.

Исходя из этой установки можно анализировать значение конкретных норм, степень адекватности их выражения, результаты введения конкретных законов на уровне социальной практики. Идея о том, что позитивно-правовой подход не содержит в себе оснований для критики юридических норм, не соответствует действительности: по факту, в рамках позитивно-правовой теории существует широкий спектр различных критериев оценки правовых установлений, однако все эти критерии носят не идеально-теоретический, но практико-ориентированный технический характер. В частности, например, в рамках позитивно-

правового подхода может быть осуществлена оценка степени адекватности языкового выражения конкретной законодательной нормы, отражены возможные проблемы, связанные с практикой правоприменения, и т. д.

Немаловажным аспектом позитивно-правового подхода является также и то, что в его рамках может быть осуществлена оценка социальных последствий введения того или иного закона, поскольку, по сути, речь идет о сопоставлении явлений, относящихся к области социальной практики. И это является очень важным условием востребованности позитивно-правовой теории, поскольку она позволяет определить актуальное социальное значение той или иной юридической нормы, степень ее соответствия социальным запросам и т. д.

Следует отметить, что развитие естественно-правовой и позитивно-правовой теорий сопровождается серьезной полемикой между ее представителями, что связано с принципиальным противоречием в определении статуса законов, формируемых на уровне определенного рассматриваемого государства. С точки зрения естественно-правовой теории данные законы могут иметь неправовой характер [2], в связи с чем становится возможной всяческая их дискредитация и постановка под вопрос. В свою очередь, на уровне позитивно-правовой теории сам по себе вопрос о правовом статусе закона не ставится: всякий закон представляет собой норму права по факту его утверждения на уровне конкретной политической системы. Противоречие между естественно-правовой и позитивно-правовой теориями имеет двойственный характер: с одной стороны, речь идет о совершенно различных акцентах в рассмотрении правовой проблематики (и в том числе различных критериях формирования отношения к конкретным нормам права), которые, по сути, пролегают в различных теоретических плоскостях. Максимально упрощенно в данном случае можно заключить, что противоречие в данном случае состоит в оценке приоритетности различных аспектов права.

С другой стороны, если рассматривать естественно-правовой и позитивно-правовой подходы как социально-политические парадигмы, становится очевидным, что на их уровне получают развитие принципиально отличные друг от друга механизмы и принципы формирования и развития правовой сферы. В основе естественно-правовой парадигмы лежит идея равенства членов общества, выраженная в принципе общих, универсальных прав, даруемых человеку уже по факту его рождения. Соответственно, естественно-правовая теория нацелена на согласование базовых интересов всех членов общества и, по сути, в ее основе лежит уравнивание этих базовых интересов. В определенной мере можно судить о том, что интересы личности в рамках естественно-правовой парадигмы имеют преобладающее значение. Это не означает, что свобода личности в естественно-правовой парадигме ничем не ограничивается, однако речь идет о том, что свободы и социальные возможности членов общества приобретают преобладающее

значение в формировании конечной правовой системы (при условии, если она базируется на естественно-правовых установках). В этом смысле позитивное право как фактически действующие законы в обществах, ориентированных на реализацию естественно-правовых установок, ориентировано на обеспечение прав и свобод человека [3].

Однако позитивное право, как категория присутствует и на уровне естественно-правовой теории, в которой отмечается соотношение закона и естественного права. Таким образом, говоря о позитивном праве в обществах, ориентированных на реализацию естественно-правовых установок, мы не впадаем в теоретическое противоречие. Имеется серьезное различие между позитивным правом как явлением, и позитивно-правовой парадигмой в юридической мысли. Последнее представляет собой развитую теоретическую систему, полагающую приоритет практического аспекта правовой сферы.

Рассмотрим специфику позитивно-правового подхода как основы формирования правовой сферы на уровне государства. В данном случае полагание правового характера любого закона выводит за рамки исследования вопрос о содержательном значении той или иной нормы; позитивно-правовой подход имеет четко выраженную техническую ориентацию и при этом закрепляет за государством возможность формирования любых норм, отвечающих его интересам.

Рассматривая противоречие между естественно-правовой и позитивно-правовой концепциями, следует отметить, что он имеет прикладное значение на уровне приоритетов правового регулирования в рамках деятельности государства. В соответствии с этим можно судить о том, что в рамках конкретного государства преобладает значение естественно-правовых либо позитивно-правовых установок как способа определения социальных приоритетов правового регулирования. В данном контексте приобретает интерес вопрос о том, как реализуется прикладной аспект данной дискуссии с точки зрения общей парадигмы российской государственности, иными словами – какие социально-правовые приоритеты реализуются в российском обществе.

Рассматривая исторический аспект реализации социально-правовой системы российского общества, можно выделить три основных исторических периода – дореволюционный период, советский и современный периоды. Данные исторические этапы кардинально различаются в плане социального строя, что непосредственно сказывается на характере правового регулирования и его приоритетах.

Для царской России характерным является момент реализации воли монарха на законодательном уровне, причем данный аспект имеет доминирующее значение в формировании правовой системы. Отсюда – преобладание

позитивистского подхода к формированию правовых норм, которые рассматривались как данность и не ставились под вопрос с точки зрения этической составляющей нормативной сферы. По сути, законы в царской России отражали, преимущественно, область интересов элиты, в роли которой выступали дворянство и непосредственно представители царской семьи. Характерным признаком нереализованности естественно-правовых установок было наличие фактически узаконенного рабства вплоть до 1861 г., серьезное расхождение в правах различных сословий, продвижение на правовом уровне интересов узких элит, с одновременным ущемлением, в том числе, витальных интересов широких масс.

Если рассматривать специфику советского периода, то в данном случае имелись предпосылки для осуществления жесткой внутренней регуляции, основанной на механизмах властного принуждения, что (как в контексте средств, так и в контексте приоритетов) практически не согласуется с естественно-правовыми установками. Как на уровне общей практики законодательной деятельности, так и на уровне официальной политики партии реализуется четко выраженная позитивистская позиция, которая в дальнейшем была определена исследователями как преобладание в советском обществе этатического позитивизма [1]. При этом речь идет о фактической, а не о кардинальной перемене правовой парадигмы (поскольку сохраняется момент позитивистской ориентации правовой мысли), но об изменении социальной группы, область интересов которой позиционируется в качестве преобладающей.

На современном этапе развития российского общества реализуется существенный поворот в сторону реализации демократических ценностей, что находит отражение на уровне политического строя и механизмах формирования законодательных органов власти, основанных на волеизъявлении граждан. На уровне Конституции Российской Федерации обозначены ключевые права и свободы граждан, Россия ратифицировала ряд международных документов, посвященных правам человека [2]. Все это в совокупности свидетельствует о существенном повороте в сторону реализации естественно-правовых установок на уровне системы правовых отношений (и в том числе регуляции правовой сферы) в российском обществе.

Рассматривая конфликт между естественно-правовой и позитивно-правовой парадигмами, мы говорим не только о противоречии между различными теориями, подразумевая не только специфику политического строя как фактора реализации естественно-правовой или позитивистской установок. В данном случае большое значение имеет то, что приверженцы данных подходов могут быть на уровне любой социально-политической системы (в данном случае в зависимости

от политического строя варьируются их возможности). Применительно к актуальной ситуации в российском обществе есть социально-политические предпосылки для реализации естественно-правовой установки, и то, насколько она будет реализована на уровне правовой практики, в значительной степени зависит от приверженности носителей правовых и властных функций естественно-правовым ценностным установкам. При этом длительная история существования российского общества в позитивистской правовой парадигме имеет значение на уровне специфики ментальных установок членов российского общества, выраженных в стремлении к «твердой руке», «сильному лидеру, способному навести порядок». То сеть наблюдается определенное противоречие между характером политического строя и общим официальным курсом российского государства с одной стороны, и спецификой ментальных установок членов российского общества, тяготеющих к позитивистской парадигме, – с другой.

Список литературы

1. Земцов, Б. Н. Социологическое понимание истории права / Б. Н. Земцов // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2014. – № 4. – С. 49–56.

2. Ларионова, Т. А. Проблема соотношения права и закона / Т. А. Ларионова, Д. А. Карев, А. В. Азархин // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – № 4–3. – С. 188–190.

3. Луцкий, Р. П. Особенности соотношения свободы и позитивного права / Р. П. Луцкий // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2013. – № 7–2. – С. 85–88.

4. Ростовщиков, И. В. Правовое поле России и проблемы прав человека / И. В. Ростовщиков, Ю. В. Гаврилова // Правовая политика и правовая жизнь. – 2015. – № 4. – С. 13–18.

5. Скиперских, А. В. Право на сопротивление: политико-философская ретроспектива / А. В. Скиперских // Социум и власть. – 2015. – № 5 (55). – С. 67–72.

Кирнос А. В.[1]***,***
начальник кафедры теории
и истории государства и права
Воронежского института МВД России,
кандидат политических наук, доцент

Колесников В. А.[2]***,***
профессор кафедры теории
и истории государства и права
Воронежского института МВД России,
кандидат политических наук, доцент

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕОЛОГИЯ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ Д. И. МЕНДЕЛЕЕВА

Вопросы фиксации содержания термина «идеология», как и определения роли идеологии в государственно организованных обществах издавна относятся к числу дискуссионных. Спектр подходов к идеологии варьируется от восходящего еще к А. Дестют де Траси позиционирования ее как самостоятельной науки, исследующей генезис, эволюцию и сменяемость доминирующих в обществе идей, до трактовки ее К. Марксом как иллюзорного представления о реальности, вызванного ею и включенного в нее. Попытка В. И. Ленина сформировать концепт марксизма как научной идеологии вошла в противоречие с повседневной практикой «реального социализма», допустившей сведение идеологии к догматизированной пропаганде, постулаты которой все очевиднее противоречили объективной реальности.

Абсурдизация официального пропагандистского дискурса была одним из факторов, определивших приоритет «деидеологизации» на постсоветском пространстве. Важным ее проявлением стало появление в конституционно-правовом поле республик бывшего СССР норм, провозглашавших идеологический плюрализм и запрещавших государственную идеологию. Согласно п. 2 ст. 13 Конституции Российской Федерации никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной (Конституция 2020). Эта норма, неоднозначно оцениваемая экспертным сообществом [1, 2, 3, 4], в рамках последнего цикла конституционных поправок осталась неизменной.

---

[1] © Кирнос А. В., 2021.
[2] © Колесников В. А., 2021.

Вместе с тем, как представляется, ст. 13 Конституции России не содержит прямого запрета на агрегирование в рамках плюралистической совокупности идеологических подходов таких положений, которые в наибольшей степени способствовали бы нахождению адекватных ответов на вызовы, вставшие перед Россией в начале XXI в. Более того, запрещая в п. 5 ст. 13 общественные объединения, цели которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя, нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни, Конституция определяет общие границы охраняемых идеологических приоритетов.

Таким образом, оказывается допустимым формирование, используя типологию Д. Истона, не «узкопартийной», а «коллективной» идеологии, особой разновидности артикулированных совокупностей «идеалов, целей и задач, которые помогают членам системы интерпретировать прошлое, понимать настоящее и предлагать образ будущего». Подобная идеология, не претендуя на роль государственной, но будучи направленной на укрепление исторически сложившегося государственного единства вне зависимости от конкретного политического режима, на консолидацию соединенного «общей судьбой на своей земле» многонационального народа, вполне может именоваться национальной, т. е. способствующей формированию «политической нации».

Как отметил С. Каспэ, «успешный nation-building возможен только при условии оформления в сердцевине становящейся политии... сакральной зоны, включающей в себя некоторый набор концептов и символов, переживаемых большинством общества как "самодовлеющие"» и способных мотивировать «ценностно-рациональное действие». Его определение станет возможным только «в результате согласованной и рефлексивной… институциональной активности». В противном случае институциональная консолидация, даже будучи «внешне убедительной», так и останется «условно-административной» [6].

Это значимо в условиях исторически сложившегося идеократического характера отечественной государственности, связанного с объективной затрудненностью формирования этнического, экономического и инфраструктурного единства.

Процесс формирования подобной совокупности «концептов и символов» должен, по нашему мнению, опираться на имеющийся «интеллектуальный задел», важное место в котором занимают труды Д. И. Менделеева.

Д. И. Менделеев (1834–1907) обычно воспринимается как гениальный химик, хотя из 432 опубликованных им работ собственно химии посвящено лишь 146.

Социально-экономическая и политическая составляющие в многогранном наследии Менделеева усиливались с течением времени и особо ярко проявились в трудах «Заветные мысли» (1905 г.) и «К познанию России» (в том числе «Дополнение») (1907 г.), составивших его «политико-философское завещание». Сам термин «идеология» в этих книгах отсутствует, но, по словам одного из первых биографов Менделеева, он «видел и понимал задачи и будущность России лучше представителей нашей официальной власти» [10].

Идеолого-пропагандистский фактор постоянно влиял на «околоменделеевский дискурс», а в СССР обрек данный компонент взглядов Менделеева на критику [9] и замалчивание: при издании собрания его сочинений около 8 печатных листов было изъято [8, с. 38]. Комплексное осмысление обществоведческого наследия Менделеева активизировалось лишь в последние десятилетия [5].

Для менделеевской социально-политической парадигмы характерны последовательное научное обоснование формируемых категорий, цельность, системность, междисциплинарность, взаимосвязь теории и практики. Глубина его концептуально-мировоззренческих представлений обусловлена умелой интерпретацией тщательно отобранного обширного эмпирического материала.

Творческое сочетание методов естествознания и общественных наук позволило ему выявить «импульс периодичности» при формировании основанной на производственном факторе стадиальности истории человечества, различая при этом ее субстанциальное содержание (общие законы) и преходящие формы, например капитализм.

Историзм Менделеева проявился и при выявлении им особенностей генезиса российской государственности, обусловивших ее цивилизационную специфику: нахождение на путях великого переселения народов, государствообразующая роль русского народа, сочетавшаяся с приматом равноправия иных этнических групп, преимущественно «культуртрегерский» путь расширения, давший громадную, но целостную территорию, оборонительный характер войн.

Методологическим фундаментом собственных воззрений Менделеев сделал принцип реализма, основанного на «согласии с природой», противопоставляемый им крайностям вульгарного материализма и доктринерского идеализма. Важной составляющей реализма он считал приоритет «постепенных, но решительных перемен» перед революционными катаклизмами, порождаемыми «утопическими начинаниями» анархистов и коммунистов, «не понимающих прогрессивной эволюции» [7, с. 54].

Глубокий и искренний патриотизм – ценностная составляющая концепции Менделеева – предопределяет ее программную цель – «народное благо»,

взаимосвязанное с безопасностью социума. Эффективность продвижения к данной цели должна поверяться тем, что доступно «мере и весу в социальных отношениях»: уровнем «средней народной бедноты» и народонаселенностью, направленностью миграции, организацией «соседской жизни разных рас, развития промышленности и наук, отсутствия утопических увлечений, мирного улаживания международных недоразумений» [7, с. 55].

Реалистичный взгляд на Россию предполагает оценку ее статуса исходя из специфики геополитического положения «между молотом Европы и наковальней Азии». С одной стороны, потенциальная уникальная роль «примиряющего» межцивилизационного моста, позволяющая обеспечить в собственном развитии синтез достижений соседей, а с другой постоянная угроза «бедствий военного быта», определяющая вектор развития: «Силу самостоятельности государств надо определять их образованностью, производительностью, численностью народа... за будущее ручаться нельзя, даже с миллионами солдат, потому что по обе стороны от нас теснее жить, чем у нас, а в почве и стране нашей много завидного, всем людям надобного. И если мы сами не пустим его в мировой оборот, – позарятся, пожалуй» [7, с. 116, 291, 433].

Мобилизующе-деятельностный характер концепции Менделеева проявился в разработке им комплексной программы социально-экономических и политических реформ. Их триггером должно стать ускоренное развитие промышленности, под которой он понимал не только собственно индустрию, но весь высокотехнологичный и рыночно-ориентированный сегмент народнохозяйственного комплекса. Его развитие должно подкрепляться научным обеспечением, жесткими и прагматичными протекционистскими мерам, созданием промышленных банков, развитием инфраструктуры, в первую очередь арктической и тихоокеанской, рациональным использованием ресурсной базы: «добывать сырье может и дикарь… крупнейшие заработки... достаются на долю лиц обрабатывающих» [7, с. 87].

Менделеев трезво оценивал значимость капиталистического предпринимательства, особенности монополизации производства и роли малого бизнеса, считая, что очевидные издержки (социальное неравенство, эксплуатация) постепенно сгладятся, в том числе за счет развития кооперативных и акционерных форм.

Важным фактором развития должна стать грамотная внешняя политика, уделяющая особое внимание формированию системы взаимовыгодных союзов, в первую очередь с Китаем.

Менделеев высоко оценивал роль государственного регулирования экономики, сохранения за государством контроля за недрами, внешней торговлей. Будучи монархистом, он исходил из принципа адекватности государственного устройства внешним и внутренним факторам развития, считал необходимым развитие «ответственных» парламентаризма, исполнительной власти, независимых судов, местного самоуправления.

Эффективность взаимодействия общества и государства Менделеев видел в обеспечении взаимных обязанностей, порождающих истинную свободу: «Россия… доросла до требования свободы, но не иной, как соединенной с трудом и выполнением долга». Важное место в этом процессе он отводил формированию многоуровневой системы «реального» образования, которая не только давала бы «средства для жизни» после прохождения каждого из ее этапов, но и изживала «стремление занять служебное положение, предоставляющее прежде всего обеспеченность без каких-либо задатков предприимчивости, без следа внутреннего стремления к способам увеличения народного благосостояния, а только с требованиями личными... даже до забвения прямых общегосударственных интересов» [7, с. 400, 407].

Комплекс социально-политических воззрений Д. И. Менделеева, по нашему мнению, весьма актуален и способен выступить в роли важной составляющей формирующейся национальной идеологии.

Список литературы

1. Авакьян, С. А. Ни одна страна не может жить без идеологии / С. А. Авакьян // Российская Федерация сегодня. – т2009. – № 6.; Хачанян, С. В. Конституционные коллизии в правовой системе Российской Федерации : дис. … канд. юрид. наук / С. В. Хачанян. – Ростов-на-Дону, 2016.

2. Егоров, Г. В. Социально-гуманитарные взгляды Д. И. Менделеева / Г. В. Егоров // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2015. – Вып. 5–6.

3. Козиков, И. А. Д. И. Менделеев о безопасности России / И. А. Козиков // Schola. – 2009.

4. Самигуллин, В. К. Вопросы права и государственности в творчестве Д. И. Менделеева / В. К. Самигуллин // Вестник Академии наук республики Башкортостан. – 2009. – Т. 14. – № 2.

5. Каспэ, С. И. Политическая нация и ценностный выбор: общие положения, российский случай (I) / С. И. Каспэ // Полития. – 2009. – № 2. – С. 17–18.

6. Менделеев, Д. И. Познание России. Заветные мысли / Д. И. Менделеев. – М., 2008. – С. 54.

7. Славянов, Ю. Последыш или обыкновенный гений (предисловие) / Ю. Славянов // Менделеев Д. И. Познание России. Заветные мысли. – М., 2008. – С. 38.

8. Троцкий, Л. Менделеев и марксизм / Л. Троцкий. – М.; Л., 1925.

9. Чугаев, Л. А. Дмитрий Иванович Менделеев / Л. А. Чугаев. – Л., 1924. – С. 15.

10. Easton D. A Systems Analysis of Political Life. N. Y.; L., 1965. P. 290, 336.

Кирюхин А. Б.[1]*,*
начальник кафедры криминологии
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАСИЛЬСТВЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Насилие всегда являлось одним из наиболее распространенных способов разрешения внутренних и внешних конфликтов. Уходя своими корнями в глубины веков, насилие во все времена сопровождало становление и развитие человеческого общества на всем протяжении его развития. Насилие свойственно всему живому, но лишь человеку удалось превратить насилие в инструмент физического уничтожения себе подобных. В целом, следует согласиться с мнением американского психиатра П. Роуча, который писал, что насильственная преступность и психические болезни – все это процессы, отражающие «высвобождение скрытых антисоциальных влечений, присущих всем людям» [8, с. 324].

Проблема социального насилия не теряет актуальности и сегодня. Насилие продолжает выполнять роль одного из важнейших регуляторов общественных отношений. Более того, вместе с усложнением содержания общественных отношений, политической организации общества, усилением внутренних противоречий, присущих любой общественно-исторической формации, научно-техническим прогрессом, а также совершенствованием правовых систем роль и значение насилия неуклонно возрастают. Говоря иными словами, конкретно-историческое содержание насилия как одной из форм деятельности человека зависит от того, какие общественные отношения, чьи права и свободы оно нарушает или, напротив, защищает, какие интересы определяют цели его применения. Соответственно исторические особенности общественного развития Российского государства выступают главными условиями средств и методов насилия, исходящего как от самой власти, так и отдельных индивидуумов. Как писал один из классиков марксизма: «Подобно праву и преступление, т. е. борьба изолированного индивида против господствующих отношений также не возникает из чистого произвола. Наоборот, оно коренится в тех же условиях, что и существующее господство» [5, с. 324].

---

[1] © Кирюхин А. Б., 2021.

По качественному содержанию и объекту направленности все формы социального насилия подразделяются на политическое, военное, экономическое, духовное, социально-правовое (общественно полезное) и противоправное (преступное). Каждая из этих форм отличается своей характеристикой, специфическими методами и способами применения. Но самым главным критерием классификации насилия, систематизации его основных форм являются, конечно же, не различные формальные свойства и признаки, а социальная сущность этого феномена. Только установив направленность насилия на объект уголовно-правовой охраны, можно вскрыть его подлинную природу и социально-значимые последствия для охраняемых законом личных, общественных и государственных интересов. В этом смысле в качестве одной из наиболее распространенных и опасных форм проявления социального насилия не только в России, но и за рубежом выступает преступное насилие.

Преступное насилие представляет собой совокупность преступных насильственных деяний, совершенных на определенной территории за определенный период времени. Соответственно, деяния, совершенные с применением насилия или с угрозой его применения, ввиду своей исключительной общественной опасности всегда относились к так называемым «индексным» преступлениям, уровень, состояние и динамика которых выступали определяющим фактором защищенности личности в конкретных общественно-исторических условиях и способность государства осуществлять эффективную политику в сфере предупреждения и профилактики насильственной преступности в целом. Однако именно эффективность общего и специального предупреждения насильственных преступлений в последнее время вызывает множество нареканий как со стороны научного сообщества, так и практических работников.

Несмотря на данные официальной статистики о постепенном снижении числа зарегистрированных насильственных преступлений, причин сомневаться в этом несколько. И главная из них – несовершенство уголовной политики и действующего уголовного законодательства об ответственности за преступления, совершенные с применением насилия или с угрозой его применения, в которых отсутствует четкая концепция самого преступного насилия. Несмотря на то, что многие ученые обращали внимание законодателя на это обстоятельство, положение до настоящего времени не изменилось. Причем сама проблема со временем приобрела хронический характер, а ее истоки уходят на столетие назад, в эпоху становления молодого Советского государства и построения советского уголовного законодательства и права, положения которых об ответственности за преступные

насильственные деяния кардинально отличались от общепризнанных положений русского классического уголовного права и уголовного законодательства.

Следует обратить особое внимание на одно знаковое, важнейшее обстоятельство, изменившее представление о сущности преступного насилия, и нашедшее отражение в континентальной доктрине уголовного права и системе дореволюционного уголовного законодательства России. Насильственными стали называться только те преступные деяния, которые посягали не телесную неприкосновенность человека, способны причинить вред его здоровью, но не причиняли при этом реального вреда его жизни. В силу этого обстоятельства насильственные посягательства выделились из преступлений против жизни и образовали особый, самостоятельный разряд общественно опасных деяний. С определенной степенью условности эти преступления можно разделить на три большие группы. Основанием такого деления был характер самих насильственных действий. К первой группе относились любые проявления насильственного принуждения кого-либо к определенному поведению, например к заключению гражданско-правовых обязательств имущественного характера. Вторая группа включала преступное лишение или ограничение свободы потерпевшего. Наконец, третью группу образовывали похищения людей, продажа человека в рабство, подмена и похищение детей. Преступления против жизни к разряду насильственных проявлений не относились.

Принуждение выступало в качестве основы любого насильственного проявления. Юридическая конструкция принуждения при этом была двоякой. В первом случае правовая оценка и наказуемость принуждения определялись тяжестью наступивших для здоровья потерпевшего последствий. Такой технико-юридический прием, именуемый «теория принуждения», стал основным содержанием германской уголовно-правовой доктрины наказуемости насильственных преступлений. Во втором случае основанием уголовной ответственности насильника служило само насильственное деяние, независимо от наступивших последствий. По такому пути развития пошли, впоследствии, русское уголовное право и уголовное законодательство. Различая двоякую юридическую конструкцию преступного насилия в разных правовых источниках, известный русский криминалист профессор И. Я. Фойницкий писал: «Или деяние рассматривается по отношению к пострадавшему, причем обращается внимание на результат, деянием вызванный; или же оно берется только по отношению к виновному, независимо от его последствий. В первом случае получается система принуждения (Nothigung), принятая новейшими законодательствами германской семьи; во втором – система насилия физического или психического (угроз), наказуемых

безотносительно к результату, как принято в законодательствах французской семьи и в нашем действующем праве» [7, с. 41].

Концептуальные положения этой доктрины получили дальнейшее обоснование и развитие в концепции «непосредственного насилия». Истоки этой концепции, по мнению русского криминалиста Л. С. Белогриц-Котляревского, брали свое начало еще в римском и средневековом европейском праве [1, с. 12].

Непосредственное насилие признавалось самостоятельным преступлением в тех случаях, когда содеянное не влекло причинение реального вреда жизни или здоровью потерпевшего. Если же такой вред наступал, то содеянное не рассматривалось как собственно насильственное преступление. Уголовная ответственность в таких случаях наступала за совершение убийства или причинение вреда здоровью. В итоге, русское уголовное законодательство стало сочетать в себе оба подхода к криминализации преступного насилия.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. выделило преступное насилие из убийства и телесных повреждений в главу XXIII и определило его как самостоятельный вид преступлений. Уложение к насильственным преступлениям относило побои, истязание, иное нарушение телесной неприкосновенности, причинение мучений, нарушение неприкосновенности жилища, самоуправные действия, незаконное лишение свободы и похищение человека.

К моменту принятия первого советского уголовного кодекса и в общественном сознании, и в праве произошла серьезная трансформация идеологии насилия. Крутой исторический поворот российской государственности от самодержавия к построению коммунистического общества повлек не только коренную ломку традиционных укладов жизни, но и бесчисленные волны «белого» и «красного» террора, обесценивших на долгие годы человеческую жизнь и создавших условия для последовавших затем массовых репрессий. В этих условиях насилие перестало в значительной степени являться уголовно-наказуемым деянием и стало карательным «мечом» в руках победившего класса, направленным против тех, кто был не согласен с его идеями. Насилие как норма, часть жизни общества было важнейшим инструментом внутренней и, зачастую, внешней политики. «С более широкой точки зрения, то есть с точки зрения большего по своей величине исторического масштаба, пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов, – писал Н. Бухарин – является методом выработки коммунистического человека из человеческого материала капиталистической эпохи» [2, с. 146].

Фундаментом «научного обоснования» исторической необходимости и «позитивной» роли революционного насилия стали положения марксизма-

ленинизма о значении этого инструмента для преобразования общества. Марксизм-ленинизм рассматривал насилие как закономерное применение силы определенным классом людей с целью приобретения или сохранения экономического и политического господства, завоевания тех или иных благ, прав. «Насилие является тем орудием, – подчеркивал Ф. Энгельс, – посредством которого общественное движение пролагает себе дорогу и ломает окаменевшие, омертвевшие политические формы…» [4, с. 189]. Именно в этот период в советской философии появился термин «социальное насилие», содержанием которого составили правовые, военные, политические, идеологические и экономические средства силового решения внешних и внутригосударственных задач.

В советской науке уголовного права термин «насилие» стал употребляться в общепринятом (этимологическом) и философском значениях. Причем грань между различными проявлениями насилия в общественной жизни оказалась достаточно размытой. В итоге в уголовном законодательстве того периода произошла трансформация обоих значений в одно целое, чрезмерно широкое определение, объединившее преступления против жизни и здоровья с насильственными преступлениями. Так, известный советский ученый-криминалист А. А. Пионтковский, широко трактуя понятие насилия, относил к нему любое принуждение потерпевшего к такому поведению, которое нарушает его свободное волеизъявление [6, с. 61]. По этой причине оказалось размытым и само понятие преступного насилия, разработанного классической школой русского уголовного права.

Такая тенденция четко прослеживается и в последующих уголовных законах советского периода. К сожалению, она не претерпела существенных изменений и в действующем Уголовном кодексе 1996 г., одним из отрицательных аспектов которого является использование различной, причем довольно путаной терминологии, служащей для обозначения преступных насильственных деяний. В диспозициях большинства норм Особенной части УК РФ, предусматривающих ответственность за совершение этих деяний, прямо указывается на совершение преступления «с применением насилия», «с насилием», «преступление, сопряженное с применением насилия», «с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья» и «с применением насилия, опасного для жизни или здоровья».

Действующее уголовное законодательство использует более двух десятков терминов, обозначающих преступное насильственное деяние. Такое обилие терминов серьезно затрудняет толкование соответствующих норм уголовного законодательства, оказывая тем самым негативное влияние на квалификацию соответствующих преступлений. Положение усложняется тем, что помимо прямого

указания в законе насилие обозначается и другими приемами законодательной техники. Например, Л. Д. Гаухман различал несколько таких приемов, обоснованно полагая, что это могут быть «…действия, которые по существу представляют собой насилие или могут выразиться в насилии, либо указаны последствия насилия в виде причинения смерти или телесных повреждений» [3, с. 74].

Вопрос о терминологии насилия представляется важным и по той причине, что даже в обыденной речи юристов, применяющих нормы уголовного законодательства, встречается ошибка методологического характера при упоминании насилия. Так, казалось бы, многие уже привыкли к «крылатому» выражению – «насильственное преступление», которое выступает в качестве базисной вариативной лексической единицы, обозначающей насильственное деяние в собственном смысле этого слова. Однако это словосочетание в обще употребляемом контексте не содержит ни одного юридически значимого признака, способного раскрыть содержание такого преступления.

Как уже было отмечено выше, уголовно-правовая терминология достаточно обширная и зачастую непростая для понимания, что, соответственно, порождает трудности в ее толковании. Так, опрос, проведенный среди сотрудников органов предварительного расследования, прокуратуры, а также судей показал, что подавляющее большинство (86 %) испытывали значительные затруднения в определении содержания терминов «физическое принуждение», «применение пытки», «принуждение», «применение насилия», «особая жестокость», «жестокое обращение, применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия», «насильственный захват власти», «вооруженное сопротивление», «вооруженный мятеж», «сопротивление» и «насильственные действия».

Определенное негативное влияние на создавшуюся ситуацию оказывает и то обстоятельство, что в отдельных случаях действующим законодательством применяются такие лексические единицы, которые не имеют аналогов в современном российском уголовном праве. Например, ч. 2 ст.213 УК предусматривает ответственность за хулиганство, связанное с «сопротивлением». Такой термин сегодня устарел, поскольку тесно связан с соответствующими положениями ранее действовавшего советского уголовного законодательства, различавшего «сопротивление», «злостное неповиновение» и «посягательство на жизнь». Вместо него Уголовный кодекс широко использует словосочетание «применение насилия».

Кроме того, диспозиции многих норм об ответственности за преступления, совершаемые с применением насилия или с угрозой его применения, содержат так называемые «оценочные» признаки, которые призваны отражать отношения между явлениями, характеризовать результат сопоставления такого явления с

определенным образцом. Следовательно, сущность таких признаков состоит в том, чтобы помочь правоприменителю сравнить рассматриваемое явление с некоторым понятием и сформулировать на его основе содержание самого этого понятия. Однако на практике во многих случаях дело обстоит иначе. Оценочные признаки не решают указанные выше задачи, а напротив, усложняют их решение. Так, вместо достаточно простого лексического выражения «с применением насилия», «с применением насилия или с угрозой его применения», законодатель использует малоинформативные конструкции типа: «соединенные с насилием над журналистом или его близкими» (ч. 3 ст. 144 УК), «деятельность которого сопряжена с насилием над гражданами или иным причинением вреда их здоровью» (ч. 1 ст. 239 УК), «сопряженные с насилием» (ч. 1 ст. 333 УК) и «сопряженное с насилием» (ч. 1 ст. 335 УК).

Встречаются и явные просчеты законодательной техники. Например, ч. 1 ст. 150 УК предусматривает ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления путем угрозы. В то же время, ч. 3 ст. 150 УК РФ повышает ответственность за то же деяние, совершенное с применением насилия или с угрозой его применения. Налицо – явная конкуренция обеих частей этой статьи в случае совершения преступления с угрозой применения насилия. Можно предположить, что под угрозой в приведенном примере законодательство подразумевает обещание виновного уничтожить имущество несовершеннолетнего, а не применить к нему физическое насилие. Но тогда это противоречит принципу единого понимания одних и тех же терминов, используемых уголовным законом, поскольку во всех остальных случаях угроза, выступая в качестве психического насилия, является разновидностью насильственного способа совершения преступления.

В рамках настоящей статьи были рассмотрены далеко не все имеющиеся проблемные вопросы. Однако их достаточно для постановки и решения задачи по устранению недостатков действующего законодательства, а также снижению уровня возможных ошибочных решений. Для этого необходим комплексный подход к совершенствованию уголовной политики в отношении преступлений, совершаемых с применением насилия или с угрозой его применения, включающий совершенствование, прежде всего, положений Общей части действующего уголовного законодательства. Реализация предлагаемых мер невозможна без концептуального понимания самого насильственного преступления, основой которого должны служить некогда забытые положения русского уголовного права и уголовного законодательства.

Список литературы

1. Белогриц-Котляревский, Л. С. Понятие уголовного права и основания наказания / Л. С. Белогриц-Котляревский. – Ярославль : Тип. Губ. правл., 1883. – С. 12.

2. Бухарин, Н. И. Экономика переходного периода. Ч. 1. Общая теория трансформационного процесса / Н. И. Бухарин. – М. : Гос. Изд-во, 1920. – С. 146.

3. Гаухман, Л. Д. Насилие как средство совершения преступления / Л. Д. Гаухман. – М. : Юридическая литература, 1974. – С. 74.

4. Маркс, К. Соч. Т 20 / К. Маркс, Ф. Энгельс. – С. 189.

5. Маркс, К. Соч. Т. 3 / К. Маркс, Ф. Энгельс. – С. 324.

6. Пионтковский, А. А. Преступления против личности / А. А. Пионтковский. – М. : Госюриздат, 1938. – С. 61.

7. Фойницкий, И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. / И. Я. Фойницкий; под ред. А. В. Смирнова. – СПб., 1996. – С. 41.

8. Roche P. Criminality and Mental Illnes Two Faces of the Same Coin. University of Chicago Review, 1954/55 22. P. 324.

Ковалев М. С.[1]*,*
курсант 1 курса факультета
подготовки сотрудников полиции
для подразделений по охране общественного порядка
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Абдрахманов А. И.,
доцент кафедры истории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

КРИМИНАЛЬНЫЕ УГРОЗЫ УКЛАДУ БЛАГОЧИНИЯ В РОССИИ КОНЦА XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX вв.

Обращаясь к теме криминогенной ситуации в России, начала XIX в. необходимо отметить ряд определяемых спецификой той эпохи аспектов. Прежде всего, к тому моменту еще не оформились понятия «преступность», «криминогенная обстановка». В терминах того времени можно говорить о нарушениях благочиния, упущениях в поддержании народной нравственности и пр.

Кроме того, обращаясь к теме криминала, нельзя упускать из виду тот факт, что в Российской империи значительная часть нарушений подлежала не к полицейской, а к различным иным видам юрисдикции. В частности, определенные преступления подлежали ведению общинных властей (сельских сходов, волостных старшин), вотчинной (помещичьей) юстиции, церковных судов. Означенная пестрота усложняет составление общей оценки криминогенной ситуации в стране. Мало того, может сложиться впечатление, что в Российской империи «николаевского периода» сколько-нибудь существенный криминал отсутствовал и страна сохранялась в состоянии патриархальной идиллии.

Разумеется, реальность была далека от столь утопической благости. Преступления совершаются в любом, даже довольно благополучном обществе, а Российская империя характеризовалась наличием ряда острых проблем и противоречий. Обращение к анализу криминогенной ситуации позволит обогатить наши представления по периоду становления министерства внутренних дел, реорганизации системы политического сыска. Кроме того, изучение криминогенной ситуации в стране позволит более полно раскрыть обстоятельства функционирования российских полицейских служб в первой половине XIX в.

---

[1] © Ковалев М. С., 2021.

Обратимся к имеющимся оценкам криминогенной ситуации в указанный период. Отдельные показатели преступности в Российской империи начали фиксироваться в первой половине XIX в. (этим занимались А. Хвостов, Н. А. Неклюдов, Е. Анучин), однако упорядоченный и общий характер они приобрели лишь во второй половине XIX в. Учитывалось количество уголовных дел, осужденных, подсудимых. Для начала разберем основные типы преступлений. Из исследования Е. А. Анучина «О проценте сосланных в Сибирь» за период с 1827 по 1846 гг. следует, что основными видами преступлений были: 1) мошенничество и воровство; 2) убийство и самоубийство; 3) разбой и грабеж.

Более содержательная картина складывается из свидетельств современников. Прежде всего характерно изложение С. Т. Аксакова, описавшего ситуацию, сложившуюся в части уездов Симбирской и Уфимской губерний во 70-е годы XVIII в. Как свидетельствовал Сергей Тимофеевич, здешний помещик «немилосердно дерется безо всякого резону и что уже два-три человека пошли на тот свет от его побой, что исправники и судьи обоих уездов, где находились его новые деревни, все на его стороне, что одних он задарил, других запоил, а всех запугал; что мелкие чиновники и дворяне перед ним дрожкой дрожат**,** потому что он всякого, кто осмеливался делать и говорить не по нем, хватал середи бела дня, сажал в погреба или овинные ямы и морил холодом и голодом на хлебе да на воде, а некоторых без церемонии дирал немилосердно какими-то кошками» [2].

Как можно видеть из дальнейшего содержания, упомянутый помещик, М. М. Куролесов фактически терроризирует жителей окрестных селений: грабит, избивает, пытает, убивает, похищает людей. Все происходит с ведома и при полном молчании уездных властей, которые либо подкуплены, либо запуганы. О том, насколько вопиющая ситуация сложилась в означенных уездах, свидетельствует фраза С. Т. Аксакова, после перечисления множества безнаказанных злодеяний, заключающего: «Я рассказал десятую долю того, что знаю, но, кажется, и этого довольно» [2].

Заметим, что в приведенном свидетельстве освещена ситуация только в одном из регионов России и нет оснований предполагать, что в большинстве остальных краев нашей страны подданные оказывались более законопослушны, а полиция и уездные суды более принципиальны и решительны.

Приведем пример из освобожденной от наполеоновских войск Москвы: «Город находится во власти нахлынувших сюда крестьян, которые грабят и пьянствуют», – жалуется Бенкендорф Воронцову в первом же письме из Москвы. Днем и ночью, пешком и на телегах, с женами и детьми, группами по 10–20 человек и целыми обозами, с оружием, отбитым у неприятеля, окрестные крестьяне

стекались в город поживиться запасами в недрах соляных складов и винных погребов, набрать медной монеты у Казначейства. Знаменитый актер Сила Сандунов выдержал французское пребывание в Москве, но был настолько шокирован нашествием крестьян, да еще сопровождавшимся кровопролитными драками за награбленное, что бросил дом, легендарные бани и бежал на Украину» [7, с. 128].

Характеризуя угрозы благочинию, нельзя обойти вниманием такой аспект, как должностные злоупотребления. Данная проблема упоминалась выше, и приходится отметить, что она также имела существенное значение. Как отмечает А. И. Абдрахманов «в царской России мздоимство признавалось безусловным злом, но злом обусловленным несовершенством человеческой природы, а потому, по сути – неистребимым» [1, с. 93]. Кстати, должностные преступления того времени описаны и в литературной классике, а именно в комедиях Н. В. Гоголя «Ревизор», «Мертвые души», в произведениях Н. С. Лескова, А. И. Герцена, «… «типаж» нечистого на руку чиновника – от губернатора, до рядового писаря, приобрел значение хрестоматийного образа русской классической литературы. Распространенность мздоимства, в частности, и среди губернского чиновничества превратилась в один из распространенных предметов критики со стороны противников самодержавия» [1].

Если учесть приведенные обстоятельства, предпринятое императором создание министерства внутренних дел (8 сентября 1802 г.), как ведомства, призванного организовывать и кодировать работу местных властей (в том числе и полиции), было довольно давно назревшим деянием. Фронт работы для органов полиции оставался весьма широким. В частности, в первой половине XIX в. в России повысился уровень должностных преступлений. При Александре Первом коррупция разрасталась в губерниях и сенате. Если на преступления в сенате император еще закрывал глаза, то в губерниях за период с 1810 по 1820 гг. были инициированы серьезные расследования, в результате которых многие губернаторы оказались отстранены от должности; когда высокопоставленного вельможу уличали в корыстолюбии, чаще всего он уже успевал достаточно нажиться, чтобы ни в чем больше не нуждаться.

Суд же над именитыми чиновниками практически не проводился, в чем можно увидеть проявление сословного уклада общества. Впрочем, здесь необходимо особо упомянуть позицию А. В. Давиденко, которую он сформулировал относительно обвинений в «лихоимстве» министра полиции А. Д. Балашова [5]. Как предполагает А. В. Давиденко, упомянутые обвинения были скорее следствием придворных интриг и влияния прозападной «фронды», нежели реальных проступков [5].

Впрочем, особое мнение по обвинениям в адрес А. Д. Балашова не означает отрицания проблемы мздоимства, как таковой. В работе А. В. Давиденко приводятся свидетельства корыстных проявлений в деятельности высокопоставленного бюрократа М. М. Сперанского, которого «стали привычно называть «известным взяточником». Публика не сомневалась, что он владеет особняками в Петербурге, оформленными через полуфиктивный брак Марианны Стивенс – сестры его покойной жены – на купца Злобина-младшего. И не только публика, но и люди, осведомленные в «холодных войнах» дворцовых группировок» [5, с. 49]. Впрочем, М. М. Сперанский оказался далеко не главным и не единственным из «нечистых на руку» чиновников Александровской и Николаевской эпох.

Объяснялся столь удручающий размах должностных преступлений рядом причин. Характерна позиция А. И. Герцена, писавшего: «Между дворянством и народом стоял чиновный сброд из личных дворян – продажный и лишенный всякого человеческого достоинства класс. Воры, мучители, доносчики, пьяницы и картежники, они были и являются еще и теперь самым ярким воплощением раболепства в империи» [4, с. 183]. Как можно заметить, А. И. Герцен выводил природу должностных злоупотреблений из «порочности» самой природы чиновничьего сословия, не скупясь на негативные характеристики в его адрес. В числе прочего, этот неистовый обличитель российского уклада пишет: «М. М. Сперанского елочные формальности усложнили судопроизводство и дали крючкотворам страшное оружие. Совершенно свободные от предрассудков, чиновники извращали законы, каждый по-своему, с необычайным искусством. Это величайшие в мире мастера кляузы; они имеют в виду только личную свою ответственность: если ей ничто не угрожает, для них нет недозволенного» [4, с. 184].

В реальности проявления корыстолюбия определялись более сложными причинами. В частности, недостаточными размерами оклада государственных служащих, хотя и не только, по крайней мере сами чиновники ссылались на прискорбную скудость своего содержания. Стремясь улучшить ситуацию, взошедший на престол Николай I повысил «государевым людям» жалование, но и ужесточил контроль над ними. Для борьбы с различными махинациями были введены регулярные ревизии. Означенные меры не замедлили сказаться. Так, одна из ревизий вскрыла «лихоимные злоупотребления в Псковской губернии и… происки польского сепаратизма в Вильно» [5, с. 181]. По некоторым данным, на закате царствования Николая Павловича под судом находились несколько тысяч чиновников [6, с. 177].

Касаемо нарушающего уклад благочиния социально-политического фактора, важно отметить то, что нестабильная общественная атмосфера породила

различного рода «вольнодумные» организации, в том числе радикальные и подпольные. Эти организации желали государственного переворота, смены действующей власти. Интересен пример подпольной группы не «фармазонского», а «патриотического» характера: «Пылало мстительным гневом и простонародье древней столицы: московская полиция вскрыла даже заговор купеческой молодежи, планировавшей выехать в Нижний Новгород с целью убийства Сперанского» [5, с. 159]. Если указанные заговорщики действовали из искреннего убеждения в «измене» Сперанского в пользу французского неприятеля, далеко не всегда мотивы подпольщиков были столь же искренними. Многие преступные группировки скрывались под именем политических организаций, хотя мотивами их деятельности были далеко не либеральные идеи. Они совершали различные террористические акты, разбои, грабежи и убийства.

К началу эпохи буржуазных реформ отмечался рост числа подсудимых и осужденных [3, с. 149]. С. С. Остроумов пишет: «С 1857 по 1865 г. число подсудимых увеличилось на 1/3, а число осужденных более чем в 1,5 раза. Конечно, в определенной степени на это увеличение оказало влияние введение в 1860 г. в судах судебных следователей, что привело к более тщательному расследованию, а отсюда к росту числа возбужденных уголовных дел. Но, несомненно, основной причиной роста преступности явилось не процессуальное нововведение, а резкое изменение всей экономической обстановки в результате свершившегося в стране экономического переворота» [8, с. 15].

Несмотря на большое количество жандармов и иных правоохранителей, криминогенная обстановка накалялась и в столице. Будучи крупнейшим городом Российской империи, Петербург притягивал к себе преступников самых различных типов. Северная Пальмира была более экономически развита, нежели малые города, соответственно преступникам оказывалось выгоднее обитать в ней. Хоть полиция и пресекала множество различных преступлений, но полностью искоренить криминал не удавалось. Как исключение можно воспринимать пример, когда «при императоре Павле у одной знатной вдовы был украден образ в золотом окладе с драгоценными камнями, петербургская полиция тщетно искала подозреваемого, пока не пришла к выводу, что тот скрылся в Москве» [5, с. 619]. Московской полиции тогда удалось выявить и задержать похитителя.

По мере развития общества, преступность выходила на новый уровень. При развитии криминала преступники становились сообразительнее. Появляются новые типы противозаконных «деятелей», различные методы и способы совершить преступление и уйти от правосудия. Говоря о типах преступников, наиболее выделялись «Шпана», «Клюквенники» и «Марвихеры». Различались они, как раз,

способами совершения преступлений. Так, злоумышленники под видом извозчиков подкарауливали жертву в безлюдных местах и, на полном ходу, срывали меховые изделия с людей и скрывались. Они караулили у кабаков, и как только человек выходил, они предлагали подвезти его до дома, затем отвозили в безлюдное место и грабили. Этот метод был удобен тем, что так легко было уйти от правосудия, так как пьяные жертвы не могли толком разглядеть нападающих и обычно несли бессвязные речи при составлении заявления.

Состояние благочиния в период расцвета российского абсолютизма было далеким от патриархальной безмятежности. Хуже того, по мере развития страны общая ситуация постепенно все более обострялась. Тема же состояния криминала в первой половине XIX в., основных факторов, угрожающих желаемому благочинию, остается перспективным предметом для научного исследования.

Список литературы

1. Абдрахманов, А. И. Проблема должностной преступности в системе ведомства внутренних дел в условиях революционных преобразований / А. И. Абдрахманов // На страже правопорядка и законности : сборник научных статей, посвященный 300-летию образования российской полиции. – М., 2017. – С. 93.

2. Аксаков, С. Т. Семейная хроника. Детские годы Багрова-внука / С. Т. Аксаков : собрание сочинений в 5 т. Т. 1. – М., Правда, 1966.

3. Военно-статистический сборник. Вып. IV. – СПб., 1871. С. 898. Цит. по кн.: Криминология : учебник для вузов / под общ. ред. А. И. Долговой. – М., 2001. – С. 149.

4. Герцен, А. И. О развитии революционных идей в России : собрание сочинений в тридцати томах / А. И. Герцен. – Т. 7. М., 1956. – С. 183.

5. Давиденко, А. В. «Содействовать против всех вражеских замыслов и покушений…»: труды и подвиги российской полиции в эпоху 1812 года. Продолжение… : очерки / А. В. Давиденко. – М., 2019. – С. 26–27.

6. Зайончковский, П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. / П. А. Зайончковский. – М., 1978. – С. 177

7. Олейников, Д. И. Бенкендорф / Д. И. Олейников. – М. : Молодая гвардия, 2014. – С. 128.

8. Остроумов, С. С. Преступность и её причины в дореволюционной России / С. С. Остроумов. – М., 1980. – С. 15.

Козлова Н. С.[1]*,*
курсант 4 курса
института подготовки сотрудников
органов предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Яцкова А. П.,
профессор кафедры истории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТСКОЙ МИЛИЦИИ ПО БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ (1945–1953 гг.)

Окончание Великой Отечественной войны предопределило внешнеполитическое положение СССР, но решении внутренних проблем оставался открытым: практически полностью разрушенная экономика и инфраструктура, потеряна огромная часть трудоспособного населения страны, процветали бездомность и беспризорность.

При всех очевидных тяготах народа 25 октября 1946 г. было издано постановление Совета министров СССР «Об обеспечении сохранности государственного хлеба» [4], а в 4 июня 1947 г. вышел указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» [3].

На основании Указа от 4 июня 1947 г. за кражу, присвоение, растрату или иное хищение государственного имущества устанавливалось наказание в виде заключения в исправительно-трудовой лагерь на срок от 7 до 10 лет с конфискацией имущества или без конфискации, а за те же действия в отношении колхозного, кооперативного или иного общественного имущества предусматривалось заключение в исправительно-трудовом лагере на срок от 5 до 8 лет с конфискацией имущества или без конфискации. По мнению ряда ученых-историков, цель у данных нормативных актов была одна – напомнить деревне, что весь хлеб, собранный в колхозах и совхозах, принадлежит исключительно Советской власти. Элементарные продукты питания стали дефицитом, что привело к развитию преступлений экономической направленности. Нередко вскрывались случаи

[1] © Козлова Н. С., 2021.

присвоения хлеба руководителями совхозов и колхозов, в отдельных случаях речь шла о тоннах зерна. Расширялся черный рынок продовольственного снабжения, появилось большое количество спекулянтов. Во многом это было обусловлено и покровительством со стороны органов государственной власти, в том числе и правоохранительных органов. В. М. Мамяченков, изучая материалы Свердловской области по борьбе с преступностью в послевоенный период, приводил следующие примеры экономических преступлений со стороны должностных лиц:

– перед ревизией на одном из виноводочных заводов, управляющие наливали в бутылки из-под водки воду и запаивали их;

– в Нижнем Тагиле на одно из предприятий был принят на должность бухгалтера бывший осужденный за растрату государственной собственности, через 4 месяца он был осужден за присвоение 4 тыс. руб.;

– в одном из районов Свердловска заведующим сразу трех магазинов был один человек, что позволяло ему легко обманывать ревизии любого из трех магазинов, отчитываясь товарами двух других [5].

Наличных денег в обороте практически не было, а продовольственное снабжение рядовых граждан происходило посредством продовольственных карточек. Продовольствие в города поставлялось с перебоями, это породило целую череду имущественных преступлений. Участились кражи, грабежи, разбои, совершаемые исключительно «по нужде», т. е. ввиду тяжело сложившихся обстоятельств граждан. Особое внимание хотелось бы заострить на возрастание доли преступлений, в которых были задействованы несовершеннолетние. По данным, которые приводит С. В. Богданов только в 1946 г., доля лиц, привлеченных к уголовной ответственности в возрасте от 16 до 21, составляла 43 %, причем большинство из них совершили преступления впервые [1].

Согласно информации Генеральной Прокуратуры СССР, в ноябре 1946 г. было привлечено к уголовной ответственности за хищение зерна 5407 колхозников, в том числе в Саратовской области – 517 граждан, Харьковской – 410, Днепропетровской – 365, Курской – 363, Херсонской – 318, Московской – 261, Воронежской – 197, Запорожской – 185, Великолукской – 147, Могилевской – 106, Кировоградской – 109. Всего в названных областях по возбужденным прокуратурой уголовным делам было выявлено хищение 830 т. зерна.

При рассмотрении состояния преступности в СССР в послевоенные годы нельзя категорично утверждать, что преступность в СССР того периода носила частный характер. Организованная преступность также имела место быть и усиленными темпами она формировалась именно в это временя. Негативные тенденции особенно отмечались в больших промышленных городах, несмотря на необходимость восстановления инфраструктуры и производства многие люди

были безработными. Например, в Ленинграде в этот период из всех осужденных 62 % были люди, имеющие рабочую специальность. Люди перебирались в города с целью найти высокооплачиваемую работу, а оставались ни с чем. Именно это заставляло их объединяться в банды. Появилось абсолютно новое направление организованной преступности – «валютчики», которые обменивали советские рубли на валюту в обход банков. По мнению С. В. Богданова, в СССР того периода это был единственный способ незаконного отмывания преступно добытых денег [2].

Резюмируя по состоянию преступности в СССР, можно с уверенностью говорить, что криминологическая обстановка в стране тогда в основном была обусловлена послевоенной экономической разрухой. В первые годы после войны не была налажена должным образом административно-хозяйственная деятельность, в результате чего много людей были без работы и без средств к существованию. Вновь возросшая нагрузка на деревню, вызвала резкий отток жителей в города, которые за невозможностью найти работу осваивали преступное ремесло. Продовольственные проблемы, голод 1946–1947 гг. детерминировали экономическую преступность, спекуляцию, взяточничество, махинации с валютой. Перед советской милицией вставало множество проблем. 17 января 1946 г. НКВД СССР издает приказ об усилении борьбы с преступностью, который предусматривал широкий комплекс мер по активизации работы аппаратов уголовного розыска в масштабе всей страны [6, с. 282].

После реформы в сфере исполнительной власти 1946 г., обязанность по борьбе с преступностью и охране общественного порядка была возложена на МВД СССР. В связи с ростом тяжких преступлений в июле 1946 г. отдел уголовного розыска Главного управления милиции МВД СССР был преобразован в управление уголовного розыска. Основной задачей управления уголовного розыска Главного управления милиции МВД СССР была организация борьбы со всеми видами уголовных преступлений на всей территории.

В период Великой Отечественной войны большая часть сотрудников органов внутренних дел была отправлена на фронт, многие их них погибли в боях. В системе МВД СССР была явная нехватка ведомственных образовательных учреждений. Эти факторы предопределили кадровый голод в органах внутренних дел, в отдельных случаях доходивший до 50 %. По подсчетам специалистов, в Саратовской области на тот момент некомплект составлял 58 %, в Приморском крае около 53, в Латвийской и Эстонской ССР этот показатель был больше всех – 70 %.

За годы войны численность Вооруженных сил СССР выросла во много раз, а надобность в них во многом отпала, поэтому кадровый голод в МВД перекрывали за счет военных., снизились требования для приема для замещения

должностей патрульно-постовых служб. Все эти действия привели к тому, что к 1953 г. численность МВД СССР достигла 1095 678 человек. Но вместе с возросшей численностью сотрудников не увеличились их компетенция и работоспособность, а также соблюдение ими прав граждан. Сложность оперативной обстановки отразилась и на организации наружной службы. В соответствии с приказом НКВД СССР от 17 января 1946 г. за постами милиции закреплялся постоянный состав милиционеров, переброска с поста на пост запрещалась без согласия вышестоящего начальства.

Нехватку квалифицированных сотрудников в МВД решали разными путями, в том числе и, не увеличивая число кадров. Так, в этот период милицией активно применялась помощь общественности на «добровольно-принудительных началах». На предприятиях и заводах создавались бригады содействия милиции, получившие название бригадмил. В основном данные структуры занимались содействием в деятельности по охране общественного порядка.

Как уже ранее отмечалось, в СССР после войны выросло количество преступлений экономической направленности, а также участились случаи хищения социалистической собственности. В данной ситуации была проведена реорганизация отдела БХСС Главного управления милиции в Управление по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией. В 1952 г. была создана вневедомственная охрана при МВД СССР. Данное подразделение занималось исключительно охраной объектов промышленности. С нашей точки зрения, это событие является ключевым показателем того, что в тот период все же были определенные тенденции к нормализации правопорядка в государстве.

В феврале 1948 г. МВД СССР образовало в составе Главного управления милиции следственный отдел. Следственные аппараты были созданы также в республиканских, краевых и областных Управлениях МВД.

19 декабря 1945 г. приказом НКВД СССР № 001529 был образован НИИК – Научно-исследовательский институт криминалистики в составе научно-технического отдела Главного управления милиции НКВД СССР (с марта 1946 г. – НИИК МВД СССР). Его сотрудники занимались криминологической статистикой, на основе которой уже практические сотрудники распределяли усилия в борьбе с преступностью.

В период с 1945 по 1953 г. организован процесс мобилизации сил средств в целях ликвидации последствий войны, в том числе и резкого роста преступности. Несмотря на некомплект кадров, их низкий образовательный уровень, скудность материально-технических средств и другие проблемы советской милиции

удалось выполнить стоящие перед ней задачи, в достаточно короткие сроки сбить вал преступности.

Список литературы

1. Богданов, С. В. Послевоенное советское общество: власть, население, экономическая преступность / С. В. Богданов, В. Г. Остапюк // Via in tempore. История. Политология. – 2017. – № 8 (257).

2. Богданов, С. В. Организованная преступность в экономической сфере СССР в 1930–1950-е годы: особенности воспроизводства, масштабы, формы проявления / С. В. Богданов, А. Л. Репецкая // Всероссийский криминологический журнал. – 2011. – № 4.

3. Ведомости Верховного Совета СССР. – 1947. – № 19.

4. История советского права : сборник законодательных материалов СССР и РСФСР. 1917–1958 гг. – М., 1959.

5. Мамяченков, В. Н. Борьба правоохранительных органов с хищениями социалистической собственности в кооперативных организациях и государственной торговле в конце 1940-х годов (на материалах Свердловской области) / В. Н. Мамяченков // Научный диалог. – 2017. – № 5.

6. СЗ СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР 1938–1967 гг. Т. 1. – М., 1968. – С. 282.

7. Упоров, И. В. Взаимодействие органов внутренних дел с партийными структурами и кадровая проблема милиции в СССР в послевоенные годы / И. В. Упоров // Концепт. – 2018. – № 10.

Криворотова Т. С.[1],
курсант факультета подготовки
следователей Орловского юридического института
МВД России имени В.В. Лукьянова

Научный руководитель:
Гарина О. В.,
старший преподаватель
кафедры государственно-правовых дисциплин
Орловского юридического института
МВД России имени В.В. Лукьянова,
кандидат юридических наук

К ВОПРОСУ О МЕХАНИЗМЕ ПРАВОВОЙ ЛЕГИТИМАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Государственная власть – важная часть функционирования любой страны. Она осуществляет управление делами державы от имени народа, обеспечивает стабильную внутреннюю и внешнюю политики. Такой порядок – всего лишь идеальная модель того, как должно выстраиваться политическое управление в стране. В реальности же – государственная власть не просто оторванный от жизни институт, это существующий в настоящем аппарат чиновников-управленцев, обеспечивающих возложенные на них функции. Проводимая политика не всегда может быть угодна народу. Доверяя государственному аппарату власть, источником которой являются сами люди, население желает процветания и стабильности, чего достичь удается далеко не всегда, и тогда в обществе возникает недовольство, которое может перерасти в противодействие населения существующей власти. Для оценки подобных ситуаций, связанных с отношением людей к государственной власти, в теории государства и права выработано понятие «легитимация государственной власти». При том что легитимация может быть правовой и неправовой, многие исследователи склонны считать, что в современном мире наибольшее влияние имеет именно первая из представленных.

Анализ вопросов, касающихся механизма правовой легитимации государственной власти, нужно начать с рассмотрения самого понятия «легитимации». Данный институт является одним из наиболее важных и актуальных на

[1] © Криворотова Т. С., 2021.

любом этапе исторического развития стран мирового сообщества. В. Н. Хропанюк определяет легитимацию власти как обеспечение признания, одобрения сложившегося порядка осуществления политической власти в обществе как естественного, нормального, правильного, законного и психологически приемлемого [4, с. 176].

С. И. Атмачев отмечает, что правильным образом данный процесс следует называть «легитимизацией», и означает он признание или подтверждение законности (легитимности) какого-либо права или полномочия, в том числе права политической власти на принятие политических решений и осуществление политических поступков и действий [2, с. 199]. В целом, анализ приведенных положений дает понять, что представленные определения достаточно схожи, их главный смысл в отождествлении легитимации и признания политической власти со стороны населения. Важность данного института обуславливается тем, что в современном мире большая часть конституций признает источником власти в государстве именно народ.

При этом, как пишет Л. А. Морозова, не следует отождествлять процессы «легитимации» и «легализации» [3, с. 228]. Второе понятие означает юридическое провозглашение и закрепление правомерности возникновения (установления), организации и деятельности государственной власти. Иными словами, рассматриваемые определения являются двумя сторонами одной медали. Легитимация отражает процесс формирования доверия населения к власти, ее фактического признания, а легализация отражает юридический аспект, т. е. закрепление власти путем законодательных установок, исполнение процесса формирования, предусмотренного правовыми нормами и т.д. Следует отметить, что государство не всегда характеризуется наличием обоих приведенных процессов. Некоторые страны могут иметь власть легализованную, т. е. провозглашенную в соответствии с законами, но не легитимированную и наоборот.

Производным понятием от «легитимации власти» является ее «легитимность». Легитимность власти определяется высокой степенью поддержки населения, как на мысленном уровне, так и в плоскости действий. Она выражается в стабильности правопорядка в государстве, исполнении гражданами всех необходимых установок со стороны властей. Это признаки легитимности. При этом важно, что правопорядок в стране и установки должны исполняться гражданами по собственной воле, а не в результате применения принуждения.

Эффективность процесса правовой легитимации государственной власти тесно связана с тем, насколько она обеспечена юридическими механизмами

обретения признания. Поэтому важно обратить внимание на механизм правовой легитимации государственной власти.

Данному аспекту в исследованиях уделяется достаточно мало внимания. Одним из основных исследователей данного вопроса является Ю. А. Иванченко. Он считает, что механизм легитимации власти активизируется, когда государство утверждает, что тот порядок, который государство поддерживает, и есть тот порядок, который нужен обществу. Государство нуждается в больших усилиях легитимации, если устанавливаемый порядок не совпадает с порядком общества, и чем меньше он совпадает, тем больше усилий требуется государственной власти для легитимации.

Механизм легитимации государственной власти реализуется через свою структуру, т. е. обособленные и одновременно взаимосвязанные друг с другом элементы. Вопрос, касающийся структуры механизма легитимации государственной власти, не решен в настоящее время однозначно в правовой науке.

Ю. А. Иванченко в структуре механизма правовой легитимации государственной власти выделяет следующие элементы: объект легитимации, субъекты легитимации, средства легитимации, методы легитимации, условия легитимации [2, с. 10].

Правовая легитимация государственной власти – это признание и одобрение сложившегося порядка осуществления государственной власти населением страны. Легитимация и легализация власти является различными процессами, но их соотношение очень важно для любого государства, поскольку необходимо стремиться к наличию обеих составляющих. Механизм легитимации представляется следующими элементами: объектом, субъектом, средствами, условиями и методами. Неопределенной в науке остается позиция, касающаяся рассмотрения объектов и субъектов. Средства, условия и методы избираются властью самостоятельно, в зависимости от складывающейся в государстве обстановки.

В правовой теории выделяют большое количество различных форм легитимации государственной власти. Необходимо заметить, что они также имеют свою классификацию. Выделяют правовые и неправовые формы легитимации государственной власти.

Справедливо отмечает Ю. А. Иванченко, что правовые формы наиболее распространеныв современной России и в других государствах [2, с. 13]. Это обусловлено тем, что они выражаются в конкретных действиях, мерах, которые принимает руководство страны для повышения уровня своей легитимности. Неправовые формы чаще всего носят перманентный характер, т. е., осуществляются не по средствам конкретных действий, а в перспективе, планомерном процессе.

Среди неправовых форм легитимации Л. А. Морозова выделяет [3, с. 231]:

а) традиционную, связанную с определенными обычаями, традициями, особенностями религии и так далее. Данная форма легитимации выражается в признании действующей власти в силу устоявшейся нормы поведения. Ярким примером такой формы является царская Россия, где власть монарха считалась переданной Богом, а потому право царя на руководство не оспаривалось;

б) харизматическую, основанную на определенной личности, ее статусе, харизме, качествами и так далее. Примеры: СССР в 30–40 годы, фашистская Германия. Политика обоих государств строилась на культе личности руководителя, которые повсеместно восхвалялись и характеризовались положительно.

в) Рациональную, основанную на признании власти населением самостоятельно. Руководство при такой форме лишь раскрывает суть деятельности государства, давая понять ее гражданам, а те самостоятельно приходят к позиции поддержки властей;

г) две промежуточные формы: ксеническую и стереотипическую. Первая заключается во влиянии на разум населения через средства массовой информации. В них постоянно говорят о положительной деятельности руководства, яро противопоставляя ее действиям власти в других государствах. Стереотипическая форма предполагает воздействие на подсознательные чувства населения, с целью увеличения уровня доверия к власти. Эти чувства могут быть различными: от ненависти к «врагам-государствам» до патриотизма.

Современные политологи расходятся во мнении, касательно неправовых форм, используемых в современной России. Для граждан России созданы все условия для свободного волеизъявления и получения информации о деятельности руководства. При этом, все же имеются признаки того, что Президент Российской Федерации В. В. Путин представляется сильным лидером как во внутриполитических делах, так и на мировой арене.

Формы легитимации государственной власти делятся на две большие группы: правовые и неправовые. Правовые форму носят более конкретный характер и выражены в определенной деятельности руководства страны, а правовые имеют перманентный характер, т. е. реализуются в текущей деятельности. Среди правовых форм легитимации, присущих современной Российской Федерации, выделяют: экономическую направленность на социальную сферу; культурно-массовую пропаганду; правовую идеологию – закрепление идей доверия к власти; развитие правовой основы функционирования института гражданского общества и самоуправления; антикоррупционную деятельность; независимость (негосударственность, аполитизированность) правосудия.

Следует признать, что в современном мире приоритет властью отдается именно правовым формам. В России используются различные правовые формы легитимации власти. В стране создаются условия для развития правового демократического государства, гарантирования защиты прав и свобод, в том числе экономических и социальных. Особое внимание уделяется обеспечению независимости судов и антикоррупционной деятельности. В этой сфере за последние годы руководством осуществлен ряд качественных изменений, позволивших увеличить эффективность противодействия коррупции.

Список литературы

1. Атмачев, С. И. Теория государства и права / С. И. Атмачев. – Ставрополь, 2019. – С. 199.

2. Иванченко, Ю. А. Сущность, механизм и формы правовой легитимации государственной власти : автореф. дис. … канд. юрид. наук / Ю. А. Иванченко. – М., 2015. – С. 10.

3. Морозова, Л. А. Теория государства и права в вопросах и ответах / Л. А. Морозова. – М. : Норма, 2019. – С. 228.

4. Хропанюк, В. Н. Теория государства и права / В. Н. Хропанюк. – М.: Омега-Л, 2017. – С. 176.

Куликова С. Г.[1]*,*
заместитель начальника кафедры
государственных и гражданско-правовых
дисциплин Московского областного филиала
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор исторических наук, доцент

ЗЕМСКИЙ КОНСЕРВАТИЗМ И ЗЕМСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ В РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX в.: ТОЧКИ СБЛИЖЕНИЯ

Последнее десятилетие века минувшего, как и первые десятилетия XXI в., ознаменовалось взрывом интереса к исследованию политических идеологий. В то время как исследователи-историки штудируют результаты плодотворной работы, нашедшие отражение в ряде фундаментальных трудов, рядовой гражданин крайне раздраженно, болезненно реагирует на интеллектуальные игры исследователей с понятийным аппаратом.

Осмысление феномена русского консерватизма, приобщение к сокровищнице консервативной мысли не прошли бесследно, они фактически перевернули привычную картину мира, поставили ее с «ног на голову»: консерватизм, воспринимавшийся долгие годы как препона на пути к социальному прогрессу, стал сегодня *condition sine qua non*[2]. В сознании обывателя невольно возникают закономерные вопросы: В чем причина повышенного интереса к политическим идеологиям второй половины XIX – начала XX в.? Каковы научная новизна и практическая значимость современных исследований, посвященных изучению политических идеологий в России? Чем привлекательны для исследователей земский консерватизм и земский либерализм?

Не секрет, что земство в России феномен уникальный. Как общественный институт земство объективно оказалось экспериментальной площадкой для реализации проблем самоуправления в России через хозяйственную практику. Земству суждено было стать «площадкой» взаимодействия приверженцев разных политических идеологий. В целом, исследование земства имеет сложившуюся традицию. В существующей литературе подготовка почвы для российского парламентаризма априори увязывалась с политической деятельностью либералов. Между тем, в последнее время исследователи отказываются от одномерного

---

[1] © Куликова С. Г., 2021.

[2] Обязательным условием *(лат.)*.

восприятия земства как «питомника российского либерализма» [9, с. 7]. В развитии земства свою роль сыграли не только либералы, но и консерваторы.

Проблематику изучения деятельности земства впервые обозначили дореволюционные исследователи. Их труды были далеки от объективности: либеральные авторы (И. П. Белоконский, В. Ю. Скалон) склонялись к апологетике земского либерализма [1, 2]; консервативные публицисты (В. Н. Лешков, К. Ф. Головин) смотрели на земство как орган практической деятельности, попутно пытаясь вписать его в структуры государственных учреждений [7].

В ранней советской историографии тон исследователям задавал В. И. Ленин, назвавший земство «пятым колесом» в системе государственного управления [5, с. 35]. Флагман русской революции дал емкие характеристики земскому консерватизму, который попал под огонь его критики за ориентированность на мнение бюрократии, и земскому либерализму за неспособность к демократическим преобразованиям [6, с. 175]. Советским историкам пришлось буквально метаться между ленинским определением земства и характеристиками либерализма и консерватизма. В этом контексте деятельность консерваторов рассматривалась как паллиативная.

В 1960–80-х годах произошла «реабилитация» темы русского консерватизма. Происходит это в рамках становления проблемы земской контрреформы, которая поставила в свою очередь на повестку дня тему земской интеллигенции, вокруг обсуждения которой сформировался ряд очень интересных подходов. Во-первых, Н. М. Пирумова отметила, что либеральная оппозиция формировалась не столько в самих земских учреждениях, сколько вокруг проблемы земства как такового, его настоящего и будущего [10, с. 234]. В свою очередь Т. П. Прокофьева подметила, что земские «группировки» формировались на почве практических дел [10, с. 132, 134, 136]. А. П. Корелин подчеркнул, что идейные различия не помешали либералам и консерваторам сформулировать сходные экономические требования в ответ на отмену крепостного права [3, с. 16].

Заметный прорыв в изменении взгляда на земские реалии произошел в связи с изучением российской многопартийности. Здесь нельзя не отметить труды В. В. Шелохаева, впервые четко разделившего «земских левых» (кадетски мыслящих), и земских правых (тех, кто правее октябристов) [26–28].

В конце XX – начала XXI вв. изучение истории консерватизма переходит в новое качество, этому немало способствовали объективные работы А. В. Репникова, А. А. Иванова, Е. М. Петровичевой, К. А. Соловьева [13–22]. Так или иначе, исследователи начинают задумываться над тем, а могли ли реформы, задуманные либералами, но воплощаемые в жизнь консерваторами, быть успешными

или они заранее были обречены на неудачу. Появляются термины: «умеренно-консервативная» деятельность, «охранительный либерализм».

До сих пор политическая идентификация деятелей земского движения вызывает сложности. С. А. Репинецкий отмечает упрощенство, при котором либерализм идентифицируется с антикрепостничеством и готовностью вести диалог с властью. Попросту говоря, к либералам относят всех, кто не был революционером и явным консерватором [12]. В свою очередь за консерваторами закрепилось клише: консерватор = противник всяких реформ и прогресса. В существующей литературе консерваторов нередко зачисляли в лагерь противников европейского пути развития. Точки на «i» расставил И. А. Христофоров, отметивший, что оппоненты реформаторов могли и не быть противниками реформ, что вопрос мог заключаться в том, какими должны быть конечные цели и «цена» преобразований и кому должна принадлежать инициатива в их проведении [23–25].

Объективное изучение социально-экономической деятельности земцев-практиков рисует иную картину [4]. Так, контуры понятия земский консерватизм, его размежевание с земским либерализмом высвечиваются при оценке их представителями роли и места государства и общества в проведении назревших преобразований в стране. Земцы-консерваторы неизбежно выступали оппонентами либеральных крайностей. При этом с земцами-либералами их роднило:

1. Недоверие к бюрократии, праву и демократии.

2. Вера в то, что наследственный монарх – спасение от революций.

3. Идея соборности.

4. Те и другие исходили из интересов земли, а не капитала. Правда, консерваторы считали, что «культурное» помещичье землевладение должно объединить вокруг себя все производительные силы деревни; либералы рассчитывали на общий культурный прогресс сельского населения.

Были и моменты, существенно мешающие сближению:

1. Стремление либералов ограничить самодержавие конституцией.

2. Широкая трактовка прав и свобод.

3. Идея невмешательства государства в экономическую жизнь.

4. Ориентация либералов на лиц интеллигентных профессий, а консерваторов на дворянское сословие

5. Стремление либералов к постепенному вовлечению крестьянства в решение каждодневных хозяйственных задач. Консерваторы исходили из представления об их неспособности к полноправному участию в земских делах.

Консервативная идея в России, равно как и земский консерватизм, базировалась на представлении о спасительности традиции: на земском уровне

«образцовое» помещичье хозяйство должно было сосуществовать с законопослушной и крепкой в хозяйственном отношении крестьянской общиной. Именно идейное противостояние по вопросу о судьбах крестьянской общины сыграло роль «политического водораздела» консерваторов и либералов в органах местного самоуправления. Разрабатывая проекты по развитию кооперации, консерваторы исходили из соображений пользы сельского кредитования для помещиков в виду возможности выгодно сдать свои земли в аренду, а либералы отдавали приоритет социальным целям. Проекты по развитию сельхозкооперации сближали консерваторов и либералов. Совместные усилия последних настораживали администрацию: кооперативы было сложно поставить под контроль бюрократии, они становились «буфером» в отношениях земства и крестьянства. Консерваторы и умеренные либералы упорно акцентировали внимание на скрытых резервах кооперации для эволюционной трансформации общины, создавая условия для того, чтобы кооперация «врастала» в общину.

Социальные проблемы земцами-консерваторами рассматривали в качестве производных от экономических. По социальным проектам консерваторы проигрывали либералам. Консерваторы развернули, по их мнению, весьма активную «социально оздоровительную» деятельность по борьбе с девиациями (пьянством, нищенством), но по-своему подходили к проблемам образования, считая, что цель его – вырастить богобоязненного и законопослушного сельского обывателя, овладевшего всеми полезными хозяйственными навыками и успешно применяющего их на практике.

Главные достижения земских консерваторов связаны с реализацией инфраструктурных проектов. Стремясь повысить товарность своих хозяйств, они преуспели в строительстве дорог и обновлении дорожной сети, развитии почтового сообщения. Консерваторы действовали как успешные администраторы: имея ограниченные материальные ресурсы они реализовывали крупномасштабные инфраструктурные проекты. В ситуациях, когда речь шла об экономической выгоде консерваторы действовали вполне согласованно.

Несмотря на близость консерваторов к самодержавной власти, в рамках самоуправленческого института они вынуждены были порой играть оппозиционную роль. Данный феномен связан скорее с деградацией бюрократического управления. В широкой исторической перспективе более существенными были проекты земских либералов. Неудача консерватизма в России была связана с сословными предрассудками.

Взгляды земцев-консерваторов отражают основные черты консервативной идеологии, с чем сопряжена и ставшая губительной неугасающая надежда на

политические реформы «сверху». Политическая недальновидность привела к противостоянию правых монархистов и октябристов с кадетами, с которыми земцы-консерваторы успешно сотрудничали в аграрной сфере. Несмотря на усилия умеренной части земцев, развитие институтов местного самоуправления в России вело к углублению кризиса самодержавия.

Однако в чем причина повышенного интереса к политическим идеологиям второй половины XIX – начала XX в.? Почему современным исследователям так важно объективное осмысление земских политических идеологий? В послании Президента Российской Федерации В. В. Путина Федеральному собранию от 15 января 2020 г. предложено внести изменения в систему взаимодействия власти и местного самоуправления. Предложения Президента Российской Федерации направлены на повышение эффективности социально-экономической деятельности местного самоуправления. Несмотря на различие исторических условий, местное самоуправление служило и служит становлению режима реальной демократии и гражданского общества, использованию местных ресурсов для решения многообразных проблем местной жизни. Не утратили актуальности вопросы разграничения полномочий между центром и регионами. Существовавшая в дореволюционной России система земского самоуправления сложилась и функционировала под влиянием политической борьбы вокруг земства. Этот фактор оказывал постоянное воздействие на хозяйственную деятельность земства на протяжении всей его истории. Поэтому исследование земского консерватизма, как и земского либерализма, определение их места и роли в земской социально-экономической практике актуальны как в научном, так и в общественном плане. Поиск наиболее оптимальной модели местного самоуправления, механизмов взаимодействия центральных и местных институтов власти, характерный для второй половины XIX – начала XX в., проецируется на современные вопросы взаимодействия власти и регионов в Российской Федерации. Исторические исследования позволяют выявить и проанализировать опыт местного самоуправления в развитии территорий и использовать его для решения задач современного развития.

Список литературы

1. Белоконский, И. П. От деревни до парламента. Роль земства в будущем строе России / И. П. Белоконский. – Ростов н/Д., 1905. – С. 3, 5, 53.

2. Скалон, В. Ю. По земским вопросам: Очерки, обозрения, заметки. Т. 1: В переходное время 1861–1882 / В. Ю. Скалон. – СПб., 1905. – С. 1–26, 242–275.

3. Корелин, А. П. Дворянство в пореформенной России 1861–1904 гг.: состав, численность, корпоративная организация / А. П. Корелин. – М., 1979. – С. 16, 235–253.

4. Куликова, С. Г. Консерваторы и земство: социально-экономическая деятельность. 1864-1914 гг. (на материалах Тверской и Московской губерний) : автореф. дис. …. д-ра истор. наук / С. Г. Куликова. – М. : ИРИ РАН, 2020.

5. Ленин, В. И. Гонители земства и Аннибалы либерализма // Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 5 / В. И. Ленин. – М., 1967. – С. 35.

6. Ленин, В. И. Кадеты и демократия // Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 21 / В. И. Ленин. – М., 1967. – С. 472; Ленин, В. И. Крестьянская реформа // Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 20 / В. И. Ленин. – М., 1967. – С. 175.

7. Лешков, В. Н. Опыт теории земства и его земских учреждений по «Положению» 1 января 1864 года / В. Н. Лешков. – СПб., 1865.

8. Головин, К. Ф. Наше местное управление и местное представительство / К. Ф. Головин. – СПб., 1884. – С. 15–16, 18.

9. Мацузато, К. Предисловие / К. Мацузато // Земский феномен: политологический подход. – Саппоро, 2001. – С. 7.

10. Пирумова, Н. М. Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе до начала XX в. / Н. М. Пирумова. – М., 1986. – С. 234.

11. Прокофьева, Т. П. Московское земство на рубеже XIX–XX в. : дис. канд. ист. наук / Т. П. Прокофьева. – М., 1981. – С. 132, 134, 136.

12. Репинецкий, С. А. Формирование идеологии российского либерализма в ходе обсуждения крестьянского вопроса публицистикой 1856–1860 годов / С. А. Репинецкий. – М. : Самара, 2010. – С. 14–15.

13. Репников, А. В. Консервативная концепция российской государственности / А. В. Репников– М., 1999; Репников, А. В. Консервативная традиция и современность // Либеральный консерватизм: история и современность Репников, А. В. – М., 2001. – С. 200–213.

14. Репников, А. В. Метаморфозы русского консерватизма: от С. С. Уварова до Никиты Михалкова / А. В. Репников // Отечественная история. – 2001. – № 3. – С. 105–109.

15. Репников, А. В. Социальная проблематика в работах русских консерваторов начала XX в. / А. В. Репников // Призвание историка. Проблемы духовной и политической жизни России. – М., 2001. – С. 202–220.

16. Иванов, А. А. Правые в русском парламенте: от кризиса к краху / А. А. Иванов. – М.; СПб., 2013. – С. 54–141.

17. Петровичева, Е. М. Земское самоуправление Центральной России в 1906–1918 гг.: Эволюция на последних этапах деятельности : дис. … д-ра ист. наук / Е. М. Петровичева. – М., 2003.

18. Петровичева Е. М. Земское самоуправление и власть в период Думской монархии в контексте модернизационной парадигмы / Е. М. Петровичева // Вестник Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых. Сер.: Социальные и гуманитарные науки. – 2015. – № 6. – С. 34–41.

19. Соловьев, К. А. Законодательная и исполнительная власть в России: механизмы взаимодействия (1906–1914) / К. А. Соловьев. – М., 2011.

20. Соловьев, К. А. Земские деятели в Государственной думе (1907–1914) / К. А. Соловьев // Вестник Московского университета. Сер.: Политические науки. – 2014. – № 4. – С. 67–81.

21. Соловьев, К. А. Земцы и высшая бюрократия в начале XX века: «мы» и «они» / К. А. Соловьев // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. Т. 14. Вып. 1: История. – 2015. – С. 106–118.

22. Соловьев, К. А. Идея самодержавия (конец XIX – начало XX вв.) / К. А. Соловьев // Философия. Журнал Высшей школы экономики. Т. II. – 2018. – № 2. – С. 48–69.

23. Христофоров, И. А. «Аристократическая» оппозиция Великим реформам. Конец 1850 – середина 1870-х гг. / И. А. Христофоров. – М., 2002.

24. Христофоров, И. А. Русский консерватизм: исследовательская схема или историческая реальность? // Отечественная история / И. А. Христофоров. – 2001. – № 3. – С. 116–120.

25. Христофоров, И. А. Судьба реформы: русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830–1890-е гг.) / И. А. Христофоров. – М., 2011.

26. Шелохаев, В. В. Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905–1907 гг. / В. В. Шелохаев. – М., 1983.

27. Шелохаев, В. В. Партия октябристов в период первой русской революции / В. В. Шелохаев. – М., 1987.

28. Шелохаев, В. В. Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции / В. В. Шелохаев. – М., 2015.

Лавренов А. С.[1],
курсант 2 курса
международно-правового факультета
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Иванченко Ю. А.,
заместитель начальника
кафедры истории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ПОИСК ПРАВОВЫХ ФОРМ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ НА КУБАНИ В НАЧАЛЕ XX в.

В период политических перемен начала XX в. всё население бывшей Российской империи было поставлено перед нелёгким выбором: поддержать грядущие политические изменения на стороне молодой Советской республики либо добиваться перемен в рядах «Белой армии». И та и другая сторона понимали невозможность возврата к прежнему укладу жизни. Нелёгкий выбор предстояло сделать и российскому казачеству.

В XX в. казачество – устойчивая и достаточно замкнутая общность с традиционным устоявшимся мировоззрением. В силу этих особенностей основными идеалами казаков непоколебимо оставались такие принципы, как верность долгу, присяге, царю, беспрекословное почетание существовавших на тот момент традиций и ценностей. Основной же смысл казаки видели в служении Отечеству. В силу этих обстоятельств, различным политическим течениям, веявшим в российском обществе, особенно после Первой русской революции 1905–1907 гг., не удалось массово проникнуть в умы казаков.

Во время Первой мировой войны казаки, верные своим идеалам, показали себя как мужественные бойцы, непоколебимые перед лицом врага. Но затяжной характер войны, многочисленные жертвы, неудачи на фронте давали о себе знать. В солдатской массе распространялись революционные идеи, достигшие апогея в 1917 г. Война сблизила казаков с простыми солдатами. Казаки стали задумываться о справедливом и равном обществе. Среди казаков-фронтовиков

[1] © Лавренов А. С., 2021.

исконные традиции и мировоззренческие идеалы уживались с новыми настроениями и взглядами на существующий мир.

Февральская революция в корне изменила процесс развития нашей государственности. На смену старым идеалам пришли новые. Революционные перемены вызвали некую растерянность и недоумение в казачьей среде. В казачестве проявились две противоречивые тенденции: верность присяге и долгу и симпатий новым народным идеалам. В казачьей среде началось активное брожение.

Отречение Николая II положило начало формированию новых органов власти. Временное правительство ввело институт политических комиссаров, призванный приводить в жизнь указания правительства и контролировать деятельность местных органов власти. На Кубани первым комиссаром был назначен кубанский казак К. Л. Бардиж. Изменения коснулись всей России, в том числе и Кубанской области. Проводимая Временным правительством политика не внесла коренных изменений органов власти на Кубани. В соответствии с приказом военного министра А. И. Гучкова «О реорганизации местного гражданского правления казачьего населения» [2] были отменены все правовые ограничения для казаков, не связанных с несением военной службы; реорганизовано местное управление казачьими войсками на началах «самого широкого самоуправления», в соответствии с историческим прошлым казачьих войск. Стали формироваться исконно казачьи органы управления. Таким образом, Временное правительство попыталось привлечь казачество на свою сторону, предоставив ему свободу, которая была ограничена в начале XVIII в.

После первого съезда представителей населённых пунктов кубанской области (апрель 1917 г.), в дополнение к действующему на тот момент гражданскому комитету были организованы областной совет и его исполнительный комитет, в который вошли как представители казачьего, так и иногороднего населения. Данный шаг был нацелен на политическое согласие различных слоёв населения Кубанской области. В то же время новая гражданская власть не отменяла прежнюю систему военно-административного казачьего самоуправления, оставив самоуправление войсковой структуры.

Одновременно казачья часть съезда для заведования областным казачьим хозяйством образовала Войсковой Совет (Раду) и Войсковое правительство. Эти органы были созданы для недопущения политического раскола в казачьей среде, к которому могло привести противопоставление советской и правительственной форм государственной власти.

Июльский кризис, слабое влияние Временного правительства на местные органы власти, временный уход большевиков с политической арены – всё это ускорило процесс самоорганизации кубанского казачества. Кубанские казаки всеми силами стремились использовать свои исторически сложившиеся

принципы государственной организации, приспосабливая их к стремительно изменяющимся новым политическим условиям. Так, в июле 1917 г. из состава Областного совета и его исполнительного комитета были выведены представители казачества. Кубанский Войсковой Совет (Рада) был упразднён. Это привело к установлению в области Войскового правительства и станичных правлений во главе с выборными атаманами. Тем самым Кубанское казачество заявило о себе как о самостоятельном субъекте государственной власти. Таким образом, в системе государственности на Кубани произошёл раскол, фактически образовалось двоевластие [3].

Следующим шагом укрепления власти казачества стало образование Войсковой Рады, фактически призванной осуществлять власть на Кубани. Для укрепления позиций казачества в аппарате центральной власти была сформирована делегация кубанского казачества для участия в Учредительном Собрании. С усилением позиций новой казачьей власти надобность в действиях местных исполнительных комитетов на Кубани отпала.

Таким образом, отсутствие чёткой политической программы и единой идеологии у Временного правительства, многократные эксперименты с формами государственной власти привели к становлению нового органа государственной власти, не имевшего аналогов в других (не казачьих) регионах России. Войсковая Рада сумела распространить по всей Кубани традиционные казачьи формы самоуправления. Казакам это нравилось, другим слоям общества на Кубани это не доставляло неудобства, и данная форма государственного правления приобретала всё большую популярность. В этот период основная масса казачества не принимала участия в политической жизни. Тем не менее в условиях углубляющегося кризиса в стране, казачьи руководители придерживались принципа обособления казачьих областей в качестве защитной меры.

Когда произошла Великая Октябрьская социалистическая революция, казаки вновь заняли выжидательную позицию. Большевики смогли привлечь на свою сторону значительные массы населения страны: рабочих, крестьян, часть интеллигенции, солдат, даже целые народы, но казаки пока оставались в стороне, наблюдали и анализировали происходящее, желая уберечь себя, свои семьи и земли от зарождающегося хаоса Гражданской войны. Но и Советская власть понимала, что территории, заселённые казаками, жизненно необходимы ей для существования, тем более именно здесь нашли себе приют контрреволюционные силы. Переманив на свою сторону казаков, Советы заручились бы не только «отчаянными рубаками», но и значительно облегчили бы себе борьбу за «народное счастье», к тому же эти территории имели важное стратегическое, политическое и экономическое значение. Был выпущен ряд обращений, содержащих призыв к

борьбе с общими врагами, призыв к объединению и совместному строительству счастливого будущего.

Таким образом, к концу 1917 г. благодаря грамотно организованной политике в отношении казачества Советская власть приобретала всё большую симпатию в умах простых трудовых казаков. Власть на Кубани постепенно стала переходить в руки большевиков. Их опорой на Юге России стало Черноморье. Основная масса Кубанского казачества, середняцкого, и трудового открыто симпатизировали Советской власти, хотя по-прежнему занимали выжидательную позицию, наблюдая за происходящим. Атаманы, «кулацкие» ряды казаков не находили поддержки своих идей, продвигаемые ими до Октября 1917 г., авторитарные подходы к управлению войском выводили на конфликт с жаждущими перемен казаками. Но, несмотря на успехи большевиков на Кубани 28 января 1918 г, Кубанская краевая войсковая рада объявила о создании такого государственного образования – Кубанского края, в качестве одной из составных частей будущей Российской Федеративной республики. 16 февраля 1918 г. Кубань была провозглашена независимым самостоятельным Кубанским краем.

Исторически Кубанское казачье войско делилось на две части: первую часть составляли так называемые, черноморцы, вторую – линейцы. Черноморцев ориентировались на Украину, линейцы же – на Россию, что вызывало политические баталии внутри Кубанского казачьего войска. Несмотря на данное разногласие, одним из ориентиров Кубанского края являлось вхождение его в состав РСФСР на правах автономии.

На первом съезде Советов Кубанской области (14–18 февраля 1918 г.) в Армавире была провозглашена Советская власть на территории всей Кубанской области, избран Кубанский Исполнительный комитет областного совета. В апреле 1918 г. в Екатеринодаре состоялся II съезд советов Кубанской области, на котором решался вопрос о статусе Кубани и была провозглашена Кубанская Советская республика. Советская власть установилась на территории всей республики. Основная масса кубанского казачества заняла выжидательную позицию по отношению к новой власти и участия в советском строительстве не принимала. По сути, продолжалась государственная самоорганизация на Кубани, только теперь ведущую роль в государственном строительстве играли иногородние и «трудовое казачество», под руководством большевиков, а не казаки. Казаки, которые входили в состав органов власти советской Кубани, представляли собой лишь трудовое казачество, а не казачество как особую социальную группу. Из числа таких казаков формировались многочисленные отряды в составе Красной Армии Северного Кавказа. Середняцкой же части кубанского казачества относились с некой осторожностью или даже недоверием.

30 мая было объявлено о создании Кубано-Черноморской Советской республики в составе РСФСР. В составе новых органов власти значительно снизилось число представителей казачества. А 5 июля 1918 г. на I Северо-Кавказском съезде Советов было провозглашено образование Северо-Кавказской Советской республики. Доля казаков в органах власти значительно уменьшилась, теперь основной опорой Советской власти на Кубани стали рабочие, крестьяне и городская беднота.

Советская власть на Кубани совершила непростительные ошибки во внутренней политике, результатом чего основная масса кубанского казачества отвернулась от неё. Наспех решив земельный вопрос за счёт казачьих земель, проводя политику партии в грубой форме, республиканская власть побудила казаков к восстаниям. Апогеем стали грабежи и казни казаков при изъятии хлеба. И если раньше на стороне Советов было всё трудовое казачество, а середняцкое попрежнему выжидало либо открыто симпатизировало большевикам, то теперь казаки активно переходили на сторону контрреволюции, что значительно упростило наступление Добровольческой армии на Екатеринодар.

С приходом на Кубань Добровольческой армии приходит очередная смена формы государственности: на карте Юга России появился Кубанский край. Он основывался на принципах народного суверенитета, народовластия, республиканской форме правления, разделении властей. Ожидалось создание федеративного устройства будущего Российского государства, с Кубанью как её субъектом. Принятое Временное положение об управлении Кубанским краем, фактически явившееся Конституцией, закрепляло порядок формирования, состав и компетенцию высших органов власти на Кубани, а также права и свободы граждан Кубани.

Создание Юго-Восточного Союза было первой попыткой ограждения от Гражданской войны и дало казакам опыт объединения и взаимодействия на межгосударственном уровне, востребованный и воссозданный в период существования казачьих республик. Летом – осенью 1918 г. Кубань была занята частями Добровольческой армии. 23 июня в Новочеркасске прошло заседание Кубанского правительства, на котором было принято решение ориентироваться не на Украину, а на добровольцев. Уход немцев с Дона, неудачи донской армии, успехи добровольцев заставляют Донское правительство признать главенство Деникина и подчиниться ему. Таким образом, создание союзного государства не суждено было воплотить в жизнь, главенство на Юге перешло в руки А. И. Деникина, выступавшего за «Единую и неделимую Россию».

Таким образом, говорить об идеологических ориентирах Кубанского казачества однозначно нельзя. Уже в начале XX в. в казачьей среде наблюдалось расслоение, и интересы различных групп шли наперекор друг другу. Но,

несмотря на это, казаки по-прежнему оставались единым целым. Многое изменилось по революции. Казачьи верхи, пользуясь отсутствием центрального управления казачьими войсками, укрепляли собственную власть. Вскоре они задумались о превращении войск в нечто среднее между административно-территориальной единицей и национальной автономной территорией. При этом никто не ставил вопрос о выходе из состава России. На данном этапе среди казаков активно пропагандировались идеи создания казачьей государственности [1, с. 152]. Понятие суверенитета рассматривалось исключительно как полновластие в пределах войска.

Обособление казачьих войск было вынужденной мерой, призванной не допустить хаоса на свои земли и существующих до стабилизации внутриполитических конфликтов в России. Для этих же целей такие казачьи образования создавали союзы как друг с другом, так и с другими национальными округами.

Идеи казачьей автономии, воли и свободы воспринимались простыми казаками как стремление к сохранению казаками своей самобытности, традиций, казачьего самоуправления, недопущения хаоса на свою территорию. Но это вовсе не означало полную замкнутость и отделение. Казаки на первых этапах не были против Советской власти, многие, напротив, разделяли её взгляды. Часть казаков принимала участие в становлении Советов на Кубани, другие симпатизировали. Казачество было готово к диалогу с большевиками, но те требовали беспрекословного подчинения. Грубо приводя политику партии в жизнь на местах, большевики настроили казаков против себя. Идеи казачьей автономии приобретали всё больше поддержки среди казаков. Создание казачьей республики несколько гарантировало нераспространение военно-коммунистических мероприятий на войсковые земли и не давало в полной мере возвращение старых порядков, пропагандируемых Добровольческой армией. Такая республика не устраивала ни большевиков, ни белых генералов.

Идеологическая позиция казачества корректировалась под воздействием внешних факторов. Но в то же время она оставалась неизменной в своей основе. Казаки не мыслили себя вне России. Для них Родина не имела ни красных, ни белых оттенков. Казаки отрыто заявляли о том, что они «составляют неотъемлемую часть русского народа». Неизменным оставалось стремление к сохранению казачьих традиций и идея казачьего единства, она и оставалась цементирующим началом.

Список литературы

1. Никитин, А. Н. Политико-правовая мысль кубанского казачества периода гражданской войны / А. Н. Никитин // Вестник Московского университета МВД России. – 2005. – № 4. – С. 152.

2. Сборник указов и постановлений Временного правительства: 27 февраля – 5 мая 1917 г. – Петроград, 1917. – С. 326–327.

3. Терновский, В. А. Формирование органов казачьего самоуправления на Кубани (март–декабрь 1917 г.) / В. А. Терновский // Петербургский исторический журнал. – 2019. – № 1. – С. 82–106.

Левкина Е. С.[1]*,*
преподаватель кафедры
гражданского и трудового права,
гражданского процесса
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ДОЛЖНОСТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПОЛИЦИИ ЗА НЕПРАВОМЕРНЫЕ ДЕЙСТВИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

В дореволюционной России при совершении полицейским служащим преступного деяния действовал особый порядок привлечения его к юридической ответственности. Данный порядок распространялся на всех государственных служащих. До реформ Александра II потерпевший от действий полиции обращался либо к начальству, либо в суд, который достаточно часто мог переадресовать решение вопроса к непосредственному начальнику полицейского. Непосредственное начальство выносили окончательное решение, привлекая виновного к суду или накладывая на него дисциплинарную ответственность. В период разработки судебной реформы 1864 г. было предложено отказаться от прежней процедуры привлечения полицейских к ответственности за неправомерные действия и установить в отношении них судебно-исковую ответственность, которая предполагала ответственность не только перед начальством, но и перед лицами, чьи права были нарушены. Гражданам было бы предоставлено право непосредственного обращения в суд. Если выдвинутое предложение было бы реализовано, вполне возможно, страшась суда, произвола в действиях полиции стало бы меньше, и она приобрела бы уважение в глазах населения [5]. Однако предложение реализовано не было, и полицейские чины по-прежнему несли ответственность перед непосредственном начальством.

Дисциплинарная ответственность государственных служащих в Российской империи была урегулирована ведомственными уставами и правилами, но в полиции такого устава не существовало. Дисциплинарные взыскания для служащих полиции налагались на основании статей Устава о службе по определению от правительства, входящий в состав Свода уставов о службе гражданской, так как служба в полиции была определена как разновидность гражданской. В отношении полицейских чинов действовали следующие виды дисциплинарных

[1] © Левкина Е. С., 2021.

взысканий: замечание, выговор, выговор с объявлением в приказе, наряд на службу вне очереди, арест на время до одного месяца, вычет из жалованья, перемещение с высшей должности на низшую, удаление от должности.

Дисциплинарная ответственность чинов санкт-петербургской полиции регулировалась указом от 8 июня 1889 г. «Учреждение Санкт-Петербургской полиции» [3]. Дисциплинарная ответственность накладывалась при наличии вины в действиях полицейского, и при определении рода и меры взыскания в расчет брались свойства проступка, обстоятельства проступка, прежнее поведение наказуемого и стаж работы. Вид дисциплинарной ответственности зависел от должности полицейского. Так, в отношении классных чинов действовали: замечание, выговор, выговор с объявлением в приказе, наряд на службу вне очереди, арест на время до одного месяца, вычет из жалованья, перемещение с высшей должности на низшую, удаление от должности. Для полицейских и околоточных надзирателей, а также городовых предписывались иные виды дисциплинарной ответственности.

Всякое взыскание подлежало занесению: для чиновников полиции – в особую книгу взысканий, для околоточных и полицейских надзирателей, городовых и полицейских служащих в штрафной журнал.

За более тяжелые правонарушения, например корыстное непринятие мер к обнародованию или приведению в действие указа, за непринятие мер к предупреждению или пресечению преступления против монарха, членов его семьи, государственную измену, на основании Уложения о наказаниях уголовных и исправительных в редакции 1885 г., полагалась ссылка в Сибирь. За остальные, менее тяжкие преступления наступала не уголовная ответственность, а опять-таки дисциплинарная.

Одними из наиболее распространенных должностных преступлений были взяточничество и должностное казнокрадство. Если полицейский брал взятку за действия, входившие в круг его обязанностей, то это называлось «подарком в деньгах (вещах)» и наказывалось взысканием двойной цены «подарка» и отстранением от должности. Казнокрады и растратчики подвергались денежным взысканиям «не свыше цены растраченного или присвоенного», отстранением от службы в полиции и могли быть подвергнуты аресту на срок до одного года и 4 месяцев. Так как дознание по факту правонарушения проводилось самой полицией, оно не могло быть объективным.

Так, уголовное дело по факту подмены векселя в Нежинском городском полицейском управлении, обнаруженному в 1864 г., было возбуждено из-за проволочек лишь через 16 лет, в 1880 г.

Решение вопроса о предании суду десятских, сотских и полицейских служителей было отнесено к компетенции Общего присутствия полицейского управления. На практике же по этим делам коллегиального обсуждения, как правило, не было. Жалоба поступала к исправнику, который проводил по ней проверку и для наложения взыскания на виновного передавал дело в присутствие, указывая при этом вид наказания.

О количестве такого рода дел можно судить по следующим данным: в уездных полицейских управлениях Уфимской губернии в 1880 г. принималось до 50 постановлений о наложении взысканий. Решение вопроса о предании суду, увольнению от должности немало зависело от укомплектованности кадров. Низкий уровень доплат в большинстве губерний и, как следствие, низкое материальное обеспечение приводили к значительному некомплекту. Исправники и полицмейстеры в таких губерниях вынуждены были «закрывать глаза» на проступки и правонарушения своих подчиненных, несмотря даже на решения губернских правлений об удалении от должности и предании суду [2].

Стремление законодателя создать особый порядок преследования реализовывалось и в порядке рассмотрения этих дел в судах. Уголовные дела и гражданские иски в отношении полицейских не могли быть разрешены в мировых судах, а направлялись в качестве первой инстанции в окружные суды. Н. В. Гущева отмечает, что «позднее, в соответствии с указом от 7 июля 1889 г. «Об изменении порядка производства дел по некоторым преступлениям, подлежащих ведению судебных мест с участием присяжных заседателей», дела о преступлениях по службе чинов полиции были изъяты из ведения окружных судов с участием присяжных заседателей и переданы в судебные палаты с сословными представителями» [4].

Отделение следствия от полиции требовало правового урегулирования вопроса об ответственности полиции за ненадлежащее выполнение обязанностей, возлагаемых на нее судебно-следственными органами и прокурором, поэтому законодатель несколько расширил контроль судебных органов за полицией. Мировым судьям было предоставлено право делать полицейским чинам предостережения. О важных упущениях полицейских мировые судьи были обязаны сообщать прокурору.

М. А. Карданова пишет, что «за упущения по следственной части полиция привлекалась к ответственности прокурором по личной инициативе или по представлению судебного следователя. Прокурору закон предоставлял право либо лично объявить виновному предостережение, либо передать решение вопроса на рассмотрение суда. Суд, если он признавал вину незначительной, объявлял

полицейскому выговор и сообщал об этом непосредственному начальнику. Если же упущения признавались серьезными, суд рекомендовал прокурору войти в сношение с начальством обвиняемого о предании его законной ответственности» [1]. Однако прокурор и начальник полиции не всегда достигали взаимоприемлемого решения. В этом случае дело поступало в губернское правление, которое поручало судебному следователю провести предварительное следствие. При этом начальнику полиции предоставлялось право командировать к следствию своего чиновника. Материалы следствия с заключением прокурора передавали начальнику обвиняемого. Если начальник вопреки мнению прокурора признавал, что обвиняемый не подлежит судебной ответственности, то возникшее разногласие разрешалось губернским правлением или Сенатом. В таком же порядке решались вопросы по обвинению полицейских в совершении преступлений, которые влекли лишение всех прав состояния, а также иски по возмещению значительных убытков.

Таким образом, в Российской империи действовал особый порядок привлечения чинов полиции к юридической ответственности за совершение противоправных деяний отличный от общей процедуры, действовавший в отношении лиц, не состоящих на государственной службе. Реформы 60-х годов не смогли изменить этот порядок, а в период контрреформ Александра III были внесены изменения, позволяющие рассматривать дела в особом порядке, с участием сословных представителей.

Список литературы

1. Карданова, М. А. Полицейский арест в монархической Европе: историко-правовое исследование : дис. … канд. юрид. наук / М. А. Карданова. – М., 2005.

2. Нарбутов, Р. В. Полиция Российской империи (1862–1917 гг.). Историко-правовой аспект : дис. … канд. юрид. наук / Р. В. Нарбутов. – М., 1992.

3. ПСЗ РИ. Собр. 1. – Т. IX. – № 6085.

4. ПСЗ РИ. Собр. 1. – Т. IX. – № 6162; Гущева, Н. В. Ответственность чиновников за должностные проступки и преступления по русскому дореволюционному законодательству в XIX–начале XX века : дис. … канд. юрид. наук / Н. В. Гущева. – М., 2006.

5. Тарасов, И. Т. Полиция в эпоху реформ / И. Т. Тарасов. – СПб., 1886. – С. 123–125.

Летникова П. В.[1]*,*
соискатель кафедры
истории государства и права
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

РЕФОРМА СЕНАТА В НАЧАЛЕ XX В. И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА СЕНАТСКИЕ РЕВИЗИИ

Развитие надзора за деятельностью государственного аппарата во второй половине XIX – начале XX в. было тесно связано с реформами 60–70 годов XIX в. Обсуждение сложного вопроса судебной реформы, в необходимости которой убедился Николай I в 1840-х годов, началась в 1857 г., когда Д. Н. Блудов, работавший над этой проблемой с 1843 г., высказался за коренное изменение уголовного и гражданского процесса. Следствием земской реформы 1864 г. стали децентрализация управления и привлечение общества к участию в управлении. На протяжении второй половины XIX в. разрабатывался ряд проектов преобразования Сената, которые предлагались К. Д. Кавелиным, К. П. Победоносцевым, Д. Н. Замятиным, К. И. Паленом и еще рядом общественных и государственных деятелей. Создание органов самоуправления и реформы 60–80-х годов не оказали сильного влияния на систему местного государственного аппарата. Д С. Рыжов пишет, что «губернаторы являлись центральным звеном местной администрации, в их руках концентрировались значительные властные полномочия, администрации была предоставлена большая свобода подзаконной деятельности, возможность принятия решений по свободному усмотрению» [8]. Такая парадигма не позволяла обеспечить принцип законности при принятии управленческих решений. Надзор за деятельностью администрации осуществлялся I департаментом Сената.

Осуществление надзорной деятельности всегда находилось в поле зрения верховной власти, так как основная масса чиновничества негативно относилась к идее установления действенного контроля и пыталась воспрепятствовать установлению судебно-административного контроля за применением властных полномочий и законностью в управлении.

Мнение, укоренившееся в административном аппарате относительно надзора за деятельностью чиновничества, состояло в том, что только монарх, как самодержавный правитель, имел право выносить решения о законности, удержать аппарат в установленных законом пределах, тогда как закон не имел приоритетного значения.

---

[1] © Летникова П. В., 2021.

Реформа Сената была ключевым звеном, которое могло стать средством борьбы с административным беззаконием. М. Н. Катков писал: «Необходимо, чтобы неправильные действия чиновников могли обжаловаться не только по начальству, но пред таким учреждением, которое находилось бы в стороне и не могло бы быть введено в обман собственными органами. Пусть подобные жалобы принимаются не в общих судах, а в каких-либо специальных» [5, с. 37]. Однако М. Н. Катков выступал за введение принципа соборности, «народного самодержавия».

В реформе Сената были заинтересованы как либеральные силы, так и консервативной лагерь общественности. Либералы видели Сенат свободным от влияния других государственных органов, поэтому предлагали сделать его надзорным органом, а чтобы ничто иное его не отвлекало от надзорной деятельности забрать у Сената законосовещательные и административные полномочия [1–3]. Консерваторы также ратовали за суверенитет Сената в системе государственных органов [9–11], но видели его реализацию в том, что Сенат становится высшим коллегиальным органом управления, а, следовательно, его полномочия надо не урезать, а, напротив, увеличивать. Как пишет Д. С. Рыжов: «Их идеалом был «петровский» Сенат, стоящий в непосредственной близости к царю, укрепляющий своим могуществом нераздельную, единоличную власть императора» [8].

12 декабря 1904 г. издан указ «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка». В пункте 1 монарх повелевает «принять действительные меры к охранению полной силы закона важнейшей в самодержавном государстве опоры престола» [4]. Далее в указе перечислялись недостатки государственной жизни: отсутствие действительных, а не только формальных мер к охранению закона; неподчинение закону властей и мест; свободу от ответственности за совершенные правонарушения; трудность защиты населением своих прав; с одной стороны, наличие юридического равенства перед законом и судом, а с другой, – формальный характер провозглашенного равенства; отсутствие единства в судоустройстве и должной самостоятельности суда.

Министр внутренних дел П. Д. Святополк-Мирский, при котором, как говорили, наступила «весна русской жизни», на первое место в программе реформ «ставил меры к укреплению законности как отвечавшие с внешней стороны требованиям об установлении правового строя и соответственное с сим изменение в Учреждении Правительствующего Сената». Во всеподданнейшем докладе от 24 ноября 1904 г. П. Д. Святополк-Мирский указывал на то, что пересмотр Учреждения Правительствующего Сената «должен быть поставлен во главу угла всех мер к упорядочению внутреннего управления и быть направлен к восстановлению прежнего значения Сената как высшего блюстителя закона».

17 января 1905 г. положением Комитета министров создано «Особое совещание для пересмотра действующего учреждения Правительствующего Сената и выработки законоположений о местных административных судах» [7]. Разработка и рассмотрение проектов реформы Сената происходили под контролем со стороны С. Ю. Витте. Председателем Совещания стал А. А. Сабуров.

Предполагалось, что реформа Сената станет частью полномасштабных преобразований в Российском государстве, восстановит его прежний статус, выведет из-под контроля министерств, в частности, обеспечит независимость Сената от министра юстиции, что приведет к установлению законности в управлении. К. П. Победоносцев считал, что восстановление Сената в том статусе, которым он обладал при Петре I, невозможно в принципе, так в начале XVIII в. в состав Сената входили лично приближенные и доверенные лица к монарху. По мнению К. П. Победоносцева, современный Сенат представляет собой «собрание судебных чиновников, переворачивающих на все лады букву законов, не приведенных ни к какому единству, а двигателем всего – присяжный поверенный» [6]. Однако С. Ю. Витте хотел, чтобы Сенат, с одной стороны, был сконструирован по петровскому образцу, а с другой, – Сенат должен функционировать как высший административный суд, что противоречило положениям юридической науки.

Члены Совещания указали, что причинами падения значения Сената как органа надзора были неподконтрольность и неподнадзорность министерств Сенату, соединение должностей генерал-прокурора и министра юстиции, т. е. Сенат был подконтролен в наиболее важных вопросах своей деятельности лицу, которое возглавляло орган, за которым надзирал Сенат.

Члены Совещания главной своей задачей ставили создание такой конструкции Сената, которая позволяла бы ему стоять на страже законности в государстве. Достижение этой цели виделась членам Совещания в предоставлении Сенату полномочий выявлять целесообразность разработанных министерствами решений, рассматривать отчеты губернаторов, увольнять их от должности в случае совершения ими преступлений по должности. Особо сенаторы отметили, как наиболее действенную меру в области надзора, сенаторские ревизии, которые предложено проводить и далее, что и было реализовано вплоть до Первой мировой войны.

Таким образом, проект реформирования Сената стал программой с радикальными предложениями, начиная от взаимоотношений Сената и министерств и до попыток поставить под контроль деятельность министров. Однако политическая ситуация в 1905 г. не была стабильной и к осени 1905 г. на фоне происходящих изменений в общественной и государственной жизни реформирование Сената, в какой-то мер, утрачивает насущность. В апреле 1906 г. труды

Особого совещания переданы в Министерство юстиции, и на этом оно прекратило существование.

Фактически Совещание решило только часть возложенных на него задач, в основном это касалось административных департаментов Сената, его делопроизводства и ряд еще несущественных моментов. Основные государственные законы Российской империи в редакции 23 апреля 1906 г. в ст. 90 сохранили за Сенатом право и обязанность быть хранителем законов: «общее хранение законов полагается в Правительствующем Сенате» [6]. На основании ст. 24 Сенат следил за границей между указами и законами: «обнародывание указов и повелений, изданных монархом в порядке верховного управления или им непосредственно, совершается Сенатом».

Список литературы

1. Градовский, А. Д. Комитет министров; I департамент Правительствующего Сената / А. Д. Градовский // Собрание сочинений. Т. 8. – СПб., 1907.

2. Скальковский, К. Современная Россия / К. Скальковский. – СПб., 1890.

3. Ипполитов, М. Функции I департамента Сената / М. Ипполитов // Вестник права. – 1904. – № 5.

4. Законодательные акты переходного времени. 1904–1908 гг. / под ред. Н. И. Лазаревского. – СПб., 1909. – С. 3–6.

5. Катков, М. Н. Собрание передовых статей «Московских ведомостей» за 1870 г. / М. Н. Катков. – М., 1896. – С. 37.

6. ПСЗ РИ. Собр. 2. – Т. XXVI. – От. 1. – № 27805.

7. Раскин, Д. И. Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917 гг. Т. 1: Высшие государственные учреждения / Д. И. Раскин. – СПб. : Наука, 1998.

8. Рыжов, Д. С. О попытке реформирования сенатского надзора за законностью в деятельности административных органов (1904–1905 гг.) / Д. С. Рыжов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Актуальные проблемы гуманитарных наук. – 2003. – С. 60–70.

9. Теория государства у славянофилов. – СПб., 1898.

10. Юзефович, М. В. Несколько слов об исторической задаче России / М. В. Юзефович. – Киев, 1895.

11. Семенов, П. Н. Самодержавие как государственный строй / П. Н. Семенов. – СПб., 1905.

Малоземова Д. Д. [1],
курсант 1 курса
международно-правового факультета
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Иванченко Ю. А.[2],
заместитель начальника
кафедры истории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ: КУДА ИДТИ? ИЛИ КАК РОССИИ НЕ НАСТУПИТЬ НА «СТАРЫЕ ГРАБЛИ»

Противостояние Запада и России длится на протяжении многих веков. Запад всегда относился к народам России как к варварам или дикарям, которые живут в лесах с медведями и играют на балалайках. Восточные же народы всегда относились к странам Запада, как к нечто диковинному, любопытному, новому. В чем причина таких разных отношенияй друг к другу? В чем же причина неприязни западных народов к нам?

Корни этой проблемы заложены ещё при разделении христианства на католичество и православие. Русский народ, развивая православную культуру, всегда стремился к благочестию, веками развивая такие качества как сочувствие, милосердие, совестливость. Западные же народы развивали католическую (протестантскую) культуру, основанную на богоизбранности материально благополучных людей. Кто богаче, тот и богоизбранным.

Западные страны в своих устремлениях добились значительных материальных успехов, но значительно отстали в духовном развитии. Этот факт установлен и западными историками, например немецкий социолог и историк Макс Вебер.

Великий русский писатель, классик и мыслитель Ф. М. Достоевский, внесший значительный вклад в воспитание русского народа, писал, что для того, чтобы стать русским, нужно стать братом всех людей. Мы на протяжении веков воспитывались на творениях русских классиков, пропагандирующих братство и солидарность. Мы на протяжении веков стремились к сближению с Европой, с

[1] © Малоземова Д. Д., 2021.
[2] © Иванченко Ю. А., 2021.

Западом. Мы перенимали их традиции и обычаи, одежды и прически, учили их язык, просили и просимся принять нас в одну общую европейскую семью. Однако, всегда, когда на кон встает вопрос «материального», получали в ответ фразу «прочь немытая Россия».

Несмотря на это, сегодня многие либерально настроенные политики России навязывают нам демократические «ценности» Запада, утверждая, что всё, что делается у нас, – это плохо, а у них – это хорошо.

Здесь важно отметить, что местами дислокации американской разведки чаще всего являются офисы всевозможных либеральных организаций и фондов. Еще недавно в России легально действовал NDI – национальный демократический институт, созданный Уолтером Реймондом – одним из главных специалистов ЦРУ по зарубежной пропаганде. Среди основных спонсоров по оболваниванию молодёжи на территории нашей страны сегодня являются Фонд E.V.Z. (Германия), Институт Гете, Европейский союз, Американо-российский фонд по экономическому и правовому развитию, Фонд Европейская молодёжь, Amnesty International, Шведский институт, Национальный фонд демократии (NED), Румынская платформа развития неправительственных организаций, Совет министров Северных стран, Германский фонд Маршалла. На эти цели Запад только в 2020 г. выделил около 1 млрд 315 млн руб.

Ещё в XIX в. Н. Я. Данилевский, русский социолог, культуролог и геополитик, утверждал, что Россия и Европа противоположности. Данилевский пророчески предупредил Россию об опасности «вхождения в Европу». Если Россия примет либерализм, писал Данилевский, то как цивилизация она непременно погибнет, потому что в условиях разделения мировых рынков у нас остается основной роль сырьевого придатка. Либеральные экономисты США К. Макдонелл и С. Брю, по учебникам которых проходит обучение в ведущих университетах Запада, подтверждают, что «рыночная система – это бесстрастный механизм. Она не имеет совести и не может приспосабливаться к моральным нормам».

История свидетельствует, что Европа уже неоднократно пыталась сделать Россию сырьевым придатком. Только в XX в. были осуществлены следующие попытки уничтожить нашу страну:

– Американский План Дауэса по использованию сырьевых ресурсов СССР для восстановления экономики Германии и ускорения репарационных выплат странам Запада по результатам Первой мировой войны и погашения кредитов, полученных союзниками от США;

– План «Ост» фашистской германии по колонизации восточных территории и план «Барбаросса» по нападению на СССР;

– Американский план «Дропшот» по нанесению ядерных ударов по территории СССР, разработанный и утверждённый в 1949 г.;

– программа ЦРУ США «Теория заговора», в которой представлены «10 шагов» по развалу СССР, которую и сегодня пытаются применить, только уже в отношении России.

Если устремления западных политиков разрушить нашу страну и превратить её территорию в сырьевую базу для их экономики как-то можно понять, то желание либеральных представителей России привить нам западные демократические ценности понять трудно. Оценки результатов деятельности первых демократически настроенных президентов, а именно М. С. Горбачёва и Б. Н. Ельцина, с каждым днём становятся более резкими. Народ сегодня просыпается, если можно сказать, «трезвеет» от содеянного в годы перестройки и последующие девяностые годы. Становится ясно, что, несмотря на обостряющиеся проблемы внутри страны, крушение СССР произошло под воздействием либерально-демократических сил не без участия и руководства западными спецслужбами.

Попытки присоединить Россию к «демократическим» и либеральным государствам Запада проявились уже в программах первых государственных визитов Б. Н. Ельцина в Бонн, Вашингтон, Оттаву, Лондон и Париж. По завершении этих визитов были перечислены основные цели внешней политики России – войти в «сообщество цивилизованных государств» и одновременно обеспечить максимальную поддержку демократическим реформам. Внешняя политика нашей страны представляла в то время череду односторонних уступок. От России требовалась поддержка санкций против Ливии, Ирана и Югославии, требовались готовность отдать Японии ряд островов курильской гряды.

Всё это привело к развалу экономики и ухудшению социальной обстановки в стране. Россия очередной раз оказалась в неравноправном положении в «партнёрстве» с Западом.

Идеи американского политолога и социолога Збигнева Бжезинского об уничтожении России и сегодня живут в умах либералов, как на Западе, так и в нашей стране. Иначе как можно объяснить осуждающие Россию заявления либерально настроенных представителей нашего времени об «аннексии» Крыма, о «вмешательстве» России в события в Донецкой и Луганской областях Украины и т. д.

Запад страшно боится, чтобы Россия не вспомнила «славы СССР», что Россия, как и ранее, пойдет по-новому и нежелательному для них пути развития, мало того, начнет конкурировать с Западом. Россия сегодня – это страшный «медведь» на пути мирового господства англосаксонской нации, а также на

претензию мессианской нации, которое не позволяет ей в полной мере ощущать свое превосходство.

Чтобы окончательно предотвратить попытки и устремления россиян в «цивилизованный» мир, необходимо сегодня обратить внимание на растущую деградацию моральных и этических норм западных стран. Их современный «культурный мир» не только перестает различать добро и зло, но и восторгается хаосом. Происходит внедрение идеологии относительности, – в мире нет абсолютных истин и моральных норм, все зависит от обстоятельств.

Завершая мысль, вернемся к первопричине проблемы взаимоотношений России и Запада, к разделению христианства. Россия стала духовной и исторической преемницей Византии, Москва – Третий Рим. Присоединяя к себе новые территории, Россия оставляла полную свободу своим народам. Россия, в отличие от западных стран, никогда не была колонизатором. Сегодня в России проживает в дружбе и согласии около 190 национальностей.

Великий русский философ Н. А. Бердяев, которого на Западе называли «русским Гегелем XX века», утверждал, что возрождение России наступит в том случае, если она возьмёт на себя активную роль в преобразовании мира. Российскому народу необходимо освободиться от подражания и влияния Европы, и становление нашей духовной независимости приведет к единству.

Сегодня, по утверждению многих политологов, против России ведется «вторая холодная война». За каждый «чих» нам объявляются различные политические или экономические санкции и ограничения, но всё это только усиливает консолидацию россиян. Россия, если можно так сказать в духе времени, проходит «вакцинацию».

России нужен альтернативный путь развития, который представлял бы синтез всего лучшего из опыта СССР, своего прошлого и настоящего. Не боясь имперских амбиций, Россия вновь должна стать собирательницей многочисленных народов с их культурой, и всех тех, кто не хочет стать колонией или сырьевым придатком стран «золотого миллиарда». Всё это позволит решить и демографическую проблему, обеспечит невиданный духовный подъем российского народа. Именно такой должна быть наша национальная идея.

Малыгин А. Я.[1],
профессор кафедры
истории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

ОБ ЭТОМ НЕ ДАВАЛИ ПАРАДНЫХ СООБЩЕНИЙ (К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ ПОЛИЦИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 г.)

Отечественная война 1812 г. продемонстрировала сплочение народа, массовый героизм и самопожертвование представителей всех слоев населения. В обширной литературе достаточно полно представлена информация о вкладе полиции российской империи в общее дело разгрома опасного противника. Однако вне поля зрения исследователей остается деятельность полиции, находившаяся за рамками сражений, искусных партизанских операций, спасения раненых и других деяний, заслуживающих поощрения и благодарности.

Война привела к неисчислимым бедствиям, небывалым по масштабам потерям живой силы обеими воюющими сторонами. По оценкам исследователей французская армия пересекла российскую границу, насчитывая от 500 до 600 тыс. чел., а покинули территорию России примерно 30–50 тыс. чел. Потери армии России также составили внушительную цифру – около 300 тыс. чел. Таким образом, число жертв, трупы которых остались на Бородинском поле, в захваченной Москве, на пути следования отступающей наполеоновской армии, простирается до миллиона.

О грозящей опасности говорится в разных источниках.

Обер-полицмейстер Ивашкин доносил Растопчину: «Враги Отечества оставили Москву с 10-е на 11-е число» октября. «Соборы, храмы Божии и монастыри, осквернённые неистовствами их, в пяти местах подорванный Кремль, выжженные Грановитая Палата и часть Дворца, некоторые казенные здания и 6496 обывательских, каменных и деревянных домов, множество мертвых трупов людей и лошадей, разбросанных по улицам, все сие вместе составляло ужасную истину варварства извергов сих» [1, с. 10].

Вот что писал князь Голицын из Нижнего Новгорода своему приказчику, 16 октября 1812 г.: «…Как известно, что все улицы завалены мертвыми телами и палыми лошадьми: то очищаются ли оные… о том уведомить» [3, с. 16].

---

[1] © Малыгин А. Я., 2021.

В этот же день 16 октября 1812 г. в Москву начала возвращаться полиция, на время эвакуированная во Владимир. Обер-полицмейстер Ивашкин вменил своим подчиненным «в непременную и первейшую обязанность очистить храмы Господни от нечистоты, во множестве в них находившейся, приказал … убрать мертвые тела людей и трупы лошадей, кои потом... сожигаются за городом или закапываются в глубокие ямы, перемешанные известью» [1, с. 11].

24 октября 1812 г. главный надзиратель Императорского Московского Воспитательного дома действительный статский советник и кавалер Тутолмина извещал Растопчина, что французы приспособили половину помещений Воспитательного дома под госпиталь, в котором содержалось около 3000 чел. После бегства неприятеля из Москвы в Воспитательном доме оставалось до полутора тысяч больных, которым «не оставлено ни пищи, ни лекарств и никаких других потребностей». Тутолмин пишет, что вынужден был «довольствовать их от дома», т. е. из собственных средств. Что же касается обстановки в занимаемых французами помещениях, то впечатления были самые гнетущие: обнаружили «в комнатах великую нечистоту и неопрятность».

Из содержавшихся в этом госпитале ежедневно умирали от 20 до 50 чел., которых хоронили у городовой стены Китай-города (всего до 1500 тел), а на территории самого Воспитательного дома похоронено до 1000 человек. Тутолмин выказывал беспокойство: «Хотя для предосторожности на тела было сыпано по недостатку малое число извести, но со всем тем весною от многочисленных тел может быть заразительно…» [2, с. 406, 407].

Сохранилось повеление Александра I главнокомандующему в Москве графу Ф. В. Растопчину 14 ноября 1812 г.: «Известно, как из перехваченных отзывов французских начальников, так и из донесений командующих нашими войсками, что не только в местах, где производили сражения, но и там, где проходила ретирующаяся неприятельская армия, осталось от оной множество трупов, как убитыми, так и от усталости, голоду и стужи погибшими. Чтобы от сих мертвых тел не последовало, при наступлении весны заразительных болезней, повеле-ваю вам ныне же принять поспешнейшие и самые деятельные меры, чтобы трупы всякого рода, как людские, так и скотов, кои могут быть отысканы или на поверхности земли, и в земле, но зарытые не глубоко, были неотлагательно преданы сожжению. Особенному попечению вашему поручаю принять всевозможные бдительнейшие осторожности, чтобы при наступлении весны не возникло какой-либо заразы в воздухе. Потребные на произведение сего в действие издержки вы можете произвести из сумм, какие в распоряжении вашем теперь окажутся. О движении и о последствиях сего дела не оставьте доносить Мне

чрез Министра Полиции, на коего в особенности оное от Меня возложено. В Санкт-Петербурге. Ноября 14 дня 1812 года» [3, с. 118]. В ЦГА Москвы хранится дело под названием «О употреблении всевозможных мер к скорейшему истреблению человеческих и скотских трупов», начатое 21 ноября 1812 г. и оконченное 15 апреля 1813 г. [9].

Исполнение высочайшей воли Растопчин возложил на московского обер-полицмейстера Ивашкина, который 13 апреля 1813 г. представил отчет о количестве сожженных трупов и израсходованных на это деньгах по каждой полицейской части Москвы [9, с. 119].

Таблица

	Взято денег	Требуется вдобавок	Сожжено	
	Рублей		Людей	Лошадей
Бранд-майорские	–	345	4346	–
Серпуховской	5	–	269	1521
Рогожской	150	–	18	53
Пресненской	150	175	154	430
Хамовнической	195	120	75	800
Новинской	1572	300	1656	6339
Пречистинской	75	50	162	321
Таганской	650	150	59	475
Мещанской	800	250	1136	1365
Сущевской	150	125	13	559
Покровской	559	90	2649	178
Лафертовской	258	200	1251	448
Якиманской	25	–	21	87
Яузской	–	–	128	–
Всего				

В Московском уезде на эти работы потребовалось больше времени прежде всего из-за малочисленности сельской полиции – нижних земских судов. Из Москвы в наиболее неблагополучные территории уезда были направлены полицейские чиновники. Из следующего документа становится ясно, сколь сложной была эта работа. 4 июля 1813 г. Московский обер-полицмейстер Ивашкин получил донесение об окончании уборки трупов в Верейском уезде. Для этих целей в ноябре 1812 г. туда из Москвы были откомандированы два квартальных поручика, под руководством которых «Верейской уезд совершенно от трупов

очищен, и всего по оному прибрано человеческих 2871 и скотских 5985 трупов» [3, с. 76–77].

Эта деятельность стала одной из главных забот полиции и была под постоянным контролем. На сей счет было издано много различных предписаний. Можно сослаться, например, на приказ Московского обер-полицмейстера от 9 ноября 1812 г., которым частные приставы и надзиратели обязывались осмотреть «везде, где положены мертвые тела, и подать записки к 12 числу Ноября, в каком месте и сколько лежит тел» [5, с. 154].

Перед самым окончанием войны один из участников ее писал 1 декабря жене: «Пушек, пленных, провианту, амуниции и всего пропасть. Неприятель бежит и почти весь пропал, и пропадет и погибнет от руки русской. Все дороги усланы телами убитыми, и замерзшими. Мы все его гоним и гнать до Вислы будем. Мы устали, замучились, и здесь армия наша возьмет покой…» [2, с. 400].

Вот свидетельства другой стороны: «Из записок А. Ф. Ланжерона об отступлении армии Наполеона после перехода через Березину» – «...Наши солдаты, еще находившиеся в отчаянии по поводу пожара Москвы, приписанного французам, и знавшие, что во время своего бегства Наполеон приказал расстреливать русских пленников, которых не мог увести (это было засвидетельствовано самими французами), убивали прикладами несчастных, попадавших в их руки, называя их сожигателями Москвы... дорога была до такой степени загромождена трупами, что павлогородские гусары, составлявшие авангард и шедшие пешком, были принуждены подымать трупы пиками и отбрасывать их в стороны, чтобы очистить дорогу для колонны. Здесь и во время дальнейшего шествия открылось зрелище, которого, полагаю, не было и, вероятно, не будет еще раз. Русская армия шла сомкнутою колонной посередине дороги, а по бокам шли или, вернее сказать, тащились две неприятельские безоружные колонны: и те и другие попирали ногами мертвых, коими была усеяна земля. Ежеминутно падали сотни беглецов. Доведенные до крайнего предела сил, необходимых для борьбы со смертью, они останавливались, падали и в корчах умирали»...

«После Березины несчастные французы, в коротеньком платье, в панталонах и жилетах из бумажной ткани, без шинелей, не имели никакой провизии и питались только лошадиной падалью; они резали ее кусками и жарили, нанизав на палку, но чаще ели ее сырьем...» ... «В лесу под Молодечною я видел только что родившую женщину, она испускала дух возле своего мертвого ребенка. Я видел мертвого человека: его зубы впились в ляжку еще трепетавшей лошади; видел мертвого в лошади: он выпотрошил ее и залез в нее, чтобы согреться. Я видел впившегося зубами в кишки мертвой лошади. Я не видел, чтобы несчастные

французы пожирали друг друга, но я видел трупы с кусками мяса, вырезанными для пищи» [8].

Как видно места сражений, отдельных боестолкновений, весь путь наполеоновской армии были буквально устелены трупами. Предпринимавшиеся полицией меры для предотвращения разного рода эпидемий и иных нежелательных последствий были своевременны и необходимы. Благодаря этому удалось избежать большой беды.

Хотя существуют некоторые указания на то, что в должной мере названные профилактические меры не обеспечили полной эпидемиологической безопасности. Вот что говорилось в черновом варианте отчета Комитета министров: «Во всех почти местах, чрез которые поражаемый неприятель был преследуем, произошли от бесчисленного множества мертвых тел весьма опасные болезни, которые распространились равным образом и во всех тех местах, чрез которые проводимы были пленные. Комитет, озабочиваясь прекращением сего бедствия, предписал, тела со всевозможною поспешностью убрать, а провод пленных до времени остановить; между тем же для леченья больных посланы были отсюда, из Москвы и из других Губернских городов Медицинские чиновники» [4, с. 70].

Сотрудники полиции, как и все верноподданные россияне, с чувством презрения восприняли известие о том, что нашлись москвичи, поступившие на службу французским оккупантам. 19 сентября 1812 г. Интендант или управляющий городом и Провинциею Московскою Лессепс обратился к москвичам с воззванием («Провозглашение», как назван этот документ в переводе на русский). Там, в частности, говорилось: «Городовая Полиция учреждена по прежнему положению, а чрез ее деятельность уже лучший существует порядок. Правительство назначило двух генеральных Комиссаров или Полицеймейстеров и 20 комиссаров или частных Приставов, постановленных во всех прежних частях города. Вы их узнаете по белой ленте, которую будут они носить вокруг левой руки» [3, с. 164]. Некоторые коллаборационисты действительно пошли служить в полицию завоевателей. Обращает на себя внимание тот факт, что на службу французам согласились определиться преимущественно представители купеческого сословия. Хотя были, конечно, и бывшие российские полицейские. Но это буквально единицы.

22 октября 1812 г. Московского обер-полицмейстера Ивашкина известили о том, что поступило «Высочайшее Его Императорского Величества повеление, чтоб всех тех русских, которые оставались в Москве во время занятья оной неприятелем и были употребляемы в должности, отсылать в Санкт-Петербург» [1, с. 33].

Ивашкин 14 ноября 1812 г. сообщал: «Найденные мною в разных местах неприятельские бумаги и собранные достоверные сведения открыли мне тех людей, кои во время занятия Москвы врагами, составляли здесь градское правление и полицию. Все те из них, кои не скрылись обще с злодеями, взяты под стражу и содержатся в нарочно избранном для того доме князя Шаховского, на Тверской улице состоящем, о других же, кои за болезнью находятся в домах своих, дал я повеление тех частей частным приставам иметь неослабный надзор, чтобы они не могли каким-либо образом из столицы выехать» [1, с. 10]. К донесению прилагались «именные списки содержащихся ныне под стражею разного звания людей, бывших во французской службе, с отметкою должности каждого».

Список состоял из 67 человек, в числе которых были: 1) капитан московской полиции, квартальный поручик, 2) надворный советник, старший штаб-лекарь Московской Управы благочиния [1, с. 12–15].

Перечень это был неполным, так как вскоре выяснилось, что, например, бывший квартальный поручик Московской полиции, коллежский регистратор Лакроа, известил французское командование «о строении шара, с показанием занимавшихся сим поручением, сколько, какого именно материала и веществ употреблено было, у кого оные покуплены; Лакроа вместе с сим предлагал услуги свои злодеям, как офицер полиции и происходящий от французской крови»[1].

По повелению Александра I Лакроа и еще семеро «соучаствовавших в градском правлении и полиции» были отправлены в столицу.

Выявление изменников и предателей стало одной из насущных задач полиции. В донесениях обер-полицмейстера Ивашкина часто говорилось о том, что составлен «регистр тем недостойным людям, кои в бытность врагов составляли здесь Городское Правление и Полицию; все они уже взяты мною и посажены под крепкий караул, другие же сотовариществовавшие им, по недостатку офицеров полиции, коих при мне не более 15 человек, еще не задержаны, но приняты к сыску меры» [1, с. 19].

О том, что эта работа велась постоянно, свидетельствует хотя бы тот факт, что в список отличившихся в 1812 г. был включен «майор Московской команды и правящий должность полицмейстера в Москве Гельман, который отыскал изменников, поступивших в службу французов» [5, с. 41].

22 ноября 1812 г. Ивашкин распорядился, чтобы каждый московский полицмейстер представил подробные сведения о всех «тех, кои, предавшись неприятелю, поехали вслед за ним из столицы». Следовало дать точную информацию об оставленном ими в Москве имуществе, которое подлежало конфискации [2, с. 27].

---

1 Французская разведка накануне похода на Россию представила информацию о том, что здесь разработан воздушный шар, с которого можно бросать бомбы и гранаты.

Можно отметить еще одно обстоятельство, портившее высокую оценку событий Отечественной войны 1812 г. У населения было реквизировано значительное количество разных материальных ценностей: лошадей, продовольствия, одежды и т. д., которые нередко не были своевременно возвращены владельцам или за которые не была выплачена компенсация. Разбирательство по таким делам также осуществляла полиция, например «Дело о присвоенных госпитальными чиновниками обывательских лошадях» [6]. Встречались и казусы. В нижний земский суд поступило заявление от графа Воронцова о «разорениях и грабежах ... войск насильственным образом без квитанций провианту продуктов и фуража тут же и о поставленном для российской армии под квитанции и без квитанций продовольствии». Его калькуляция выглядела следующим образом: Противник: по квитанциям – 17999 р. 23 ½ коп., без квитанций – 39982 р. 50 коп., всего: 57981 р. 73 ½ коп. Российские войска: по квитанциям – 4405 р. 40 коп., без квитанций – 48213 р. 2 коп., всего: 110600 р. 15 ½ коп [6, с. 3, 2, 304].

К проверке достоверности этих данных привлекалась полиция.

Невыплаты за реквизированное имущество были столь широко распространены, что обсуждались в Комитете министров. В 1815 г. сенатор Сиверс инспектировал Волынскую губернию, наиболее пострадавшую в эти трудные годы. Он установил, что «обыватели в течение пяти лет принуждены были отдавать почти весь свой хлеб для содержания армии, получая за него одни только квитанции; два года стояло там большое войско, которое содержалось большею частью крестьянами: для армии же взято было очень много подвод, за которые также еще не заплочено, при том из числа взятых под подводы лошадей и волов многие разбились и даже пали»; население несло убытки ... «от гошпиталей, которым жители обязаны были делать поставки, за которые комиссары должны были тотчас платить, но и поныне денег еще не заплатили и, наконец, от заразительных болезней».

Комитет министров счел возможным отказать населению Волынкой губернии в компенсации понесенных убытков. Александр I восстановил справедливость, указав 4 января 1816 г. в рескрипте князю Н. И. Салтыкову: «Князь Николай Иванович! Рассмотрев поднесенный при докладе вашем журнал Комитета Министров 7-го Декабря, Я нахожу нужным по существенному содержанию оного дать следующее разрешение: 1) Самая справедливость требует сделать казне расчет с обывателями в забранных для продовольствия войск припасах» [7].

Невозможно даже приблизительно оценить ущерб, причиненный обывателям Москвы грабежами и кражами их имущества, заявления о которых сплошным потоком поступали в Управу благочиния после того, как неприятель отступил.

«Война закончена за полным истреблением неприятеля», – рапортовал М. И. Кутузов 21 декабря императору. 25 декабря был объявлен Манифест об окончании войны. Вскоре начался всенародный сбор на строительство Храма Христа Спасителя в честь победы над Наполеоном. В нем отражен и по достоинству оценен вклад всех участников великой войны, полиции в том числе. И если сюжеты, представленные в статье, не нашли достаточного отражения в диораме и иных материалах Храма, это не умаляет их значения для скорейшего возвращении России к мирной жизни.

Список литературы

1. Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П. И. Щукиным. Ч. 2. – М., 1897. – С. 10.
2. Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года. Ч. 8. – М., 1904. – С. 406–407.
3. Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года. Ч. 1. – М., 1897. – С. 16.
4. Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года. Ч. 5. – М., 1900. – С. 70.
5. Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года. Ч. 3. – С. 154.
6. Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года. Ч. 4. – М., 1899. – С. 238–240.
7. Исторический обзор деятельности Комитета Министров. Т. 1. Комитет Министров в царствование Императора Александра Первого / сост. С. М. Середонин. Издание Канцелярии Комитета Министров. – С.-Петербург, 1902. – С. 245–246.
8. Русский архив. – 1895. – №10. – С. 155–157.
9. ЦГА Москвы. – Ф. 46. – Оп. 8. – Д. 386.

Маслов И. С.[1],
преподаватель кафедры
теории и истории государства и права
Воронежского института МВД России

ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО ГОСУДАРСТВА И РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В современной Российской Федерации положения о светском характере государства и идеологическом плюрализме закреплены на конституционно-правовом уровне. Ни одна религий или идеологий не может быть установлена в качестве обязательной или государственной. Для обеспечения сохранности основ конституционного строя и целостности России запрещается деятельность общественных объединений, которые подрывают общественно-политическую стабильность государства и имеют деструктивную направленность. Опираясь на вышеизложенные положения, рассмотрим особенности формирования идеологического партнерства государства и религиозных организаций в современной России.

Российская Федерация является поликонфессиональным государством. Многовековое соседство многочисленных конфессиональных групп, включая представителей ряда мировых религий, в рамках общих государственных границ порождает положительный опыт, создающий предпосылки для формирования эффективной системы межконфессионального взаимодействия с активным государственным участием. Вместе с тем стремительное изменение общественных отношений, возрастающее влияние цифровых технологий на религиозную, экономическую, социальную сферы и внешнеполитическое давление, осуществляющееся с активным использованием «конфессионального фактора», существенно обостряют проблемные моменты, изначально имеющиеся во взаимоотношениях государства и религиозных организаций на территории нашей страны.

Различные аспекты данной проблематики постоянно находятся в сфере научных интересов отечественных исследователей.

С. В. Устинкин обращает внимание на растущее влияние внешнего фактора при консолидации многоконфессионального народа Российской Федерации. Это влияние проявляется через усиление миграционных потоков на территорию страны, что вызывает дополнительную напряженность в конфессиональных

[1] © Маслов И. С., 2021.

отношениях. Дополнительным фактором дестабилизации духовного пространства выступает деятельность деструктивных религиозных организаций при внешнеполитической поддержке. Их задача – создать непреодолимые противоречия между представителями традиционных религий и посеять вражду на конфессиональной почве [6].

Р. Д. Карамышев, анализируя российское законодательство, рассматривает государственно-конфессиональные отношения (далее – ГКО) с позиции конструктивного взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления с верующим населением и их религиозными организациями. Он предлагает рассматривать ГКО в рамках односторонней концепции. Российское законодательство формирует «Отделительную» модель ГКО, что свидетельствует о светском характере государства и отрыве конфессий от сферы публичной власти. Представленная модель не мешает религии выступать в качестве важного регулятора общественных отношений, что обусловлено тесными культурно-историческими связями. Р.Д. Карамышев считает, что в современной России представленная система ГКО стремится к модели кооперационного взаимодействия, направленного на взаимовыгодное сотрудничество и реализацию интересов, участвующих субъектов [4].

Э. В. Дубинина обращает внимание на развитие социокультурной ситуации в Российской Федерации. Она предлагает более активно использовать религию в воспитательной и образовательной работе с молодежью, что позволит снизить внутренние угрозы национальной безопасности государства. Интерес молодого поколения к духовному просвещению появился с течением времени. Исследователь отмечает, что отправной точкой его проявления стали 1990-е годы. В этот период населению страны открылись возможности ближе ознакомиться и традиционными для России религиями, и с псевдорелигиозными концепциями. Деструктивные религиозные концепции находят отклик в духовных потребностях молодежи, которой свойственен определенный ценностный максимализм.

Вовлеченность значительного числа молодых людей в деструктивные религиозные организации вызывает опасение перехода к идеологии экстремистского и террористического толка. Поэтому негативное идеологическое воздействие порождает в сознании молодого поколения чувство нетерпимости к представителям иных конфессиональных групп и создает предпосылки развития религиозного конфликта. Взаимодействие государства с традиционными религиями будет направленно на противодействие религиозному экстремизму и сохранение присущих российскому обществу духовно-нравственных ценностей и идеалов,

что будет способствовать укреплению общественно-политической стабильности и национальной безопасности Российской Федерации [3, с. 302].

Аналогичной точки зрения в вопросах обеспечения национальной безопасности России, придерживаются В. В. Горохова и Н. В. Галанина. Они отмечают рост религиозности населения страны и связывают этот процесс, в том числе и с числом зарегистрированных религиозных организаций (29840 – 2017 г.; 30325 – 2018 г.). Кроме того, стимулирующим фактором повышения религиозности населения выступает увеличение внутренних и внешних миграционных потоков. Обустраиваясь на новом месте, люди сталкиваются с различными жизненными проблемами и для их решения зачастую обращаются не в органы государственной власти, а в религиозные организации конфессиональной принадлежности.

Так возникает ситуация, когда конфессиональная идентичность преобладает над гражданской и способна стать источником религиозного конфликта. В. В. Горохова и Н. В. Галанина считают, что проблема обеспечения национальной безопасности России скрывается не в многообразии конфессиональных организаций, а в деструктивной деятельности религиозных организаций экстремистской направленности. Последние нетерпимы к иным конфессиям, не признают религиозного многообразия, стремятся противостоять государству, выступая против основ конституционного строя Российской Федерации. В. В. Горохова и Н. В. Галанина предлагают комплекс мер направленных на активную профилактику распространения религиозного экстремизма: проведение систематической работы с диаспорами на территории России; осуществление мониторинга деятельности общественных и религиозных объединений; объединение несовершеннолетних в среде этнических диаспор в целях своевременного проведения мероприятий, препятствующих появлению в их среде экстремистских объединений, т. е. предметное сотрудничество государства с религиозными конфессиями для формирования ценностных установок и мировоззрения [2].

Изучив роль традиционных религий в общественно-политической жизни современной России, В. В. Власов и О. С. Городнина отмечают важность построения государственно-конфессиональных отношений. Они определили наиболее проблемные направления, где следует использовать потенциал религиозных организаций: патриотическое воспитание молодежи; социализация мигрантов; исправление осужденных; противодействие экстремизму и терроризму; демографическая политика; использование религиозных конфессий как «мягкой силы» в процессе выстраивания межгосударственного диалога. В целях реализации демографической политики государства по повышению уровня рождаемости среди населения они предлагают проводить предварительное собеседование

потенциальных родителей со священнослужителями, для формирования идеологических установок на отказ от аборта. Такой подход обусловлен концептуальным отношением традиционных религий к проведению этой медицинской процедуры, которая воспринимается верующими как убийство неродившегося ребенка. Сотрудничество Российской Федерации с религиозными организациями по формированию ценностно-идеологических установок направлено на повышения уровня правосознания, правовой культуры, межконфессионального диалога, уважительного отношения к правам и свободам других людей [1].

К. Г. Соколовский, изучив взаимодействие религиозных организаций и государства, предлагает остановиться на социальной сфере (образование, патриотическое воспитание, поддержка нуждающихся и др.). Достижение положительного результата государственно-конфессионального сотрудничества во многом зависит от степени информированности руководства страны о реальном состоянии межрелигиозных отношений в регионах, что позволит оперативно принимать управленческие решения, корректировать организационно-правовую основу деятельности религиозных организаций [5, с. 76].

Идеологическое государственно-конфессиональное сотрудничество должно быть направленно: на воспитание и развитие личности; формирование социально-значимых человеческих качеств (любови к Отечеству, гуманизма, уважения прав и свобод других людей, дисциплины и самоконтроля, отзывчивости и доброжелательности); возрождение цивилизационной идентичности российской государственности и общества; консолидацию и мобилизацию общества, защиту национальных интересов Российской Федерации.

Идеологическое сотрудничество России и религиозных организаций должно строиться на основе кооперационной модели с преобладающим положением государства. Такое взаимодействие направлено на реализацию взаимовыгодных целей и задач, достижение мира и стабильности. Рост религиозного фактора в Российской Федерации должен иметь свое отражение в модернизации системы нормативно-правового регулирования межконфессиональных отношений и стратегическом планировании государственной национальной политики в обозримом будущем.

Список литературы

1. Власов, В. В. Роль традиционных религий в общественно-политической жизни современной России / В. В. Власов, О. С. Городнина // Вестник Поволжского института управления. – 2019. – № 4. – С. 92–93.

2. Горохова, В. В. Правовые и идеологические основы противодействия религиозному экстремизму / В. В. Горохова, Н. В. Галанина // Вестник Московского университета МВД России. – 2019. – № 3. – С. 16–17.

3. Дубинина, Э. В. Молодежь и религия в контексте национальной безопасности России / Э. В. Дубинина, Т. И. Муругова // Власть. – 2021. – № 1. – С. 302.

4. Карамышев, Р. Д. Реализация государственно-конфессиональной политики в субъекте Российской Федерации (на примере республики Башкортостан) / Р. Д. Карамышев // Власть. – 2021. – № 1. – С. 227–228.

5. Соколовский, К. Г. Религиозные организации в структуре гражданского общества / К. Г. Соколовский // Социодинамика. – 2017. – № 10. – С. 76.

6. Устинкин, С. В. Оценка системы управления этнокофессиональными отношениями в Нижегородской области / С. В. Устинкин, Н. М. Морозова // Власть. – 2021. – № 1. – С. 234–235.

Матиенко Т. Л.[1]*,*
профессор кафедры
истории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, доцент

ПОЗИТИВНОЕ ПРАВО И СУДОПРОИЗВОДСТВО В ЭПОХУ «РУССКОЙ ПРАВДЫ»

Судопроизводство – важнейший правовой институт, берущий начало в догосударственный период, на ранних этапах становления государства предстает в форме общинного установления. «Закономерность объективного процесса общественного развития состоит в том, что роль государства как регулятора общественных отношений непрерывно возрастает» [18, с. 38]. В период политогенеза у восточных славян общинная форма судопроизводства сосуществует с другой формой – публичная власть с центральным единоличным судом главы государства (князя, царя).

В арабско-персидских источниках, датируемых началом X в., содержатся сведения об организации власти и судопроизводства у восточнославянских народов в дохристианский период. В них отмечается, что у них «есть царь, называемый хакан русов», обладавший судебной властью, и «если один из них (руссов. – *Т. М.*) возбудит дело против другого, то зовет его на суд к царю, перед которым (они) препираются». Арабские авторы приводят сведения, однозначно указывающие на судебные функции глав протогосударственных политических союзов у восточных славян: «Глава их коронуется, они ему повинуются и от слов его не отступают… если поймает царь в стране своей вора, то либо приказывает его удушить, либо отдает под надзор одного из правителей на окраинах своих владений» [19].

В Древнерусском государстве, возникшем в 882 г. как результат объединения Северо-Восточной и Юго-западной и Южной Руси, правовые обычаи, регулирующие отношения по поводу защиты интересов личности и имущества, не утратили значения, а развивались применительно к новым условиям. Признанные княжеской властью, они не только прочно вошли в массив обычного права, но и получили фиксацию в букве древнейших русских законов – «Русской Правде».

В историко-правовой литературе спор о времени и месте возникновения «Русской Правды», особенно ее Краткой редакции, идет ровно столько, сколько

---

[1] © Матиенко Т. Л., 2021.

существует сама историографическая традиция ее изучения, а именно с 1767 г., когда впервые опубликован ее текст. Успехи советской и российской исторической науки в его разрешении увенчались тем, что на основе тщательного, глубокого и всестороннего изучения сенсационных результатов археологических раскопок в Новгороде сезона 1998 г. и 1999 г. [35] повествование «Повести временных лет» под 1019 г. о даровании Ярославом Мудрым новгородцам в награду за их помощь победить Святополка Окаянного и утвердиться на киевском великом княжении «правды и устава»[1], т. е. «Правды» Ярослава, переведено из разряда легенды в «статус» исторического факта. В. Л. Янин по этому вопросу отмечает, что под «правдой» следует понимать древнейший вариант» Русской Правды, а под «уставом» – «грамоту, которую написал новгородцам Ярослав» [34, с. 676].

Учитывая приведенные выше данные и принимая во внимание сведения о договорах Руси с Византией, относящиеся к периоду X–XI вв., и сообщение летописи под 996 г. о мерах князя Владимира по противодействию разбоям, мы имеем вполне отчетливое представление о том, что в самом начале своей правовой истории наши далекие восточнославянские предки различали особую судебную власть князя. Разбирая частные конфликты и споры, князь определял, что справедливо, и выносил санкции за правонарушения. Ему же принадлежала и законодательная власть. Факт формулирования и объявления Ярославом Мудрым в начале XI в. общих правил социального поведения – «по сей грамоте ходите, яко же писах вам» – результат процесса позитивации объективно сложившихся на данном этапе развития общества общепризнанных правил поведения (правовых норм) и конкретизацией позитивного (юридического) права в контексте социально-политических реалий Древней Руси.

В правовой теории понятие, содержание и смысловое значение позитивного права, несмотря на множественность его концепций, прочно связывается с нормоустанавливающей деятельностью государства, в первую очередь акцентируется «органическая связь позитивного права с государством, обусловленность его государством» [14, с. 60], а цель позитивного права – интересы государства. Лаконичнее других об этом сформулировал Г. Ф. Шершеневич: «Норма права – это требование государства… Государство есть явление первичное, право – вторичное. Такова теория первенства государства, на которой строится определение права по признаку принудительности» [27, с. 300].

---

[1] Российская историография, согласно Новгородской первой летописи младшего извода, относила это событие к 1016 г. и неоднократно ставила под сомнения. См., напр.: Правда Русская и древнерусское летописание: к 250-летию первой публикации Краткой Правды // Палеоросия. Древняя Русь во времени, в личностях и идеях. 2017. № 7. С. 102–106.

В советской правовой доктрине (теории и практике) принудительность как свойство права, прочно связывалась с классовой характеристикой в трактовке его сущности – «возведенная в закон воля господствующего класса», а отсюда и соответствующей оценкой права на тех или иных исторических этапах. Применительно к древнерусскому праву отягощенный «принципом классовости» позитивистский методологический подход сводил его сущность и смысловое содержание к «феодальному праву, праву-привилегии», которое «могло установиться только в результате дальнейшего развития феодальных отношений» [33, с. 301], или же прямому указанию на его «классово-волевую природу» [26].

Оценивая нормы древнерусского права с момента возникновения единого государства как систему права, которая противополагается византийскому праву, С. В. Юшков пишет: «Эта система получает дальнейшее развитие по мере того, как в период формирования русского феодального государства усиливается значение феодального уклада» [33, с. 341]. Сосредоточенность внимания исследователей на классовой феодальной сущности древнерусского права оставляла за рамками научного познания собственно юридическую проблематику. Смелые попытки исследователей перевести изучение древнерусского права из плоскости истории текста «Русской Правды» в формат познания генезиса и эволюции норм древнерусского права наталкивались на ограничения социально-классовой теории права как незыблемой методологической основы советской юридической науки и практики [24], являющейся, по сути, копией классического позитивистского правопонимания. Понимание древнерусского права было ограничено представлением о нем как о государственно установленной форме. Однако в постсоветскую эпоху политического и научно-теоретического плюрализма в российской гуманитарной науке в целом и в юридической в частности мало что изменилось. «Для отечественной правовой теории приемлемо только юридическое правопонимание, будь оно нормативистским или социологическим» [13, с. 28].

Теория позитивного права, следуя реалиям государства и права, установила прочную смысловую связь позитивного (положительного, официального) права как «команды суверена» с «стандартами правосудия», где органы государства и суд ставятся в позицию правоприменителя. «Эти правила-команды воспринимаются различными государственными органами, и прежде всего судами, как официальные стандарты, некие образцы, в соответствии с которыми ими должно осуществляться правосудие» [14, с. 62]. Имея представление о практике судопроизводства – сферы непосредственного применения и действия права, можно

осветить культурно-историческую специфику древнерусского права и дополнить знания о феномене права.

До недавнего времени у историко-правового направления юридической теории такой возможности не было из-за отсутствия соответствующей репрезентативной материальной основы и скудости письменных источников по древнейшей российской правовой истории. Существенным восполнением недостающих материальных свидетельств о ранней правовой истории стало самое крупное открытие археологии XX в. – берестяные грамоты. На текущий момент в культурных слоях 11 городов найдено свыше 1130 древнерусских грамот на бересте [36]. Берестяные грамоты являются важным и незаменимым источником по истории Древней Руси, и их особая ценность состоит в том, что они открыли мир повседневной жизни по самым разным ее направлениям: торговля, военные донесения, землевладение, семейные отношения, связи с городами, сбор дани и налогов, судопроизводство. По каждому из этих разделов грамоты содержат очень важные интересные конкретные факты, которые не могут быть обнаружены ни в одном другом письменном источнике, и отражают действие права в его реальности. Из общего массива берестяных грамот, относящихся по стратиграфической дате к периоду XI – начала XIII в., около семнадцати доносят свидетельства о процедуре «свода», применении ордалий (испытания водой и железом), вирных платежах судебном представительстве, субъектах и порядке судопроизводства.

Давно известная исследователям грамота № 109 рубежа XI–XII вв. «От Жизномира к Микуле» о купленной в Пскове украденной (или беглой) рабыни, право собственности, на которую заявила княгиня, раскрывает устами ее автора досудебное производство по имущественным спорам, главной формой которого был «свод». Одним из первых содержание этой грамоты с процедурой «свода» связал А. В. Арциховский [1].

Содержание процедуры «свода», о котором речь идет в Краткой редакции (ст. 13, 14, 16) и Пространной редакции (ст. 35–39) Правды, хорошо известно на страницах исторической и историко-юридической литературы еще со второй половины XIX в. и не вызывает разногласий ученых, в отличие от его оценок как правовой процедуры, а также функции и роли, которая отводилась ему в судопроизводстве.

Наиболее расхоже сформированное в дореволюционной историографии представление о «своде» как об очной ставке [28–31, с. 204, 212–214]; конкуренцию ему составил оценка «свода» как стадии судебного процесса [6–10]; менее популярными стали определения «свода» как особого порядка уголовного судопроизводства [12] и инициативного розыска потерпевшим преступника [25, с.

30]; оригинальны точки зрения на свод как метод сыска [11, с. 5] и «дознавательную процедуру розыска похищенной или утраченной вещи» [18]. С. В. Юшков считал, что «свод» – это сложное юридическое понятие, которое не может быть разложено на составляющие и которое изменялось во времени, по мере того как развивался судебный процесс в русском феодальном государстве [32].

«Свод» – это особый правовой институт, форма досудебного производства, имеющая своим содержанием синкретизм нескольких значимых правовых действий субъектов правоотношений, направленных на доказывание истцом (потерпевшим) права собственности на вещь, а ответчиком – добросовестности приобретения требуемой истцом вещи; розыск лица, похитившего или безосновательно присвоившего себе данную вещь; наконец, привлечение вора («конечного татя») к юридической ответственности по суду. Сомнений в том, что эта ответственность была уголовной, а не гражданско-правовой, не оставляет структура правовых норм «Русской Правды» (диспозиция-санкция) и характер определенных законом санкций – продажа или уголовный штраф в княжескую казну.

Текст грамоты № 109, в особенности фраза: «а се ти хочоу коне коупив и княжа моужа всадив та на своды» – демонстрирует, что ее автор имел четкое представление о содержании и назначении данной правовой процедуры в досудебном производстве и ее значении в защите собственных имущественных и личных прав. Упоминания о «своде», свидетельствующие о представлении о нем в древнерусском обществе как о нормальной и стандартной форме досудебного производства, встречаются и в более поздних по времени возникновения берестяных грамотах XIII–XV вв. Грамота № 109 указывает на действенность института поручительства («в ныне за меня поручилась дружина») или «взятия на поруки», о котором нет упоминаний в «Русской Правде», но хорошо известно в русском праве XIV–XVII вв.

Правовой институт «гонения следа», получивший законодательную фиксацию в «Пространной Правде» (ст. 77), не менее сложный, чем «свод», и такой же дискуссионный. В специальной литературе обычно «гонение» следа» связывают с судебно-административными обязанностями общины и ее круговой порукой [20–23] или рассматривают как одну из досудебных процедур [15, с. 352] и даже как метод уголовного сыска [11, с. 5]. Некоторые историки права признают «гонение следа» древнейшей формой борьбы с преступностью, заключавшейся в розыске преступника по горячим следам [16, 17]. Р. С. Мулукаев пишет, что «гонение следа заключалось в розыске преступника (чаще всего совершившего убийство) по его следам в прямом смысле слова. Если

следы вели в общину, то она либо выдавала преступника, либо платила дикую виру – штраф за убийство» [18].

Однако в контексте ст. 69–77 «Пространной Правды» процедура «гонение следа» непосредственно связана с защитой феодальной собственности и направлена по розыск похитителя имущества. Реконструкция содержания и практики производства «гонения следа» на основе дошедших до наших дней памятников материальной культуры и письменных источников [2, 3, 4] и анализ эволюции процессуальных норм, объективированных в ст. 20 «Краткой Правды» и ст. 3 и ст. 70 «Пространной Правды», привели к суждению о том, что «гонение следа» в эпоху «Русской Правды» практиковалось не только при разыскании объектов права феодальной собственности и их похитителей, но и в случае посягательства на имущество крестьянской общины или отдельного крестьянина. Древность «гонения следа», восходящая к периоду политогенеза, атрибутированная требованием солидарного участия в нем всех без исключения членов крестьянской общины (иначе самое «гонение следа» не будет иметь правового содержания, а его результат – юридических последствий), и его устойчивость как досудебной процессуальной формы в обычной крестьянской практике вплоть до XIX века позволяют утверждать, что положение ст. 77 «Пространной Правды» в период Древнерусского государства – это «живая», действующая правовая норма, прочно отождествляемая субъектами правоотношений с юридически значимыми действиями в порядке судопроизводства.

Яркой демонстрацией функционирования позитивного права эпохи «Русской Правды» в обыденном правосознании выглядит угроза оставшегося неизвестным автора грамоты № 238 (рубеж XI–XII вв.) вызвать нечестного кредитора, требующего «восемь кун и гривну» вместо «двух кун», на «испытание водой», что созвучно с положением ст. 22 Пространной Правды и означало ордалий, или Божий суд» (испытуемый должен был достать голой рукой кольцо со дна сосуда с кипящей водой, или его, связанного веревкой, бросали в воду: тонет, значит, невиновен).

Подавляюще большинство берестяных грамот рассматриваемого исторического периода свидетельствует об активном участии в досудебном производстве по уголовным делам (грамоты № 274, 607/562, 907, 222) и имущественных споров (грамоты № 109, 241, 421, 15 (Ст. Р.), 235, 531) представителей княжеской или посадской администрации, что согласуется с содержанием ст. 42 «Краткой Правды и ст. 74, 107 Пространной Правды.

В частных письмах жителей Древней Руси обращает на себя внимание обыденность угроз и предостережений о том, что в случае невыполнения адресатом

требований автора послания последний обратится за содействием к судебному должностному лицу – отроку, ябеднику, княжескому детскому: «не заплатишь – потеря на отроке», «если же не пойдешь, пошлю за тобой ябедника», «Если же он не даст, то пошли на него отрока», «Вот Жадко послал двух ябедников», «Если же в самом деле они запираются, то я даю княжескому детскому гривну серебра и еду с ним».

По словам В. А. Архиховского, «с нами заговорили древние новгородцы» и приоткрыли нам возможность постичь их правопонимание и отношение к княжескому законодательству (юридическому, позитивному праву). Эти и приведенные выше свидетельства о судопроизводстве в Древнерусском государстве – яркая демонстрация обыденно-массового правопонимания, отражают полноту связи реальной правовой жизни древнерусского человека со всеми другими формами общественной жизни и указывают на право, как элемент ее реальности. Кроме того, обнаруживается схожесть древнерусской правовой традиции с греко-римской правовой традицией, с ее позитивистской трактовкой законов.

В Древней Руси, как и Древнем Риме в эпоху классического римского права «позитивное право в принципе отвечает тем же требованиям эквивалентности и соразмерности дозволенного и запрещенного, возможного и должного, которые мыслятся в данном обществе как правильное и справедливое» [5, с. 76]. Уже на ранних этапах правовой истории позитивное право обнаруживает свойства господствующей формы права.

Список литературы

1. Арциховский, А. В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.) / А. В. Арциховский, М. Н. Тихомиров. – М., 1953. – С. 38–41.

2. Гейман, В. Г. «Сочение следа» в Белозерском уезде в XVII в. / В. Г. Гейман // Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII-XVII вв. – М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1960. – Вып. 2. – С. 12–19.

3. Инкин, В. Ф. «Гонение следа» в галицкой общинной практике XV–XVII вв. (Материал для объяснения 77-й статьи Пространной Правды) // Древнейшие государства на территории СССР: материалы и исследования. 1985 год / под ред. А. П. Новосельцева. – М: Наука, 1986. – С. 131–139.

4. Матиенко, Т. Л. Российский сыск в IX – первой половине XIX в. – М. : ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2010. – С. 31–45.

5. Дождев, Д. В. Римское частное право : учебник для вузов / Д. В. Дождев; под ред. В. С. Нерсесянца. – М. : Издательская группа ИНФРА-М – НОРМА, 1996. – С. 76.

6. Дювернуа, Н. Источники права и суд в Древней России / Н. Дювернуа. – С. 172.

7. Владимирский-Буданов, М. Ф. Обзор истории русского права / М. Ф. Владимирский-Буданов. – Ростов н/Д, 1995. – С. 588.

8. Пахман, С. П. О судебных доказательствах по древнему русскому праву, преимущественно гражданскому в историческом их развитии / С. П. Пахман. – М., 1851. – С. 133.

9. Ланге, Н. Исследование об уголовном праве Русской правды / Н. Ланге. – СПб., 1859. – С. 233.

10. Сергеевич, В. И. Лекции и исследования по древней истории русского права / В. И. Сергеевич. – СПб., 1910. – С. 361–362.

11. Елинский, В. И. История уголовного сыска в России (X – начало XX в.) / В. И. Елинский. – М., 2004. – С. 5; Ковалев, О. Г. Оперативно-розыскная деятельность / О. Г. Ковалев, Е. Г. Вагин, Е. Г. Юдин. – М., 2006. – С. 5.

12. Леонтович, Ф. И. Русская Правда и Литовский статут / Ф. И. Леонтович // Университетские известия. – Киев, 1865. – С. 16–25.

13. Малахов, В. П. Методологическое мышление в познании и понимании права / В. П. Малахов. – М. : ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2018. – С. 28.

14. Марченко, М. Н. Источники права: учебное пособие / М. Н. Марченко. – М. : Проспект, 2009. – С. 60.

15. Момотов, В. В. Формирование русского средневекового права в IX–XIV вв. / В. В. Момотов. – М., 2003. – С. 352.

16. Мулукаев, Р. С. Общеуголовная полиция дореволюционной России. Ее классовый характер / Р. С. Мулукаев. – М., 1979. – С. 3.

17. Федоров, А. В. Правовое регулирование содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность / А. В. Федоров, А. В. Шахматов. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2005 – С. 30.

18. Мулукаев, Р. С. Эволюция системы пресечения и раскрытия преступлений Российской империи / Р. С. Мулукаев // Труды Академии управления МВД России. – 2018. – № 4 (48). – С. 38.

19. Новосельцев, А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // Древнейшие государства Восточной Европы, 1998 г. Памяти чл.-корр. РАН А. П. Новосельцева / А. П. Новосельцев. – М., 2000. – С. 367–379.

20. Попов, А. Русская Правда в отношении к уголовному процессу / А. Попов. – М., 1841.

21. Ефименко, А. Я. Южная Русь: Очерки, исследования, заметки / А. Я. Ефименко. – СПб., 1905.

22. Гейман, В. Г. «Сочение следа» в Белозерском уезде XVII в. / В. Г. Гейман // Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII–XVII вв. – М.; Л., 1960.

23. Чельцов-Бебутов, М. А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах / М. А. Чельцов-Бебутов. – СПб. : Равена; Альфа, 1995. – С. 636.

24. Свердлов, М. Б. От Закона Русского к Русской правде / М. Б. Свердлов. – М. : Юрид. лит., 1988.

25. Федоров, А. В. Правовое регулирование содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность / А. В. Федоров, А. В. Шахматов. – СПб., 2005. – С. 30.

26. Хачатуров, Р. Л. Становление права. (На материале Киевской Руси) / Р. Л. Хачатуров. – Тбилиси : Издательство тбилисского университета, 1988. – С. 121–153.

27. Шершеневич, Г. Ф. Общая теория права. Выпуск первый / Г. Ф. Шершеневич. – М. : Издание Бр. Башмаковых, 1910. – С. 300.

28. Эверс, И. Ф. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии / И. Ф. Эверс. – СПб., 1835. – С. 332.

29. Морошкин, Ф. Л. О владении по началам русского законодательства / Ф. Л. Морошкин. – М., 1837. – С. 88.

30. Неволин, К. А. История российских гражданских законов / К. А. Неволин. – СПб., 1845. – Т. 2. – С. 110.

31. Качалов, Н. В. Предварительные юридические сведения для полного объяснения Русской Правды / Н. В. Качалов. – Вып. 1. – СПб., 1880. – С. 204, 212–214.

32. Юшков, С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства / С. В. Юшков. – М., 1949. – С. 516–517.

33. Юшков С. В. Русская Правда. Происхождение, источники, ее значение / С. В. Юшков; под ред. О. И. Чистякова. – М. : ИКД «Зерцало-М», 2002. – С. 301.

34. Янин, В. Л. У истоков новгородской государственности / В. Л. Янин // Вестник Российской академии наук. – 2000. – Т. 70. – № 8. – С. 676.

35. Янин, В. Л. Новгородские берестяные грамоты из раскопок 1998 г. / В. Л. Янин, А. А. Зализняк // Вестник Российской академии наук. Т. 69. – 1999. – № 7. – С. 594–605.

36. Древнерусские берестяные грамоты. – URL: http://gramoty.ru (дата обращения: 30.03.2021).

Медушевская Н. Ф.[1]*,*
профессор кафедры философии
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, доцент

АКСИОЛОГИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Во всех современных обществах одним из средств, обеспечивающих ограничение эгоцентрических побуждений индивида и регулирующих социальные отношения, являются право и закон. Но важнейшим фактором, влияющим на оптимальное функционирование правовой системы в любом государстве, является степень развитости правовой культуры общественных субъектов. Она формируется из различных элементов, к которым относятся юридическое образование и просвещение, адекватное правовое мышление граждан, профессиональное исполнение своих обязанностей практикующими юристами, законопослушность населения и его понимание обязательности выполнения правовых норм, умение и желание отстаивать свои права, правовая дисциплинированность и ответственность.

Современная постнеклассическая юридическая наука должна содержать определенную совокупность методологических представлений и стратегий, которые соответствовали бы сегодняшнему этапу развития науки. В число таких стратегий входят не только традиционные, существующие продолжительное время методологии, но и так называемые «гибридные» методологические стратегии, которые могут быть адекватными современным проблемным и междисциплинарным исследованиям [4, с. 29]. Нельзя не отметить и существенный рост значимости культурно-исторической методологии, имеющей целью выявление социокультурного контекста в диахроническом измерении. Еще Б. Н. Чичерин писал, что «мы должны восстановить порванную нить предания и возвратиться к легкомысленно отвергнутым началам» [6, с. 21].

Итак, контекстуальность и междисциплинарность являются важными принципами, которые необходимо учитывать при обращении к исследованию истории государства и права в дискурсе современной науки. Поэтому, анализируя тему российской государственности, следует прежде всего иметь в виду, что, в отличие от Западной Европы, российская государственность не может бездумно копировать образцы западноевропейского государственного и политического устройства, как хотелось многим наших политикам в первые годы перестройки,

[1] © Медушевская Н. Ф., 2021.

поскольку она основывалась на иных основаниях и принципах. Как бы наши отечественные общественные и политические деятели ни пытались копировать образцы западного государственного устройства, следует принимать во внимание, что процесс реформирования государственности в нашей стране не может осуществляться без учета социокультурного контекста, национальных традиций, особенностей, менталитета и духа народа.

Уже многократно отмечалось, что институты либеральной демократии ощущаются и воспринимаются россиянином как чуждые, поэтому неудивительно, что либеральные реформы 90-ых годов прошлого столетия не завершились успехом.

Когда началась перестройка, многим хотелось быстро осуществить институциональные преобразования по западному образцу, чтобы отбросить, как казалось, изжившие себя советские формы государственности с ее авторитаризмом, имитацией демократии и ущемлением свободы граждан. Но мечтам о скором реформировании общественного устройства путем демократических преобразований, разделения властей, защиты прав человека не суждено было сбыться. Оказалось, что путь к такой модернизации долог и сложен, а игнорирование культурно-исторических особенностей страны, моделей поведения, менталитета, ценностных ориентаций, традиций, обычаев, норм как писаного, формального, так и обычного права сказалось на реализации конституционализма, формировании правовой и политической культуры как в обществе в целом, так и в отдельных слоях и группах населения.

Русский человек – человек традиции, поэтому ему ближе неотрадиционализм современной государственной политики, которая начала доминировать с начала XXI столетия. В диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему «Эволюция правомонархистских концепций политического устройства России (1900–1917 гг.) А. В. Давиденко еще в 2001 г. отмечал, что в указанный период времени «протест крайне правых против безоглядной вестернизации российского общества был вполне оправдан. Иррационально было бы отрицать объективную самобытность генезиса и развития российской власти. Выработанные западным многовековым государственно-политическим опытом институты демократии в чистом виде не способны укорениться в специфическую российскую политическую почву. Необходима гармонизация традиционалистского «славянофильского» и либерального «западнического» начал в современной государственно-политической доктрине России. Контуры подобной конвергенции отчетливо видны в политике нынешнего российского руководства» [2, с. 26].

Автор справедливо усматривает в политике современной российской власти черты отечественного варианта «неоконсерватизма», сочетающего признаки государственного патернализма и демократические свободы. Он пишет: «Возвращение к подобным авторитарным традициям в их сочетании с либеральными ценностями, если оно до конца осуществится, можно будет только приветствовать» [2].

Вряд ли можно и следует оспаривать эти прозорливые выводы ученого, сделанные им еще в самом начале нашего столетия.

Для русского человека характерно аксиологическое отношение к государству [5]. Еще И. Л. Солоневич отмечал в характере россиянина сильный «государственный инстинкт».

Один из наиболее значимых русских правоведов Б. Н. Чичерин писал: «Государство есть союз людей, образующий единое, постоянное и самостоятельное целое. В нем идея человеческого общества достигает высшего своего развития» [6, с. 301], при этом в нем живут два элемента – юридический и нравственный. В отличие от доминирующих в то время западных определений государства, ученый дает его метафизическое определение, что больше соответствует пониманию государственности в отечественной правовой культуре. Автор справедливо акцентирует духовную природу государства, и это напрямую соотносится с установками российского правового менталитета на сакрализацию идеи государственности.

На формирование российской государственности существенное влияние оказал византизм с его мессианскими мистическими установками, аскетическим мироощущением и доминантой страдания. Под влиянием византийской религиозной культуры и православного теоцентризма в отечественной правовой культуре пестовались добродетели послушания, смиренности, верности, жертвенности, служения, покорности, патриархальные ценности. Стремление к правде и справедливости стало источником подвижничества, патриотизма и героизма русского человека, который признает единоличную самодержавную власть как единственно возможную и оптимальную. Как отмечает И. В. Киреевский, «истинная любовь к Царю соединяется в одно неразделимое чувство с любовью к Отечеству, к законности и к Святой Православной Церкви» [3, с. 33]. Это отношение не утилитарно-прагматическое, контрактно-договорное, оно имеет духовное содержание, для русского человека Царь есть «надежда-Государь».

В свою очередь, И. А. Ильин также обращает внимание на духовное содержание власти и государства. Для него государство является «орудием духовной жизни», оно объединяет людей, учитывая их духовную природу. Отсюда главной

задачей власти и политической деятельности становится духовная организация народа, и только в этом случае государство превратится в орган, воплощающий братство и солидарность. Согласно концепции И. А. Ильина, государство строится на основе двух принципов – правоты и солидарности.

Религиозность глубоко укоренена в русском человеке, поэтому многие явления социальной жизни имеют православные корни. Характеризуя власть, Н. А. Бердяев отмечает, что власть русского царя идет не от народа, а от Бога, она ограничена православной церковью и духовно подчинена ей. Поэтому и царь правит, руководствуясь не своей волей, а являясь проводником воли Божьей: «Царь и народ связаны между собой одной и той же верой, одним и тем же подчинением Церкви Божьей правде. Самодержавие предполагает широкий народный социальный базис, живущий самостоятельной жизнью; оно не означает подавления народной жизни» [1].

Но православное монархическое государство принципиально отличается от средневековых западноевропейских государств. В православной монархии властитель не имел взаимовыгодного контракта с торговым сословием, в сущности, монарх не был полновластным властителем, поскольку сам должен был служить Богу и народу.

Идея царя-самодержца, монархизма сыграла выдающую роль в становлении российской государственности. Первоначально эта идея соответствовала требованиям времени и воплощала надежду на единение страны под началом царя-батюшки, как его называли в народе. Еще митрополит Иларион в «Слове о законе и благодати» призывал князей к единению, что соответствовало вызовам того времени. В России нередки были крестьянские бунты, войны, волнения, но традиционно народные массы направляли свое негодование на ближайших виновников несчастья – помещиков, носителей зла, угнетения и мздоимства, с царя же вина снималась. Стойкая вера в «доброго царя» и царскую милость поддерживала в народе утопические надежды и мессианские настроения. С идеей самодержца связана еще одна важная аксиологическая идея российской государственности – приверженность идее сильной государственной власти.

Наряду с этими идеями нельзя не выделить и идею централизма, которая вытекала из особенностей географического положения России. Низкий уровень заселенности огромной территории, суровый климат, продолжительные зимы, неплодородная почва, рискованное земледелие с непредсказуемой урожайностью, извечно плохие дороги способствовали формированию центрально-административного типа властвования. Еще П. А. Чаадаев подчеркивал значимость географического фактора в нашей истории. Российские пространства огромны,

разноплановы и безмерны. С одной стороны, они рождают ощущение величия, а с другой – формируют тип личности, в котором преобладают анархистские черты необузданности, вольности и вседозволенности. Чтобы организовать такое пространство, требуется особый тип жесткого администрирования, тем более что на обширной территории России можно было легко затеряться, раствориться и избежать наказания.

Эта черта, связанная с особыми природными условиями, породила определенную форму служения, превратившегося в значимый мотив поведения. Служением было повязано все население страны – от дворян, разночинцев до крестьян. При этом царь, а потом император тоже служили – Богу и России. Сама идея служения тоже имела религиозно-нравственный оттенок и выражала необходимость растворения в общественном целом в интересах государства и общего блага. Неудивительно, что идея общего блага также воспринималась как одна из важнейших ценностей. В России гарантом общего блага традиционно считается государство, и это представление сохранилось по сегодняшний день, нашло выражение в пассивности складывающегося гражданского общества, которое формируется сверху и во всем полагается на государство.

Централизм, самодержавность и отсутствие гражданского общества усугубляли пропасть между властью и народом, но вместе с тем имели и определенные достоинства, заключающиеся в стабильности, отсутствии национализма и шовинизма.

Итак, современная трактовка российской государственности сохраняет сакрализацию государства как единственной силы, способной установить законность, стабильность и порядок. Россияне выражают надежду на восстановление могущества Родины, тоскуют по советскому прошлому с его внешним благополучием и социальной защищенностью. В целом они положительно относятся к авторитарности в отечественной демократии, видя ее специфику в особой роли государства в политико-правовой и социально-экономической жизни, в концентрации сильной власти в руках одного лица, в идеологии либерального консерватизма.

Список литературы

1. Бердяев, Н. А. Царство Божие и царство Кесаря / Н. А. Бердяев // Путь. Сентябрь 1925. – № 1. – С. 33–34.

2. Давиденко, А. В. Эволюция правомонархистских концепций политического устройства России (1900–1917 гг.) : автореф. дис. … канд. ист. наук / А. В. Давиденко. – Хабаровск, 2001. – С. 26.

3. Киреевский, И. В. Духовные основы русской жизни / И. В. Киреевский. – М. : Институт русской цивилизации, 2007. – С. 33.

4. Лебедев, С. А. Методология научного познания : монография / С. А. Лебедев. – М. : Проспект, 2020. – С. 29.

5. Массовое сознание в системе взаимодействия власти и общества // Философские исследования и современность. – М. : ИПЛ, 2017. – Вып. 6. – С. 352–378.

6. Чичерин, Б. Н. Философия права / Б. Н. Чичерин; 3-е изд. – М. : Либроком, 2013. – С. 21.

Мельник Е. В.[1]*,*
заместитель начальника кафедры
истории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

МИНИСТР ПОЛИЦИИ А. Д. БАЛАШОВ: ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННИКОВ И ПОТОМКОВ

Почтенный Балашов! И ныне
В щастливейшей живут судьбине
5 областей, тебе Царем
В твое врученных попеченье.
Ты новое сие служенье
Объемлешь сердцем и умом,
Ты сирых слезы обтираешь;
Ты бедным всем благотворишь;
Корысть, неправду истребляешь
И лжи безмолвствовать велишь.
Как попечительный отец,
Детей блаженство назидаешь;
И путь к добру им предлагаешь;
Так, ты друг правды и сердец!
Равно о ближних ты радеешь,
В их нужды ты входить
умеешь…
С. Н. Глинка

Личность военного и государственного деятеля Александра Дмитриевича Балашова его современниками и потомками воспринимается далеко неоднозначно и является предметом многочисленных дискуссий среди исследователей. Диапазон мнений широк – от восторженных и хвалебных панегириков до обвинений в коррупции и лихоимстве. Однако и современники, и потомки едины в том, что Александр Дмитриевич «…занимал одно из ключевых мест в окружении императора Александра I и оказывал значительное влияние на политическую историю своего времени» [6, с. 238].

---

[1] © Мельник Е. В., 2021.

Спустя десятилетие после кончины А. Д. Балашова, в 1847 г. была опубликована работа петербургского цензора Д. И. Мацкевича [4], содержавшая подробное описание деятельности Александра Дмитриевича, из которой следует, что его биография – это почти неуклонный подъем вверх по служебной лестнице, начатый при Екатерине II и завершившийся в правление Николая I.

Александр Дмитриевич после окончания Пажеского корпуса сделал блестящую военную карьеру, которая создала ему репутацию делового, исполнительного, ответственного человека и позволила занять пост обер-полицмейстера второй столицы. За два с половиной года с 1804 по 1807 г. Балашову удалось многое сделать для наведения порядка в Москве. Среди прочего следует отметить его непосредственную работу с жалобами населения, а также приобретение ведомственной типографии. Ф. Ф. Вигель в воспоминаниях об этом периоде службы Балашова писал: «Я его помню еще тогда, когда он служил в Москве … когда послушаешь его немного, то начинаешь смотреть … с удовольствием. Никакого умничания, умствования, витийства он себе не позволял … все было просто, умно и хорошо» [2, с. 35].

В последующие годы с 1808 по 1809 г. Балашов становится санкт-петербургским обер-полицмейстером. Эта должность предполагала особое доверие императора, знание законов, административный опыт, ум и порядочность. Балашов сумел своей деятельностью произвести благоприятное впечатление на государя. Вскоре Александр Дмитриевич назначается на должность санкт-петербургского военного губернатора, становится генерал-адъютантом и членом Свиты императора, что означало особое доверие к нему со стороны власти и было учтено при назначении на должность первого министра полиции. В правление Николая I Балашов получил орден Георгия IV степени за 25 лет беспорочной службы с момента вступления в обер-офицерский чин.

Признание заслуг четырьмя венценосцами – это ли не свидетельство благонадежности?

Однако последующая работа директора санкт-петербургской публичной библиотеки М. Ф. Корфа [3], сосредоточившего свое внимание на участии министра полиции в «падении» М. М. Сперанского, даёт уже иную оценку. По мнению Корфа, Балашов «имел особенную наклонность, особенное влечение ко всякому предательству, ко всякой низости, ко всякому даже вымыслу, который мог способствовать его видам ... Балашов, возведенный на одну из высших государственных степеней, на степень, где открывалась равная возможность делать и много добра, и много зла, представляет одно из самых неприглядных явлений в истории царствования Александра… Постыдное его лихоимство знала вся

Россия. Он брал немилосердно, где только можно было; брал и как обер-полицмейстер, и как военный губернатор, и даже как министр» [3, с. 485].

Для понимания позиции автора следует обратить внимание на ряд обстоятельств. Модест Андреевич с 1826 г. служил под началом Сперанского во II Отделении Собственной Его Императорского Величества канцелярии, принимал непосредственное участие в подготовке Полного собрания законов Российской империи и был ревностным поклонником Михаила Михайловича.

Издание двухтомного жизнеописания Сперанского (1772–1839 гг.), подготовленное Корфом, опубликовано в год отмены крепостного права императором Александром II, которому Сперанский в свое время преподавал юридические науки, что символизировало торжество идей опального реформатора. Отсюда проистекает пиетет в адрес Сперанского и крайне субъективная оценка Балашова, виновного, по мнению автора, в ссылке великого либерала.

По мнению А. В. Давиденко, работа Корфа «появилась после поражения России в Крымской войне (1853–1856 гг.) и являла собой «мировоззренческую катастрофу всех прежних консервативных порядков, как сигнал к поспешному копированию «передовых победителей, с их экономическими и политическими «эталонами». Почивший Сперанский ретроспективно одержал моральную победу над своими консервативными гонителями» [1, с. 24]. Усилиями Корфа и последующих исследователей [5] М. М. Сперанского стали преподносить как провозвестника Великих либеральных реформ Александра II, а тех, кто участвовал в его гонении, автоматически превратили в злодеев. Именно с этого времени начал создаваться мифологизированный образ спасителя России Сперанского и «одного из самых неприглядных явлений в истории» – душителя свободы Балашова. По сути, речь идет о либеральных и консервативных тенденциях развития российского государства, которые и олицетворяли вышеупомянутые личности.

Первого министра полиции обвиняют в «моральной низости и необузданном лихоимстве». Что последовало за этим? Наказание? Опала?

Последовало назначение на должность генерал-губернатора обширного региона численностью в пять губерний с населением в 5,7 млн чел, причем были перечислены прежние его министерские заслуги, высокий профессионализм при выполнении особых поручений [6, с. 142–202].

Император писал: «Александр Дмитриевич! Отправляя вас к назначению вашему, Мне приятно изъявить вам благоволение мое за труды и усердие ваше при исполнении должностей прежде на вас возложенных санкт-петербургского военного губернатора и министра полиции» [7]. Этому периоду жизни Балашова известный поэт Сергей Николаевич Глинка посвятил свои стихи.

Неоднократно, на протяжении своей службы Александр Дмитриевич обращался к государю с просьбами об отставке, но каждый раз получал решительные возражения.

Для чего же император удерживал на государственной службе «мздоимца»? Был ли мотив у вполне обеспеченного, успешного и востребованного чиновника, для того чтобы, говоря словами Корфа, «брать немилосердно, где только можно было»? Конечно, нет. Поклонник Сперанского Модест Андреевич таким образом пытался сделать более выраженным контраст между двумя личностями.

Один из современников Балашова Ф. Ф. Вигель так характеризовал Александра Дмитриевича: «Природа дала ему все, что нужно для успеха: хитрость грека, сметливость и смелость русского, терпение и скромность немца» [2, с. 49]. Сам А. Д. Балашов так определял свою жизненную позицию: «Имею врожденную ненависть к подлым поступкам и враг раболепия».

Отрадно осознавать, что реабилитация А. Д. Балашова в российской науке и общественном сознании уже началась. У истоков этой большой и кропотливой работы стоял Артем Викторович Давиденко. Среди современных исследователей также следует отметить А. Ю. Скрыдлова, автора монографии, посвященной этому выдающемуся государственному деятелю [6].

Александр Дмитриевич Балашов был похоронен в семейном склепе в храме Покрова Пресвятой Богородицы в селении Шапки Тосненского района Ленинградской области – родовом имении Балашовых. В 1936 г. храм был закрыт, во время войны разрушен, а в последствии на этом месте возвели магазин. Жители селения Шапки прилагают все усилия для увековечивания памяти знаменитого соотечественника: в 2002 г. установили поклонный крест, с 2012 г. проводят Балашовские чтения, в 2018 г. открыли памятник. Однако усилия по восстановлению места захоронения Александра Дмитриевича пока не увенчались успехом.

Историческая правда постепенно прокладывает себе дорогу, и будем надеятся, что общими усилиями удастся решить эту задачу.

Список литературы

1. Давиденко А. В. Содействовать против всех вражеских замыслов и покушений…: труды и подвиги российской полиции в эпоху 1812 года. Продолжение…: очерки. – М., 2019. – С. 24.

2. Киселёва, Т. Ф. Генерал Балашов Александр Дмитриевич. Историко-краеведческий очерк / Т. Ф. Киселёва. – СПб., 2012. – С. 35.

3. Корф, М. А. Деятели и участники в падении Сперанского / М. А. Корф // Русская старина. – 1902. – № 3. – С. 469–508.

4. Мацкевич, Д. И. О жизни и государственных заслугах А. Д. Балашова / Д. И. Мацкевич. – Спб., 1847.

5. Семевский, В. И. Падение Сперанского / В. И. Семевский // Отечественная война и русское общество / под ред. А. К. Дживелегова, С. П. Мельгунова, В. И. Пичеты. – СПб., 1911.

6. Скрыдлов, А. Ю. На службе России: Александр Дмитриевич Балашев. 1770–1837 / А. Ю. Скрыдлов. – СПб., 2016. – С. 238.

7. Российской государственный исторический архив. – СПб. – Ф. 1409.

Михайлова Н. В.[1]*,*
профессор кафедры
истории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник Высшей школы Российской Федерации

Гостев С. С.[2]*,*
старший преподаватель
кафедры истории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ В ПЕРИОД МЕЖДУ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ XX ВЕКА: ФАКТЫ И ФАЛЬСИФИКАЦИЯ

В свете современных тенденций, часто ориентированных на трансформацию, а не редко и фальсификацию истории, проблема юридического обеспечения геополитических преобразований, в том числе произошедших в результате реализации права на самоопределение, представляет в науке большой интерес, как с теоретической, так и с практической точек зрения. Не менее актуален и вопрос о препятствовании процессу фальсификации истинных историко-генетических предпосылок и причин тех или иных событий и явлений. Уже в первой половине XX в., в ходе генезиса права на самоопределение, был сформирован комплекс способов его реализации. Среди них можно выделить: сецессию с последующим изменение геополитического статуса той или иной территории; ассоциацию и интеграцию; создание территориальных, национальных, национально-территориальных и иных видов автономий; изменение формы правления; политическое, экономическое и/или культурное самоопределение (часто путем проведения референдума для граждан или иной формы выражения волеизъявления населения). Перечисленных перечисленных есть и другие способы реализации данного права, которые не теряют актуальности и в XXI в., что вызывает потребность

[1] © Михайлова Н. В., 2021.
[2] © Гостев С. С., 2021.

постоянно совершенствовать необходимый юридический инструментарий и механизмы реализации права на самоопределения.

Рассматривая особенности юридического обеспечения геополитических преобразований посредством реализации права на самоопределение, особенно в свете проблемы фальсификации истории, следует отметить, что волеизъявление народонаселения определенных территорий с целью реализации этого права нередко выражается через плебисцит и может сопровождаться вооруженной борьбой, что неизбежно приведет к человеческим жертвам и создаст угрозу для территориальной целостности государства. В такой ситуации правительство применяет комплекс административно-принудительных и силовых мер воздействия, что лишь усиливает напряжение и стимулирует дальнейшую эскалацию национальных конфликтов. Историко-правовой опыт показывает, что в государствах континентальной Европы в первой половине XX в. бывали конфликты (как локальные, так и крупномасштабные), унесшие жизни миллионов людей.

Исторически сложившаяся полиэтничность стран континентальной Европы в условиях политических и социальных кризисов, роста окраинного национализма, экономической нестабильности, революций, военных и иных конфликтов, в результате которых произошли масштабные геополитические преобразования, в том числе распад Австро-Венгерской, Германской, Российской и Османской империй, стала одной из причин обострения вопроса о национально-территориальном строительстве. А дальнейшая неспособность адекватно урегулировать межнациональные отношения и геополитические притязания в мире после Первой мировой войны заложила одну из основ нового и еще более страшного вооруженного конфликта в истории человечества, речь идет о Второй мировой войне.

В странах Европы после Первой мировой войны активно развивалась военизированная субкультура, особенно в Германии, Австрии и Венгрии, и она имела ряд общих черт. Как правило, в этих странах ведущими фигурами, принимавшими участие в основании и командовании правыми военизированными организациями, оказались бывшие молодые офицеры [4]. Следует отметить, что большинство активистов, состоявших в таких организациях, были сельского происхождения, преимущественно из приграничных регионов, где угроза со стороны других этнонациональных, нередко националистически настроенных, групп ощущалась намного острее, чем, например, в крупных европейских городах (Берлин, Будапешт, Вена и т. д.).

Также, одним из факторов радикализации атмосферы в Европе после Первой мировой войны можно назвать большой наплыв беженцев; например, уже в

пропитанном воинственным духом Будапеште в результате революции и временной румынской оккупации отдельной проблемой стал поток беженцев из Трансильвании[4]. Определенно напряженная обстановка, сложившаяся в европейском геополитическом пространстве в годы после Первой мировой войны, являлась благодатной почвой для активизации националистических, реваншистских и иных «разрушительных» идей у населения. В такой ситуации значительно проще создать в умах «новый образ врага» или любую другую удобную для пропаганды иллюзию, которую успешно используют заинтересованные в таком развитии событий силы, а в последствии и фальсификаторы исторических фактов.

Страны континентальной Европы, признанные проигравшими в Первой мировой войне, не смогли быстро вернуться к мирной жизни, а корыстная геополитика стран-победительниц лишь подстегивала реваншистские настроения. Вооруженные конфликты в побежденных государствах Центральной Европы крайне часто происходили вдоль новой границы Германии с Польшей, с Балтийскими странами. «Национализированная» вследствие распада империй и насильственного обмена приграничными национальными территориями иррегулярная австрийская, венгерская, польская, украинская, литовская и словенская милиция сражалась с внутренними и внешними врагами ради материальной выгоды, контроля над этими регионами и достижения идеологических целей [4].

Непрекращающиеся вооруженные конфликты в спорных приграничных национальных регионах стран континентальной Европы в 20–30-е годы XX в. нередко принимали нетипичные формы и даже более жестокие, чем во время Первой мировой войны. Говоря о рецепции идеи самоопределения и трансформации ее для достижения национальных геополитических интересов следует отметить, что идеологи фашизма рассматривают это право уже в 20-х годах XX в.

Так, например, в 1920 г. А. Гитлер предложил программу «Двадцать пять пунктов», ориентированных на защиту интересов немецкого народа, и на объединение всех немцев на основе права на самоопределение в «Великую Германию» [7]. В данном случае право на самоопределение, его субъекты и механизмы реализации нередко использовались сугубо для достижения геополитических целей и не всегда в интересах тех государств, на территории которых «обнаруживалась» такая национально ориентированная на суверенное существование часть населения. Данная аберрация зрения обусловлена, в том числе, и использованием механизмов фальсификации.

Специалисты, изучающие данный период, отмечают, что Первая мировая война оказалась настолько ужасной, что будто бы ознаменовала собой конец

целой эпохи, что предвещало начало новой и лучшей эры для человечества. Но, как отмечают ученые, мирная Версальская конференция была способна лишь на объявление об окончании войны, а не на что-то большее, в плане урегулирования геополитических притязаний в послевоенном мире, это было собрание представителей стран-победительниц. Народы-победители остро ощущали свои потери и страдания и совершенно не обращали внимания на то, что побежденные находились точно в таком же положении [9].

Распад и исчезновение империй (Австро-Венгерской, Германской, Российской и Османской), произошедшие в ходе и после Первой мировой войны (1914–1918 гг.) в континентальной Европе, привели к существенным геополитическим изменениям, – возникли новые политико-территориальные образования, и для лидеров стран-победительниц еще более остро встал важный и крайне актуальный вопрос: каков механизм признания новых государств, кого вследствие этого следует приглашать на мирные конференции, кто может стать членом Лиги Наций и каковы особенности юридического обеспечения легитимности этих геополитических преобразований.

Важно сказать, что процедура признания нового государства другими, уже признанными членами мирового сообщества взаимоопосредует процесс реализации права на самоопределение. Фактически признание самоопределившейся территории в качестве нового субъекта международного права означает согласие и подтверждение легитимности реализации этого права, а также создает прецедент юридического обеспечения данного геополитического изменения. Следует отметить и тот факт, что процедуру признания противоборствующие государства могут трактовать на свое усмотрение ввиду собственных экономических, геополитических и других интересов, нередко прибегая и к неюридическим методам или просто фальсифицируя и подтасовывая исторические и иные факты.

Указанная проблема получила разрешение только на Международной конференции в Монтевидео в 1933 г. По итогам этой конференции принята Заключительная конвенция о правах и обязанностях государств, вступившая в силу в 1936 г. Статья 1 данной Конвенции гласила, что государство как субъект международного права должно обладать следующими признаками: «постоянное население; наличие определенной территории; существование правительства; способность государства вступать в сношения с другими странами» [6].

Указанные положения позволяют сформулировать ряд критериев, которые можно отнести и к субъекту права на самоопределение, так как именно обладание ими служит основанием для признания новообразованного государства на международной арене. Положения Конвенции частично раскрывают совокупность признаков, позволяющих определить юридическое содержание права наций на самоопределение и материализовать субъект этого права. Однако

несмотря на то, что номинально критерии определения субъекта этого права можно выделить на основании указанных документов способы и механизм его реализации не были исчерпывающе определены.

В отношении способов реализации этого права в ст. 3 говорится, что: «Политическое существование государства не зависит от признания другими государствами. Даже до признания государство имеет право защищать свою целостность и независимость для обеспечения его сохранения и процветания и, следовательно, формировать себя таким образом, каким оно считает нужным, законодательствовать в соответствии с его интересами, а также, управлять его услугами, определять юрисдикции и компетенции судов. Осуществление этих прав не имеет иных ограничений кроме осуществления прав других государств в соответствии с нормами международного права» [6]. Следовательно, в рамках рассмотрения проблемы юридического обеспечения геополитических преобразований, способ реализации права на самоопределение в данном случае не сводится исключительно к созданию нового политико-территориального образования в результате отделения, а осуществляется путем свободы в отправлении исполнительных, законодательных и судебных полномочий национальных государственных органов.

О «беспомощности» Лиги Наций в эффективном устройстве послевоенного мира красноречиво свидетельствуют слова: «…Могильная тишина, кажется опускается на всю эту дипломатию, действия которой в течение двадцати лет создавали историю периода между двумя войнами, ныне уже отошедшего в прошлое! С этой минуты начинается вторая мировая война» [8].

Неразрешенные геополитические проблемы, возникновение фашистских, нацистских и милитаристских диктаторских режимов, ориентированных на развязывание нового крупномасштабного военного конфликта, а также крах Версальско-Вашингтонской системы продемонстрировавшей свою неспособность к адекватному урегулированию процессов в послевоенном мире привели к началу Второй мировой войны (1939–1945). Одной из причин, приведших к новой трагедии стало отсутствие раскрытия юридического содержания права наций на самоопределение и как следствие отсутствие универсальной системы юридического обеспечения геополитических преобразований, вызванных реализацией этого права, кроме того, еще одной из причин стало стремление разрешать территориальные споры, вопросы политико-территориального национально-территориального устройства и «размежевания», преимущественно в интересах стран-победительниц, которые de facto использовали «право сильного», заявляя о категорической необходимости реализации права на самоопределение.

Во время Второй мировой войны (1939–1945) Ф. Рузвельт и У. Черчилль объявили, что самоопределение является одной из целей этого военного конфликта

[2]. Однако в 1941 г. У. Черчилль заявил, что принцип самоопределения является возможностью восстановления суверенитета, самоуправления и национальной жизни государств и наций Европы после разгрома нацизма и не относится к колониальным народам [1].

В 1941 г. была подписана Атлантическая хартия, ставшая одним из главных программных документов антигитлеровской коалиции. Текст Атлантической хартии фиксировал положения, определявшие важную функцию – «конструирование» послевоенного геополитического пространства после победы союзных держав во Второй мировой войне. Этот документ не содержал какой-либо определенной официальной программы предполагаемого послевоенного мироустройства, а лишь подтверждал некоторые общие принципы национальной политики Соединенных Штатов и Великобритании. Тем не менее Атлантическая Хартия содержала положения о праве на самоопределение: уважение права всех народов избирать себе форму правления, при которой они хотят жить; уважение стремления к восстановлению суверенных прав и самоуправления тех народов, которые были лишены этого насильственным путем [10].

О присоединении к Атлантической хартии объявил и СССР, что было зафиксировано в Декларации правительства СССР на Межсоюзной конференции в Лондоне в 1941 г. При этом было подчеркнуто, что применение принципов Атлантической хартии «должно будет сообразоваться с обстоятельствами, нуждами и историческими особенностями той или другой страны» [3]. Советское руководство акцентировало внимание на том, что будет отстаивать право на государственную независимость каждого народа, а кроме того, территориальную неприкосновенность своей страны, право устанавливать такой общественный строй и избирать такую форму правления, какие будут целесообразны и необходимы в целях обеспечения экономического и культурного процветания СССР.

В рамках необходимости юридического обеспечения будущих геополитических преобразований эти положения лишь частично раскрывали будущее юридическое содержание права на самоопределение посредством признания в качестве способов его реализации самостоятельное установление общественного строя и самостоятельный выбор целесообразной формы правления.

Делая выводы о представленной проблеме юридического обеспечения геополитических преобразований в континентальной Европе в период между мировыми войнами XX в. в свете угрозы возможной фальсификации исторических фактов, представляется возможным отметить, что в первой половине XX в. юридическое содержание права наций и народов на самоопределение не было раскрыто, не были определены субъекты и способы реализации этого права. Инструментальная ценность права на самоопределение заключается в регуляции общественных отношений, возникающих в связи с реализацией права наций и народов

на самоопределение. Для полного понимания юридического содержания этого права необходимо более точно установить, чьим именно интересам оно призвано служить, следовательно, необходимо определить его субъект, адаптировав механизмы его реализации под реалии и вызовы XXI в., с учетом того обстоятельства, что ставшая неотъемлемой частью жизни общества информатизация и внедрение цифровых технологий открывают широкие возможности, в том числе и для фальсификации исторических фактов. Таким образом, перед Ялтинско-Потсдамской системой урегулирования геополитических споров и послевоенного устройства мира, пришедшей в 1945 г. на смену Версальско-Вашингтонской системе, стоит важная задача – создание международных норм, способных не допустить повторения военных потрясений первой половины XX в.

Список литературы

1. Gobban A. The Nation State and Nation Self–Determination. NY., 1970. P. 112.
2. Атлантическая хартия // United Nations. – URL: http://www.un.org/ru/aboutun/history/atlantic_charter.shtml (дата обращения: 04.03.2021).
3. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной Войны. Т. I. – М., 1946. – С. 166–167.
4. Война во время мира: Военизированные конфликты после Первой мировой войны. 1917–1923 : сборник статей / под ред. Р. Герварт, Д. Хорн. – М. : Новое литературное обозрение, 2014.
5. Герварт и Д. Хорн. – М. : Новое литературное обозрение, 2014. – С. 83–84.
6. Конвенция Монтевидео 1933 г. // Учебно-методическая литература. – URL: https://www.studmed.ru/konvenciya-montevideo-o-pravah-i-obyazannostyah-gosudarstv-1933-g_17c7abd76dd.html (дата обращения: 04.03.2021).
7. Кто был в Третьем рейхе. Биографический энциклопедический словарь. – М., 2003. – С. 56–80.
8. Табуи, Ж. Двадцать лет дипломатической борьбы / Ж.Табуи. – М. : Издательство иностранной литературы, 1960. – С. 461.
9. Уэллс Г. Дж. Краткая всемирная история / Уэллс Г. Дж. – СПб. : Амфора, 2005. – С. 301.
10. Хрестоматия по новейшей истории. Т. II. – М., 1997. – С. 66–67.

Мустафина Э. Р.[1],
курсант 1 курса
международно-правового факультета
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Иванченко Ю. А.,
заместитель начальника кафедры
истории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

КООРДИНАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ПОЛИЦИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

На современном этапе развития исследований в области истории полиции России в силу малоизученности актуализация вопроса взаимодействия двух видов полиции – общей и политической – начала XIX в. встает наиболее остро. В отечественной историографии относительно недавно оформилась проблема взаимоотношений между полицейскими органами. Это обусловлено значительной закрытостью и секретностью материалов данной тематики как в дореволюционный, так и в советский период. Поэтому чаще всего органы политического сыска и общественная полиция до недавних пор воспринимались как единое целое. Для подробного изучения проблемы взаимодействия органов политической полиции и общей полиции на витке их реорганизации в начале века следует четко ограничить исторические рамки, которым посвящена данная статья.

Сменив на престоле своего отца, Александр I поставил одной из первостепенных задач реструктуризацию органов полиции. В 1802 г. создается Министерство внутренних дел в качестве многофункционального органа, в ведение которого относились как надзор и контроль за благоустройством и санитарным состоянием империи, организацией и функционированием путей сообщений, продовольственным снабжением населения, так и руководство деятельностью губернаторов и местной администрации, а соответственно и всей местной полиции. В 1801 г. упраздняется Тайная экспедиция Сената, а все её полномочия передаются судам по уголовным делам общей полиции, а наиболее важные – Сенату. С созданием МВД полномочия политической полиции передаются Особенной канцелярии МВД – политическая и общественная полиция фактически

[1] © Мустафина Э. Р., 2021.

объединены в единый орган. К концу первого десятилетия существовало различное множество органов политического сыска, никоим образом не координирующих между собой: с 1807 г. функционирует Комитет для рассмотрения дел по преступлениям, клонящимся к нарушению общего спокойствия, Комитет Высшей полиции, в Москве и Петербурге были созданы негласно конкурирующие между собой Секретная служба гвардейского корпуса и Секретная часть Петербургского градоначальника.

25 июля 1811 г. издаётся Манифест «Общее учреждение министерств». Благодаря ему вновь реорганизована структура центральных управленческих органов. Согласно Манифесту, учреждается новый структурный орган – Министерство полиции, в состав которого входила Канцелярия, выполнявшая функции политической полиции, хотя изначально орган формировался в качестве подразделения для ведения секретного делопроизводства.

Ключевым этапом в рассмотрении вопроса взаимодействия двух полицейских органов можно считать период правления Николая I. Восстание декабристов 1825 г. дало мощный толчок к реформированию органов политического сыска. Император понимал, что для усмирения революционных идей и раскрытия тайных кружков, борьбой с радикальным движением и одновременно с этим сохранение и поддержание общественного порядка и безопасности, внутреннего управления страной нужно четко разграничить компетенцию полицейских органов, их функции должны быть четко разделены и не смешаны.

Так, в 1826 г. создано III Отделение Собственной его Императорского Величества канцелярии, Особенная канцелярия МВД отныне упразднялась, а все её полномочия переходили в ведение Отделения, штат расформировывался. Таким образом, нить взаимосвязи, фактически «подчинение политической полиции» Министерству внутренних дел была разорвана. Отныне полномочия политической полиции находились в специально уполномоченном на то органе.

Особенное место в системе III Отделения занимал Отдельный корпус жандармов – ОКЖ, который фактически становится исполнительным органом III Отделения. В 1827 г. для систематизации деятельности Корпуса территория Российской империи разделяется на 5 жандармских округов, возглавляемых жандармским генералом, который лично подотчетен Шефу Корпуса, в каждом округе 8–11 губерний, которые в свою очередь делились на 4–6 отделений, возглавляемых штаб-офицерами. Постепенно структура деятельности Отделения, в частности Корпуса Жандармов, значительно усложнялась: к 1842 г. в органе уже существовало 5 экспедиций (изначально – 3).

Особенностью и в то же время сложностью в организации Корпуса является двойственность его подчинения: в области кадровой, хозяйственной, инспекторской деятельности подразделения ОКЖ входили в Военное Министерство, тогда

как вопросы организации политического розыска, проведению дознаний и следствий подчинялись Третьему отделению СЕИВК. Начальник ОКЖ в инспекторском и военно-судном вопросах осуществлял власть в качестве командира войсками военного округа, в строевом вопросе действовал через Штаб ОКЖ, а по предметам, которые относятся к расследованию преступлений, – через Департамент полиции.

В силу данной особенности наиболее важной проблемой была комплектование органа на местном уровне. В силу затруднительности изменения штата, ОКЖ прибегал к помощи местной полиции. Жандармерия была зависима от штата общей полиции в области гласного и негласного надзора. Так, согласно закону, общая полиция должна была добывать сведения и предоставлять их по первому же запросу жандармского управления. ОКЖ осуществлял свою деятельность в области производства обысков, арестов и конвоирования также через местные полицейские органы. Часто происходили случаи совместных с общей полицией операций, иногда и вовсе – лишь с помощью местной полиции.

В то же время между двумя полицейскими структурами прослеживалась явная конкуренция. В силу ещё слабой организации нового органа политической полиции ОКЖ с целью искоренение и борьбы с революционными движениями изначально применяло надзорно-контрольные меры за всеми сферами жизни, в том числе и за деятельностью общей полиции. Такой тотальный контроль совершенно не нравился местной полиции. Острая конкуренция проскальзывала уже с 1826 г. Это подтверждают слова высокопоставленных чинов Тайной полиции: Максим Яковлевич фон Фок[1] утверждал, что «городская полиция, заметив, что существует деятельный надзор, собирается развернуть все находящиеся в ее распоряжении средства, дабы первой узнавать все, что делается, ... чтобы иметь возможность следить за всем с большего деятельностью и с большим успехом» [1]. А вскоре Фок докладывает Бенкендорфу о слежке, установленной самой городской полицией за деятельностью ОКЖ.

«Полиция отдала приказание следить за моими действиями и за действиями органов надзора. Полицейские чиновники, переодетые во фраки, бродят около маленького домика, занимаемого мною, и наблюдают за теми, кто ко мне приходит... Ко всему этому следует прибавить, что Фогель и его сподвижники составляют и ежедневно представляют военному губернатору рапортички о том, что делают и говорят некоторые из моих агентов» [2].

[1] Максим Яковлевич фон Фок – действительный статский советник, управляющий Третьим отделением, с 1826 г. фактический глава тайной полиции России.

Между полицией и жандармами выявилась открытая провокация. Проявление этой провокации весьма разнообразны: слежка за агентами друг друга, переманивание на свою сторону чужих агентов, доносы, клевета и открытый шантаж. На местном уровне прослеживалось соперничество. Согласно существовавшему на тот момент государственному устройству главным лицом в губернии являлся губернатор, однако наряду с ним, имея полномочия даже выше губернаторских, стоял жандарм, действия которого были совершенно автономны и не подотчетны губернатору. И губернатор, и жандармский генерал часто доносили друг на друга, информировали государство обо всем, что происходит на территории и каким образом осуществляется деятельность обоих органов.

Прямой и наиболее известной провокацией было дело Петрашевцев, а именно процесс раскрытия данного кружка. Инициатором и организатором сыска петрашевцев был И. П. Липранди[1]. Как только самые первые донесения о закрытых собраниях в доме М. В. Буташевича-Петрашевского – известного переводчика МИДа, Липранди незамедлительно подготовил доклад Министру внутренних дел – Перовскому. Он, в свою очередь, в кратчайшие сроки предоставил отчет о проделанной работе императору. Николай I за проявленный профессионализм распорядился заняться политическим сыском Министерству внутренних дел без участия в этой операции III Отделения.

Таким образом, исходя из вышесказанного, можно утверждать, что проблема взаимоотношений между полицейскими органами в первой половине XIX в. была не только не решена, но и усугублена непростым положением нового органа политической полиции. Четкого разграничения полномочий не наблюдалось, подразделения одного органа могли выполнять, а иногда и полностью заменять подразделения другого органа. В дальнейшем, необходимо было преобразовать эти две системы с целью дальнейшего действенного функционирования обоих видов полиции.

Список литературы

1. Максим Яковлевич фон Фок. Донесения А. Х. Бенкендорфу // Издательство Libra Press. – URL: http://www.librapress.ru/2021/05/maksim-yakovlevich-fon-fok-doneseniya-a-x-benkendorfu.html (дата обращения: 28.03.2021).

2. Лурье, Ф. Полицейские и провокаторы / Ф. Лурье. – М., 1992.

[1] Липранди И. П. – чиновник особых поручений Министерства внутренних дел, действительный статский советник.

Орлова Л. М.[1],
соискатель кафедры
истории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

РЕАБИЛИТАЦИЯ РЕПРЕССИРОВАННЫХ НАРОДОВ СССР КАК ПРАВОВАЯ ПРОЦЕДУРА: ЭТАПЫ И МЕХАНИЗМ

Институт правовой реабилитации основыван на опыте, накопленном в разных странах в течении длительного времени. В Советском государстве долго господствовала концепция об отсутствии ответственности государства в случае следственных и судебных ошибок, так как считалось, что возмещение ущерба может привести к ослаблению страны, к финансовому и экономическому краху. Ученый-административист Н. И. Караджа-Искров писал: «Следует помнить о том, что у нас личность не является чем-то самоценным. Она есть винтик огромной машины. Поэтому обеспечение её прав стоит на втором месте» [3].

Вопрос об ответственности государства за депортацию ряда народов СССР был поставлен в феврале 1956 г. на XX съезде КПСС. В контексте этой проблемы в 1957 г. депутат С. В. Стефанин на заседании Верховного Совета СССР поставил вопрос о расширении государственной ответственности и органов государственной власти за допущенные следственные и судебные ошибки [1, с. 506].

Процесс реабилитации репрессированных народов в СССР можно разделить на три этапа. Первый этап приходится на 50–60-е годы. Правовые основы этого процесса крайне разнообразны. В основном, процесс реабилитации урегулирован указами Президиума Верховного Совета СССР и постановлениями Совета министров СССР. 5 июля 1954 г. было опубликовано постановление Совета Министров СССР № 1439-649с «О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпоселенцев». На основании постановления со спецучета снимали детей спецпоселенцев, не достигших 16-летнего возраста [5]. Однако реализация указанного постановления была затруднительна, в связи с тем, что, как правило, дети до 16 лет проживали вместе с родителями и уйти от них не могли [2]. Также на основании постановления, работающие спецпоселенцы получили право в случае командировки перемещаться по территории страны.

13 июля 1954 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «Об отмене Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. «Об уголовной ответственности за побеги из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период

[1] © Орлова Л. М., 2021.

Отечественной войны», на основании которого было существенно смягчено наказание за побег из мест обязательного и постоянного поселения: 20 лет каторжных работ были заменены лишением свободы на срок до трех лет.

В 1955 г. опубликован ряд нормативных актов, которые существенно улучшили положение спецпереселенцев. На основании этих актов у спецпоселенцев появились паспорта, возможность пройти военную службу, а с ряда категорий спецпоселенцев были сняты ограничения[1].

13 декабря 1955 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении», 28 апреля 1956 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета «О снятии ограничений по спецпоселению с крымских татар, балкарцев, турок – граждан СССР, курдов, хемшилов и членов их семей, выселенных в период Великой Отечественной войны».

В 1956 г. происходит территориальная реабилитация репрессированных народов. 17 марта 1956 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета «О снятии ограничений в правовом положении с калмыков и членов их семей, находящихся на спецпоселении»; 16 июля 1956 г. Указ Президиума Верховного Совета СССР «О снятии ограничений по спецпоселению с чеченцев, ингушей, карачаевцев и членов их семей, выселенных в период Великой Отечественной войны»; 9 января 1957 г. опубликован указ Президиума Верховного Совета СССР «О преобразовании Черкесской автономной области в Карачаево-Черкесскую автономную область»; 9 января 1957 г. опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР «О восстановлении Чечено-Ингушской АССР в составе РСФСР»; 9 января 1957 г. опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об образовании Калмыцкой автономной области в составе РСФСР».

29 августа 1964 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «О внесении изменений в Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». Обращает на себя внимание пункт 2: «2. Учитывая, что немецкое население укоренилось по новому месту жительства на территории ряда республик, краев и областей страны, а районы его прежнего места жительства заселены, в целях дальнейшего развития районов с немецким населением поручить Советам Министров союзных республик и впредь оказывать помощь и содействие

[1] 10 марта 1955 г. опубликовано постановление Совета Министров СССР «О выдаче спецпоселенцам паспортов», 23 марта 1955 г. вышло распоряжение Совета Министров от «О призыве некоторых категорий спецпоселенцев на военную службу», 9 мая 1955 г. Президиум ЦК КПСС принял постановление «О снятии ограничений по спецпоселению с членов КПСС, кандидатов КПСС и членов их семей», 24 ноября 1955 г. постановление Совета Министров СССР «О снятии с учета некоторых категорий спецпоселенцев».

немецкому населению, проживающему на территории республик, в хозяйственном и культурном строительстве с учетом его национальных особенностей и интересов». С середины 1960-х гг. процесс реабилитации депортированных народов был почти прекращён.

Второй этап (вторая половина 1980–1990-е гг.) приходится на 80-е годы. Процесс реабилитации, приостановленный в правление Л. И. Брежнева, возобновлен только в 1987 г. 8 сентября 1987 г. создана комиссия Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных со сталинскими репрессиями [4].

14 ноября 1989 г. принята Декларация Верховного Совета СССР «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав».

26 апреля 1991 г. принят Закон РСФСР «О реабилитации репрессированных народов». За репрессированными народами признавалось право на восстановление территориальной целостности, существовавшей до антиконституционной политики насильственного перекраивания границ, на восстановление национально-государственных образований, сложившихся до их упразднения, а также на возмещение ущерба: «Репрессированными признаются народы (нации, народности или этнические группы и иные исторически сложившиеся культурно-этнические общности людей), в отношении которых по признакам национальной или иной принадлежности проводилась на государственном уровне политика клеветы и геноцида, сопровождавшаяся их насильственным переселением, упразднением национально-государственных образований, перекраиванием национально-территориальных границ, установлением режима террора и насилия в местах спецпоселения».

Третий этап приходится на 2000-е годы по настоящее время. 2 декабря 1992 г. Указом Президента России создана Комиссия при Президенте Российской Федерации по реабилитации жертв политических репрессий, которая является «консультативным органом при Президенте Российской Федерации, содействующим реализации главой государства его конституционных полномочий гаранта прав и свобод человека и гражданина при исполнении Закона Российской Федерации от 18 октября 1991 г. «О реабилитации жертв политических репрессий».

Основными задачами Комиссии являются:

а) создание условий для реализации Президентом Российской Федерации его конституционных полномочий гаранта прав и свобод человека и гражданина при исполнении Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий»;

б) изучение, анализ и оценка политических репрессий;

в) содействие координации деятельности федеральных органов исполнительной власти, касающейся реабилитации жертв политических репрессий;

г) оказание методической помощи комиссиям по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий в субъектах Российской Федерации;

д) информирование в установленном порядке общественности о масштабах и характере политических репрессий;

е) подготовка докладов Президенту Российской Федерации по вопросам, находящимся в ведении Комиссии.

Комиссия для осуществления своих задач имеет право:

а) запрашивать и получать в установленном порядке копии документов по вопросам реабилитации жертв политических репрессий от государственных органов;

б) привлекать для осуществления отдельных работ экспертов и специалистов, в том числе на договорной основе.

Комиссия формируется в составе председателя Комиссии, ответственного секретаря Комиссии и членов Комиссии. Председатель Комиссии назначается Президентом Российской Федерации.

Таким образом, процесс реабилитации репрессированных народов СССР длится уже более полувека, и результат не окончательный. Для завершения этого процесса необходимо принятие системы мер на государственном уровне для восстановления исторической справедливости.

Список литературы

1. Заседание Верховного Совета СССР. VI сессия. 5–12 февраля 1957 г. Стенографическим отчёт. – М., 1957. – С. 506.

2. Земсков, В. Н. Массовое освобождение спецпоселенцев и ссыльных (1954–1960) / В. Н. Земсков. – М., 1991.

3. Караджа-Искров Н. П. Новейшая эволюция административного права / Н. П. Караджа-Искров. – Иркутск, 1927. – С. 29–30.

4. Постановление Политбюро ЦК КПСС «Об образовании Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30–40-х и начала 50-х годов» от 28 сентября 1987 г. // Библиотека гуманитарной и технической литературы Telenir. – URL: http://www.telenir.net/istorija/zapretnaja_pravda_o_stalinskih_repressijah_deti_arbata_lgut/p11.php (дата обращения: 03.05.2021).

5. СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi (дата обращения: 03.05.2021).

Петрыкин Н. Н.[1]*,*
преподаватель кафедры обеспечения
безопасности на объектах транспорта
Белгородского юридического института
МВД России имени И.Д. Путилина

К ВОПРОСУ О ПРОФЕССИОНАЛЬНО-НРАВСТВЕННЫХ ОСНОВАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЖАНДАРМСКОЙ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ ПОЛИЦИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX вв.)

Стратегические задачи развития современного российского общества актуализируют необходимость формирования и развития идеологических координат. Президент Российской Федерации В.В. Путин подчеркнул важность укоренения «правды, справедливости и просто здравого смысла»[2] для морально-нравственного развития граждан и социально-экономического преображения государства, отметив, что «если для подрастающих поколений всё это станет естественной нравственной нормой, неотъемлемой частью, оплотом их взрослой жизни, мы действительно сможем решить историческую задачу – гарантировать развитие России как большой и успешной страны»[3].

Особая роль в укреплении и развитии нравственных основ российской государственности принадлежит правоохранительной системе. Поступая на службу в территориальные органы МВД России, сотрудники полиции в торжественной обстановке перед Государственным флагом Российской Федерации присягают на верность России и её народу, клянутся достойно исполнять свой служебный долг, мужественно и честно исполнять возложенные на них обязанности, не щадя при этом своих сил в борьбе с преступностью[4]. В этой связи изучение практики деятельности правоохранительных органов в ретроспективе имеет практическое и научное значение.

---

[1] © Петрыкин Н. Н., 2021.

[2] Выступление Президента России Владимира Путина // Всемирный русский народный собор. URL: https://vrns.ru/documents/30/5007 (дата обращения: 16.04.2021).

[3] Послание Президента Федеральному Собранию // Официальные сетевые ресурсы Президента России. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582 (дата обращения: 16.04.2021).

[4] Статья 28 Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 49, ст. 7020.

Оценка исторического опыта российских правоохранительных органов находится в центре внимания историков, правоведов, педагогов. Н. С. Нижник отмечает, что сегодня «история и эффективность полицейской деятельности стала обсуждаться заново и, пожалуй, более глубоко, чем в предшествующие десятилетия» [1, с. 54].

Одним из таких направлений стало изучение деятельности жандармской железнодорожной полиции Российской империи во второй половине XIX – начале XX в., занимавшей в правоохранительной системе Российской империи особое место [2]. Жандармская железнодорожная полиция создана Высочайшим повелением 16 марта 1867 г., с одновременным установлением порядка, «для руководства при назначении жандармского полицейского надзора на вновь строящихся линиях» [3, с. 3]. К жандармской полицейской службе на железных дорогах допускались офицеры и унтер-офицеры, хорошо зарекомендовавшие себя на военной службе, обладавшие совокупностью моральных качеств: профессиональной солидарностью, основанной на должном понимании долга и чести, обладавшие чувством ответственности перед обществом и государством. Их частные принципы вытекали не только из конкретных условий службы, которые, по мнению известного полицеиста Ивана Трофимовича Тарасова (1849–1929), возможно систематизировать в «сборники рецептов для практической деятельности», а как свидетельствует история, исходили из глубины личности как «нечто постоянное, твердо установившееся, принципиальное» [4, с. 4].

Этим оплотом нравственности для чинов жандармских полицейских подразделений железных дорог как представителей русского общества стала православная вера, питавшая, по выражению А.И. Солженицына, «сквозь века <...> наше духовное своеобычае» [5, с. 156]. Требования для приема в Отдельный корпус жандармов имели особые ограничения. На основе Правил приема офицеров в Отдельный корпус жандармов, утвержденных 26 августа 1894 г. на службу не допускались «лица польского происхождения, католического вероисповедания или женатые на католичках, а также евреи, хотя бы и крещеные» [6, с. 3–5].

Православное вероисповедание для чинов жандармской железнодорожной полиции было обязательным. «Такие черты характера, как жертвенность, самоотверженность, соборность, открытость, щедрость, сострадательность, нестяжательность, толерантность, жажда справедливости, стремление к нравственной правде и др., – пишет А.И. Осипов, – во многом сформировались благодаря православию с его идеалами святости, благочестия и бескорыстного служения Богу, людям и Отечеству» [7, с. 237]. Учет фактора православного вероисповедания чинами жандармской полиции способствовал преодолению так называемого

«секулярного, – по выражению митрополита Илариона – усеченного взгляда на культуру, который – создает искаженное представление об истории и современном состоянии того мира, в котором мы живем» [8, с. 235].

Для понимания профессионально-нравственных основ деятельности жандармской железнодорожной полиции Российской империи важно осознать их идеологические координаты.

Чины жандармской железнодорожной полиции должны были быть крещены в православии, обязательно исполнение предписанных религиозных норм. Участие в православной Литургии регламентировалось ст. 22, 30 книги Свода военных постановлений 1869 г.[1], циркулярами Отдельного корпуса Жандармов, предписаниями начальников Жандармских полицейских управлений железных дорог[2] и т. д. Такая внешне-религиозная практика была присуща всем представителям жандармской железнодорожной полиции второй половины XIX – начала XX в., о чем свидетельствуют архивные материалы.

Значимые события в жизни общества и государства в жандармских полицейских подразделениях железных дорог отмечались особо. Рождение наследника Цесаревича Великого князя Алексея Николаевича Романа в Старо-Оскольском отделении Харьково-Царицынского ЖПУ ж.д. было отмечено устройством в самом отделении иконы Святителя Алексия митрополита Московского с лампадой при ней, а «день празднования Святой Церковью памяти Святителя Алексия 5 октября» был установлен как «праздник для названного отделения»[3]. Однако внешняя грань деятельности, свидетельствовавшая о благочестии, не всегда соответствующим образом сочеталась с внутренней мотивацией человека. Для более глубоких оценок правомерен анализ профессионально-нравственных аспектов прохождения службы чинами жандармских полицейских подразделений железных дорог, основанный на исторических источниках, применении исторических методов исследования.

Архивные материалы свидетельствуют о профессионализме, находчивости, высоких профессионально-нравственных качествах служащих жандармской железнодорожной полиции. Приказы по жандармским полицейским управлениям железных дорог содержат сведения о благодарностях. 27 января 1892 г. унтер-офицер Курско-Конотопского отделения Василий Березин спас жизнь железнодорожного кондуктора[4]. За «правильное понимание служебного долга» унтер-офицер Иван Крыломак отмечен благодарностью, за то, что не взял

[1] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 110. Оп. 22. Д. 481. Л. 17.
[2] ГАРФ. Ф. 110. Оп. 22. 135. Л. 8 об.
[3] ГАРФ. Ф. 110. Оп. 6. Д. 486. Л. 44.
[4] Там же. Оп. 22. Д. 238. Л. 63.

предлагаемые ему крестьянином деньги в виде подкупа[1]. В специфических условиях несения службы, когда 1 унтер-офицер действовал на 20 верст пути, проявление неприятия к коррупционному поведению, высокие профессионально-нравственные качества приобретали особое значение. Но, несмотря на строгий отбор кадров для прохождения службы, были известны факты предательства интересов службы и долга, примеры недостойного и беспринципного поведения. Унтер-офицер Бобровского отделения Кошелкин, по свидетельству непосредственных начальников, «крайне ограниченного умственного развития», прослужив более года в Корпусе жандармов, «высказал полнейшую неспособность к жандармско-полицейской службе... стал позволять себе появляться на станции в нетрезвом виде», в результате чего был уволен[2]. По несоответствию от службы был отстранен унтер-офицер ст. Купянск-Узловой Харьково-Царицинского ЖПУ ж.д. Бондаренко с последующим привлечением к уголовной ответственности за то, что «будучи приглашен... для присутствия при перевешивании проходящего груза с поврежденной упаковкой, по уговору с весовщиками Дьяковым и Минко... тайно похитил из подлежавшего перевески тюка три самовара»[3]. 25 мая 1914 г. унтер-офицер Острогожского отделения Харьковского ЖПУ ж.д. Куприш, в своей квартире застрелился из казенного револьвера[4].

Приведенные примеры и подобные им позволяют сделать вывод: чем сложнее внешние условия, чем развращеннее среда, в которой действовали представители жандармской железнодорожной полиции, тем ценнее их опыт в контексте изучения профессионально-нравственных основ их деятельности.

Особого внимания заслуживает личность начальника Ростовского отделения Владикавказского жандармского полицейского управления железных дорог Иванова Ильи Васильевича. В условиях революционных потрясений 1905 г. он не стал вслед за коллегами брать «отпуск заграницу», не пожелал сказаться больным, а на предложение хотя бы выехать из города отвечал: «Если все сбегут, кто же будет защищать Родину?» Выбрав свой путь, он в июле 1905 г. остался едва ли не один из самых старших начальников правоохранительных органов в городе. 15 июля 1905 г. на железнодорожном вокзале с вверенным ему 8 жандармскими унтер-офицерами подавил восстание пьяной молодежи численностью 300–400 чел., громившими пассажирский поезд, стоявший на станции. Не допустив блокирование станции, взятие телеграфного и телефонного отделения, он

[1] Там же. Д. 198. Л. 48 об.
[2] Там же. Оп. 6. Д. 664. Л. 12, 12 об.
[3] Там же. Л. 5, 5 об.
[4] Там же. Оп. 2. Д. 18544. Л. 2.

вызвал на себя ненависть революционно-настроенных боевиков. Со следующего дня стал получать письма о вынесенном в отношении его смертном приговоре, однако продолжал охранять вокзал, в то время как иные были «в отпуску, в болезни и в отсутствии». Он был убит 7 августа 1905 г. По свидетельствам современников убитый подполковник Илья Иванов был истинным сыном православной Церкви, глубоко верующим христианином, знакомые и сослуживцы называли его «архиереем» [9, с. 29–35].

Приведенные примеры – профессионально-нравственный ориентир для действующих сотрудников полиции, а также тех, кто собирается посвятить свою жизнь служению Отечеству.

История деятельности жандармской железнодорожной полиции, состоявшей из лучших представителей армейской среды, однако не лишенная и недостатков, содержит богатейший материал о профессионально-нравственном становлении представителей правоохранительной сферы XIX – начала XX в., которая востребована и сегодня. Богатый фактический материал свидетельствует не только о внешних идеологических рамках ведомства, укоренившихся в православии, но и о внутреннем, содержательном наполнении этих форм ценностными аспектами, основанными на свободном, личном выборе, проявлявшимся в повседневной службе.

К 300-летию российской полиции в 2018 г. в свет вышла хрестоматия, подготовленная сотрудниками кафедры истории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя. Во вступительном слове к изданию министр внутренних дел Российской Федерации генерал полиции В. А. Колокольцев выразил уверенность, что «необходимым условием сохранения суверенитета и успешного развития нашей страны является опора на национальные традиции, культуру, многовековой опыт развития отечественной государственности» [10, с. 3]. В этой связи важнейшей научной и практической задачей является должная организация деятельности, в том числе и научной, чтобы «славная трехвековая история российской полиции была еще более мощным фундаментом для патриотического, профессионального и нравственного воспитания сотрудников органов внутренних дел, возрождения, сохранения и умножения их лучших традиций служения Отечеству» [11, с. 7].

Учитывая, что частью 2 ст. 67.1 Конституции Российской Федерации закреплено, что Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняет память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, изучение опыта деятельности жандармских полицейских подразделений железных дорог в свете

реализации ими при исполнении служебных обязанностей идеалов православия, на наш взгляд, является актуальной задачей.

Профессионально-нравственные основы деятельности жандармской железнодорожной полиции Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. могут стать предметом междисциплинарных исследований не только по таким научным специальностям как 07.00.02 – Отечественная история, 19.00.07 – Педагогическая психология, но и для вновь введенной научной специальности 26.00.01 – Теология, с целью теологического объяснения хода исторического процесса. Подобные исследования дают яркие примеры для воспитания сотрудников современных территориальных органов МВД России на транспорте, послужить основой их профессионально-нравственной готовности, устойчивости в сложных обстоятельствах служебной деятельности, способствовать формированию их мотивационно-волевому наполнению к решению задач в особый период истории России.

Список литературы

1. Нижник, Н. С. Теоретическое наследие Э. Н. Берендтса – вклад в развитие российской полицейско-правовой теории / Н. С. Нижник, С. А. Никифорова // Вестник Санкт- Петербургского университета МВД России. – 2019. – № 2 (82). – С. 53–70.

2. Рыжова, Ю.В. Жандармские полицейские управления железных дорог в системе обеспечения транспортной безопасности Российской империи / Ю. В. Рыжова. – М. : Проспект, 2020.

3. Тимофеев, Л. А. Справочная книга для чинов Жандармских Полицейских Управлений железных дорог : По жандармско-полицейской части : Общие обязанности жандармской железнодорожной полиции / Л. А. Тимофеев. – СПб. : Тип. Шт. Отд. корп. жандармов, 1908.

4. Тарасов, И. Т. Очерк науки полицейского права / И. Т. Тарасов. – М. : Печатня О. П. Яковлева, 1897.

5. Солженицын, А. И. Россия в обвале / А. И. Солженицын. – М. : Русский путь, 1998.

6. Козьмин, К. Правила для приема офицеров в отдельный корпус жандармов / К. Козьмин. – Казань : Типография П.И. Кидалинского, 1899.

7. Осипов, А. И. Роль православия в духовно-нравственном возрождении России и Беларуссии / А. И. Осипов // Проблемы управления (Минск). – 2008. – № 4. – С. 237–238.

8. Иларион митрополит Волоколамский (Алфеев Г.В.). Теология в современном российском академическом пространстве // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. – 2016. – № 3. – С. 224–239.

9. Книга русской скорби. – СПб. : издание Русскаго нар. союза им. Михаила Архангела, 1908.

10. История правоохранительной системы России в документах: с древнейших времен до 1917 года (к 300-летию российской полиции): хрестоматия / под ред. В. Л. Кубышко. – Т. 1. (X в. – 1802 г.). – М., 2018.

11. Кубышко, В. Л. Три века служения российской полиции отечеству: психологические уроки и выводы (по итогам юбилейной международной научной конференции) / В. Л. Кубышко, В. М. Крук, А. Ф. Караваев // Психопедагогика в правоохранительных органах. – Т. 24. – 2019. – № 1 (76). – С. 5–13.

Плигин О. В.[1]*,*
курсант Нижегородской академии МВД России

Смирницкий А. Е.[2]*,*
доцент кафедры теории
и истории государства и права
Нижегородской академии МВД России,
кандидат исторических наук

Чернышев А. А.[3]*,*
курсант Нижегородской академии МВД России

ПРОБЛЕМЫ РАЗРАБОТКИ И ПРИНЯТИЯ КОНСТИТУЦИИ 1993 г. ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Разработка и принятие Конституции 1993 г. важные этапы формирования современной российской государственности. Опыт ее создания должен быть осмыслен в целях дальнейшего развития конституционного процесса в нашей стране. Цель данной работы – выявление особенностей принятия Конституции 1993 г., а также следующие задачи: изучить условия принятия новой конституции, проследить этапы борьбы за принятие новой Конституции Российской Федерации, рассмотреть особенности альтернативных проектов.

Принимая новую Конституцию, российские власти продолжали путь конституционного развития, который был выбран в 1918 г. Он заключался в принятии нового основного закона страны на каждом этапе общественного развития в отличие от США, где конституция, принятая в 1787 г., лишь дополняется поправками.

Важнейшей причиной принятия новой российской Конституции были кардинальные общественно-политические изменения, имевшиеся в начале 1990-х годов. Смена общественно-политической системы в России, приостановление деятельности КПСС и КП РСФСР после августовских событий 1991 г., подписание Беловежских соглашений в декабре 1991 г., развитие рыночных реформ поставили вопрос о принятии новой российской Конституции взамен Конституции

[1] © Плигин О. В., 2021.
[2] © Смирницкий А. Е., 2021.
[3] © Чернышев А. А., 2021.

РСФСР 1978 г., которая не только не отвечала сложившимся реалиям, но и несла в себе сильный заряд конфронтации. Последнее связано с тем, что после внесения в Конституцию РСФСР поправок относительно поста Президента в России появились два органа власти, обладавшие практически одинаковыми полномочиями: Верховный Совет Российской Федерации и Президент России. Такая ситуация не могла не вызвать конфликта между этими органами власти, что и произошло в сентябре – октябре 1993 г.

Борьба за властные полномочия усугубилась конфликтом политическим. Известный российский политолог 1990-х годов В. Янов образно назвал Россию 1990-х «веймарской Россией» [7, с. 1]. Политика «шоковой терапии», проводимая правительством Е. Т. Гайдара вызвала рост цен и массовое обнищание населения. Рост безработицы, массовые неплатежи зарплаты стали повседневностью россиян того времени. В этих условиях активизировались противники либеральных реформ. Из парламентских залов борьба перешла на улицы. 23 февраля 1992 г., 22 июня 1992 г., 1 мая 1993 г. между московским ОМОН и силами оппозиции произошли масштабные столкновения, причем жертвы были с обеих сторон. Б. Н. Ельцин форсирует разработку новой российской Конституции. Таким образом, и этот вопрос становится ареной битвы между властью и оппозицией.

В 1992 г. разработан проект конституции под руководством лидера Партии российского единства и согласия (ПРЕС) С. М. Шахрая, близкого к администрации Президента Российской Федерации. В разработке данного проекта приняли участие также А. А. Собчак, С. С. Алексеев, Ю. Х. Калмыков. Данный проект предусматривал предоставление Президенту почти ничем не ограниченных полномочий. В нем постулировались положения о равноправии всех форм собственности, защите и неприкосновенности частной собственности, что, по мнению авторов проекта является наилучшей гарантией соблюдения прав человека и гражданина.

Альтернативные проекты разрабатывались и в стане оппозиции. В 1992 г. проект конституции был разработан судьей Солнечногорского района Московской области, кандидатом юридических наук, членом ЦК РКРП (Российской коммунистической рабочей партии Ю. М. Слободкиным. Проект был опубликован в газете «Народная правда» [3]. В нем предусматривалось сохранение социалистического строя, плановой экономики и системы Советов, избираемых по производственно-территориальному принципу. По мнению Ю. М. Слободкина такая система выборов в Советы обеспечит высокую роль трудовых коллективов в управлении государством. Пост Президента в проекте конституции Ю. М. Слободкина не предусматривался, поскольку, по мнению автора проекта, наличие

такого поста создаст угрозу узурпации власти и создания в стране авторитарной диктатуры буржуазии.

Сразу же после опубликования проекта Ю. М. Слободкина в открытой печати РКРП и родственные ей организации начали активный сбор подписей в его поддержку. На улицах российских городов можно было видеть людей с красными флагами, собирающими подписи. Как правило вокруг них завязывались оживленные дискуссии. Сборщики подписей были напористы и энергичны.

Всего за проект Ю. М. Слободкина было собрано 1 млн 200 тыс. подписей.

Еще один альтернативный проект разработан КПРФ. 5 июня 1993 г. в газете «Правда» опубликован проект Конституции России, разработанный руководителями и идеологами КПРФ [4]. Это была попытка соединить социалистическую систему с рыночными реалиями постсоветской России.

20 мая 1993 г. Президент издает Указ № 718 «О созыве Конституционного совещания и завершении подготовки проекта Конституции Российской Федерации» [4]. Образовалось Конституционное совещание, задача которого – создать проект основного закона страны. По основным критериям он не отличался от проекта Конституционной комиссии. Принципиальное различие было только в одном – статус Президента Российской Федерации.

Как отмечал член ЦК КПРФ депутат Верховного Совета РСФСР в 1990–1993 гг. И. Братищев, «реальную разработку Конституции РФ осуществляла не избранная Съездом Конституционная Комиссия, а небольшая рабочая группа, тайно сформированная из депутатов и экспертов фракции «Демократическая Россия» (давним прототипом современной «Единой России»). Работали они в подмосковном Архангельском на полном государственном обеспечении. В их распоряжение было выделено 13 помещений, дача № 6 Совмина РСФСР, 800 тыс. руб. только на орг- и вычислительную технику, не говоря уже о многоразовом бесплатном питании и т. д.» [1].

5 июня 1993 г. состоялось Конституционное совещание, которое началось с доклада Б. Н. Ельцина «О проекте новой конституции», в котором тот заявил о невозможности реформирования Конституции РСФСР 1978 г., основанной на власти Советов и мешающей дальнейшему продвижению рыночных реформ в России. Из числа членов Конституционной комиссии – народных депутатов РФ участниками совещания оказалось человек двадцать (Хасбулатов, Амбарцумов, Румянцев, Степанков и др.). Когда председатель Верховного Совета РФ Р. И. Хасбулатов пытался выступить с ответной речью, не соглашаясь с позицией Президента РФ, то его не допустила к трибуне охрана Б. Н. Ельцина. Таким образом, конфликт между двумя властями обрел зримый характер. Произошел

уникальный случай в истории: главе одного из высших органов власти не дали слова. Когда ему все же удалось прорваться к трибуне, в зале поднялся невообразимый шум. Р. И. Хасбулатов и 150 чел. из 700 присутствовавших на совещании покинули его.

Во время ухода представителей оппозиции разразился еще один скандал, в полной мере характеризующий обстановку, в которой принималась современная российская Конституция. При попытке уйти с Конституционного совещания был схвачен охраной Б. Н. Ельцина депутат Верховного Совета и разработчик проекта конституции Ю. М. Слободкин.

«Естественно, я стал вырываться, крича при этом: "Как вы смеете, я – народный депутат…" Справиться им со мной было трудно, и процесс волочения застопорился. Но на помощь к ним прибежали ещё двое коржаковских парней, и вчетвером они меня подняли на руки и поволокли дальше. В зале воцарилась какая-то пугающая тишина. Видимо, даже ярые сторонники Ельцина испытывали нечто похожее на неловкость.

Из президиума раздался голос Б. Н. Ельцина: "Отпустите его и извинитесь". Охранники команду выполнили, правда, частично; извиняться они и не подумали. Я взял слетевший с правой ноги ботинок, непроизвольно поднял его над головой и, обращаясь к Б. Ельцину, произнес: "Вот ваша демократия, Борис Николаевич". В звенящей тишине зала слова эти прозвучали отчетливо и громко» [5].

21 сентября 1993 г. с принятием Указа Президента Российской Федерации от 21 сентября № 1400 «О проведении поэтапной конституционной реформы в Российской Федерации». Президент РФ ввел в действие Положение о федеральных органах государственной власти на переходный период, тем самым установил новую систему высших органов государственной власти. Решениями Верховного Совета РФ и Съезда народных депутатов РФ действия Президента РФ ризнаны государственным переворотом и Президент РФ Б. Н. Ельцин отрешен от должности. В возникшем политическом конфликте Б. Н. Ельцин использовал силовые структуры государства, которые блокировали здание Верховного Совета РФ. 4 октября 1993 г. он отдал приказ о вооруженном штурме здания Верховного Совета РФ. Расстрелом здания Верховного Совета РФ закончился этап разработки новой Конституции. Чтобы восстановить законность политической власти, Б. Н. Ельцин издает указы о проведении 12 декабря 1993 г. всенародного голосования по вопросу о принятии новой Конституции РФ и о проведении выборов в Федеральное Собрание РФ. Конституционное совещание доработало

проект Конституции РФ, который был вынесен и принят на всенародном референдуме 12 декабря 1993 г.

Таким образом, российская Конституция 1993 г. принята в обстановке острого гражданского противостояния. Ее отличительной особенностью является сильная власть Президента РФ. В связи с событиями 28 сентября – 4 октября 1993 г., в ходе которых на сторону Верховного Совета РФ перешел вице-президент А. В. Руцкой, пост вице-президента был упразднен. Тем самым возможности легитимной передачи власти главы государства существенно сузились. Вершиной пренебрежения к Основному закону страны стало высказывание спортсменки Е. Г. Исинбаевой, включенной в рабочую группу по разработке поправок к Конституции в 2020 г.: «Спасибо за включение в рабочую группу. Прочитала Конституцию, до этого как-то не было повода и необходимости. Я теперь понимаю, что это очень важная книга и читать ее нужно всем. Узнала очень много интересного» [2]. История свидетельствует, что только те конституции успешно действуют, которые были результатом компромисса между различными общественными силами.

Список литературы

1. Братищев, И. М. К вопросу о Конституции (Основном Законе) Российской Советской Федерации и поправках к ельцинской Конституции, «принятой» в декабре 1993 года / И. М. Братищев // РУСО. – URL: https://csruso.ru/oficialno/k-voprosu-o-konstitucii-osnovnom-zakone-rossijskoj-sovetskoj-federacii-i-poprav-kah-k-elcinskoj-konstitucii-prinjatoj-v-dekabre-1993-goda (дата обращения: 06.04.2021).

2. Исинбаева Е. О Конституции // Lenta.ru. – URL: https://lenta.ru/news/2020/02/14/explanation (дата обращения: 06.04.2021).

3. Народная правда. – 1992. – нояб.

4. Российская газета. – 1993. – 20 мая.

5. Слободкин, Ю. М. Двадцать лет фикции под названием «Конституция РФ» / Ю. М. Слободкин // Трудовая Россия. – 2013. – № 411.

6. РУСО: альтернативный проект Конституции. – URL: https://kprf.ru/ruso/193236.html (дата обращения: 06.04.2021).

7. Янов, А. Л. После Ельцина. «Веймарская» Россия / А. Л. Янов. – М. : «КРУК», 1995. – С. 1.

Полозова И. В.[1],
профессор кафедры философии
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор философских наук

КОНСЕРВАТИЗМ В ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ

В идеологическом пространстве России особое место занимает консерватизм – течение, направленное на защиту сложившихся форм социальной жизни, опору на традиции. Консерватизм возникает как реакция на распад и разрушение традиционных социальных связей, ответ на радикальные потрясения общества.

В современной исторической и политической литературе в значительной мере преодолен стереотип, согласно которому консерватизм рассматривался как реакционное учение, противостоящее реформированию общества и социальному прогрессу. Ему на смену пришло время взвешенных оценок по отношению к русскому консерватизму, предполагающих рассмотрение его в отношении к исторической традиции и ментальности русского народа. Можно сказать даже, что в последние десятилетия, напротив, происходит некоторая идеализация консерватизма. Видимо, именно консерватизм воплощает в себе лучшие черты подлинно национальной идеологии.

Консерватизм в значительной мере решил задачу выявления и артикуляции принципов, укорененных в религиозных, нравственных, политических традициях русского народа. Речь идет об исторических константах или своего рода архетипах, которые должны лежать в основе подлинно национальной идеологии. Только органичные, изначально присутствующие в народном миросозерцании идеи способны на то, чтобы определять жизнь народа и государства в долгой перспективе.

Специфическая черта консерватизма – *связь с традицией и универсальными ценностями: религией, государством, народом, семьей.* Политический консерватизм – одна из разновидностей консерватизма наряду с религиозным и бытовым.

В основе политической идеологии консерватизма, сформировавшейся в дореволюционной России, доминирующими идеями были верность православию, идея великодержавия, критика западной демократии, борьба с революционным движением.

---

[1] © Полозова И. В., 2021.

Одна из основных опор отечественного консервативного самосознания – русская история. В отличие от либерализма, апеллирующего ко всеобщему и универсальному, консерватизм отличается обостренным историческим чувством, вниманием к локальному и конкретному. Для консерватора прошлое представляет собой живую силу традиции, уничтожение связи с которой ведет за собой гибель народа. Не случайно поэтому деятели консервативного направления Н. М. Карамзин и С. Н. Глинка являются создателями обобщающих трудов по русской истории, представляющей собой опыт выживания народа в периоды тяжелых кризисов и обращение к славным воинским победам.

Консерваторы вовсе не предполагают использовать уже отжившие ценности и институты и тем самым повернуть общество вспять, в чем их иногда упрекают; консерваторы выступают за сохранение еще себя не изжившего традиционного уклада, имеющего потенциал для дальнейшего развития. Смысл консерватизма в том, чтобы, взяв на вооружение старые, испытанные формы жизни, предотвратить резкие, радикальные изменения в обществе, скрывающие в себе угрозу негативных последствий.

Консерватизм как тип мышления предполагает отказ от любых форм экстремизма, противостоит и крайней правой, и крайне левой революционной идеологиям. Консерватизм отличает взвешенный подход к любой проблеме, стремление найти компромисс между появляющимся новым и сложившимся, традиционно устоявшимся. Одно из наиболее серьезных претензий в адрес консерватизма – неспособность ответа на модернизационный вызов и сыграть роль стабилизатора в российской политике в кризисные периоды истории.

Рассмотрение консерватизма как идеологии может происходить в исторической перспективе, во времени.

Так, одним из первых проявлений русского консерватизма был Церковный раскол XVII в., возникший как антизападная реакция на реформу Церкви. Развитие русского консерватизма связано с реакцией на петровские преобразования, например, в сочинениях М.М. Щербатова, резко критикующего негативные явления в российской действительности как результат европеизации России.

Дальнейшее развитие и расцвет идеологии русского консерватизма приходится на XIX в. Образец умеренного консерватизма, сформировавшегося под влиянием идей Просвещения, представляет собой деятельность Н. М. Карамзина, обосновавшего ведущую роль монархии в становлении России. Последовательными консерваторами, ревнителями русской старины были А. С.Шишков, Ф. В. Ростопчин, С. С. Уваров.

Следующий этап русского консерватизма связан со славянофильством (А. С. Хомяков, И. В. и П. В. Киреевские, К. С. и И. С. Аксаковы, Ю. Ф. Самарин, А. И. Кошелев), панславизмом и почвенничеством. Представители данных течений разделяли мнение об особом пути России, о мессианской роли русского народа, его монархических и православных предпочтениях, поставили важный вопрос об аутентичной основе русской истории и культуры, об архетипах русского политического сознания. Идейный наследник славянофилов Н. Я. Данилевский пытался обосновать самобытность русской культуры на основе созданной им теории культурно-исторических типов.

После большевистской революции русский консерватизм перемещается в зарубежье, где существует в виде модернизированных форм монархизма (И. А. Ильин, И. Л. Солоневич). Модернизированным проектом русского консерватизма, возникшего в эмиграции, является евразийство. В постсоветский период консерватизм возрождается как идеология, связывающая достойное будущее России с возрождением ее как государства – преемника Российской Империи.

В настоящее время благодаря трудам некоторых философов и историков (В. М. Камнев, Ю. В. Пущаев) стало возможно говорить о советском консерватизме [1, 2]. С одной стороны, понятие «советский консерватизм» заключает в себе внутреннее противоречие, так как идеология, на которой основывался советский строй, была радикальной и революционной. С другой стороны, в силу того что советский строй за несколько десятилетий стал основой существования государства, его разрушение не могло не привести к тяжелым последствиям для общества. В конце 80-х умеренный советский консерватизм означал нежелание резкого слома социального порядка, сложившегося уклада жизни перед угрозой его тотального обрушения и социальной катастрофы.

Другой способ рассмотрения консерватизма – обозначение его места в идеологическом пространстве. Место консерватизма в отечественном политическом пространстве центральное не только по отношению к крайне левой и крайне правой радикальным идеологиям. В отличие от идеологического пространства Западной Европы, где на центральное место претендуют либерализм, идеология свободного индивида, в российском идеологическом пространстве ведущее место принадлежит консерватизму, отстаивающему и защищающему традиционные ценности.

Консерватизм не однородное течением, и чтобы точнее определить его место в идеологической системе, нужно дать классификацию различных типов консерватизма. Так, например, выражением консервативной программы в значительной

степени является *фундаментальный консерватизм (традиционализм)* – представляющий собой отвержение современности во имя традиции и отличающийся ощущением упадка, падения, деградации современного мира. Критерием состоятельности того или иного социального, религиозного, политического института, в глазах консерваторов данного типа, является его древность. Традиционализм представляет собой полную противоположность либерально-просвещенческой веры в прогресс и осознанную установку на неприятие новизны, модернизации, идеи прогресса.

В отличие от традиционализма, который в современной политической жизни представлен в незначительной степени, на центральное место в российском политическом пространстве может претендовать *либеральный консерватизм*. Это связано, с одной стороны, с тем, что в политической жизни современного мира именно либерализм является господствующей идеологией, и все остальные идейные позиции так или иначе вынуждены подстраиваться под его стандарты. С другой стороны, это связано с неумолимостью социального развития. Либеральный консерватизм в целом разделяет основные идеологические предпосылки эпохи Просвещения, но противостоит наиболее деструктивным и разрушительным тенденциям современности. Для либерального консерватизма модернизация общества приемлема, но новизна не самоцель, по отношению к сложившимся социальным институтам действует принцип «не навреди». Либеральный консерватизм делает ставку на умеренные реформы и отличается неприятием идеи социальной революции, которая рассматривается как безусловное зло, ибо приводит к установлению еще более несправедливого социального порядка, чем тот, который был разрушен.

Особое место в силу исторических причин в российском идеологическом пространстве занимает социал-консерватизм, представляющий собой синтез традиционализма с социализмом, социал-утопизмом. Важнейшей ценностью и социальным ориентиром здесь выступает справедливость, но понимаемая не абстрактно, а как реализация мечты конкретного народа, как национальная и уникальная идея. Консерваторы данного толка выступают против интернационализма, космополитизма, глобализма, культурного универсализма.

Базовые ценности консерватизма, например *духовность*, представляющая собой опору на нравственность и православные традиции, *государственность,* подразумевающую сильную власть, обеспечивающую безопасность граждан и принимающую на себя полную ответственность за их достойное существование, *народность,* заключающаяся в утверждении национальной самобытности, остались основными в системе приоритетов россиян. Проблема в том, чтобы

ценности консерватизма не оставались лишь декларативными, необходимо их содержательное наполнение. Некоторые исследователи возлагают на идеологию консерватизма также миссию продуктивного реванша, состоящую в реактуализации традиционных ценностей в современной цивилизации.

Список литературы

1. Камнев, В. М. Советский консерватизм как историософская проблема / В. М. Камнев // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2009. – Т. 2. – № 3–1. – С. 172–182.

2. Пущаев, Ю. В. К вопросу о советском консерватизме / Ю. В. Пущаев // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 3: Философия. Реферативный журнал. – 2020. – № 4. – С. 6–26.

Порватова Л. В.[1],
старший преподаватель кафедры
истории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОХРАНЫ ЦЕРКОВНОГО НАСЛЕДИЯ

Россия – страна с богатой и разнообразной культурой, неотъемлемая часть мировой культуры с уникальной и многовековой историей. По-прежнему актуален вопрос сохранения памятников великой культуры нашей страны, неотъемлемой частью которой является церковное наследие.

Одна из главных тем по охране российской культуры – сохранение и реставрация церковных памятников, в число которых входят храмы и их внутреннее убранство, архитектурные сооружения, устное творчество, иконы и фрески. Эта тема обсуждаема членами министерства и отделов культуры, представителями церковнослужителей.

Данный вопрос особенно остро встал в контексте государственно-церковных взаимоотношений после событий революции 1917 г. 23 января 1917 г. был составлен декрет Совета народных комиссаров «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Данный документ был основой всего религиозного законодательства в стране и являлся фундаментом ограничений прав церкви. Несмотря на это, правительство считало актуальным вопрос сохранения православной культуры, и уже с 1918 г. принимаются законы «О ценностях, находящихся в церквях и монастырях», «О регистрации, приеме на учет и охранении памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений», «Инструкция по хранению и передаче религиозного имущества», «О запрещении вывоза и продажи за границу предметов особого художественного и исторического значения» [1, с. 33]. Данная нормативная база делила церковные памятники на несколько категорий и позволяла осуществлять учет и тем самым сохранять исторические здания и другие культурные ценности.

Научная общественность тех времен оказала содействие в создании музеев, которые находились при церковно-археологических обществах и комитетах и были основой сохранения религиозного наследия нашей страны. Трагические события 1941–1945 гг. оказали огромное разрушительное воздействие на

[1] © Порватова Л. В., 2021.

проделанную работу: значительные утраты понесли музейные фонды. Сразу же после войны продолжилась активная работа по восстановлению и созданию новых учреждений, позволяющих сохранить церковную культур, создавать единую музейную сеть.

Вопреки всем событиям, связанными с отношениями государства и Церкви в период Советского Союза, на базе РПЦ организован Церковно-археологический кабинет при Московской Духовной академии. Данный кабинет стал первым музеем Русской православной церкви. На самом деле он появился еще до создания СССР, но во время революции был разграблен [2]. Правительство, понимая важность сохранения культурного наследия, решает поддержать инициативу возрождения данного музея. Во времена Советского Союза создавались музейные учреждения и в других городах, например кабинеты в городе Одессе, в Пюхтицах, в Москве, в республике Карелия. К концу существования СССР музейный фонд составлял пять таких учреждений.

Далее происходят благотворные для церкви перемены. В 1990-е годы открываются новые храмы, признается просветительская и социальная значимость РПЦ, начинается активное взаимодействие с епархиальными структурами, обсуждаются вопросы содействия государства в развитии Русской Православной церкви и проектирование создания первого музея, который будет состоять не только на базе РПЦ, но и государства. «Донской монастырь» должен был стать первым в России государственно-церковным музеем. Фонд музея, по проекту, становился федеральной собственностью. Данная идея так и не была реализована.

Государство не оказывает сопротивления развития Русской Православной церкви, в связи с этим увеличивается количество граждан, приходящих в храмы. Помимо богослужений церковные служители занимаются просветительской деятельностью, что выгодно для развития страны. В сохранении церковного наследия большую роль сыграли лица с высшим образованием, неравнодушные к своей истории. Они содействуют в становлении и развитии новых музеев. Важными событиями становятся открытие Верхотурского Никольского мужского монастыря, создание церковных музеев в различных городах России, которые ждали в своих стенах рядовых граждан, которые видели в посещении таких учреждений просветительскую деятельность. В этот же период создается первые в стране мемориальные церковные музеи. Донской монастырь наконец создает на своей базе мемориальную келью, доступную для всех посетителей. Это объясняется тем, что священнослужители видели своим долгом сохранить память о выдающихся церковных личностях прошлого.

Сейчас вопросом о сохранении церковного наследия занимаются и священнослужители, и общественные деятели, и государство в целом. Существует Экспертный совет по церковному искусству, архитектуре и реставрации, которому поставлены определенные задачи по сохранению памятников церковной архитектуры и искусства. Актуальным вопросом остается качество реставрационных работ. На совещаниях РПЦ отмечается, что общественность активно высказывается по поводу некачественной реставрации религиозных памятников. Объясняется это тем, что архиереи без совета с профессионалами принимаю решения по восстановлению архитектуры и икон, что иногда негативно отражается на качестве проделанной работы. Председатель Экспертного совета говорил о том, что Церковь должна повышать свой статус в глазах общества и государства. Было принято, что для реставрационных работ архиереи должны организовывать в своих епархиях специальные органы, которые будут контролировать проведение реставрационных работ по сохранению церковного наследия.

На сегодняшний день Экспертный совет по церковному искусству, архитектуре и реставрации имеет четко поставленные направления для работы. Так, остается актуальным вопрос взаимодействия Совета с различными епархиальными организациями для контроля их деятельности. Важным мероприятием по сохранению церковного наследия является туристическая и паломническая деятельность, которые могут стать основой для взаимодействия Совета с туристическими организациями. Совместная деятельность ученых и представителей церкви приведет к важным научным открытиям.

Таким образом, в современном обществе актуальные вопросы охраны церковного наследия не только дань памяти и уважения к культуре нашей сраны, но и перспектива взаимодействия Русской Православной церкви с различными организациями.

Размахов К. Е.[1]*,*
начальник кафедры государственных
и гражданско-правовых дисциплин
Московского областного филиала
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат исторических наук

МАНИПУЛИРОВАНИЕ СОЗНАНИЕМ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Любой здравомыслящий народ, как и всякий здравомыслящий человек, должен хранить историческую память о прошлом, утративший ее превращается манкурта, в не имеющее корней «перекати-поле», подчиняющееся любому ветру, в том числе и тому, который может загнать такую страну и такой народ в исторический тупик, из которого уже не будет выхода. Подобное уже не раз бывало в истории человечества.

В последние два десятилетия наша страна оказалась в состоянии небывалой ожесточенной борьбы за историческое наследие в рамках ведущейся против России информационной войны. Эта война началась не вчера и даже не два десятилетия назад, она длится уже не один век. Каждый раз, когда Россия заявляла право на защиту своих национальных интересов, на нее обрушивался ливень пропагандистских помоев.

В советский период нашей государственности тотальная идеологическая информационная война велась Западом с целью «расчеловечивания» «красного тоталитаризма» и «империи зла». «Холодная война», неотъемлемой частью которой война информационная, закончилась гибелью этой «империи зла». Однако в последние годы начавшаяся практически сразу после этого информационная война против России перешла в новую фазу – в фазу глобального информационного террора. И одним из главных орудий этого террора стала фальсификация истории.

Уже в первые постперестроечные годы целым рядом «историков» под предлогом развенчивания «застарелых мифов» и ликвидации «белых пятен» в нашей истории был организован массовый вброс в общественное сознание «новейших исторических открытий».

Исторические фальсификации – инструмент идеологической борьбы ориентированы на массовое историческое сознание, и преследуют цели

---

[1] © Размахов К. Е., 2021.

деморализации, пропаганды чуждой идеологии, в отношении России они направлены на ликвидацию сохранившегося после распада СССР у населявших его народов единства представления об историческом прошлом, на разобщение нашего народа и народов павшей советской державы. Основой такой идеологической борьбы является тиражирование и распространение в информационном пространстве искаженных исторических фактов и ложных исторических трактовок.

Феномен массового исторического сознания выражается в представлениях об историческом прошлом, формирующихся у человека в обществе и отвечающих как его индивидуально-психологическим потребностям, так и потребностям функционирования общества как целостной системы. Признак сформировавшегося массового исторического сознания – это представление об истории как о процессе, т. е. о влиянии исторического прошлого на актуальное состояние общества [5, с. 9].

Философ К. Ясперс утверждал: «Картина всемирной истории и осознание ситуации в настоящем определяют друг друга. Так же, как я вижу целостность прошлого, я познаю и настоящее. Чем более глубоких пластов я достигаю в прошлом, тем интенсивнее я участвую в ходе событий настоящего» [8, с. 276].

Целенаправленное воздействие на массовое историческое сознание меняет представления о мире, которое формирует мышление, а новое представление «картины мира» меняет поведение людей, ставит перед ними новые проблемы их будущего.

Не может вызывать сомнение существование взаимосвязи между массовым историческим сознанием и профессиональной историографией. Механизм взаимодействия научного исторического знания и массового сознания довольно сложен, что обусловлено трудностью индивидуально-психологических и ментальных процессов восприятия исторического прошлого.

К сожалению, современная историческая публицистика изобилует различного рода небрежными, непрофессиональными, субъективными трудами, околонаучными домыслами, так называемой паранаукой. Тиражированные в медийном пространстве ложные идеи прямо опасны, привлекая несведущих необычностью и яркостью, они могут стать существенной частью общественного сознания и причиной различного рода социальных, политических и иных деформаций. Фальсификация не всегда обязательно порождение чьего либо злого умысла. Псевдоисторическое мифотворчество, рассчитанное на пропаганду некоего особого величия, древности, исключительности, присуще, например, всем самоопределяющимся государствам постсоветского пространства. Оно

актуализируется в период децентрализации, будучи, по сути, проявлением буржуазного национализма. Такие «исторические изыскания» всегда находят благодарную аудиторию.

Ярким примером фальсификации, сознательной подделки в форме исторического труда являются широко рекламируемые (в частности на одном из телеканалов им был посвящен цикл передач) книги математика академика РАН А. Т. Фоменко и его коллег.

Идеи А. Т. Фоменко, обладающие всеми атрибутами наукообразия, ошеломляющи по сформулированным выводам. Автор опровергает современную хронологию всемирной истории и предлагает собственную.

Еще в 1998 г. по поручению президента РАН Ю. С. Осипова Бюро Отделения истории РАН 22 апреля на заседании рассмотрело так называемую «новую хронологию» российской и мировой истории, предлагаемую математиком академиком РАН А. Т. Фоменко и его коллегами. Примечательно резюме этого заседания, принятое в качестве решения Бюро. В нем было отмечено: «Согласно мнению авторитетных специалистов в области математики, астрономии, физики и химии, почерпнутые А. Т. Фоменко данные из этих наук не могут приниматься во внимание, так как научному знанию они отношения не имеют, а являются лишь спекулятивной их интерпретацией… Попытки академика А. Т. Фоменко представить в извращенном виде картину русской и всемирной истории являются вредными и опасными, так как сеют смуту в умах людей, подрывая систему исторического знания и образования… Вступать в прямую дискуссию с А. Т. Фоменко бессмысленно, поскольку она беспредметна. Кроме того, выступления против его хронологий воспринимаются порой как гонение на «передовую мысль» (Мифы и реальность в истории).

Тем не менее «новая хронология» за последние два десятилетия прибавила в числе своих сторонников и доказала свою состоятельность как коммерческий проект [2]. К сожалению, проводниками и популяризаторами таких псевдоисторических построений, могут, исходя из вполне добросовестных побуждений, становится более чем достойные представители российской интеллектуальной элиты (имеется в виду резонансная статья министра Евразийской экономической комиссии Сергея Глазьева, в которой бывший советник президента по экономическим вопросам предложил опираться на теорию А. Т. Фоменко в качестве научного подхода к формированию консолидирующей идеологии) [1].

Но наиболее опасно воздействие на массовое историческое сознание целенаправленного информационного террора, проводимого специалистами многочисленных Западных спецслужб и подконтрольными им медиа-структурами.

Основной объект таких информационных атак сегодня это история Второй мировой войны, цельи которых – ревизия ялтинских соглашений и передел геополитической картины послевоенного мира.

Большинство таких фальшивок восходят к «наработкам» пропагандистского аппарата Третьего рейха.

Если нацистские пропагандисты располагали ограниченными ресурсами распространения подрывной идеологии (например, заброска в среднеазиатские республики националистических брошюр через территорию Ирана), то современные диверсанты используют идеальный инструмент – социальные сети.

Так, организаторы протестных акций минувшего года в Белоруссии, руководствуясь инструкцией известного теоретика «цветных революций» Джина Шарпа («методы ненасильственных действий»), предписывающей применение протестной символики – вывешивание флагов, использование предметов символических цветов; ношение символов [7], взяли на вооружение бело-красно-белый флаг запятнанный коллаборационистами времен нацистской оккупации. Понятны мотивы лидеров белорусской оппозиции и их западных кураторов – избрана националистическая символика, подчеркивающая отсутствие культурно-исторической общности с Россией.

Вызывает недоумение готовность значительной массы белорусов, переживших в годы оккупации, ужасы нацистского геноцида, принять этот символ.

И здесь нужно задуматься над феноменом массового сознания и личности современного человека, формируемого средой эпохи «информационной цивилизации». Речь идет о так называемой цифровизации – охвата всех сфер человеческой жизни современными цифровыми технологиями. Одним из основных факторов формирования личности сегодня стали интернет-сообщества и социальные сети.

По данным крупных маркетинговых и медиакомпаний (Hootsuite, We Are Social, SimilarWeb, GlobalWebIndex и др.), сегодня в странах мира:

– всего людей в мире: 7 810 000 000 человек;

– число пользователей интернета (уникальных): 4 660 000 000 человек (60 % популяции);

– уникальных пользователей смартфонов: 5 200 000 000 человек (67 % популяции);

– активных уникальных пользователей соцсетей: 4 140 000 000 человек (53 % популяции);

– пользователей мобильного интернета в мире (сотовый + вайфай): 4 280 000 000 человек.

– время, которое люди проводят в интернете с телефона, в среднем в день: 3 часа 37 минут.

По количеству процента владельцев домашних компьютеров Россия занимает второе место в мире (78 %, первое место занимают США – 80 %), значительно и количество пользователей мобильного интернета (54,7 %) [6].

«Информационная цивилизация» породила совершенно новое по познавательным и личностно-эмоциональным качествам поколение.

В выступлении на четыреста семьдесят четвертом заседании Совета Федерации 12 февраля 2020 г. президента Высшей школы методологии, руководителя созданной в Сбербанке России лаборатории нейронаук и поведения человека Андрея Владимировича Курпатова на тему «Трансформация человека в цифровую эпоху» [4] были озвучены данные «Лаборатории Касперского» за 2019 г., свидетельствующие, что 85 % детей не представляют своей жизни без гаджета.

Все это, по словам А. В. Курпатова, приводит к состоянию, которое называется цифровым аутизмом и цифровым слабоумием.

Познавательная и личностно-эмоциональная сферы ребенка в цифровую эпоху формируются под воздействием доминантной формы подачи информации в сетях. Ребенок не получает элементарных навыков деятельности, он лишь воспринимает транслируемую информацию через экран смартфона или планшета.

Академик Российской академии образования А. А. Вербицкий приводит характеристику детей поколения Z или «цифрового поколения» (это поколение людей, родившихся в самом конце 1990-х – начале 2000-х годов). Он отмечает ряд особенностей представителей этого поколения, в том числе присущее ему «витание в фантазиях» (им с трудом удается отделить черты виртуальных героев от реальных; основная причина оторванности от реальности – навязчивая массовая культура). Почти всю информацию дети поколения Z получают из Сети, что придает им уверенности в своих взглядах, которые далеко не всегда правильны.

Ориентированная на западные идеологические установки интернет-среда оказывает разрушающее воздействие на несформировавшуюся личность [3, с. 69]. Она становится благоприятной почвой для манипуляторов протестными движениями.

Пагубное воздействие цифровизации сказывается не только на несформировавшуюся детскую психику, для взрослой личности постоянное потребление информации соцсетей также чревато деградацией. Речь идет о формировании так называемой «информационной псевдодебильности» [2].

А. В. Курпатов отмечает, что такое постоянное потребление информации «приводит к тому, что система, отвечающая за мышление в мозге, просто не

функционирует… И дальше мы удивляемся, когда говорим, что наши сотрудники, люди, с которыми мы имеем дело, не включают мозги и постоянно сидят в Instagram, Twitter и так далее, действуют стереотипно, не вникают в суть вопроса. Не надо этому удивляться, это новая тенденция, потому что их мыслящий мозг в этот момент спит» [4].

В «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» отмечается, что все большее влияние на характер международной обстановки оказывает усиливающееся противоборство в глобальном информационном пространстве, обусловленное стремлением некоторых стран использовать информационные и коммуникационные технологии для достижения своих геополитических целей, в том числе путем манипулирования общественным сознанием и фальсификации истории.

В условиях глобальной цифровизации противодействие манипулированию общественным сознанием и фальсификации истории возможно лишь путем выпуска качественного научно-популярного интернет-контента для массового потребителя. И конечно, повышением качества преподавания отечественной истории, продвижением патриотически ориентированной художественной литературы и кинопродукции.

Агитации и пропаганде можно противостоять только тем же оружием.

Список литературы

1. Глазьев, С. Духовность – категория экономическая / С. Глазьев // Военно-промышленный курьер. – URL: https://vpk-news.ru/articles/58661 (дата обращения: 15.02.2021).

2. Дедков, Н. И. Историческое сообщество и творцы сенсаций: вызов новейшего времени / Н. И. Дедков // Научное сообщество историков России: 20 лет перемен. – М. : АИРО-XXI, 2011. – С.281–230.

3. Камалиева, Р. Р. Информационная псевдодебильность в современном мире: причины возникновения и как этого избежать : сборник трудов молодых ученых УВО «Университет управления «ТИСБИ» / Р. Р. Камалиева, Ф. Ф. Сафиуллина. – Казань, 2019. – С. 173–178.

4. Коптева, В. К. Воздействие интернет-сообщества на формирование личности / В. К. Коптева // Коммуникология. Т. 2. – 2017. – № 3. – С. 69.

5. Курпатов, А. В. Трансформация человека в цифровую эпоху / А. В. Курпатов // Стенограмма четыреста семьдесят четвертого заседания Совета Федерации 12 февраля 2020 года. – URL: http://council.gov.ru/activity/meetings/113273/transcript/ (дата обращения: 15.02.2021).

6. Румянцева, М. Ф. Теория истории : учебное пособие / М. Ф. Румянцева. – М., 2002. – С. 9.

7. Статистика интернета в странах мира // Финснсы и статистика. – URL: http://www.bizhit.ru/index/polzovateli_interneta_v_mire/0-404 (дата обращения: 15.02.2021).

8. Шарп, Д. От диктатуры к демократии / Д. Шарп // Albert Einstein Institution. – URL: http://www.aeinstein.org/wp-content/uploads/2013/10/FDTD_Russian.pdf (дата обращения: 15.02.2021).

9. Ясперс, К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. – М., 1994. – С. 276.

Самарский А. Н.[1]*,*
доцент кафедры теории
и истории права и государства
Волгоградской академии МВД России,
кандидат педагогических наук

ПРАВОВЫЕ МЕТОДЫ ПРОТИВОСТОЯНИЯ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Фальсификация истории России является острой проблемой современного общества. Возникновение попыток исказить исторические события, факты государства происходят ещё со времен М. В. Ломоносова, но сейчас приобретает глобальный характер. Это обусловлено политическим и международным желанием противников превознести собственное государство, когда силовые методы не приносят желаемого результата, в ход идёт информационная война. Фальсификации происходят в основном для разжигания национальных, религиозных и политических конфликтов с целью передела собственности в мировом масштабе. Историческая основа России – ее военная история, именно она чаще всего подвергается искажению со стороны политической оппозиции. Выбор со стороны оппозиционеров и иных противников не случайно падает на военную историю государства, именно данная историческая ветвь – фактор, образующий формирование морально-патриотического и нравственного мировоззрения общества. Военная история помогает оценить современные события в политике через призму произошедших событий, а именно оценить соотношение сторон агрессора и жертвы и сделать выводы о значимости каждого исторического факта. Для недопущения фальсифицирующих фактов истории России на современном этапе государство разрабатывает с каждым годом всё более жесткие правовые методы воздействия.

Рассмотрим основные правовые методы противостояния фальсификации истории России на современном этапе и проанализируем их эффективность в нынешних условиях развития мирового сообщества.

Государственные органы заботятся о сохранении исторической памяти для формирования объективного мировоззрения не только со стороны граждан, но и со стороны иных держав. Фальсификаторы используют методы по искажению истории, что порождает ряд социальных и политических проблем. На

[1] © Самарский А. Н., 2021.

современном этапе большее влияние фальсификации направлено на искажение событий и фактов истории Второй мировой войны, а именно на значение СССР в ходе событий. Президент Российской Федерации лично пресекал попытки мирового сообщества оставлять без ответа попытки фальсификации истории Второй мировой войны. Например, Европарламент принял резолюцию, которая фактически ставит на одну доску и гитлеровскую Германию, и Советский Союз, намекая или впрямую говоря, что СССР несет ответственность за начало войны. Президент в одном из выступлений официально заявил, что органы государственной власти активно работают в сфере разработки совершенствования правовых методов противостояния фальсификации истории России, а также об ужесточении ответственности за действия порочащие честь и достоинство государства по средствам искажения исторической памяти.

Политика, действующая на современном этапе, характеризуется рядом контрфальсификационых методов политического и правового регулирования. Данное направление имеет три классификации: во-первых, это действия по предупреждению фальсификационных действий, во-вторых, это нейтрализация фальсификации и лиц её осуществляющих путем применения мер государственно-правового регулирования, и, в-третьих, это меры по пресечению любых искажающих историю России воздействий. Такая последовательность позволит привести преступные действия в сфере искажения истории к минимальной статистике [2].

В 2020 г. на общее голосование по реализации внесения поправок в Конституцию Российской Федерации была предложена поправка в ст. 67.1 о недопущении умаления подвигов защитников Отечества, что является политико-правовой мерой по предупреждению фальсификации истории России. В ходе голосования данная поправка в ч. 3 ст. 67.1 Конституции РФ [3] была поддержана большинством голосов граждан Российской Федерации и внесена в новую редакцию документа. В статье говорится о том, что Российская Федерация чтит память защитников и обеспечивает защиту исторической правды. Значимость внесенной поправки в правовую норму, обусловлена участившимися попытками со стороны оппозиционеров на фальсификацию исторической памяти России. Несмотря на правовую регламентацию важно не забывать о социальном восприятии истории России в первую очередь подрастающим поколением.

Для формирования мировоззрения необходимо совершенствовать не только правовые нормы, но и систему образования. Так, У. Черчилль отмечал, что политик ориентируется на следующие выборы, а государственный деятель на следующие поколения. Политическая и правовая деятельность нашего государства направлена именно на формирование морально-нравственных основ

исторической памяти России у подрастающего поколения, но при этом немаловажны совершенствование и реализация ответственности за действия, направленные на искажение истории России.

К методам правового регулирования в сфере нейтрализации фальсификационных действий относятся административная и уголовная ответственность за искажение событий и фактов исторической памяти России. Кодекс об административных правонарушениях в ст. 20.3 [1] предусматривает ответственность за пропаганду запрещенных федеральным законом атрибутик и символик. Прямого воздействия по нейтрализации фальсификационных действий в данной статье не прослеживается, но если проанализировать более детально её значение для истории России, то можно увидеть значение, которое данная правовая норма оказывает на фальсификаторов.

Из судебной практики можно выделить пример привлечения к административной ответственности по данной норме за публикацию фотографии в интернете. Например, жительница Смоленска опубликовала фото своего дома во время нацистской оккупации, где на заднем фоне видны солдаты Германии и флаг Третьего рейха, что является демонстрацией запрещенного федеральным законом атрибута. Стоит отметить, что значимость правовой нормы позволяет не только не допустить фальсификацию истории России, но и сформировать бережное отношение к исторической памяти у граждан Российской Федерации.

К более жестким мерам правового противостояния фальсификации истории России на современном этапе относится норма, закрепленная в ст. 354.1 УК РФ [4]. Она несет в себе санкцию за реабилитацию нацизма, но данное понятие предусматривает, отрицание фактов, установленных судом в годы окончания войны, так и иные действия по искажению фактов исторической памяти, осквернение мест воинской славы. Правовая норма позволяет не только оказывать юридическое воздействие на фальсификаторов путем уголовной ответственности, но и несет в себе характер противостояния действиям по фальсификации истории России. Так, исходя, из судебной практики по ст. 354.1 УК РФ можно выделить еще один пример. Он заключается в привлечении к уголовной ответственности за реабилитацию нацизма, на жителя города Магадан было заведено уголовное дело по части 1 ст. 354.1 за публикацию в социальной сети «Одноклассники» поста с негативными высказываниями в адрес военных советских руководителей времен войны. По данной статье гражданину грозит до трех лет лишения свободы, либо штраф в размере 300 тыс. руб. Данная правовая норма является высшей среди остальных и рассматривается как санкция за наиболее тяжкие преступления по фальсификации истории России на современном этапе.

Итак, правовые методы противостояния фальсификации истории России на современном этапе имеют большое значение для формирования мировоззрения граждан государства, а также сохранения исторической памяти. Каждый из методов правового регулирования имеет эффективное воздействие на фальсификаторов. Построение санкции происходит от менее к более жесткой, начиная от общегосударственных основ и заканчивая уголовной ответственностью за тяжкие преступления по фальсификации истории России.

Список литературы

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 24.02.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 07.03.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 1 (ч. I), ст. 1.

2. Коннов, И. А. Противодействие фальсификации фактов истории России как цель обеспечения национальной безопасности в области образования / И. А. Коннов // Теории и проблемы политических исследований. – 2019. – № 4 А. – С. 55–62.

3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одоб. в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. – 2020. – № 144. – 4 июля.

4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.02.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25, ст. 2954.

Слесарева А. М.[1],
курсант 1 курса факультета
подготовки сотрудников полиции
для подразделений по охране общественного порядка
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Абдрахманов А. И.,
доцент кафедры истории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ПРОБЛЕМА ДОЛЖНОСТНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ КОРЫСТНОГО ХАРАКТЕРА В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ РОССИИ (1917–1921 гг.)

Период 1917–1921 гг. – один из трагических в истории России. Советская власть направила все ресурсы на поддержание общественного порядка и восстановления повсеместно разрушающегося уклада жизни. Однако и в столь трагической ситуации нашлись люди, не упустившие возможность использовать переживаемые страной трудности в своих корыстных целях. В частности, представители местных органов власти чаще совершали должностные преступления: утаивали свои доходы и расходы, «присваивали» мелкие предприятия, т. е., по сути, втягивались в коррупционную деятельность. В случае отказа в их вымогательствах означенные функционеры угрожали своим жертвам закрытием производства, личной расправой, применением санкций.

Власть Советской России на протяжении долгого времени официально не признавала коррупцию, как явление, возникшее прежде всего в системе государственной службы, а также и иных (хозяйственных, общественных и др.) должностных полномочий. Термин «коррупция» в официальных документах того времени не значался, так как предполагалось, что взяточничество, должно было умереть вместе со «старым» строем. На практике использовались словосочетания, «обюрокрачивание», «обуржуазивание», «злоупотребление служебным положением», «превышение должностных полномочий», «должностные преступления» и др.

[1] © Слесарева А. М., 2021.

Обращаясь к оценке масштаба явления, отметим, что «До настоящего момента сколько-нибудь полная статистика должностных преступлений как таковых, не говоря уже о «корыстной» их части, в эпоху становления советского государственного аппарата отсутствует» [2, с. 31]. Это состояние объясняется рядом объективных причин. Прежде всего, «здесь сказалась невозможность ведения, как бы то ни было, налаженного учета фактов проявления коррупции в условиях масштабных социальных потрясений. Усугубило проблему отсутствия данных и свойственное революционно-романтическому периоду пренебрежение большевиков техникой государственного управления, усугубленное нехваткой минимально необходимых материальных ресурсов, нередко выливающиеся в отсутствие элементарно отлаженного делопроизводства» [2].

Тем не менее до нашего времени дошла масса свидетельств, недвусмысленно подтверждающих, что проблему коррупции в советский период, и на каком-либо ином историческом этапе, не стоит недооценивать. Ныне доступные свидетельства разрознены по множеству источников, тем не менее они более чем убедительны. Сбор, систематизация и осмысление имеющегося материала по освещаемой теме – перспективная исследовательская задача.

В революционных реалиях первых лет Советской власти, должностные преступники не только проявлялись в удручающем множестве, но и порой нарушали закон годами. В силу ряда причин они чувствовали себя безнаказанными либо изыскивали возможность избегать ответственности. Не в последнюю очередь ощущение безнаказанности возникало из-за отсутствия должного надзора со стороны контролирующих органов. Однако имелись, присутствовали и другие основания: проблемы в системе распределения, особый авторитет и статус революционных деятелей, молчание пострадавших от коррупционных посягательств граждан.

При обращении к проблеме исторических примеров коррупции необходимо учитывать, что должностная преступность носит более латентный характер, нежели остальные виды противоправной деятельности. Это обуславловлено рядом причин. Ю. С. Пестерева в статье «К вопросу о понятии «должностная преступность» выделяет три основные причины высокой степени латентности нарушений. Автор формулирует свою позицию относительно современности, но можно считать ее отчасти применимой и к историческому прошлому: «Во-первых, в обществе наблюдается высокий уровень недоверия граждан к правоохранительным органам. Во-вторых, сотрудники правоохранительных органов умышленно нарушают учетно-регистрационную дисциплину и укрывают должностные преступления от учета. В-третьих, большинство должностных преступлений носят согласительный (договорной) характер» [3]. Как видим, в приведенной цитате природа коррупции выводится прежде всего из «несовершенства»

правоохранительной системы. Это довольно распространенный в последние десятилетия подход, ведь исторические примеры свидетельствуют о более глубокой и сложной природе чиновничьего корыстолюбия, нежели недостаточная эффективность милиции (полиции).

Приведем следующий эпизод. В художественно-документальной повести «Жажда справедливости» Щеглова Ю. М. описан яркий пример представителя Советской власти, который долгое время злоупотреблял своими должностными полномочиями. Председатель волостного исполкома «Саранча» Егоров, получивший прозвище за свои противоправные деяния, обирал и без того бедствующих сограждан. У лиц, вынужденных обращаться к упомянутому председателю исполкома, вымогали взятки деньгами, и всем, на что уполномоченный корыстолюбец мог наложить руку (вещи, плоды и ягоды, иные продукты питания).

Возмущенные беззастенчивыми поборами селяне неоднократно выражали свое возмущение, но корыстолюбивому председателю довольно долго удавалось вывернуться из-под ответственности. Однако деятельность упомянутого Егорова всё же была пресечена. Сигналом послужила жалоба, написанная крестьянином Фаддеем Смирновым, который не побоялся расправы со стороны Егорова, решив покончить с его безнаказанными деяниями. Оскорбленный противоправным и необоснованно завышенным штрафом Смирнов подал прошение в комиссариат внутренних дел, представители которого, в отличие от остальных инстанций, отреагировали незамедлительно. Причем решительность реакции определялась не только возмутительностью выявившихся злоупотреблений, но и их возможными последствиями: «Если в волость залетит мятежная искра – поминай как звали! Беды не миновать, вспыхнет восстание, и хлестнет кровь ручьем. Почву Саранча Егоров своими действиями жирно удобрил» [4, с. 69].

К сожалению, приведенный пример далеко не единственный. Весьма характерно содержание рапорта инспектора НКВД А. Лациса, осенью 1918 г. расследующего обстоятельства нескольких ограблений в Москве. Как было установлено, один из задержанных участников грабежа оказался сотрудником советского учреждения Центротекстиль». «Хуже того, задержанный утверждал, что грабёж он осуществлял не только с ведома, но и по поручению руководства означенной организации. В качестве вознаграждения за осуществлённое преступление его участникам предоставлялись должности, отпуска, премии и возможность бесконтрольно присвоить часть награбленного. Проведя проверку показаний, А. И. Лацис убедился, что задержанный говорит правду, а ряд высокопоставленных руководителей, в частности, легендарный начальник Центророзыска К. Г. Розенталь «в курсе» вскрывшейся неприглядной ситуации» [1]. В рапорте инспектора НКВД упоминаются коррупционные обстоятельства относительно Л. Д. Троцкого и Ф. Э. Дзержинского.

Наряду с видными политическими фигурами в те времена отмечалось удручающее количество персонажей «местного уровня», подобных вышеупомянутому Саранче Егорову. Однако граждане, борющиеся за справедливость, а также сотрудники органов охраны общественного порядка всеми способами пытались пресечь их противоправную деятельность.

Советской власти довольно скоро пришлось начинать борьбу с корыстолюбием должностных лиц (в терминах того времени – взяточничеством) и всеми его проявлениями. По этой причине принимается Декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР от 08 мая 1918 г. «О взяточничестве». В данном документе четко прописаны и закреплены положения относительно равной уголовной ответственности всех участников коррупционных отношений. Так, равному наказанию с лицами, состоящими на государственной или общественной службе в РСФСР, виновными в принятии взятки, подвергались все субъекты данных отношений. Принятие соответствующего декрета свидетельствует, что уже в первые годы Советской власти большевистское руководство осознавало опасность коррупционного разложения государственного аппарата.

Уже в первые годы существования Советской России даже при радикальной смене государственного устройства, утверждении нетерпимой к корыстной мотивации идеологии, предпосылки для коррупции способны скоро проявиться в обновляемой социально-политической системе. Таким образом, для искоренения должностного корыстолюбия явно недостаточно только милицейского (полицейского) противодействия. Необходим более широкий комплекс мер, основанный, в том числе, и на осмыслении накапливаемого исторического опыта.

Список литературы

1. Абдрахманов, А. И. Грабежами руководит великолепно поставленная организация / А. И. Абдрахманов // Служу закону. – 2018. – № 10 (62). – С. 8–9.

2. Абдрахманов А. И. О проблеме коррупции в практике чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности / А. И. Абдрахманов // Государственная власть и местное самоуправление. – 2009. – № 6. – С. 31.

3. Пестерева, Ю. С. К вопросу о понятии «Должностная преступность» / Ю. С. Пестерева // Вестник Омского юридического института. – 2011. – №3 (16).

4. Щеглов, Ю. М. Жажда Справедливости. Историческое повествование / Ю. М. Щеглов // Юность. – 1987. – № 11. – С. 69.

Смирницкий А. Е.[1]*,*
доцент кафедры теории
и истории государства и права
Нижегородской академии МВД России,
кандидат исторических наук

ОСОБЕННОСТИ КРИЗИСА СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА В ТРУДАХ Р. И. КОСОЛАПОВА

15 ноября 2020 г. на 91-м году жизни умер один из известных российских философов-марксистов, политический деятель 1970–1980-х гг., организатор коммунистического движения в постсоветской России Ричард Иванович Косолапов. Он человек прожил яркую и интересную жизнь. Родился он в семье красного казака участника гражданской войны, члена РКП(б) с 1920 г. В 1955 г. окончил философский факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. В 1962 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Коммунизм и освобождение человека в сфере труда»). В 1971 г. защитил докторскую диссертацию «Социализм и проблемы освобождения труда» в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Был заместителем главного редактора газеты «Правда», редактором журнала «Коммунист» – теоретического органа КПСС. В 1981 г. стал членом ЦК КПСС.

В условиях «перестройки» Р. И. Косолапов занял ортодоксально-коммунистические позиции в одном строю с Н. А. Андреевой, В. И. Анпиловым, А. М. Макашовым. Активное участие Р. И. Косолапов принял в организации Движения коммунистической инициативы, представлявшей ортодоксально-коммунистическое крыло в КПСС. В июле 1991 г. на XXVIII съезде КПСС он в числе 1261 делегата съезда выступил против «лечения социализма капитализмом».

После августовских событий 1991 г. и приостановления деятельности КПСС Указом Президента от 23 августа 1991 г. Р. И. Косолапов принял активное участие в создании Российской коммунистической рабочей партии (РКРП) в октябре–ноябре 1991 г. В этой партии он занимал умеренные позиции, призывая к сотрудничеству с некоммунистическими силами так называемой «патриотической оппозиции». Был одним из организаторов Фронта национального спасения (ФНС) – массовой организации «объединенной оппозиции», выступавшей против ельцинско-гайдаровских реформ.

После образования КПРФ в феврале 1993 г. Р. И. Косолапов вместе с А. М. Макашовым и Т. Г. Авалиани вступили в эту партию, создав внутри нее

[1] © Смирницкий А. Е., 2021.

Ленинско-Сталинскую платформу, намереваясь разворачивать КПРФ влево. Этого им не удалось. Их позиция не получила доминирующего влияния в КПРФ. В 2017 г. Р. И. Косолапов стал председателем Оргкомитета по празднованию столетней годовщины Октябрьской революции. В постсоветский период Р. И. Косолапов совершил подлинный научный подвиг: с 1997 г. он продолжил издание собрания сочинений И. В. Сталина. Всего им было издано пять томов. В настоящее время его учениками планируется издание сталинских документов ориентировочно в 35–40 томах.

Наряду с практической политической работой Р. И. Косолапов активно занимался научной и публицистической деятельностью. «В научном сообществе не только нашей страны, но и за рубежом главный редактор «Коммуниста», доктор философских наук, профессор Р. И. Косолапов воспринимался как один из самых ярких и талантливых советских социальных философов. В то же время он никогда не был кабинетным учёным, а всегда стремился применить полученные знания к социально-политической практике строительства советского социализма» [4, с. 3], отмечает профессор, доктор философских наук, корреспондент газеты «Правда» Виктор Трушков.

Целью данной статьи является изучение взглядов Р. И. Косолапова на причины кризиса советского общества. Эта цель тем более значима, что его суждения весьма ценны, поскольку их автор знал советскую систему изнутри и был не только ее защитником, но и созидателем.

Для реализации поставленной цели автор выделил следующие задачи: выявить источники, на которые опирался Р. И. Косолапов в своих оценках советского общества, изучить особенности эволюции его взглядов на проблему кризиса советского общества, выявить значимость его взглядов для понимания особенностей советской общественной системы.

Свое понимание проблемы кризиса советского общества 1970–1980-х гг. Р. И. Косолапов изложил в ряде работ, вышедших отдельным изданием под названием «Истина из России» в 2004 г. Кроме того, весьма ценны для понимания особенностей кризиса советского общества его статьи и интервью, изданные в разное время в газете «Правда», журналах «Марксизм и современность», «Свободная мысль» и др.

Особое внимание Р. И. Косолапов уделял анализу кризисных явлений в партии как «руководящей и направляющей силе советского общества». Р. И. Косолапов обращает внимание, что «почти вся ВКП(б) полегла на фронтах Великой Отечественной войны, а вновь вступившие в партию коммунисты послевоенного призыва, принимались в партию по упрощенной схеме

(фронтовые заслуги, производственные показатели) с низкой идейно-теоретической подготовкой» [1, с. 13].

Результатом этого явления стал чрезвычайно низкий интеллектуальный уровень партийного аппарата. Оценивая своих коллег по аппарату ЦК КПСС, Р. И. Косолапов говорил: «Это были люди высокого образования – кандидаты и доктора наук, среди них было много хороших, честных и самоотверженных людей. Но характерен и узкий круг внеслужебных интересов – футбол и хоккей, домино, реже шахматы и весьма редко театр» [2, с. 155].

Свою роль сыграл и культ личности, который внедрялся после прихода к власти очередного лидера КПСС еще со времен И. В. Сталина. «Еще в 60-х годах мне рассказали эпизод полуанекдотического свойства, имеющий, несомненно, фактическую основу. В разговоре с академиком М. Митиным, долго делавшим ненастную погоду в советской философии, Сталин обнаружил, что тот не читал «Капитал» Маркса. «Нехорошо, – будто бы сказал вождь. – Вы же академик. Эту книгу надо знать». После этого М. Митин уехал на юг. На пляже его видели в плавках и очках, но в стороне от публики и с толстым томом в руках. Все вокруг ходили на цыпочках и шептали: «Тише, тише! Товарищ Сталин поручил товарищу Митину прочитать «Капитал» [2, с. 321].

Кризис партийных верхов привел к разложению и гибели многочисленной КПСС к концу «перестройки». Как опытный партийный работник и активный участник коммунистического движения постсоветской России, Р. И. Косолапов с горечью отмечал, что «по моим наблюдениям 90-х годов после горбачевско-ельцинского разгона партии в ней (точнее, в организациях, возникших на ее месте) восстановилось миллион от силы полтора – человек, т. е. 5–6 % прежнего состава» [2, с. 637].

Важнейшим элементом кризиса советского общества Р. И. Косолапов считал декоммунизацию общественных отношений на бытовом уровне. Если общественная работа в трудовых коллективах велась и весьма интенсивно, то по месту жительства системной работы по воспитанию коллективизма практически не проводилось. По мнению Р. И. Косолапова, «происшедший у нас в стране антисоциалистический переворот во многом объясняется тем, что лжедемократы ловко нащупали эту брешь в общественной системе и при потворстве властвовавших горбачевцев возобладали в территориальных объединениях избирателей» [2, с. 315].

Как философ-марксист, Р. И. Косолапов глубоко разбирался в экономической теории. По своим воззрениям он примыкал к экономической школе антитоварников, которая в 1960–1980-е гг. жестко противостояла экономистам, творцам и

вдохновителям экономических реформ А. Н. Косыгина, пытавшимся внедрить в советскую плановую экономику рыночные механизмы. Р. И. Косолапов видел пагубность этих попыток. В одной из своих работ он раскрывал механизм затратной экономики, сдобренной рыночными элементами ориентации работы предприятия на прибыль.

«На выполнение плана в «выгодном» ассортименте, т. е. по дорогостоящим изделиям, вышестоящие хозяйственные органы смотрели сквозь пальцы. Недодачу некоторых видов продукции (тех, что в силу своей дешевизны сравнительно мало прибавляют к отчетным показателям) прощали. За качество от случая к случаю поругивали. Вывезя свою продукцию за ворота предприятия, директор мог быть спокоен. Окажись 5–10 % этой продукции нереализуемыми, за нее он уже не отвечал. Реализация возлагалась на торговлю» [2, с. 307].

Оценивая развитие советской экономики в 1960–1980-е гг., Р. И. Косолапов не считал ее полностью социалистической, хотя и был вынужден по нормам партийной дисциплины проводить курс на пропаганду «развитого социализма». «Мне не давала покоя характерная цифра, десятилетиями фигурировавшая в советской статистике; 40 % тяжелого ручного и физического неквалифицированного ручного труда только в промышленности. О завершенном реальном обобществлении (а ведь тогда провозглашался предполагающий его развитой социализм), даже если брать один этот показатель, речи быть не могло» [2, с. 178].

О недостатках советской экономики Р. И. Косолапов писал и Генеральному секретарю ЦК КПСС М.С. Горбачеву в январе 1986 г. Планирование выпуска продукции в рублях, по мнению автора письма, ведет к пресловутому дефициту товаров.

«Выход, на мой взгляд, может быть только один (и он соответствует тому, о чем беспокоился Ленин, а не тому, что ему иногда приписывают): это выведение всех предприятий на показатели производства по номенклатуре, ассортименту, качеству продукции при наличии строгой ответственности за его рентабельность (безубыточность или прибыльность)» [3], – писал Р. И. Косолапов М. С. Горбачеву. Вскоре Р. И. Косолапов был снят с поста главного редактора журнала «Коммунист».

Касаясь упований многих советских людей периода «перестройки» на развитие мелкого предпринимательства, Р. И. Косолапов отмечал их иллюзорность, считая, что этот путь отбросит назад экономику СССР. «Что же касается «рецептов» выхода из нынешних трудностей в возможностях мелкооптового производства и рыночного механизма, то они, конечно, могут дать полезный результат, но результат локальный, временный, тактический, да и то лишь при

одновременном усилении правильного планового руководства. Всякая иная стратегия отбросила бы нас назад, на те ступени экономического развития, которые уже пройдены нашим основным и грозным противником – государственно-монополистическим капитализмом. Это, без преувеличения, вопрос нашей жизни, вопрос состоятельности нашей системы» [3].

Критика советской экономической системы велась Р. И. Косолаповым с последовательно марксистских позиций. Красной нитью в его трудах проходит мысль, что социализм потерпел поражение в СССР не от исчерпанности развития, а от недоразвития, отказа от использования его нереализованных возможностей. Несмотря на остро критическое отношение к советскому обществу, суждения Р. И. Косолапова исполнены исторического оптимизма. «Никакого кризиса марксизма и социализма, о котором на все лады болтает разноцветная реакционная и квазипрогрессивная печать, не наблюдается. Имеет место кризис их неполной реализации, т. е. различных поверхностных конкретно-исторических форм в рамках общего кризиса капитализма, норовящего осуществить свою ультраимпериалистическую модель» [1, с. 332].

Таким образом, научное наследие Р. И. Косолапова представляет собой большую ценность. Оно еще ждет своего вдумчивого исследователя. Один из аспектов этого наследия – анализ развития советского общества 1960–1980-х годов. Работы Р. И. Косолапова существенно дополняют и обогащают наши представления о нем, заставляют нас пересмотреть многие, казалось бы, хрестоматийные суждения.

Список литературы

1. Косолапо, Р. И. Истина из России / Р. И. Косолапов. – Тверь, 2004. – С. 13.

2. Марченко, Г. И. Ричард Косолапов: советские политики и их советники / Г. И. Марченко // Свободная мысль. – 2020. – № 1 (1679). – С. 155.

3. Письмо Р. И. Косолапова М. С. Горбачеву // РУСО. – URL: https://csruso.ru/nashi-universitety/istorija/pismo-r-i-kosolapova-gorbachevu/ (дата обращения: 03.03.2021).

4. Трушков, В. Ричард Косолапов – и этим все сказано / В. Трушков // Правда. – 2020. – 26 марта.

Сучкова М. В.[1]*,*
старший преподаватель кафедры
истории государства и права
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА С РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКОВЬЮ (IX–XVII вв.)

В современной России отношение религии и религиозных объединений к государству определены в положениях Конституции РФ 1993 г., согласно которым Российская Федерация является светским государством. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом. Несомненно, что для России, которая много столетий является страной многонациональной и поликонфессиональной, вопрос о взаимоотношениях государства и религиозных организаций всегда был одним из первостепенных. Исторически так сложилось, что православная религия является религией большинства населения России, поэтому поддерживание взаимоотношений между государством и Русской Православной церковью, поиск новых форм взаимодействия с православной церковью вне всякого сомнения является злободневной задачей для российского руководства. Исследование в исторической ретроспективе государственно-церковных отношений сегодня и в ближайшем будущем весьма актуально [3].

История христианства после Константина Великого знает несколько моделей государственно-церковных отношений, самой гармоничной из которых была по замыслу восточнохристианская модель «симфонии» Церкви и государства, предполагавшая четкое разграничение прав и полномочий каждой из сторон, и при этом - полномасштабное сотрудничество по всему спектру социальных вопросов и проблем.

С момента принятия Русью христианства между светской властью и Церковью сложились взаимовыгодные и плодотворные отношения. Церковь акцентировала внимание власти на чрезвычайных событиях в жизни русского общества, привлекала к содействию княжескую власть, тем самым расширяя и усложняя ее деятельность. В частности, когда умножились разбои при Владимире Святом,

[1] © Сучкова М. В., 2021.

епископ стал говорить князю: «Се умножашися разбойницы, почто не казниши? Ты поставлен еси от Бога, на казнь злым, и на милование добрым, достоит ти казнити разбойников, но с испытанием» [5]. Такого рода воззрение высоко возносилось над тогдашней политической действительностью. В XI в. формировался пантеон русских святых. Первыми святыми были братья Ярослава Мудрого – Борис и Глеб. Именно в лоне Церкви зарождается грамота, а значит и образование, а также влияние на управление умами людей.

В XIV в. Русь переживает пик феодальной раздробленности. Одним из наиболее известных митрополитов того времени был митрополит Феогност, упоминание о котором содержится в русских летописях от 1328 г., когда он наложил проклятие на Псков, вследствие неподчинения его Великому князю Ивану Даниловичу. Действия митрополита помогли избежать кровопролития и способствовали поддержанию авторитета Великого князя. Причина такого союза коренится в византийской традиции о нераздельности Церкви и государства. Учел митрополит, и на чьей стороне в конфликте сила. Феогност участвовал в процессе примирения Московского князя с тверским князем Александром Михайловичем. В 1340 г. митрополит участвовал в походе против Новгорода в связи с его неповиновением Великому князю. Сын Калиты, Семен Иванович, впоследствии находил поддержку у митрополита. Таким образом, Православная церковь в лице своих иерархов-митрополитов принимала участие в важных исторических событиях для русского государства, вникала в межкняжеские и межгосударственные конфликты, пыталась взять на себя, особенно в случае разногласий, стабилизирующую роль.

После смерти Феогноста митрополичий престол занимает ставленник московского митрополит Алексий. Он продолжил политику своего предшественника и ставил на первое место интересы Московского княжеского дома. В этот период огромный вклад в развитие и формирование единого государства внесла Церковь не только благодаря своим высшим руководителям, но и через своих создания пантеона русских святых.

Золотоордынское иго оказало влияние и на статус Церкви. Как и светская власть, русские церковные иерархи получали ярлыки: каждый новый хан выдавал ярлык на занятие митрополичьей кафедры, ярлык получал при вступлении в сан каждый новый митрополит. Содержание ярлыков точно охарактеризовал В. В. Григорьев «Во всех даются нашему духовенству разные права и преимущества; освобождается оно от платежа разного рода пошлин, даней и повинностей; митрополитам предоставляется право суда и расправы над всем духовенством и подведомственными ему людьми, равно как и распоряжения всякого рода

церковным и монастырским имуществом. Татарам предписывается величайшее уважение к нашей религии, за хулу на которую определяется наказание не менее как смертная казнь»[1].

Следующим этапом в развитии отношений между светской и духовной властью стал период создания единого централизованного государства. Необходимо отметить, что с одной стороны, Церковь поддерживала стремление московских великих князей к созданию единого государства и централизации управления, но с другой – не хотела терять своих привилегий и возможность участия в государственных делах, что привело к ряду конфликтов. К XV в. Церковь, крупнейший землевладелец, претендует на принятие собственных решений, что вынуждает светскую власть прибегать к компромиссу, учитывая мнение Церкви. А во второй половине XV в. позиции Русской православной церкви усилились: падение константинопольского патриархата привело к независимости Русской церкви.

Вторая половина XIV–XVI вв. в России характеризуется как время острых религиозных споров. По свидетельствам современников «ныне и в домех, и на путях, и на торжищах иноци и мирьстии и вси сомняться, вси о вере пытают» [8].

Церковное руководство в лице митрополита Макария проводило политику борьбы с ересями, что опосредованно способствовало укреплению государства. На Соборах 1547 и 1549 г. был учрежден общерусский культ почти сорока новых чудотворцев. Отношения между царской властью и Церковью в этот период были напряженными, в силу того что доходы государства были скудными, и светская власть с завистью смотрела на богатства церквей и монастырей. Церковь пошла навстречу молодому царю: в сентябре 1550 г. Иван IV договорился с митрополитом Макарием о запрещении монастырям основывать новые слободы в городе, а в старых слободах ставить новые дворы, а также церкви запретили принимать беглых посадских людей [2].

Благодаря митрополиту Макарию на Стоглавом соборе 1551 г. были собраны и систематизированы нормы действующего церковного права [1]. После смерти в 1563 г. митрополита Макария Церковь лишилась авторитетного руководства в весьма трудное для страны время. Проекты реформ были окончательно преданы забвению. Наступило время опричнины. В этот период Церковь пытается вразумить Ивана IV, однако он придерживается концепции сочетания в руках монарха светской и духовной власти. Все увещевания митрополита Филиппа закончились неудачей. Митрополит указывал, что в стране льется «невинная» кровь, монарх творит «неправедные дела», стращал царя божьим судом, и заявлял о готовности

[1] Макарий (Булгаков), Митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви. М. : Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996.

принять смерть за свои слова. Митрополит трижды отказывал Ивану Грозному в благословении и заявил, что впредь молчать не будет. Прошла череда казней в Боярской Думе, чем Иван IV подготовил почву к низложению митрополита. 4 ноября 1568 г. митрополита низложили на суде за «порочные деяния». Митрополит Филипп был задушен в тюрьме Малютой Скуратовым. Фактически это означало, что опричнина приобрела еще больший размах и безнаказанность, теперь и в отношении духовенства. Террор продолжался, сожгли Тверь, потом и Новгород с монастырями и церквями. Некоторые слуги нового архиепископа Пимена были казнены в Новгороде. Пимена также обвинили в заговоре. В 1570 г. разграблены Псков и все монастыри в нем.

В конце XVI в. произошло событие, изменившее политико-юридическое положение Русской православной церкви, а именно учреждение патриархии на Руси. Путь к этому был длительным, и за точку отсчета нужно взять правление Ивана III, так как геополитическая концепция Руси была сформулирована именно в его правление, после брака с Софией Палеолог. Великого князя Московского стали именовать по византийскому образцу царем и автократором (самодержцем). В начале XVI в. была сформулирована теория «Москва – Третий Рим»: «И да ведает твоя держава, благочестивый царь, что все царства православной христианской веры сошлось в твое единое царство: один ты во всей поднебесной христианам царь». Таким образом, была подготовлена почва для автономии Русской православной церкви от Византийской. В 80-е годы XVI в. сложная внутриполитическая обстановка заставила светскую власть искать в церковных верхах более активной поддержки. Таким событием должно было стать учреждение на Руси патриаршества для наглядного подтверждения религиозно-политической теории «Москва – Третий Рим». В январе 1589 г. Московский митрополит Иов был поставлен в сан патриарха.

После Смутного времени роль Церкви возрастает, что связано с правлением патриарха Филарета, который, сосредоточив в своих руках светскую и духовную власть, в течение 14 лет заботился об укреплении новой династии и самодержавия в России.

К середине XVII в. начинается переориентация в отношениях между Церковью и государством. Интересы патриарха Никона были направлены к царскому престолу: он захотел власти царской, подобно Папе римскому. Он потребовал от Алексея Михайловича полного и беспрекословного подчинения даже в делах гражданских: «царь Никону запись даде, во всем его послушати, и от бояр оборонить, и его волю исполнять» [4].

Сохранился рассказ греческого архидиакона Павла Алеппского, который в это время проживал в Москве: «В 1655 году Никон праздновал новоселье в своих великолепных палатах. Ему по очереди подносили дорогие подарки все архиереи, а затем и собственноручно от себя лично и своей жены, и сына царь Алексей Михайлович сначала 12 хлебов с солью, затем десять соболей, затем столько же от своих сестер, столько же от своих дочерей. И все эти дары, одни за другими, царь подносил сам, своими руками. Никон стоял в переднем углу своей обширной залы. И царь спешно ходил через всю эту залу к дверям ея. Поднося каждый подарок, он кланялся патриарху и говорил: «Сын ваш, царь Алексей, кланяется вашему святейшеству и подносит вам…» [7].

В 1658 г. неожиданно обстоятельства изменились, Алексей Михайлович охладел к Никону. Царь приказал Никону «впредь не именоваться Великим государем». Патриарх заявил, что он отказывается от патриаршества, удаляется в Воскресенский монастырь и шлет оттуда проклятия и отлучения. Московский церковный собор 1666–1667 гг. осудил Никона за самовольное оставление патриаршества и выразил норму взаимоотношений светской и церковной власти следующим образом: царь имеет преимущества в делах политических, а патриарх – в церковных. «Никон не устроил церковных дел – говорит по этому поводу В. О. Ключевский. – Ничего преобразовательного он не внес в свою пастырскую деятельность. Мечтая о единении Церкви вселенской, он расколол свою, поместную» [6].

С приходом абсолютизма характер взаимоотношений Церкви и государства меняется: власть окончательно подчиняет Церковь своим интересам.

Таким образом, в рассматриваемый период взаимоотношения Русской православной церкви и государства определяются рядом объективных и субъективных факторов. Во-первых, сложностью внутри- и внешнеполитических процессов, связанных с созданием государства, его распадом, долгим периодом национальной зависимости, сложным и длительным периодом объединения страны и созданием единого централизованного государства. Во-вторых, трансформацией господствующей идеологии и личностными качествами монархов и иерархов Русской православной церкви.

Список литературы

1. Богомолов, А. А. Законодательство о Православной церкви в России: основные исторические тенденции развития : дисс. … канд. юрид. наук / А. А. Богомолов. – СПб., 2004.

2. Дворниченко, А. Ю. Русская история с древнейших времен до наших дней: Учебное пособие для студентов вузов / А. Ю. Дворниченко, А. И. Ильин Кривошеев, Ю. В. Тот. – СПб., 2004.

3. Иванов, И. А. Государственно-церковные отношения в политике «просвещенного абсолютизма» Екатерины II / И. А. Иванов // История государства и права. – 2008. – № 4. – С. 20–23.

4. Каптерев, Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович / Н. Ф. Каптерев. – Сергиев-Посад : тип. Св.-Троиц. Сергиевой лавры, 1909–1912.

5. Карташев, А. В. Очерки по истории Русской церкви / А. В. Карташев. – Минск, 2007.

6. Ключевский, В. О. Русская история : полный курс лекций в 3 т. / Ключевский В. О. – М. : АСТ. Мн.: Харвест, 2002.

7. Скрижаль. Акты соборов 1654,1655,1656 годов. – СПб : Свое издательство, 2013.

8. История России от древнейших времен до начала XX века // ВикиЧтение. – URL: https://history.wikireading.ru/104212 (дата обращения: 15.03.2021).

Тумин А. Ю.[1]*,*
адъюнкт кафедры
истории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

МОСКОВСКАЯ ОБЩАЯ ПОЛИЦИЯ В XVIII–XIX вв. В ДОКУМЕНТАХ ЦЕНТРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА МОСКВЫ

12 января (23 января по новому стилю) 1722 г. стало знаменательным днем в истории формирования государственных учреждений Российского государства. В этот день высочайшим Указом царя-реформатора Петра I в Москве учреждена должность московского обер-полицмейстера. Этот документ положил начало московской городской полиции. Указ императора лаконично гласил: «Учинить в Москве Обер-Полицеймейстера, который должен дедеденцию иметь от Генерал-Полицмейстера…» [3]. Этот документ стал точкой отсчета в истории московской регулярной полиции. Приказом МВД России от 17 августа 2017 г. № 650 «Об объявлении Дня образования московской полиции» 23 января 1722 г. устновлен днем создания московской профессиональной полиции [4]. Таким образом, в январе следующего года московская столичная полиция отметит 300-летие своего образования и функционирования в государственно-правовом механизме российского общества.

Указанное обстоятельство стимулирует к изучению истории Московской полиции и потребности в открытии новых эмпирических фактов становления и правового регулирования деятельности московской столичной дореволюционной полиции.

Несмотря на большое количество материала по истории Российской полиции и опубликованных в открытых источниках сведений о становлении, развитии, формах и методах работы московской полиции со времени ее возникновения в XVIII–XIX вв., все буквально «на вес золота». Однако единого, комплексного научного историко-правового исследования о московской полиции периода Российской империи не имеется, что является пробелом в историко-правовой науке.

Серьезную помощь исследователям в изучении вопросов становления и развития московской полиции могут оказать фонды Центрального государственного архива Москвы. Так, Фонд 46 (Канцелярия московского обер-полицмейстера) [11] содержит уникальные документы, касающиеся образования

[1] © Тумин А. Ю., 2021.

московской общей полиции, указы императора и правительствующего Сената по вопросам полицейской деятельности, приказы московского обер-полицеймейстера, журналы заседаний присутствия, донесения и рапорты о жестоком обращении с крепостными крестьянами, дела о розыске и наказании за бегство крепостных крестьян, дворовых работных людей, солдат и рекрутов, об отпуске на волю крепостных и дворовых людей.

8 апреля 1782 г. утвержден «Устав благочиния, или полицейский», определявший устройство полицейского аппарата города [5]. Сохранение «благочиния, добронравия и порядка» возлагалось на московскую общую полицию. В Москве во главе полиции стоял обер-полицмейстер, который руководил полицейским учреждением – Управой благочиния. Документы московской Управы благочиния хранятся в фонде 105 [6] и свидетельствуют о том, что данное учреждение обладало широким кругом полномочий, не свойственных для современных органов внутренних дел. Управа благочиния занималась не только охраной правопорядка в городе, приведением в исполнение законов и распоряжений городских административных и судебных властей, но и наблюдала за благоустройством и чистотой в городе, строительством и ремонтом зданий и сооружений. В обязанности московских полицейских входил осмотр мертвых, призрение подкидышей и нищих, надзор за трактирами, гостиницами и ресторанами. При полицейских частях находились лекарь и повивальные бабки. Полицейские части следили за порядком на улицах, боролись с пожарами.

Одним из основных направлений деятельности московской полиции на протяжении XVIII–XIX вв. было противодействие пожарам. По оценкам исследователей, в данный период времени в Москве ежегодно случалось около 500 пожаров, от которых погибали десятки тысяч жителей [1, с. 13]. Населению и городу наносился значительный материальный ущерб. На основании «Устава столичного города Москвы» 1799 г. была учреждена Пожарная экспедиция под управлением брандмайора, которая находилась в ведении полиции [2]. В каждую полицейскую часть назначался брандмейстер – начальник пожарной команды.

Имеющиеся на хранении в Центральном государственном архиве Москвы документы Канцелярии московского брандмайора (фонд 1225) содержат сведения о работе пожарной охраны Москвы, а именно: дела о состоянии московской пожарной команды; о ремонте пожарного хозяйства; о благонадежности лиц, поступающих на службу в пожарную команду; о сроках службы и переводах пожарных служителей из части в часть; об участии войсковых команд в тушении пожаров; о пенсиях пожарным служителям; о наградах и взысканиях по службе; сведения по наряду пожарной команды во время коронационных

торжеств; докладные записки, сведения, рапорты о тушении пожаров, посылаемые в городскую управу; журналы для записи пожаров; приказы и рапорты о принятии и увольнении со службы, о смерти пожарных служителей; списки членов пожарной охраны; акты, доклады, рапорты об осмотре зданий в пожарном отношении [7].

5 мая 1881 г. упразднена московская Управа благочиния, основные обязанности которой теперь возлагались на Канцелярию московского обер-полицмейстера. В тот же день утверждено Положение о московской городской полиции, согласно которому в структуре полицейского управления в Москве была образована сыскная полиция [3].

Образование сыскной полиции при Канцелярии московского обер-полицмейстера было большим событием в истории московской полиции, так как данное подразделение, в современном понимании, занималось уголовным розыском. Информация о московской сыскной полиции содержится в фонде 1293 Центрального государственного архива Москвы [8]. К сожалению, фонд состоит всего из 38 единиц хранения. В фонде хранятся документы об ограблении банка внешних займов, протоколы полицейских надзирателей о наблюдении за лицами, подозреваемых в совершении краж, списки лиц, представленных к высылке из города Москвы, формулярные списки сотрудников сыскной полиции.

Фонд 475 имеет название «Московская столичная полиция» и насчитывает 1576 единиц хранения [12]. В нем содержатся циркуляры Департамента полиции и московского охранного отделения, приказы по московскому градоначальству и московской полиции, циркуляры и предписания обер-полицеймейстера, донесения приставов и переписка о забастовках на фабриках и заводах, в том чмсле о задержанных лицах.

Во второй половине XIX в. важное значение приобретают вопросы взаимодействия полиции и Московской городской Думы. В архиве сосредоточены фонд 14 (городские общая и шестигласная думы) [9] и фонд 160 (Московские городские общая и распорядительная думы) [10]. В данных фондах содержатся указы губернского правления по полицейским вопросам, ведомости об отпуске денег на содержание московской полиции, дела о ремонте полицейских зданий, отчеты обер-полицмейстера о работе полиции, переписка московского военного генерал-губернатора по вопросам финансирования полиции и ее кадрового обеспечения.

Таким образом, обилие фондов, содержащих документы, касающиеся вопросов создания, организационной структуры, многочисленных направлений деятельности, преобразований московской общей полиции с момента ее создания и

до конца XIX в., обеспечивает историков, юристов, специалистов в вопросах правоохранительной деятельности обширными уникальными, имеющими научную ценность сведениями.

Список литературы

1. Афанасьев, Н. С. Сборник очерков по городу Москве. Очерк пожары в Москве / Н. С. Афанасьев. – М. : Издание Московского городского общественного управления, 1896. – С. 13.

2. Высочайше утвержденный Устав столичного города Москвы от 17 января 1799 г. // Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 1. – Т. XXVI. – № 18822.

3. О бытии в Москве обер-полицеймейстеру от 19 января 1722 г. // Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 1. – Т. VI. – № 3883.

4. О преобразовании Московской городской полиции от 5 мая 1881 г. // Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 3. – Т. I. – № 131.

5. Приказ МВД России от 17 августа 2017 г. № 650 «Об объявлении Дня образования Московской полиции» // Официальный интернет-сайт ГУ МВД России по городу Москве. – URL: https: // 77.мвд.рф/documents/приказы-мвд-россии (дата обращения: 20.04.2021).

6. Устав благочиния, или полицейский от 8 апреля 1782 г. // Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 1. – Т. XXI. – № 15379.

7. ЦГА Москвы. – Ф. 105 – Московская Управа благочиния. – Оп. 7. – Д. 9324.

8. ЦГА Москвы. – Ф. 1225 – Канцелярия московского брандмайора. – Оп. 3. – Д. 6.

9. ЦГА Москвы. – Ф. 1293 – Московская сыскная полиция. – Оп. 1. – Д. 1–25.

10. ЦГА Москвы. – Ф. 14 – Московские городские общая и шестигласная Думы. – Оп. 1. – Д. 1-1744.

11. ЦГА Москвы. – Ф. 160 – Московские городские общая и распорядительная думы.

12. ЦГА Москвы. – Ф. 46 – Канцелярия московского обер-полицмейстера. – Оп. 7. – Д. 10.

13. ЦГА Москвы. – Ф. 475 – Московская столичная полиция. – Оп. 1. – Д. 1–25.

Удальцов А. А.[1]*,*
начальник кафедры
истории государства и права
Санкт-петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ КУРСАНТОВ УЧРЕЖДЕНИЙ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ МВД РОССИИ

На современном этапе Россия находится на пути определения вектора дальнейшего развития общества и государства, когда в мире чрезвычайно обострились проблемы вооруженных конфликтов, информационной войны. Прикрываясь идеями о попирании демократических устоев в связи со вхождением Крыма в состав Российской Федерации, страны Европы и США объявили России санкции. Именно в этих условиях особенно важно сохранение целостности территории и духовных ценностей народа нашей страны, так как под влиянием западной пропаганды и мнимых ценностей происходит падение нравственности и духовности в молодежной среде.

Воспитанием подрастающего молодого поколения общество было озабочено еще со времен средневековой Руси. Уже тогда утверждалось, что оно должно составлять одну из важнейших забот культурного общества и государства. Воспитание молодежи в тот период имело религиозную окраску. Так, В. В. Буш в своем труде о воспитании отмечает: «Цели и задачи воспитания в значительной степени предопределялись общим церковно-религиозным укладом жизни» [3, с. 7].

В период централизованного государства в России появился свод житейских правил для подданных – «Домострой». Именно он стал руководящим началом в регламентации всех сфер жизни общества, в том числе и вопросов воспитания молодежи. Обязанности воспитания в тот период ложились на родителей: «А пошлет Бог кому детей – сыновей или дочерей, то заботиться о чадах своих отцу и матери» [5, с. 115].

С середины XVII в. и появлением устойчиво сложившегося класса служилых людей появляется понятие присяги при назначении на должность. Назначаться могли лишь те, кто отвечали высоким моральным качествам и могли нести службу в соответствии со своим профессиональным долгом и верности

[1] © Удальцов А. А., 2021.

Государю. Так, Дьяки и подьячие присягали «всякое дело делати и судити вправду», не заниматься казнокрадством, «посулов и поминков ни у кого ни от чего не имать» [2, с. 60], т. е. не брать взяток, разглашать государственных тайн и т.д. Принятый 16 февраля 1571 г. Устав пограничной службы, получивший название «Боярский приговор о станичной и сторожевой службе», предусматривал жесткую дисциплину сторожей и предписывал им нести службу в духе верности Государю и нести службу так, как для «государева дела» будет «податнее и прибыльнее» [1, с. 281].

С образованием Российской империи появилась необходимость воспитания военных и гражданских чинов в духе патриотизма к царю и Отечеству. Так, перед Полтавским сражением, император Петр I при произнесении речи перед войском четко определил первостепенное служение Отечеству всех – от царя до солдата: «А о Петре ведали бы известно, что ему житие свое не дорого, только бы жила Россия и российское благочестие, слава и благосостояние» [8, с. 170]. То есть, в дореволюционный период нравственно-патриотические качества воспитывались в ключе верности долгу, Богу, Царю, и Отечеству. В советский период в сфере патриотического воспитания молодежи произошел резкий скачок. Молодому государству требовались патриоты для строительства «светлого будущего». Поэтому существенно повысилась сфера научно-теоретического обеспечения патриотического воспитания, ее высокая идеологическая составляющая. Исследующий проблемы военно-патриотического воспитания вузов министерства обороны Р. В. Старков отмечал: «Итогом этого, стала сложившаяся целостная система патриотического воспитания молодежи, управлявшаяся комплексом подсистем... которые были взаимосвязаны единством социально-педагогических целей, функций и содержания, многообразием методов и форм учебно-воспитательной работы, морально-психологической подготовкой, организацией теоретической и практической работы с молодыми людьми» [6, с. 28].

В последнее десятилетие XX в. в нашей стране произошло резкое изменение духовно-нравственных ценностей, активно пропагандированное средствами массовой информации, что стало причиной отказа молодежи от мировоззренческих позиций, присущих обществу ранее. Такой отказ явился предпосылкой возникновения духовного вакуума. Природа, как известно, не терпит пустоты, поэтому этот вакуум замещал элементами молодежной культуры, содержащих радикальные взгляды и убеждения, а такие качества, как ответственность, патриотизм, долг, исчезали из молодежной среды. Российская молодежь, попавшая под влияние экстремистских организаций, активно пропагандирует свои взгляды ровесникам посредством распространенных мессенджеров.

На современном этапе экстремизм молодежи находит выражение в показательном негативном отношении к существующим правилам поведения, соответствующим нормам морали и нравственности, к установленным законом ценностям и ориентирам и выливается в создание неформальных молодежных групп и обществ противоправного характера. Члены молодежных экстремистских организаций проявляют резкую нетерпимость к инакомыслящим гражданам и социальным группам – носителям отличающихся от них идей и воззрений от эстетических и гендерных до религиозно-нравственных.

Неслучайно 21 мая 2020 г. Президент Российской Федерации Владимир Путин внес в Государственную Думу законопроект о внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации». Документ предполагает воспитывать у молодежи чувства патриотизма, уважения к памяти героев Отечества, к закону и правопорядку, взаимного уважения, бережного отношения к культурному наследию.

За последние годы разработан и принят целый ряд программ, направленных на совершенствование системы патриотического воспитания в Российской Федерации. 30 декабря 2015 г. принята государственная программа, утвержденная постановлением Правительства Российской Федерации № 1493 «О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы»». 30 марта 2020 г. вышло постановление Правительства РФ № 369 «О внесении изменений в государственную программу «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы»». Эти документы называют именно образовательные учреждения основным институтом совершенствования патриотического воспитания. Одним из важнейших аспектов патриотического воспитания молодежи становится патриотическое воспитание курсантов учреждений высшего образования МВД России. Сегодняшний курсант уже очень скоро станет сотрудником полиции, перед которым будет стоять множество задач, непременным элементом которых станет взаимодействие с населением. Порядочный, культурный, высоконравственный сотрудник полиции укрепит авторитет органов внутренних дел, доверие граждан к органам государственной власти.

Совершенствование системы патриотического воспитания курсантов учреждений высшего образования МВД России на современном этапе обусловлено рядом факторов.

Во-первых, это общегосударственные цели. Руководство государством смотрит далеко вперед и видит именно в воспитании патриотизма будущее нашей страны, укрепления демократических начал в обществе.

Во-вторых, это социальные цели. Патриотическое воспитание в духе верности долгу, уважения духовных ценностей, к прошлому своей Родины позволяет нивелировать национальные и конфессиональные различия в нашем государстве, станет фактором консолидации народов, населяющих нашу страну. Здесь хочется согласиться со словами М. Л. Галуцких: «Патриотическое воспитание должно стать той объединяющей силой, которая сможет вырастить поколение настоящих патриотов, любящих свою Родину не на словах, а на деле» [4, с. 33].

В-третьих, это профессиональные цели. Высокие показатели патриотизма полицейских являются гарантом общественной безопасности. Так, к примеру, Г. Р. Хуснетдинов полагает, что «нравственно-патриотическое воспитание личности курсанта образовательной организации МВД РФ является систематическим и целенаправленным процессом по формированию у него высокоморальных качеств, осознанной готовности выполнять свой служебный долг по защите прав и законных интересов граждан» [7, с. 177].

В качестве иллюстрации, хотелось бы отметить, что в Санкт-Петербургском университете МВД России работа по совершенствованию патриотического воспитанию курсантов организуется в целях формирования и укрепления у них высоких личных патриотических качеств, гражданской позиции, позволяющей подготовить их к участию в укреплении и совершенствовании гражданских основ общества, высокого патриотического сознания, готовности к выполнению задач, связанных с обеспечением законности и правопорядка.

Ежегодно курсанты принимают участие в масштабнейшем комплексе мероприятий, предусмотренном Планом мероприятий Санкт-Петербургского университета МВД России по патриотическому воспитанию личного состава на 2016–2020 гг. В рамках исполнения Плана курсанты и слушатели Университета приняли участие в проведении всероссийской молодежно-патриотической акции «Мы – граждане России», ежегодном Весеннем Покровском бале Победы, в рамках взаимодействия с Межвузовской Ассоциацией духовно-нравственного просвещения «Покров», в общегородских мероприятиях, посвященных празднованию Дня полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады, всероссийской акции «Георгиевская ленточка» и других мероприятиях.

Патриотическое воспитание курсантов вуза проводится не только в рамках участия в мероприятиях, направленных на повышение уважения граждан к символам России и выдающимся россиянам и мероприятия историко-патриотической направленности, но и в ходе учебной, воспитательной работы и морально-психологической подготовки обучающихся. Участие в обсуждениях в ходе семинаров и практических занятий, диспутах, круглых столах, научных

конференциях позволяет активно вовлекать обучающихся в образовательный процесс, воздействовать на их восприятие и оценку информации, формировать патриотизм подрастающего поколения и толерантное отношения к обществу в целом.

Таким образом, представляется возможным выделить ряд направлений совершенствования системы патриотического воспитания курсантов:

– учебная работа, которая позволяет в рамках проведения различных форм занятий ориентировать обучающихся на укрепление их гражданской позиции и формирования патриотизма;

– воспитательная работа, в ходе которой решаются многие вопросы патриотического воспитания, развития конструктивного мышления обучающихся, выявление современных способов осуществления воспитательной работы;

– морально-психологическая работа на факультетах, преследующая цели формирования чувства уважения к историческому прошлому Российской Федерации.

Эффективная система совершенствования системы патриотического воспитания курсантов учреждений высшего образования МВД России станет предпосылкой формирования у них активной гражданской позиции, чувства гражданственности и служебного долга, любви к Отечеству, что позволит активно участвовать в жизни государства, отстаивать его демократические устои, целостность территории и сохранять духовные ценности народов нашей страны.

Резюмируя изложенное, хотелось бы отметить, что патриотическое воспитание курсантов учреждений высшего образования МВД России является сложным, многозадачным сбалансированным процессом по формированию высоких морально-нравственных качеств, активной гражданской позиции, готовности выполнять свой служебный долг по защите прав и законных интересов граждан.

Список литературы

1. Алексеев, М. Лексика русской разведки в терминах / М. Алексеев. – М. : Родина, 2020. – С. 281.

2. Берендс, Э. Н. О прошлом и настоящем русской администрации / Э. Н. Берендс. – СПб., 1913. – С. 60.

3. Буш, В. В. Памятники старинного русского воспитания: (К истории древнерусской письменности и культуры) / В. В. Буш. – Пг. : Тип. Кюгельген, Глич и Ко, 1918. – С. 7.

4. Галуцких, М. Л. Патриотическое воспитание – объединяющая сила / М. Л. Галуцких // Проблемы педагогики. – 2016. – № 11 (22). – С. 33.

5. Домострой / сост., вступ. статья, пер., коммент. В. В. Колесова. – М. : Советская Россия, 1990. – С. 115.

6. Старков, Р. В. Совершенствование военно-патриотического воспитания курсантов факультетов среднего профессионального образования вузов Министерства обороны Российской Федерации : дисс. … канд. пед. наук / Р. В. Старков. – М., 2015. – С. 28.

7. Хуснетдинов, Г. Р. Нравственно-патриотическое воспитание курсантов образовательных организаций МВД России: опыт, передовые подходы / Г. Р. Хуснетдинов // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2018. – № 4. – С. 177.

8. Яковлев, Р. О. Исторические этапы развития патриотического воспитания в России / Р. О. Яковлев // Наука и школа. – 2017. – № 2. – С. 170.

Феднева Н. Л.[1]*,*
доцент кафедры
истории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат исторических наук, доцент

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ПОЛИЦИИ В ЭПОХУ ПРОСВЕЩЕННОГО АБСОЛЮТИЗМА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Социальная организация любого общества, являясь системной, содержит имманентные механизмы управления и поддержания внутреннего единства, свойственные системе на определенном этапе ее развития механизмы, поддерживающие нормативное поведение. По мере укрепления государственных институтов эти механизмы подвергаются централизации, приобретают политический характер, становясь неотъемлемыми элементами ветвей судебной и/или исполнительной власти. Неслучайно само понятие полиции и формирование полицейских структур в национальных государствах традиционно связывают с абсолютизмом, с «регулярным государством», возникшим в Новое время.

О наличии структур, поддерживающих порядок и безопасность общества во имя сохранения и укрепления власти, известно со времен империй Древнего мира. Известны историкам, хотя и недостаточно изучены, и полисные механизмы охраны порядка, свойственные античности, и роль общины на Руси как регулятора нормативных отношений.

И все же в России, как и других ведущих государствах Европы, универсальный характер поддержания нормативного порядка нашел выражение в форме полицейской организации, становление которой пришлось на эпоху абсолютизма. Российская полиция возникает при Петре I как регулярная служба, промежуточная по отношению к армии и бюрократии, опираясь на заложенные ранее материальные предпосылки охраны порядка в городах в виде института объезжих голов и соответствующей практики стрелецких и иных воинских команд. Развитие полицейских структур сопровождается, а в ряде случаев инициируется формированием системы представлений об охране порядка и безопасности, об управлении и поддержании нормативного поведения в государстве и обществе. Начиная с эпохи Петра I на всем протяжении XVIII и в первой трети XIX в. этот процесс проявился не только в виде принятых законодателем нормативных актов,

---

[1] © Феднева Н. Л., 2021.

но в форме составления законодательных проектов, записок и предложений, исходивших как от самих государей, так и, в большей степени, от представителей высшего управленческого слоя России. Побудительными факторами этого процесса были внутренние потребности укрепления власти и поддержания порядка, однако нередко его участники обращались к европейскому опыту в указанной сфере. Результатом процесса стали образование и непрерывное развитие оформленной законодательными актами концепции полиции, впитавшей достижения отечественных подходов к проблеме и универсальные черты западноевропейской идеологии Просвещенного абсолютизма [3][1].

Обзор основных периодов разработки отечественной идеологической концепции полиции, нашедшей отражение в соответствующем законодательстве, и есть цель данной публикации. Представляется возможным выделить три таких периода:

1) формирование представлений о полиции как автономной от военной администрации милитаризированной службе поддержания порядка и общего управления в «регулярном государстве» при Петре I и его преемниках (1718–1767); лейтмотив представлений этого периода – идея государственного принуждения к выполнению распоряжений царской власти, заметное усиление уголовной репрессии, криминализация ряда правонарушений, ранее относимых к административным;

2) развитие концепции «полицейского государства», сложившейся в Западной Европе в эпоху Просвещенного абсолютизма, применительно к особенностям отечественного социума в ходе реформ при Екатерине II и Павле I (1768–1802); важнейшей идеей концепции становится необходимость поддержания законности во имя всеобщего блага;

3) концептуализация идей о роли полиции как инструмента поддержания законности и внутренней безопасности в системе министерского управления в системе «легального государства» (1802–1861).

Укрепление абсолютизма в Европе сопровождалось Реформацией, ослаблением религиозных форм поддержания нормативного поведения. Это ослабление

[1] Под понятием «идеология» имеется в виду совокупность идей, сложившаяся в общественном сознании на определенном этапе развития общества и отражающая сущность того или иного явления, процесса, социально-правового института и т.д. Термин «идеология» для обозначения указанного выше смысла понятия впервые ввел в научный оборот А. Дестют де Траси (Antoine Destutt de Tracy) (1754–1836), предложивший изучать «историю идей» и создать науку, объединяющую теорию познания, логику и теорию знаковых систем. См.: Дестют де Траси А. Основы идеологии. Часть первая: Идеология в собственном смысле слова / Д. А. Ланин (пер., предисл., коммент.). М. : Альма Матер, Академичский проект, 2013.

потребовало выявления нового, политического механизма регуляции общества, обладающего значительной принудительной силой, для обозначения применялся термин «полиция». Усиление принуждения требовало легитимизации на идеологическом. рациональном, уровне. Идеологическое обоснование предназначения полиции и ее функций было дано во Франции, где абсолютизм имел классические формы, и это обоснование отразило интересы формировавшегося «дворянства мантии» и «третьего сословия».

Последний представитель естественно-правовой школы римского права – королевский адвокат Людовика XIV Жан Дома (фр. Jean Domat) (1625–1696) в своей работе «Публичное право, как продолжение гражданских законов, упорядоченных в духе естественного права» («Le droit public suite des lois civiles dans leur ordre naturel») [6], его ученик и последователь Н. Деламар в работе «Трактат о полиции» проследили связь сложившегося в период абсолютизма полицейского законодательства с публичным римским правом, имеющим естественное происхождение, заложив тем самым основы идеологической концепции полиции на основе античной традиции.

Обратившись к истории, юристы-правоведы XVI–XVII вв., представители позднейшей естественно-правовой школы римского права, усмотрели такой механизм в форме правления, названной в известной классификации Аристотелем политией (politeia) и признанной им, наряду с царской властью[1] действительно правильной и эффективной.

Производный от «политии» Аристотеля термин «полиция» был применен для обозначения механизма политического управления в XVI–XVII вв. Понятие «полиция» употреблялось в широком смысле как государственный орган управления, а понятие «полициирование» – в смысле «государственное управление».

Ж. Дома впервые указал на универсальный характер полицейского управления. Согласно его представлениям, полиция является инструментом законодателя, действующим параллельно метафизическим законам, данным Богом. При этом полиция осуществляет принудительные функции, применяя насилие с целью заставить исполнять предписанные религией законы. Дома дает следующее определение этих функций: «Это те, что обеспечивают общее благо общества, при том, что общее благо рассматривается как благо частных лиц, его составляющих; это те функции, которые поддерживают частных лиц в свободном использовании и производстве их благ против тех, кто пытается им воспрепятствовать

[1] Форма правления, названная Аристотелем «царской властью», предполагала обязательное следование правителя установленным законам и этим отличалась от «тирании», опиравшейся на открытый произвол и насилие.

и осуществляют возмездие за преступления и деликты против их жизни, счастья, благосостояния».

Если рассматривать соответствующие указанному времени российские законодательные и иные источники, то подтверждения того, что работы Дома были известны в России в начале XVIII в., отсутствуют, но подход этого автора к полиции как к универсальному инструменту управления, опирающемуся на религиозные нормы, не был чужд российским государям, начиная с Алексея Михайловича. Практика охраны общественного порядка и внутренней безопасности, сложившаяся к началу петровских реформ в городах Московского царства, получила название Благочиния, отразившее идейно-нравственный стержень этой службы – опору на основы православия, занявшие к тому времени довольно прочные позиции в народном сознании.

Главной целью Петра I было построение рационально управляемого «регулярного государства» с превалированием государственного интереса над партикулярным и опорой власти на открытое государственное принуждение. Потребности в создании регулярной полиции как инструмента поддержания законности на всей территории страны власть на тот момент не испытывала; приоритетом для нее было формирование армии и флота. Поэтому выделение полицейской власти в специальную отрасль управления на уровне коллегии ни при Петре, ни при его преемниках в XVIII в. не произошло, хотя соответствующие проекты имелись [1][1]. Реформатор ограничился «пилотным проектом» создания полиции в Санкт-Петербурге и Москве, приняв личное участие в составлении «Пунктов, данных Санкт-Петербургскому генерал-полицмейстеру» и внеся поправки в «Инструкцию, данную московской полицмейстерской канцелярии». При этом указанные нормативные документы включали чисто практические положения, ставили конкретные задачи и не содержали идейного обоснования целей и методов деятельности полиции. Основной их целью в идеологическом плане стала демонстрация намерения власти неукоснительно применять принуждение, а не обеспечивать законность.

Тем не менее идея создания единого полицейского управления как гаранта стабильности и законности была воспринята «третьим сословием» в городах. В нормативном акте, призванном регулировать городское управление –

[1] См.: Берендтс Э. Несколько слов о «коллегиях» Петра Великого. С. 18, 22. Автор цитирует заметку из памятной книжки Петра: «О такой коллегии, которая бы смотрела, что исправить, переменить, отставить, вновь сделать, начиная от порядков прибыли даже, до чистоты и украшения во всем государстве, плантации в безлесных местах и виноград, всякие строения работы и прочия такие дела, когда указ об оных будет прежде не начинать не распорядясь кем и чем оныя содержать сделав».

Регламенте или Уставе Главного Магистрата (1721), содержится первое идеологическое обоснование концепции полиции периода «регулярного государства». Оно было дано в строках: «Оная споспешествует в правах и в правосудии, рождает добрые порядки и нравоучении, всем безопасность подает от разбойников, воров, насильников и обманщиков и сим подобных, непорядочное и непотребное житие отгоняет, и принуждает каждого к трудам и к честному промыслу, чинит добрых досмотрителей, тщательных и добрых служителей, города и в них улицы регулярно сочиняет, препятствует дороговизне, и приносит довольство во всем потребном к жизне человеческой, предостерегает все приключившиеся болезни, производит чистоту по улицам и в домах, запрещает излишество в домовых расходах, и все явные погрешения, призирает нищих, бедных, больных и прочих неимущих, защищает вдовиц, сирых и чужестранных по заповедям божьим, воспитывает юных в целомудренной чистоте и честных науках; вкраце ж над всеми сим полиция есть душа гражданства и всех добрых порядков и фундаментальный подпор человеческой безопасности и удобности» [1].

Характерно, что в этом определении можно заметить влияние идей «Трактата о полиции» Н. Деламара[1], ученика и наследника идей Ж. Дома, преломившего их через призму конкретного полицейского законодательства и практики полицейской деятельности. Отметим важное прямое текстуальное совпадение. Совершая исторический обзор развития полиции от зарождения первых государств, Деламар вкладывает в уста Сократа следующее определение (перевод дословный): «полиция есть душа города (фр. *police c est l ame de la cite*)», которое трансформируется в Регламенте или Уставе Главного Магистрата в более соответствующее русскому восприятию: «полиция есть душа гражданства» с последующей конкретизацией.

Однако попытки создать полицию при местных органах самоуправления в городах помимо Санкт-Петербурга и Москвы в первой трети XVIII в. не имели успеха, и их формирование при Анне Иоанновне в 1733 г. пошло по линии военной администрации и осуществлялось долго и болезненно; идеи концепции полиции «регулярного государства» с доминантой принуждения, отсутствием разграничения административных правонарушений и уголовных преступлений проявляли живучесть и востребованность.

---

[1] Traité de la police, où l'on trouvera l'histoire de son établissement, les fonctions et les prérogatives de ses magistrats, toutes les loix et tous les réglemens qui la la concernent. Second edition, 4 Tomes, Paris, Michel Brunet, 1722. Как отмечают современные французские историки, чей интерес к творчеству юристов-полицеистов в последнее время заметно усилился, основной задачей Деламара стало с позиции историка права доказать всеобщность полиции как инструмента управления городом на основе закона и справедливости.

Таким образом, на первом этапе формирования идеологической концепции полиции в Российской империи в ней главное место занимали идеи доминирования государственного принуждения под страхом наказания, что нашло отражение в соответствующих законодательных актах, применявшихся на практике. Идеи законности и опоры на нравственность были только обозначены, однако не получили конкретизации в законодательстве.

Второй период формирования концепции полиции наступает в правление Екатерины II. В процессе подготовки созыва Уложенной комиссии 1767/68 годов разрабатывается Наказ депутату Уложенной комиссии от Главной полиции – органа координации городских полицейских учреждений, который действовал под контролем Правительственного Сената.

На момент создания МВД, после реформы полиции, проведенной Павлом I, города управлялись одним городничим (при отсутствии в городе военного гарнизона) или комендантом (если в городе стоял гарнизон) без помощников, так как частные приставы и квартальные надзиратели были упразднены; коменданты находились в военном ведомстве и не подчинялись гражданским властям. Такое устройство затрудняло даже наружный надзор за нарушениями порядка, не говоря уже об осуществлении безопасности.

В 1803 г. принято новое положение «О средствах к исправлению полиции в городах» [4], позволившее Министру внутренних дел составлять особые штаты для каждого города с назначением частей и кварталов, числа полицейских и окладов, а также заменять военных комендантов полицмейстерами. Содержание городских полиций осуществлялось за счет бюджета городов по твердо установленной смете. Смета включала статьи расходов на жалованье по штату, на провиант и фураж, на обмундирование, содержание пожарного инвентаря, на дрова и свечи.

Методологическая предпосылка следующая. Социальная организация любого общества, будучи системной, содержит определенные имманентные механизмы управления, поддержания внутреннего единства и нормативного поведения, свойственные системе на каждом этапе ее развития. Общественное сознание поэтапно и с разной степенью адекватности отражает в законодательстве, научной доктрине и идеологии эти механизмы и их взаимодействие.

Политико-правовая концепция, содержавшая представления о полиции как о важнейшем механизме, начала формироваться в эпоху Просвещенного абсолютизма; поэтому понятие «полиция», как и формирование полицейских структур в национальных государствах, традиционно связывают с абсолютистской формой правления, с «регулярным государством». Французский правовед Жан Дома

впервые высветил универсальный характер полиции как регулятора, действующего на основе публичного права, приводящего в действие императивные нормы. Никола Деламар, его ученик и последователь, создал трехтомную кодификацию полицейского права Франции. Немецкие юристы И. Г. Юсти и Якоб Фридрих фон Бильфельд (Германия), философ Х. Вольф обосновали, что целью универсального управления государством с помощью полиции является всеобщее благо, создали концепцию полицейского государства.

Во время революционных потрясений конца XVIII–XX в. этатистские концепции периода абсолютизма в общественном сознании были вытеснены либеральными подходами, содержавшими наряду с обоснованными требованиями защиты прав и свобод граждан неадекватную критику полицейского государства как «государства-жандарма».

Изучение российско-французского взаимодействия в рамках этого пласта общественно-политической мысли позволяет уточнить объем и степень указанного влияния, рассмотреть некоторые особенности формирования политико-правовой культуры отечественной правящей элиты, в частности распространения в среде высшей российской бюрократии понятий социального и правового порядка, внутренней безопасности, а также идей о роли главы государства в поддержании справедливости и уважения к законам.

Политико-правовая доктрина французского абсолютизма, сложившись в XVII в., когда абсолютизм вступил в апогей своего развития и демонстрировал неисчерпаемые, как казалось современникам, возможности управления государством и обществом, привлекла внимание российского правящего класса в следующем, XVIII в., когда во французском общественном сознании обозначились внутренние противоречия общества, потребовались новые управленческие решения, с принятием которых правители «Галантного века» решительно запоздали, что привело к великим революционным потрясениям 1789–1894 гг.

Перед российскими монархами и мыслящими бюрократами из их окружения развернулось полотно исторических событий, протяженностью во времени более двух столетий, на котором оказались запечатлены эксперименты по отработке неоднозначных теоретических подходов к формированию правовой и политической системы национального государства при переходе к индустриальной эпохе; отразились поиски форм и методов управления со всеми успехами и неудачами. Этот опыт подвергался изучению и осмыслению российской правящей элитой, об отдельных эпизодах, свидетельствующих о ее знакомстве с этим опытом, известно из некоторых исследований.

Император Павел I провел ряд реорганизационных мероприятий в структуре столичной полиции (Устав столичного города Санкт-Петербурга и Устав столичного города Москвы от 12 сентября 1798 г.), основная заслуга которых – увеличение штата полицейских и формирование регулярной патрульно-постовой службы.

С 1799 г. столичная полицейская структура распространяется на все губернские города, где назначаются полицмейстеры с полагающимся штатом сотрудников полицейского ведомства.

По мере укрепления королевской власти и увеличения отчисляемых ей налогов абсолютные монархи (впервые во Франции, затем в Пруссии и Австрии и других странах) переходили к формированию автономных от судов органов полицейского управления. Согласно общепринятой точке зрения, классическая модель полицейского управления сложилась во Франции после того как: во-первых, эдиктом Людовика XIII, подписанным в Сен-Жермен ан Лэ в 1641 г., местные суды были отстранены от рассмотрения тяжб по публичным делам, переданных в юрисдикцию королевских интендантов; во-вторых, эдиктом Людовика XIV в 1667 г. была учреждена должность Генерал-лейтенанта полиции Парижа. В дальнейшем полиция была наделена функциями общего административного управления от имени центральной власти. Нормативной базой ее деятельности служили соответствующие королевские указы, которые к концу XVIII в. подверглись частной кодификации, заложившей основы новой отрасли права – полицейского права.

Построение рационально управляемого государства путем реформ и законодательного регламентирования было осознанной целью Петра. Он мечтал о создании, по его выражению, «регулярного» государства, в котором использовались бы хорошо продуманные законы, обеспечивающие бесперебойное функционирование механизма управления и ограждающие население от произвола чиновников. Важную роль в этом механизме призвана была играть полиция.

Однако окончательного выделения полицейской власти в специальную отрасль управления на уровне коллегии ни при Петре, ни при его преемниках в XVIII в. не произошло. И это при том, что во Франции, например, в это время уже действовала коллегия внутреннего управления, и Петру об этом было хорошо известно. Предложение создать в России Полицейскую коллегию сделал в своем проекте, который оказался востребованным практически во всех частях, кроме этой, и барон А. Х. Ф. Люберас. Более того, создание Политической коллегии среди других коллегий предусматривал в своих бумагах и сам Петр. Но реализован этот проект не был.

Можно предположить, что от проведения его в жизнь Петра удержали два фактора. Во-первых, коллегиальный принцип управления внутренними делами не давал уверенности в достижении желаемого результата. Во-вторых, те сферы общественной жизни, которые подпадали бы под контроль данной коллегии, не представлялись Петру развитыми и нуждающимися в саморегулировании в той же степени, что и в Европе. В первую очередь это касалось посадского населения, купечества и ремесленников, которые традиционно рассматривались властью как источник налоговых поступлений в казну. Некоторые попытки царя-реформатора предоставить горожанам самоуправление, чтобы «купечество и мануфактуры размножить», предприняты после 1718 г., когда победоносный исход Северной войны стал очевиден, однако своей цели они не достигли.

Так, установки законодателя создать для посадского населения полицию благосостояния нашли отражение в Регламенте или Уставе Главного Магистрата (1721). В нем был сформулирован важный принцип разработки и принятия нормативных актов, регулирующих сферу полицейского управления:

«Ежели в Главном Магистрате в которых городах усмотрят, что полезное ко установлению полиции, или добрых гражданских порядков к поправлению, и о том, какие надлежат новые уставы сочинить; то должно оное сочинять с осмотрением чтоб оные были к общенародной пользе, а не к повреждению, которые сочиня, для апробации объявить в Сенат, а не объявя, отнюдь в действо собою не производить понеже полиция особливое свое состояние имеет» [4, Т. 6, № 3708].

Обсуждение в Сенате предложенных на местах проектов полицейского законодательства имело следующие практические последствия: во-первых, и в правовом, и в идеологическом отношении полиция оказывалась под руководством Сената, что создавало предпосылки для ее дальнейшей централизации; во-вторых, процесс централизации не форсировался и предполагал созревание необходимых условий.

Вместе с тем был обозначен идеальный образ полиции: «а именно: оная споспешествует в правах и в правосудии, рождает добрые порядки и нравоучении, всем безопасность подает от разбойников, воров, насильников и обманщиков и сим подобных, непорядочное и непотребное житие отгоняет, и принуждает каждого к трудам и к честному промыслу, чинит добрых досмотрителей, тщательных и добрых служителей, города и в них улицы регулярно сочиняет, препятствует дороговизне, и приносит довольство во всем потребном к жизне человеческой, предостерегает все приключившиеся болезни, производит чистоту по улицам и в домах, запрещает излишество в домовых расходах, и все явные

погрешения, призирает нищих, бедных, больных и прочих неимущих, защищает вдовиц, сирых и чужестранных по заповедям божьим, воспитывает юных в целомудренной чистоте и честных науках; вкратце ж над всеми сим полиция есть душа гражданства и всех добрых порядков и фундаментальный подпор человеческой безопасности и удобности» [4]. Однако центрального органа управления такой идеальной полицией создано не было.

Проекты учреждения отраслевого органа управления внутренними делами с функциями контроля над всеми сферами жизни общества при условии их успешной реализации способствовали бы созданию полицейского государства, идеал которого явно просматривается в «Трактате о полиции» Деламара. Но создание такого органа, несмотря на его привлекательность, Петр, по-видимому, считал преждевременным: для его проведения в жизнь необходимы совершенствование законодательства, развитие промышленности и торговли, образования и науки, что, в свою очередь, требовало значительных государственных средств. На реализацию проекта, не подкрепленного финансами, Петр не пошел, что свидетельствовало не столько о здоровом прагматизме царя, сколько о сословно ограниченном характере его правовой культуры.

В дальнейшем развитие полиции как органа охраны общественного порядка и безопасности, т. е. благочиния, осуществлялось вширь. В 1733 г. полицейские канцелярии были учреждены в 23 городах на базе губернских и уездных гарнизонов, подчинявшихся губернаторам. Через Главную полицию, как стала называться Генерал-Полицмейстерская канцелярия Санкт-Петербурга, они поддерживали сношения с Сенатом и подчинялись его указам [4]. При Екатерине I и Анне Иоанновне Генерал-Полицмейстер подчинялся Кабинету другим соответствующим органам при особе государей.

Елизавета официально вывела Генерал-Полицмейстера из-под надзора Сената и повелела ему быть под своим непосредственным ведением [4], однако уже в первый год правления Екатерины II полиция по-прежнему подлежала сенатскому попечению, которое осуществлялось над ней, как над коллегиями [5, с. 204].

При этом усложнение деятельности по поддержанию благочиния и благосостояния, равно как появление новых задач в иных сферах общественной и государственной жизни, требовали более четкого разграничения компетенций сенаторов, усиления ответственности президентов коллегий как специализированных органов отраслевого управления.

При воцарении Екатерины II проект реформы Сената и создания Императорского совета предложил Н. И. Панин. В нем предлагалось учредить должности

четырех государственных статских секретарей, или министров, которые возглавили бы департаменты иностранных дел, внутренних дел, военный и морской. В проекте Панина впервые в истории отечественного государственного строительства было употреблено понятие «департамент внутренних дел». В ведение этого департамента Панин предлагал отнести «дела по Юстиц и Вотчинной коллегиям, по Сыскному и Судному приказам, по сыщиковым делам и по экспедиции о колодниках и всякие следственные дела по Главной полиции, по Сибирскому приказу, по банковским конторам для дворянства и купечества и по генеральному межеванию» [5][1].

В проекте Панина нашло отражение хорошее знание автором механизма государственного управления, сложившегося во Франции при Людовике XIV, при котором Сенат был разделен на департаменты отраслевого управления, среди которых важное место занимал департамент внутренних дел. Нельзя исключить и знакомство Панина, бывавшего с дипломатическими миссиями в Париже, с «Трактатом о полиции» Ж. Деламара, чье представление о социальных функциях полиции предопределило компетенции этого департамента.

Однако Екатерина II после недолгих колебаний отказалась от реализации проекта Панина. В дальнейшем ее законодательство не внесло изменений в узкое понимание сущности полиции как органа охраны благочиния. Взяв из верноподданнического Наказа, данного депутату Уложенной комиссии от Главной полиции, идею о том, что полицию должны возглавлять представители знатных фамилий[2], – Екатерина II закрепила ее в «Учреждении для управления губерний Российской империи». Начальником земской полиции стал капитан-исправник, выбиравшийся из дворян. Сословный принцип руководства полицией обеспечивал безопасность дворянского государства.

Положение изменилось в начале XIX в., когда на престол вступил Александр I. По мнению окружавших его «молодых друзей», членов Негласного комитета, необходимые предпосылки для создания полицейского государства возникли. Идея централизации полиции как органа благочиния и других учреждений, отвечающих за благосостояние, получила одобрение императора. При обсуждении проекта создания министерств, проходившего в течение 9 заседаний Негласного

[1] Бумаги, касающиеся предположения об учреждении Императорского совета и о разделении Сената на департаменты в первый год царствования Екатерины II. См.: Сборник Русского исторического общества. Т. VII. С. 214–215.

[2] Выбранному, в силу Высочайшего Ее Императорского Величества 1766-го году декабря 14-го дня Манифеста, от Главной полиции депутату Наказ для представления в Комиссию о сочинении проекта Нового Уложения, в котором заключаются требования оной полиции законов, надлежащих до полицейской должности.

комитета, граф Чарторижский высказал предложение учредить полицейскую власть как особую ветвь власти, подчинив ее Сенату, по образцу судебной полиции Франции [2, с. 178]. Наряду с этой властью он предлагал учредить министерство внутренних дел как орган исполнительной власти в сфере благосостояния. Однако в надзоре Сената над полицией Александр I усмотрел угрозу абсолютизму со стороны сенаторов – представителей аристократии во главе с Д. П. Трощинским, которые были к тому же противниками министерского единоначалия, отстаивая коллегиальность как принцип управления. В итоге император повелел создать Министерство внутренних дел, в котором сосредоточилось руководство полицией и управление сферой благосостояния. По сути, была реализована идея Н. И. Панина, модернизированная и развитая М. М. Сперанским.

Список литературы

1. Берендтс, Э. Несколько слов о «коллегиях» Петра Великого / Э. Берендтс. – С. 18, 22.

2. Великий князь Николай Михайлович. Граф Павел Александрович Строганов (1774–1817): историческое исследование эпохи императора Александра I. Том второй. – Спб., 1903. – С. 178.

3. Дестют де Траси А. Основы идеологии. Часть первая: Идеология в собственном смысле слова / Дестют де Траси А.; пер., предисл., комм. Д. А. Ланин. – М. : Альма Матер : Академичский проект, 2013.

4. Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 1. – Т. 27. – № 21007.

5. Сборник Русского исторического общества. – Т. VII. – С. 214–215.

6. Domat J. Oeuvres completes, nouvelle edition revue corrigée, ed. Joseph Remy / J. Domat. Paris: Firmin-Didot, 1829. Vol.1-3. 508 p. В российских библиотеках представлено издание его работы: Jean Domat. Les lois civiles dans leur ordre naturel. T I; Le droit public, suite des lois civiles dans leur ordre naturel. T II, Paris, 1777.

Хабарин О. М.[1]***,***
преподаватель кафедры
истории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВЫХ ОСНОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНСТИТУТА ФИСКАЛОВ ПРИ ИМПЕРАТОРЕ ПАВЛЕ I

Одна из серьезных угроз для развития современного государства – это коррупция. Она может охватить многие сферы деятельности государственного аппарата и стать проблемой, угрожающей национальной безопасности страны. В п. 15 Указа Президента Российской Федерации В. В. Путина «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» к основными задачам по реализации направления, касающегося развития системы государственного управления, прогнозирования и стратегического планирования в сфере экономики, указана «борьба с нецелевым использованием и хищением государственных средств, коррупцией, теневой и криминальной экономикой» [3].

Возникновение коррупции уходит вглубь веков, а ее современные проявления гораздо более серьезные, чем это было ранее. Для выявления генезиса организационно-правовых основ борьбы с коррупционными правонарушениями нужно обратиться к эпохе Петра I, так как именно он – первый из российских монархов, который повел осознанную политику противодействия коррупции, возвел ее в ранг общегосударственных приоритетов. Как отмечал С. А. Петровский, «всем было известно печальное состояние нашей администрации как во времена допетровские, так и в царствование самого Петра; известна масса злоупотреблений воевод, доходивших до невероятного. Не лучше было и в самой столице – то же взяточничество в ужасающих размерах. Кому неизвестна знаменитая в своем роде «московская волокита»?» [1, с. 98]. Он же отмечает: «Взяточничество, презрение к законам, указам, подкуп… были явлением очень и очень обыкновенным. Взяточничествуют дьяки, подъячие губернских и провинциальных канцелярий, взяточничествуют их патроны – воеводы, губернаторы и их помощники всяких названий, взяточничествуют дьяки и подъячие Приказов и различных канцелярий в столице, взяточничествуют приближенные к царю:… наконец, … будут взяточничать сами сенаторы» [1, с. 99].

[1] © Хабарин О. М., 2021.

Петровские реформы органов государственной власти отчасти способствовали росту числа случаев злоупотребления служебным положением в целях личного обогащения. Осознав угрозу и не имея возможности осуществить замену управленческих кадров, Петр I пришел к мысли о необходимости создания контролирующей системы за бюрократическим аппаратом. Потребность в уничтожении или ослаблении «зла, проистекавшего из беспорядков в делах, неправосудия, взяточничества и беззакония» заставила монарха создать разнообразные контрольно-надзорные институты, среди которых первоначально немаловажное место занимал институт фискалитета. Однако создание прокуратуры привело к снижению значимости фискалитета: прокурорам вменялось в обязанность надзирать за фискалами и принимать на них жалобы. В итоге прокуратура стала основным институтом государственного контроля, что привело к свертыванию деятельности фискадитета в общегосударственном масштабе с использованием данного института фрагментарно, в отдельных регионах Российского государства.

Такими регионами в царствование Павла I были территории, присоединенные в ходе второго и третьего раздела Польши. 12 января 1793 г. подписана конвенция о втором разделе Польши [2][1], а 24 октября 1795 г. состоялся третий раздел Польши. В результате на присоединенных землях указом от 23 апреля 1793 г. введено общероссийское губернское деление и созданы судебные учреждения [2]. Однако на ряде территорий сохранились старая правовая система (Литовский статут), выборность судей и маршалков на сеймиках. Тем не менее созданные губернии получили общеимперское управление, и в том числе в царствование Павла I, были учреждены должности фискалов. Введение на присоединенных территориях должности фискалов объяснялось стремлением властей быть в курсе деятельности местного аппарата, в особенности после губернской реформы 1796 г. [2][2] Правительству было важно знать, насколько полно воплощаются в жизнь положения реформы. Определенное влияние на введение должности фискалов сыграли и сенатские ревизии, выявившие ряд существенных недостатков в работе местного административного аппарата, а также фактически повсеместное злоупотребление должностными полномочиями со стороны чиновничества.

---

[1] 27 марта 1793 г. Екатерина II издаёт манифест «О присоединении Польских областей к России» // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXIII. № 17108.

[2] 12 декабря 1796 г. был издан указ «О новом разделении государства на губернии» // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXIV. № 17634. Общее число губерний сокращалось с 50 до 41 и одной области (область Войска Донского).

Указом от 3 октября 1797 г. «Об определении фискала в Курляндской губернии» на территории Курляндской губернии учреждена должность фискала[1]. Введение фискальской должности обосновывалось просьбой губернского начальства с указанием на особые права и привилегии, дарованные данной территории, и с соблюдением законодательства о фискалах, принятого в первой четверти XVIII в.[2]

Как продолжение этого указа 3 марта 1798 г. был издан указ «О жалованье фискалу Курляндской губернии». Согласно указу размер жалованья должен коррелироваться с оплатой труда фискалов в Лифляндской и Эстляндской губерниях: в Лифляндской губернии обер-фискалу полагалось 225 альбертовых талера[3], в Эстляндской губернии – 500 рублей. И поскольку в Курляндии чины судебного ведомства получали жалованье в альбертовых талерах, то фискалу надлежало получать 500 альбертовых талеров. Сверх этого он имел право на натуральную помощь и третью часть суммы конфискованного имущества. В указе отмечалось, что место фискала занимал тот же человек, который исполнял обязанности фискала при прежнем герцогском правлении (фискал Пантениус), т. е. до присоединения к Российской империи, и размер его жалованья составлял 1300 талеров, Сенат предложил, основываясь на указе Екатерины II от 27 ноября 1795 г., сохранить размер жалованья указанному лицу. Вновь же назначенный фискал будет получать уже 500 талеров. [2, Т. 25. № 18380].

Указом от 25 января 1799 г. «Об учреждении фискалов в Подольской, Волынской, Минской, Литовской и Киевской губерниях» «для вящего успеха в гражданских делах» в губерниях Подольской, Волынской, Минской, Литовской и Киевской сверхустановленных по штату чинов созданы должности фискалов 7 класса (что соответствовало надворному советнику на гражданской службе) с

---

[1] Курляндское наместничество образовано на территории бывшего герцогства Курляндского в 1795 г. Преобразовано в губернию 24 декабря 1796 г.

[2] На основании указа от 5 марта 1711 г. «О порядке заседаний и делопроизводства в правительствующем сенате и о должности обер-фискала» обязанностью фискала являлось: «должен он над всеми делами надсматривать и проведывать про неправый суд, також в сборе казны и прочего, и кто неправду учинит, то должен фискал позвать его пред Сенат (какой высокой степени ни есть) и тамо его уличать».

[3] Альбертов талер – род монеты, находившейся в обороте с 1598 г. Герцоги Курляндские чеканили как монету с 1752–1780 гг. До 1815 г. альбертов талер был самой употребительною счетною монетой в русских остзейских губерниях.

жалованием в 500 рублей в год [2][1]. Фискалы должны наблюдать за ходом рассмотрения дел, причем не только в судах, но и в любых губернских присутственных местах, совершать дважды в год объезд губернии с целью проверки деятельности административного аппарата и чиновников, собирать информацию о должностных злоупотреблениях и притеснениях населения. Рапорты они должны приносить губернатору и генерал-прокурору.

Указ от 5 мая 1799 г. «Об определении фискала в Белорусскую губернию» гласил о создании должности фискала в Белорусской губернии на тех же основаниях, что и согласно указу от 25 января 1799 г.

На основании указа от 8 декабря 1799 г. «О должности фискалов, учрежденных в Литовской, Минской, Волынской, Подольской, Киевской и Белорусской губерниях» фискалы должны следить за законностью производства дел во всех присутственных местах присоединенных губерний: отсутствие проволочек в рассмотрении дел отмечалось особенно. Фискалы имели право дважды в год, без указания срока, осматривать вверенную им губернию, в первую очередь ревизируя судебные места. Помимо открытого осмотра фискалы могли собирать информацию «безгласно» и, если ими были найдены злоупотребления, должны доносить об этом губернатору и генерал-прокурору. В указе отмечалось, что фискалы, пока не имея ведомственной инструкции, нередко превышают пределы своих полномочий и «делают из себя инстанцию и чин начальственный», «принимают жалобы, требуют объяснений, … входят в переписки и заводят у себя, так сказать, канцелярии…», «вступают … в частные тяжбы, … и чрез то вмешиваются с правом публичным, в дела приватные».

Для предотвращения подобных ситуаций в указе содержался ряд положений, регулирующих права и обязанности фискалов. По делам криминальным и колодничьим и по делам казенным (по искам, взысканиям и по всему тому, что относится к интересам казны; по делам обществ и их собственности, по сиротским делам, по деятельности полиции, по государственным повинностям и податям)

---

[1] Минская губерния образована 13 апреля 1793 г. из областей, присоединенных от Польши // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXIII. № 17112; из присоединенных к России земель Великого Княжества Литовского 14 декабря 1795 г. были образованы Виленская и Слонимская (Гродненская) губернии. 6 февраля 1797 г. эти губернии были объединены в Литовскую губернию; Подольская губерния была образована указом от 1 мая 1795 г. // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXIII. № 17323. Из вновь присоединенных провинций Польши 12 декабря 1796 г. из бывшей Польской Украины, Волыни и Подолии образованы губернии Волынская и Подольская; указами 30 ноября, 12 и 31 декабря 1796 г. из части уездов Брацлавского, Киевского и Волынского наместничеств учреждена новая Киевская губерния // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXIV. № 17594, 17634, 17702; указом 12 декабря 1796 г. губернии Могилевская и Полоцкая объединены в Белорусскую губернию // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXIV. № 17634.

и по всем делам, составляющим казенный интерес, фискалы собирали информацию и доводили ее до сведения губернатора. Если губернатор не реагировал, то фискалы имели право, минуя его, обратиться к генерал-прокурору.

Фискалам запрещалось вмешиваться в частные тяжбы под страхом наказания и отрешения от должности. Власти были обязаны предоставлять фискалам информацию. Фискалы не имели права принимать прошения и жалобы на свое имя и должны объяснить просителям и жалобщикам, куда следует обратиться с тем или иным прошением. Фискалы могли собирать сведения от жалобщиков с целью установления истины. Фискалы получали третью часть от выплаченных штрафов. Служебная деятельность фискалов финансировалась из двух источников: во-первых, за счет штрафных денег, поступивших в казну от деятельности фискалов, а во-вторых, если поступивших сумм не хватало на выплату прогонных денег в период объезда губернии, то финансирование осуществлялось за счет казны губернского правления с условием возврата денег из вновь поступивших штрафов. Собственной канцелярии и служащих фискалы не имели, а использовали штат губернских прокуроров.

Таким образом, фискалитет, созданный Петром I и утративший свои позиции в связи с созданием прокуратуры, получил новую институционализацию в царствование Павла I. На это процесс повлияло присоединение новых территорий к Российскому государству в результате второго и третьего раздела Речи Посполитой, которые включались в общероссийскую систему управления и общероссийскую правовую систему с сохранением ряда местных привилегий. Также использование института фискалитета объяснялось стремлением власти контролировать местные административные процессы, предупреждать и пресекать незаконную деятельность чиновников.

Список литературы

1. Петровский, С. А. О Сенате в царствование Петра Великого: Ист.-юрид. исслед. Сергея Петровского / С. А. Петровский. – М. : Унив. тип. (Катков и К), 1875. – С. 98.

2. ПСЗ РИ. – Собр. 1. – Т. XXIV. – № 17112.

3. Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // Официальный сайт Совета Безопасности Российской Федерации. – URL: www.scrf.gov.ru (дата обращения: 29.04.2021).

Хачатурян М. В.[1],
профессор кафедры
истории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИДЕОЛОГИЯ ПРАВОСЛАВИЯ В РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Российская православная идеология неразрывно связана с возникновением и развитием Древнерусского государства, расцвет которого пришелся на XI–XII вв. Признание и легализация христианства, распространение письменности и развитие правовой и политической мысли положили начало формированию национальной идеологии.

Христианство способствовало становлению государственной власти и созданию незыблемых основ государства и общества. Церковь сыграла объединяющую роль, создав духовную базу для единства всех сословий, и она стала прочным фундаментом государственной власти. Православная церковь обеспечивала стабильность в обществе и осуждала многие протестные явления: бунты и восстания. В то же время Церковь осуждала неудержимое накопление богатств и угнетение народа [2, с. 44].

Всемирно-историческое значение православия заключается в том, что оно создало условия для духовного единения народа, включая носителей других религий и конфессий, населяющих территорию Российского государства. Религиозно-культурное самоопределение народа, паломничество к православным святыням и установление внешних связей – все это способствовало формированию государственной идеологии.

С христианством связано также формирование русской культуры: появление на Руси славянского письма и богослужебных христианских книг, становление образовательных учреждений при монастырях. Начался процесс строительства каменных церквей, храмов, развивались изобразительное искусство и литературное творчество, проникнутое идеями православия. На Руси утвердился единый язык, который был и народным, и государственным, в отличие от других стран, где государственным языком был латинский. Это положительно повлияло на культуру русского народа, его просвещенность и образованность [1].

---

[1] © Хачатурян М. В., 2021.

Национальная идеология России объединила Русские земли, разъединенные междоусобицей, укрепила великокняжескую политическую власть, способную преодолеть внутренние раздоры и подготовить страну к обороне от завоевателей.

Начало XIII в. ознаменовалось определением наиважнейших идеалов православия. В нравственной области оно стало духовной основой служения Отечеству, верности его идеалам, таким как терпение и жертвенность. Без этого сложно представить сплочение народа перед лицом врага. Защита Отечества стала священным долгом каждого православного воина, готового пожертвовать собой ради сохранения земли Русской.

В XIV в. наблюдается тенденция к устранению феодальной раздробленности и консолидации княжеств вокруг Москвы. В этом столетии произошло образование единого государства, что стало важнейшей вехой в отечественной истории.

Русское православие единственное смогло разрешить проблему, с которой не справилось ни одно государство Западной Европы, а именно найти компромисс между государственной властью и Церковью.

В конце XV – начале XVI в. в России утвердилась сословно-представительная монархия в качестве формы правления. В государстве сформировались основы национальной идеологии.

К началу XVIII в. тенденция к превращению сословно-представительной монархии в абсолютную стала определяющей в практике реализации верховной власти.

Во второй половине XVIII в. активная внешняя политика России способствовала признанию России великой европейской державой. События XVIII в. привели к осознанию необходимости утверждения идеи служения государству в государственную идеологию. Борьба за власть, вспыхнувшая после смерти Петра I, привела к расколу правящей элиты, обозначила серьезные противоречия в обществе и отдалила власть от народных масс. Было предано забвению положение о том, что любая идеология имеет практическое значение только в том случае, если она опирается на интересы и потребности основной массы населения страны.

Таким образом, национальная идеология в отечественной политической мысли XVIII в. выступила в качестве обоснования идеологии самодержавной власти Российской империи. Во второй половине XVIII в. Завершилось развитие модели российской абсолютной монархии, а в отечественной политической мысли сложилась концепция самодержавной власти.

К началу XIX в. происходит рост авторитета России на международной арене. В тоже время раскол в обществе увеличил и без того существующую пропасть между привилегированным дворянством и низшими сословиями.

Предпринимаются определенные шаги к созданию государственной идеологии, правящая верхушка пытается увлечь народ лозунгом «Самодержавие, православие, народность». Однако народ воспринимал данный призыв совершенно в другом ключе понимая православие не как государственную политику, а как религиозный уклад жизни. Все это создавало предпосылки для размытия понятий «долг» и «служение Отечеству», приводящие к протестам, которые в итоге вылились в свержение существующей власти и крушению царского правления в 1917 г.

На смену государственной идеологии православия в России пришла идеология советского социализма и коммунизма, основыванная на марксистско-ленинских догмах. Важной составляющей коммунистической идеологии стал атеизм. В стране разрушались церкви, преследовались священнослужители и насаждалось повсеместно антирелигиозное сознание.

Сущность коммунистической идеологии можно определить как критику капиталистических отношений и уничтожение частной собственности. Коммунистической идеологией была пронизана теория прогресса и мессианской роли рабочего класса и крестьянства, разрушались христианское сознание и идеология православия.

В настоящее время современная Россия задается вопросом: нужна ли ей государственная идеология? В Конституции РФ, в ст. 13 (пп. 1 и 2) констатируется, что «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной».

Сознание граждан России все более возвращается к истокам православия, его христианским заповедям. Поэтому России нужна сегодня государственная идеология православия, необходимость которой фактически созрела в сознании народа.

Основные положения такой идеологии – идеи социального гуманизма:

– патриотизм и гордость за свое Отечество;

– формирование и развитие нравственности и духовности личности;

– социальная защита и создание условий для достойной жизни всем гражданам;

– развитие личности: здоровье, уровень и продолжительность жизни, достоинство, гражданские права и свободы человека.

Таким образом, идеологией, пронизанной православием, станет идеология социального гуманизма, которая в дальнейшем приведет к качественным изменениям в России.

Список литературы

1. Аванесова, Г. А. Роль христианства в развитии отечественной культуры // Социально-гуманитарные знания / Г. А. Аванесова. – 2017. – № 5. – С. 53–68.

2. Миронов, А. В. Основы и религиоведение. Государственные и церковные отношения / А. В. Миронов, Ю. А. Бабинов // Социально-политический журнал. – 2013. – № 9. – С. 44.

Черноскутова А. Д.[1],
курсант 2 курса
международно-правового факультета
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Артамонов Ю. А.,
начальник кафедры истории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат исторических наук, доцент

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ МИССИЯ МИНИСТРА ПОЛИЦИИ А. Д. БАЛАШОВА

Личность первого министра полиции России Александра Дмитриевича Балашова очень неоднозначно оценивается в литературе. Например, советский историк Станислав Архипович Чибиряев называл А. Д. Балашова «завистником, взяточником, карьеристом и лжецом». «Исчадием бесчестного и карьерно-корыстный интриганом» – называл министра историк российского права Владимир Алексеевич Томсинов. Модест Андреевич Корф, первый биограф М. М. Сперанского, однокашник А. С. Пушкина, отмечал, что А. Д. Балашов был «обуреваем завистью и корыстью», а его поступками двигали «карьерные и прочие низкие мотивы». Неужели такой человек мог занять пост и министра полиции?

Но ведь сам император Александр I, оправляясь в армию, пожелал, чтобы Александр Дмитриевич был рядом с ним. Наконец, именно министру полиции 13 июля 1812 г. в Вильно была поручена ответственная дипломатическая миссия – отправиться в стан Наполеона и последний раз призвать французского императора к миру. Для А. Д. Балашова это поручение стало неожиданностью, свой парадный генеральский мундир он уже отослал с обозом, который двигался вглубь страны.

О настроении министра рассказывает в своих мемуарах граф Е Ф. Комаровский: «Я жил тогда вместе с Александром Дмитриевичем. Он приходит домой в отчаянии, рассказывает мне все, что с ним случилось… К счастью, мой обоз еще не уехал, и я ему предложил мой генеральский мундир… Насилу мундир мой влез на Балашова, но нечего было делать; он решился его взять и обещался во все время есть насколько можно менее, чтобы похудеть» [2]. Напутствуя

[1] © Черноскутова А. Д., 2021.

А. Д. Балашова, царь сказал, что, если Бонапарт согласится на переговоры, то к ним можно будет сразу перейти, но при одном обязательном условии – противник должен покинуть рубежи России: «В противном случае я даю слово, что не стану говорить о мире и принимать никаких о нем предложений, пока хотя один вооруженный француз будет находиться в России».

Утром 14 июня в сопровождении небольшого отряда А. Д. Балашов выехал к французским аванпостам маршала И. Мюрата, который после выяснения всех обстоятельств позволил ему следовать дальше. Наполеон, зная о приезде посланника Александра I, не спешил его принимать. Ему было важно добиться какого-нибудь военного успеха, чтобы вести переговоры с позиции сильной стороны. Только 19 июня А. Д. Балашову сообщили о желании Бонапарта принять его. Министра доставили в уже занятое французскими войсками Вильно. Наполеон принял посланника в том самом кабинете, где всего несколько дней назад последний получал инструкции российского императора. Таким выбором места встречи Бонапарт хотел унизить не только А. Д. Балашова, но и русского царя.

Артем Викторович Давиденко писал: «Наполеон начал с дежурных любезностей, сказав, что слышал о Балашове как о преданном царю человеке. Но вот остальные персоны из царского окружения не таковы. Он подчеркнул: сии дурные советники подтолкнули русского самодержца к бессмысленной войне. И чего он ждет от нее? Ведь уже сейчас без единого выстрела французские войска завладели несколькими прекрасными из его провинций. Итак, с первых слов корсиканец, попирающий каблуками паркет царского кабинета, заявил о том, что войну развязал сам же царь» [1].

А. Д. Балашов нашел для ответа достойные слова: «Ваше величество! Не император, государь мой, желает войны; не он начинает ее; его войска доныне не выходили из пределов своей страны; ваши, государь, прошли всю Европу, чтобы явиться на наших границах, не предупредив нас о том и не встретили сопротивления со стороны русской армии». Не желая слушать, Наполеон обрушил целый ряд упреков в адрес России, а затем попросту начал угрожать: «Я сделал большие приготовления, и у меня в три раза больше сил, чем у вас. Я знаю так же, как и вы сами, может быть, даже лучше, чем вы, сколько у вас войск. У вас пехоты 120 тысяч человек, а кавалерии от 60 до 70 тысяч. Словом, в общем меньше 200 тысяч. У меня втрое больше». А. Д. Балашов терпеливо слушал и молчал, молчал не потому, что нечего было сказать, а потому что этого требовали этикет и достоинство пославшего его самодержца. Наконец, он сказал: «Вы, государь, предпринимаете ужасную войну. Она будет войною всего народа… русский солдат

храбр, а народ привязан к своей Отчизне и предан своему государю». Это были смелые слова! Достойные представителя Великой державы!

После аудиенции министр полиции получил приглашение Наполеона на обед. Во время этой второй встречи А. Д. Балашов почувствовал желание французского императора уязвить его патриотическое чувство, национальную гордость. Бонапарт хотел своими вопросами поставить русского парламентера в затруднительное положение. Министр сразу разгадал эту новую тактику. «Приметить надо, – писал впоследствии Александр Дмитриевич, – что тон, который Наполеон принял на себя во время обеда, был уже не тот, который он имел в кабинете, а гораздо надменнее, и часто приходило мне на мысль остановить неприличность сего тона каким-нибудь ответом не по его вкусу, чтоб он сие заметил и воздержался, иначе мне, быв одному посреди неприятелей, нечем было другим поддержать достоинство наложенной на меня должности». Бонапарт интересовался: есть ли в русской армии киргизские полки; произошла ли смена губернатора в Москве; действительно ли Москва является большой деревней; насколько набожны русские люди. И, наконец, последовал вопрос о том, какая из дорог ведет на Москву? Этим Наполеон хотел уколоть А. Д. Балашова, но получил достойный ответ: «Ваше величество, этот вопрос немного затруднителен для меня: русские, подобно французам, говорят, что каждая дорога ведет к Риму. Дорогу в Москву избирают по вкусу. Карл XII пошел на нее через Полтаву».

Это была маленькая победа дипломатии Балашова, министр дал четко понять, что итог похода Наполеона на Россию будет такой же, как и у Карла. Неслучайно этот эпизод был воспет в бессмертном произведении Л. Н. Толстого «Война и мир».

Многие исследователи сомневались в достоверности приведенных министром полиции сведений, но работа Артема Викторовича Давиденко показала, что они беспочвенны. Известно, что А. Д. Балашов хорошо владел французским языком и за словом в карман не лез. Его современник М. А. Дмитриев, лично знавший министра полиции, вспоминал: «Он был чрезвычайно умен; он умел говорить интересно даже и о погоде, потому что у него не было слова без мысли. Говорил он громко и красноречиво; после Карамзина я не находил человека красноречивее Балашова… Он умел рассказывать не только умно и живописно, но иногда и с примесью легкой насмешки».

Конечно, с вопросом о предпочтительном пути на Москву Наполеон обращался к посланцу Александра I не как к эксперту по географии. Он не нуждался в советах Балашова – ему вообще был не интересен ответ. Сама формулировка вопроса была призвана внушить посланцу русского царя мысль о том, что новым

хозяином страны является Наполеон, поэтому он может сам выбирать дорогу следования, сметая и уничтожая любые помехи на своем пути. И вопрос о религиозности тоже был задан с издевкой, Бонапарт не ставил под сомнение веру русского народа, он лишь хотел подчеркнуть «аномальное», по европейским меркам, количество храмов с «аномальным» варварством русских. Отсюда и уничижительная характеристика в адрес Москвы: «большая деревня».

А. Д. Балашов достойно выполнил миссию, возложенную на него императором Александром I. Последовательностью, выдержкой и честностью он не уронил ни достоинство русского монарха, ни достоинство страны, которую представлял. Эпизод встречи с императором Франции свидетельствует о том, министр полиции был патриотом России, гордился ее прошлым и верил в ее будущее. Свою преданность Отечеству он еще не раз имел возможность доказать, в том числе, когда принял участие в организации народного ополчение, а также в большой работе по оценке ущерба, нанесенным Москве французской оккупацией.

Список литературы

1. Давиденко, А. В. Содействовать против всех вражеских замыслов и покушений…: труды и подвиги российской полиции в эпоху 1812 г. Очерки / А. В. Давиденко. – М., 2020.

2. Комаровский, Е. Ф. Записки / Е. Ф. Комаровский. – СПб., 1914. – С. 189.

Шикунов Д. В.[1],
доцент кафедры философии
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат политических наук, доцент

РАЗВИТИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ КАК ЗАДЕЛ НА БУДУЩЕЕ

Основной тенденцией развития современного общества является демократизация всех сторон его жизни: социальной, экономической и политической. Процесс демократизации в той или иной степени коснулся всех народов и государств, сосуществующих в современном мире. Однако путь этот сложен и противоречив, каждое общество идет по нему своим путем.

Демократия, т. е. власть народа, – явление одновременно и простое, и сложное. Её простота связана с пониманием того, что при демократическом устройстве именно народ принимает решения по управлению обществом. Её сложность заключается в том, как он это делает.

При всей многовариантности современных форм демократии основными остаются две: коллективистская и либеральная, остальные модели производные.

Коллективистская модель базируется на принятии решения большинством и подчинении этому решению меньшинства. Либеральная модель абсолютизирует роль личности, решения должны приниматься в её интересах с целью обеспечения её прав и свобод.

Современная западная демократия базируется на либеральной модели, преподнося её как идеал, к которому должно стремиться всё человечество. Именно на этой модели построена система представительства, современного парламентаризма.

Коллективистская модель демократии также нашла своё место как в истории, так и в современном обществе. Условно её можно назвать восточной моделью, так как сегодня она преобладает прежде всего в странах восточной модели цивилизации.

Российская демократия имеет свою долгую историю и характерные особенности.

На Руси, в России в различные временные периоды сложились разные формы демократического управления обществом. Наиболее древней считается

[1] © Шикунов Д. В., 2021.

народное вече. В Древней Руси в условиях распада родового устройства и замены его общинной организацией происходит преобразование племенных сходок в вечевые собрания. На общий совет (вече) сходились люди разной степени родства, соединенные общим интересом. Они составляли общину (задругу, вервь) и избирали для ведения общих дел выборных старшин (позднее военных вождей, князей, посадских). В функции веча помимо функций выборного института входили организация постоянной дружины, устроительство торга, производство судебных дел, вопросы войны и мира.

Процесс непосредственной демократии (вечевой институт) и представительной (старейшины, вожди, князья, посадские и т. д.) в Древней Руси покоился не на родовой традиции, а на территориальной. Отсюда и долгожительство вечевого собрания. По данным И. Я. Фроянова, даже «учреждение христианства в Киеве осуществлялось с ведома и одобрения местной вечевой общины» [8, с. 84]. По свидетельству Н. П. Ерошкина, из 50 первых русских князей, занимавших киевский престол, 14 были приглашены вечем, а в Новгороде за 1126–1400 гг. на вече выбраны 275 посадников [2, с. 25, 26]. В период Киевской Руси вече способствовало укреплению власти князя, аппарата княжеского управления. Как отмечал С. Ф. Платонов, на Руси определились два политических авторитета: 1) княжеский и 2) городской, или вечевой [6, с. 123].

Постепенно на Руси вечевой институт сходит на нет, и ему на смену приходит укрепившаяся авторитарная власть князя. Несмотря на это, представительная демократия получила дальнейшее развитие.

В период укрепления княжеской власти особое значение приобрела Боярская Дума. «Боярской Думой, – отмечал правовед П. Н. Мрочек-Дроздовский, – в науке принято называть тот боярский совет, который состоял при государе и образован из старинного дружинного совета князей» [5, с. 387]. Этот совет назывался по-разному: «Государева дума», «Расправная палата», Боярская дума. Его деятельность видна в формуле самих указов: «царь указал, и бояре приговорили», или «по указу царя бояре приговорили», или «царь приговорил со всеми бояры».

«Боярская дума, – отмечал В. О. Ключевский, – состояла из нескольких десятков членов, носивших разные звания» [4, с. 368]. В период московского этапа функционирования Думы в нее входили помимо бояр удельные князья и их бояре, окольничие, поместное служилое дворянство, думные дворяне и думные дьяки, которые вели делопроизводство. Кроме того, в думу входил митрополит (позднее патриарх); иногда приглашалось и другое высшее духовенство, сановники «Освященного собора»; царские родственники, их сыновья («дети

боярские, которые в думе живут»), но не все, а наследники. Таким образом, Боярская дума была сословно-аристократическим совещательным органом при Великом князе (царе).

С середины XVI в. в Московском государстве повсеместно вводилась система выборного местного самоуправления в виде «излюбленных голов» (старост), целовальников или земских судей – «лутчих» людей, что предписывалось земскими грамотами. Избирательным округом выступили волость и округ. Помимо определенных функций полицейского надзора, судебных и административных, функций по сбору податей общинные органы иногда «чинили указ», издавали обязательные постановления, т. е. своего рода общинное «нормотворчество».

Выборность проникает и в церковную структуру. Так, священники или назначались епископом, или выбирались прихожанами из грамотных людей разных сословий. При Иване Грозном белое духовенство получило право выбирать из своей среды десятских и сотских священников, или «поповских старост» [3, с. 307].

XVI–XVII вв. дали истории России новую форму народного представительства – Земские соборы. Просуществовавшие более 100 лет, Земские соборы стали воплощением сословно-представительной монархии, связавшим воедино высшую власть, власть царя и народное самоуправление. Собирались Земские соборы по царскому указу с разной периодичностью (с 1613 по 1620 г. Земские соборы проходили почти непрерывно). На них возлагалось решение важнейших вопросов существования Российского государства, – принятие новых законодательных актов (Судебник Ивана IV, Соборное Уложение Алексея Михайловича и др.), утверждение на царском престоле того или иного лица (по решению Земских соборов царями стали Борис Годунов, Василий Шуйский, Михаил Романов). Самым многолюдным стал Собор 1613 г. (избрание М. Романова на трон) – около 800 человек, хотя представляли они всего 39 уездов. На земском соборе 1648 г. было представлено 119 уездов при 350 участниках. Самый полный Собор 1638 г. собрал представителей 73 городов и 77 посадов. В числе участников Собора было 143 представителя от дворян, 83 представителя посадов, включая Москву, и 98 человек от так называемого третьего сословия. Последний Собор был собран в 1653 г. (вопрос присоединения Украины к России). Последовавшие за ним соборы уже не носили характера «совета всея земли» и всесословности. Середина XVI в. вообще связана с закатом земского самоуправления. Указ от 27 ноября 1649 г. ликвидировал сословные институты в уездах. Местное самоуправление лишь незначительно сохранялось лишь на севере страны.

Представительство в Земских соборах различное. Обычно оно оговаривалось в призывной грамоте, – сколько и из каких разрядов необходимо избрать. Однако так было далеко не всегда. В призывной грамоте Земского собора 1613 г. количество выборных не определялось, говорилось только, чтобы это были лучшие и разумные, а выбирали бы «кого Бог даст» [1, с. 175]. Нередко в грамотах встречается, и формулировка «поскольку человек пригоже» или «кто люб будет».

Многие современные исследователи подчеркивают, что российские Земские соборы кардинально отличаются от сословно-представительных органов Запада. Главное отличие состоит в том, что западные парламенты как бы противопоставляли себя королевской власти и тем самым ограничивали ее. Главный вопрос, который ставил перед ними король – требование финансирования его мероприятий. Российское земство этой эпохи опиралось на принцип соборности, что соединяло вместе царскую власть и власть Соборов. В результате самодержавие от этого не только не ограничивалось, а еще более крепло.

Основные вопросы на Земских соборах – легитимизация самодержавной власти, обсуждение и решение важнейших вопросов внутренней и внешней политики вместе с представителями народа.

В эпоху имперской России XVIII–XIX вв. в условиях абсолютизма элемент народного представительства практически исчез. Об идее представительства в России задумывались Екатерина II, Александр I. Однако дальше планов дело у них не пошло. В историю вошел знаменитый проект М. М. Сперанского, подготовленный к 1809 г. Планировалось ввести в России однопалатный парламент – Государственную Думу. Помимо Думы в стране должны были быть созданы губернские и уездные думы. Высшая законодательная власть в государстве должна принадлежать Государю и Государственной Думе. Утверждение законодательной ветви власти должно было сочетаться с разграничением полномочий на законодательную, исполнительную и судебную ветви. Гражданские свободы вводились для всех (в разном объеме для дворян, людей среднего состояния и простого народа), но политическими правами могли обладать только собственники.

В 1815 г. Александр вновь рассматривает проект преобразований в Российском государстве – конституцию Н. Н. Новосильцева, которая предусматривала введение двухпалатного Сейма с правом участи в законодательной деятельности вместе с государем.

Определенный исторический интерес представляют и парламентарные проекты декабристов – Конституция Н. М. Муравьева и «Русская правда» П. И. Пестеля. Идеалом народной свободы для декабристов выступала Древняя Русь с ее

вечевым самоуправлением. В республике П. Пестеля законодательная власть представлена однопалатным парламентом – Народным вече, депутатом которого может стать любой мужчина на основе равных безцензовых выборов. Вводились свобода слова, печати, собраний, передвижения, выбора занятий, вероисповедания, равный суд, уничтожались сословия.

Н. Муравьев предлагал создать двухпалатный парламент. Исполнительная власть находилась в руках императора, обладавшего значительными правами: задерживающее вето, назначение министров, командование армией и флотом и т. д. Гражданскими правами в полном объеме могут пользоваться только лица, обладающие крупной земельной собственностью. Выборы должны быть ограниченными, многоступенчатыми с высоким имущественным цензом (500 руб.). Для занятия высших должностей в государстве нужно обладать собственностью на 30–60 тыс. руб. Проект Н. Муравьева – это первая в истории России программа создания в России федеративного государства (деление на «державы» и области со своими столицами и самостоятельным управлением).

Проведя знаменитые земскую (1864 г.) и городскую (1870 г.) реформы в стране, Александр II попытался возродить основы прежнего местного земского и городского самоуправления (при крайнем ограничении их полномочий со стороны исполнительной власти). Дальше этого царь пойти не захотел, и на все призывы либеральной земской общественности о необходимости создания единого общероссийского земского органа отвечал жестко, порой репрессивными мерами. Проект М. Т. Лорис-Меликова, подготовленный в конце правления Александра II и в целом одобренный императором, предусматривавший в перспективе созыв подобного общегосударственного земского органа с наделением его некоторыми полномочиями, не был окончательно принят из-за гибели государя от рук народовольцев.

Новый этап развития российской демократии начинается с создания в России Государственной думы и Государственного совета в начале XX в. 115 лет назад в стране был создан высший законодательный и представительный орган – первый Российский Парламент. Председатель I Государственной думы С. А. Муромцев отмечал: «Первая Дума впервые придала неорганизованному, наполовину стихийному движению народа формы организованные,… в стенах Государственной Думы партии, встретившись между собой, впервые поняли, что пора сойти с почвы митинга и встать на почву организованного собрания» [7, с. 221].

Создание в России 1906–1917 гг. Государственных дум стало первым значительным шагом по пути развития народовластия и парламентаризма. И хотя Дума была крайне ограничена в своих возможностях, она стала важным

элементом политической системы Российской империи последних лет её существования. Получив первый опыт, Россия могла далее пойти по этому пути. И если бы российский парламент мог бы влиять на проводимую политику (иметь ответственный кабинет министров) и обладать при этом более широкой поддержкой у населения (через демократизацию избирательного законодательства), это позволило бы постепенно преобразовать пеструю российскую многопартийность с её острыми и опасными крайностями в многопартийную систему, перевести стрелки с внепарламентских к парламентским методам борьбы и избежать известных последующих катаклизмов.

Очередным этапом развития народовластия в России стал советский период. Советская система, в отличие от парламентской, тесно связывала депутатов с их избирателями. Первоначально выборы в Советские органы проводились гласно, открыто и поэтапно, т.е. нижестоящий орган делегировал в вышестоящий своих представителей, предоставляя им соответствующий мандат. Кандидатуры выдвигались и широко обсуждались на предприятиях, в воинских подразделениях, на крестьянских сходах. Естественно, что кандидатуры предлагались местными органами власти, партийными органами (не только РСДРП(б), но и других социалистических партий, пользующихся у населения поддержкой). Только в более позднее время в рамках СССР при утвердившейся однопартийной системе выборы стали проводить закрыто, с единственной кандидатурой, согласованной с партийным руководством, производственный принцип поменяли на территориальный.

Впервые все категории взрослого населения (кроме тех, кто был ограничен в правах по решению суда) получили право участвовать в выборах. Таким образом, советская модель демократии представляла собой сочетание прямой и представительной её форм. Такой же порядок управления сложился и в правящей коммунистической партии, когда решения принимались на партийных собраниях, конференциях и съездах. Говорить о том, что решения принимались без обсуждения и единогласно, – значит преднамеренно упрощать эту модель (достаточно вспомнить знаменитый фрагмент фильма «Добровольцы» о бурном партсобрании метростроевцев).

Конец 80-х – начало 90-х годов XX в. стало переломным моментом в отечественной истории и одновременно «взрывом» народного интереса к процессу развития демократии. Вся страна, не отрываясь от экранов телевизоров, смотрела за работой Съезда народных депутатов и Верховного Совета. Политические лидеры той эпохи пользовались невероятной популярностью и народной поддержкой. В сложной политической борьбе рождалась новая Россия.

Позднее повышенная народная активность сменилась политической апатией, в стране развивалась представительная модель демократии, яркие политические фигуры заняли те или иные государственные посты, превратившись в чиновников. Основные решения теперь принимаются без обсуждения с народом административным путём. Работа демократических учреждений в основном носит формальный и декларативный характер. Поэтому сегодня, как и ранее, наблюдается оторванность народа от власти. Отсюда неизбежно вытекает снижение уровня легитимности власти. Выходом из этой ситуации могло бы стать развитие прямых плебисцитарных форм демократии, большего участия народа в политическом процессе современной России.

Список литературы

1. Белоновский, В. Н. Представительство и выборы в России с древнейших времен до XVII века / В. Н. Белоновский, А. В. Белоновский. – М., 1999. – С. 175.

2. Ерошкин, Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России / Н. П. Ерошкин. – М., 1968. – С. 25, 26.

3. Иловайский, Д. И. Краткие очерки русской истории / Д. И. Иловайский // Учебники дореволюционной России по истории. – М., 1994. – С. 307.

4. Ключевский, В. О. Сочинения / В. О. Ключевский. – Т. 2. – С. 368.

5. Мрочек-Дроздовский, П. Н. Лекции по истории русского права / П. Н. Мрочек-Дроздовский. – М., 1891. – С. 387.

6. Платонов, С. Ф. Лекции по русской истории / С. Ф. Платонов. – М., 1993. – С. 123.

7. Смирнов, А. Ф. Государственная Дума Российской Империи 1906–1917 / А. Ф. Смирнов. – М., 1998. – С. 221.

8. Фроянов, И. Я. Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы / И. Я. Фроянов. – СПб., 1995. – С. 84.

Шилова В. С.[1]*,*
курсант 1 курса
международно-правового факультета
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Иванченко Ю. А.,
заместитель начальника кафедры
истории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИН В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ВОПРОСЫ ЭВОЛЮЦИИ

В разные исторические периоды развития мировых культур правовой статус женщины был различным и в большинстве обществ значительно ниже статуса мужчины. При этом правовое положение женщины во многом было связано с экономическими, политическими, религиозными и культурными особенностями того или иного общества. Таким образом, если в обществе происходили какие-либо изменения, могло меняться и положение людей в этом обществе, в том числе женщин. Именно это и произошло в период возникновения Российской империи.

Однако даже до реформ Петра I русские женщины не были полностью бесправны. Еще в Киевской Руси женщины обладали не только правами, но и властью в рамках семьи, но в общественных отношениях участия не принимали.

Исторически сложилось так, что имущественные права женщин в Российской империи опережали по степени проработанности права из других областей. Приданое жены, как и всякое другое имущество, приобретенное ею или на ее имя посредством покупки, дарения, наследования или иным законным способом, составляло ее отдельную собственность, которой муж без ее согласия не мог распоряжаться. Жена, не живущая с мужем по его вине, была вправе требовать возвращения ей приданого, хотя на практике это было трудновыполнимо, поскольку имелось несоответствие между законным правом, согласно которому муж не мог претендовать на приданое супруги, и закрепившимися в обществе

[1] © Шилова В. С., 2021.

патриархальными традициями – так называемым «обычным правом», подобные претензии допускавшим [1, с. 66].

В XVIII в. правовой статус женщины претерпевал значительные изменения. Одним из основных шагов в расширении личных прав не только молодых женщин, но и мужчин стало ограничение влияния родителей на супружескую жизнь их детей. Еще до объявления себя императором, именным указом 1702 г. Петр I запретил заключать брак без участия самих брачующихся. Согласно этому же указ девушка получала возможность отказаться от замужества.

В 1714 г. Указом о единонаследии и неделимости имений старшей дочери впервые было дано право наследовать земельное имущество в случае отсутствия в семье сыновей. При этом муж такой наследницы принимал фамилию жены.

Перестраивая светское общество на западный манер, Петр I обязал подданных посещать так называемые увеселительные ассамблеи вместе с женами и дочерьми. О каких-либо правах в данном случае говорить преждевременно, однако женщинам из приближенных к императору кругов была предоставлена возможность появляться в публичных местах.

При этом жена по-прежнему находилась в зависимости от мужа, должна носить его фамилию и после замужества переходила в его сословие (исключение составляли только дворянки, которые, согласно Жалованной грамоте дворянству (1785 г.), не утрачивали сословной принадлежности) [4, с. 43].

К XVIII в. относится ряд законодательных актов, разрешавших жене распоряжаться ее приданным и приобретенным в браке имуществом (Указы 1716, 1781, 1753 г.).

Благодаря стремлению Петра I приблизиться к Западу и мужчины, и женщины получили в 1721 г. право вступать в брак с неправославными христианами.

Во времена Петра I у женщины появилось дополнительное основание для развода: женам каторжных невольников теперь дозволялось заключать новый брак.

При Анне Иоанновне произошло дальнейшее расширение прав женщин на владение имуществом: согласно Указу 1731 г. жена могла наследовать своему мужу: в недвижимом имуществе она получала 1/7 часть, а в движимом – 1/4 часть. Также Указом предусматривалось, что при наличии в семье потомства мужского пола дочери родителей, не оставивших завещания, имели право на половину наследственной доли своих матерей (т. е. на 1/14 часть земельных угодий и на 1/8 прочего имущества); в случае же отсутствия сыновей дочери (по Указу 1714 г.) становились единственными наследницами.

В период правления Елизаветы Петровны имущественные права женщин закреплены Сенатским указом от 14 июня 1753 г. «О порядке совершения

крепостей от имени владельцев обоего пола на собственное имение каждого без различия», согласно которому женщины могли иметь и приобретать отдельную собственность как по договору купли-продажи, дарения, так и путем наследования. Этим же актом закреплено следующее: «жены могут продавать собственное их имение без согласия их мужей» [9, с. 65].

В период «просвещенного абсолютизма» Екатерины II женщины получили право на образование, которое включало изучение языков, закон божий, арифметику, искусство, литературу, музыку и пр. В 1764 г. для обучения девушек из высших сословий был основан Смольный институт благородных девиц. Для представительниц низших сословий открыты училища. В число обязательных предметов для изучения в них входили грамота, письмо и домоводство.

При Екатерине II женщины получили возможность заниматься искусством, литературой и даже наукой, хотя и, как правило, на любительском уровне.

Начало XIX в. ознаменовалось новым витком эволюции прав женщин Российской империи. Именно в этот период появились первые отечественные законы, выделявшие женщин в качестве самостоятельного субъекта права и предусматривавшие постепенное расширение дееспособности женщин [4, с. 42].

В первой четверти XIX в., при Александре I, создавались женские общественные организации, первой из которых стало «Женское патриотическое общество», сформированное во время Отечественной войны 1812 г. с целью заботы о беспризорных детях.

Согласно указу 1818 г. супруги сохраняли право наследовать друг за другом 1/7 часть недвижимого и 1/4 часть движимого имущества. Сохранилось и более древнее право вдовы пожизненно оставаться в доме мужа. В случае наличия детей вдова имела право распоряжаться земельными наделами.

Женщины дворянского сословия принимали активное участие в судебных процессах. По мнению М. Л. Маррезе, «дворянки … широко использовали суды в своих целях и имели такие же шансы добиться желаемого вердикта, как и мужчины». К примеру, графиня Барятинская в 1807 г. имела 78 судебных тяжб [6, с. 62]. Участие же в судебных делах женщин из других сословий не носило систематический характер.

При Николае I социально-правовой статус женщины был закреплен 1 частью X тома Свода законов Российской империи (1832 г.). В соответствии с этим документом жена должна была повиноваться мужу, как главе семейства, а также разделять с ним место жительства. Женщина не могла без согласия мужа наниматься на работу или в услужение, но имела право потребовать судебного

разбирательства в случае жестокого обращения со стороны мужа. С 1845 г. муж не имел права подвергать жену физическому наказанию.

В 1859 г., в начале периода правления Александра II, было создано женское «Общество для оказания материальной помощи беднейшему населению». Его цели – забота о правовом и финансовом благосостоянии работниц, обеспечение их рабочими местами. Тремя годами позже в Петербурге появилась первая женская трудовая ассоциация «Общество женского труда». Подобные организации начали создаваться и в других городах.

В 1863 г. женщины были освобождены от публичных телесных наказаний. В этот же период, последовавший за отменой крепостного права (1861 г.), появилась надежда на возможность правового равенства между мужчинами и женщинами.

Однако уже начало правления следующего императора, Александра III, ознаменовалось запретом всех общественных женских организаций, что можно считать существенным шагом назад в процессе расширения прав женщин.

В 1885 г. вступили в силу нормы Закона «О воспрещении ночной работы несовершеннолетним и женщинам на фабриках, заводах и мануфактурах», запрещавшие работать несовершеннолетним девушкам, а также матерям младенцев, не достигших месячного возраста.

Другим фактором, ухудшавшим положение женщины в тот период, стал институт отеческой власти. В случае если родители жили раздельно, дети, как правило, оставались с отцом и могли быть переданы под материнскую опеку лишь в исключительных случаях. Как правило, мать получала после развода возможность воспитывать детей лишь в том случае, если отец вел аморальный образ жизни.

До второй половины XIX в. российские женщины не имели права поступать на государственную службу. Статья 156 Устава о службе гражданской гласила: «На канцелярские и другие должности во всех правительственных и общественных учреждениях, где места предоставляются по назначению от начальства или по выборам, воспрещен прием женщин даже и по найму» [3, с. 25].

Однако развитие гражданского общества 2-й половины XIX – начала XX в. повлекло изменение правового статуса женщины. В некоторых сферах государственной деятельности обойтись без участия женщин более не представлялось возможным, поэтому уже следующая, 157-я, статья Устава допускала прием женщин на службу в женских образовательных, медицинских и благотворительных учреждениях, а также в некоторых учреждениях государственного контроля, почтово-телеграфного ведомства, адресных столах полицейских подразделений.

При этом подчеркивалось, что женщины могут занимать преподавательские, врачебные и канцелярские должности исключительно по вольному найму «без предоставления им каких-либо прав и преимуществ, государственной службой приобретаемых, а равно и права замещения штатных должностей» [2, с. 73].

Привлечение женщин к государственной службе происходило постепенно. С 1864 г. женщины допускались на службу в министерство юстиции, с 1869 г. – в министерство путей сообщения и государственного контроля. В 70-е годы XIX в. начался прием женщин на службу в таможни и другие учреждения министерства внутренних дел, а также в министерство земледелия. В 80–90-х годах женщин принимали на службу в различные министерства: торговли и промышленности, финансов, морское, Императорского двора, в канцелярию Сената и Государственного совета. С 1906 г. женщины получили возможность поступать на службу и в Государственную думу.

В период правления Николая II женщины служили в некоторых подразделениях МВД, акцизного управления, министерства земледелия и государственных имуществ, министерства юстиции и даже в Сенате.

Во время Первой революции 1905–1907 гг. новая волна женского движения охватила Россию. На первое место выдвигались вопросы борьбы за равенство прав для женщин и мужчин. Был создан «Союз равноправия женщин» и 10 декабря 1908 г. в зале городской Думы открылся первый Всероссийский женский съезд, который, по словам его устроительницы А. Н. Шабановой, должен был «положить начало объединению женских сил в одном стремлении – достижения справедливости, в признании за женщинами их человеческих прав для полного участия в культурной жизни страны». Съезд продолжался 7 дней, за это время были заслушаны сотни докладов, некоторые читались повторно [8, с. 1].

Женское движение побудило Государственную думу Российской империи третьего созыва (1907–1912 гг.) принять закон, позволявший женщинам принимать участие в земских волостных выборах, а в 1913 г. в России впервые организовано празднование Международного женского дня.

Во время Первой мировой войны женщины организовывали ясли и детские сады, мастерские по пошиву одежды для солдат, курсы сестер милосердия, бесплатные столовые и приюты для беженок.

Однако резкий скачок в развитии прав женщин произошел только после революции 1917 г., так как верховенство мужчины в христианской семье было частью государственной идеологии в России в дореволюционный период [7, с. 267] и в значительной степени тормозило попытки женщин приблизиться в правах к мужчинам.

Таким образом, политика государства в отношении прав женщин в период Российской империи изменялась в зависимости от комплекса факторов, в числе которых характер политического режима, изменения в типе социально-экономических отношений в каждый конкретный период, а также степень активности самих женщин. Так как развитие различных сфер жизни общества не было синхронным, положение женщины в XVIII–XIX вв. было двойственным. С одной стороны, она находилась в полной зависимости от главы семьи – отца, мужа или сына. Государство настаивало на совместном проживании супругов и могло обязать женщину вернуться к мужу даже в случае его жестокого обращения. С другой стороны, женщины могли владеть и распоряжаться движимым имуществом: приданым, подарками, а также имуществом, полученным ими по наследству. В XIX в. женщины получили такое же право в отношении недвижимого имущества. Кроме того, они могли заключать договоры и принимать участие в судебных процессах. По сравнению с женщинами Западной Европы, женщины в России конца имперского периода пользовались большей юридической свободой [5, с. 90].

При этом в допетровские времена ситуация была прямо противоположной – правовое положение женщин на Руси было хуже, чем в странах Западной Европы. Однако начиная с периода петровских реформ, оно постепенно улучшалось, хотя и не всегда равномерно в разных областях права и различных слоях общества.

Тема правового статуса женщины в различные периоды российской истории, в частности в период Российской империи, в отечественной литературе разработана отнюдь не полностью и представляет собой перспективное направление для дальнейших исследований.

Список литературы

1. Ворошилова, С. В. Юридическая природа приданого в XIX веке / С. В. Ворошилова // Вестник Поволжского института управления. – 2011. – № 2. – С. 66.

2. Ворошилова, С. В. Правовая политика России в XIX – начале XX века по привлечению женщин к государственной службе / С. В. Ворошилова // Правовая политика и правовая жизнь. – 2011. – № 2. – С. 73.

3. Гарбуз, Г. В. Женщины на государственной службе в России в начале XX в. / Г. В. Гарбуз // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2009. – № 2 (10). – С. 25.

4. Короткова, О. А. Правовое положение женщины: к вопросу о российской историко-правовой традиции / О. А. Короткова // Право и практика. – 2019. – № 4. – С. 43.

5. Краснова, И. В. Гражданская правоспособность женщин в России в имперский период / И. В. Краснова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2018. – № 2. – С. 90.

6. Маррезе, М. Л. Бабье царство: Дворянки и владение имуществом в России (1700–1861) / М. Л. Маррезе. – М. : Новое литературное обозрение, 2009. – С. 62.

7. Миронов, Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). : в 2 т. Т. 1. / Б. Н. Миронов. – СПб. : Дм. Буланин, 2003. – С. 267.

8. Новикова, Н. В. Правовое положение женщин в России: вчера, сегодня, завтра / Н. В. Новикова // Женщина в российском обществе. – 2008. – № 2. – С. 1.

9. Татаринова, Е. П. Эволюция законодательного регулирования вещных прав женщин в России (XVII – начало XIX века) / Е. П. Татаринова // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2016. – № 6 (177). – С. 65.

Яцкова А. П.[1]*,*
профессор кафедры
истории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ТРЕТЬЕИЮНЬСКАЯ МОНАРХИЯ: МЕСТО И ПРАКТИКА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Российская империя на рубеже XIX–XX вв. переживала структурный кризис. Перед страной вновь встала проблема политико-правовой модернизации, коренного обновления государственного устройства. Множество вариантов реформирования фактически сводились к двум вариантам: либо к поступательно проводимым реформам, либо к реформам, проводимым под влиянием революционной ситуации. В 1905–1907 гг. реализован второй путь. Изменения в государственном строе и законодательстве Российской империи в начале XX в. органично вытекают из предпосылок, сущности, характера и особенностей Первой русской революции 1905–1907 гг. Содержание нормативных правовых актов и реформирование государственных органов находилось в прямой зависимости от роста или спада революционной волны.

Если в декабре 1904 г. Николай II твердо и определенно заявлял о нерушимости и незыблемости самодержавия, то в феврале 1905 г, когда революционная волна начала охватывать страну, он согласился привлечь «достойнейших людей» к участию в «предварительной разработке и обсуждении законодательных предположений». Небывалый размах революции летом 1905 г., проявившийся в стачечном движении в промышленных центрах страны, революционных выступлениях в войсках, в подъеме крестьянского движения, привел к появлению в России национального представительного органа.

В Манифесте об Учреждении Государственной думы 6 августа 1905 г. император, уповая на неразрывность единения «царя с народом и народа с царем», согласился включить «в состав высших государственных учреждений особое законосовещательное установление, коему предоставляются предварительная разработка и обсуждение законодательных предположений и рассмотрение росписи государственных доходов и расходов» [1]. При этом было заявлено о сохранении

[1] © Яцкова А. П., 2021.

в неприкосновенности «основного закона Российской империи о существе самодержавной власти».

Таким образом, решения законосовещательной Думы не были обязательны к исполнению ни монархом, ни правительством, они носили характер рекомендаций. Практически Дума создавалась как очередной вспомогательный орган при монархе, правда, избираемый населением. В руках императора осталось право решать вопросы ее дальнейшего развития, созыв и роспуск Думы по истечении срока полномочий. Депутаты Государственной думы не были подотчетны перед своими избирателями, министры не несли ответственности перед Думой и были обязаны лишь давать разъяснения в Думе по отдельным вопросам. В основе выборов в Государственную думу лежала избирательная система земской реформы 1864 г. Булыгинская дума не собиралась в связи с подъемом революционной борьбы. В октябре 1905 г. революционные события в Москве и в целом по стране нарастали с каждым днем. Критическая ситуация для власти сложилась, когда к забастовочному движению присоединились железнодорожники [10]. Начальник канцелярии Министерства императорского двора генерал А. А. Мосолов писал: «Под влиянием непрерывных террористических актов и объявленной всеобщей забастовки растерянность в правительственных кругах достигла высшей точки. … Все признавали необходимость реформ, но почти никто не отдавал себе отчета в том, в чем они должны выразиться. Одни высказывались за введение либеральной конституции, другие за создание совещательного органа, третьи за диктатуру по назначению, и четвертые считали, что порядок и умиротворение должны быть водворены лично государем диктаторскими приемами» [10].

И только в этой ситуации Николай II согласился подписать Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка», который, несомненно, стал кульминационным пунктом событий 1905 г. [3] Манифест был вынужденной уступкой, но помог власти достичь определенной цели – расколоть революционные силы провозглашением возможности создания легальных политических партий. До 1917 г. власть постепенно сужала предоставленные Манифестом права и свободы. Новый избирательный закон от 11 декабря 1905 г. реализовывал положение Манифеста о расширении избирательного права [4]. В феврале – марте 1906 г. был издан ряд нормативных актов, регулирующих правовой статус Государственной думы и Государственного совета, а также Временные правила об обществах и союзах, о собраниях, о печати [5].

Все эти нормативные акты были предтечей появления конституционного акта, который знаменовал собой создание конституционной системы – новой редакции Основных Государственных законов Российской империи 23 апреля

1906 г. [6] Манифест 17 октября и новая редакция Основных законов заложили основы политического плюрализма в России, легально существующие партии получили возможность подвергать критике общественное и государственное устройство Российской империи. Однако не всегда партийная критика носила конструктивный характер, зачастую преследуя конъюнктурные партийные цели.

Партийная пропаганда, направленная на широкие слои населения, не отстаивала и не разъясняла объективную ценность конституционных норм и институтов. Особенно жесткой критике подвергали обновленный государственный строй социалистические партии. Они отрицали возможность мирной трансформации традиционных институтов в конституционные учреждения; исповедуемая ими правовая идеология основывалась на отрицательном отношении к буржуазным институтам. Основные государственные законы 1906 г. сделали огромный шаг в направлении признания гражданских прав населения. Правовой статус российских подданных соответствовал тогдашним представлениям о правах и свободах. Однако осуществлению в полном объеме прав и свобод мешали отсутствие постоянных законов, а также законодательства об ответственности должностных лиц за нарушение прав населения. Непосредственная реализация большинства прав возлагалась на соответствующие структурные подразделения Министерства внутренних дел [8].

К сожалению, участники политического процесса – депутаты I и II Государственной думы, с одной стороны, и правительство и монарх – с другой, не смогли наладить конструктивного взаимодействия. Разногласия по важнейшим вопросам общественной и государственной жизни проявились на первых же заседаниях I Государственной думы в мае 1906 г. Депутаты принялись обсуждать вопросы введения всеобщего избирательного права, установление ответственности Совета министров перед Думой по образцу и подобию западноевропейских государств, упразднения Государственного совета, расширения законодательных полномочий Думы, проведения амнистии политзаключенным. Наконец, представители политических партий предлагали проекты решения аграрного вопроса. Правительство категорически отказывалось решать аграрный вопрос, особенно в ситуации снижения накала революционной борьбы, отбрасывало варианты компромиссного его решения, и фактически аграрные проекты трудовиков, эсеров и кадетов были той каплей, которая переполнила чашу терпения монарха, и 8 июля 1906 г. Дума была распущена.

Досрочный роспуск I Государственной думы не способствовал поддержанию авторитета и престижа российской монархической власти, показал уязвимость и зависимость всероссийского представительного органа от воли и желаний

самодержавного монарха, причем обсуждение данного факта велось на страницах прессы не только внутри России, но и за рубежом. Правительство бросило все усилия на то, чтобы депутатский состав II Государственной думы был проправительственно ориентирован. Однако усилия не увенчались успехом: власть получила более леворадикальный депутатский состав, чем в случае с I Думой [1, с. 108]. В центре внимания новой Думы был опять-таки аграрный вопрос. Не получив желаемого, правительство решилось на кардинальное изменение Положения о выборах в Государственную думу.

Избранный предлог для роспуска Думы был не столь принципиален для развития ситуации. Обвинение депутатов социал-демократической фракции в государственном заговоре и требование, предъявленное Думе о лишении социал-демократов депутатской неприкосновенности – все это вопросы второстепенные. Подлинная причина роспуска Думы – невозможность как для правительства, так и для народного представительства вступить на путь сотрудничества. Камнем преткновения стали аграрный вопрос и его решение, предлагаемое депутатами Думы. Накануне роспуска П. А. Столыпин провел консультацию с представителями кадетской партии, отметив, что по одному вопросу Дума и правительство не могут прийти к согласию, и этим вопросом является аграрная реформа, поэтому конфликт неизбежен.

3 июня 1907 г. издан Манифест о роспуске II Государственной думы и новый избирательный закон. У правительства была возможность пойти по пути демократического конституционного развития страны, но для этого нужно осуществить рабочее взаимодействие между органами исполнительной и законодательной власти. Силы, представленные в парламенте, не пошли на принципиальное соглашение с правительством для реализации возможных в тех условиях положений политической программы. Правительство же, применив силовые методы и издав новый избирательный закон, изменив, таким образом, социальный состав Думы, получила «карманную» Думу, с которой было удобно работать. Но III Дума не отражала действительную расстановку общественных сил в стране и не отражала истинных интересов населения. Конституционный путь решения насущных проблем был заблокирован, что в дальнейшем привело к новой революционной ситуации [9].

Однако, если посмотреть на ситуацию с другой стороны, именно III и последовавшая за ней IV Государственные думы, избиравшиеся на основе консервативного избирательного закона от 3 июня 1907 г., смогли наладить конструктивный диалог с властью.

В. А. Маклаков писал: «Те, кто пережили это время, видели, как конституция стала воспитывать и власть, и самое общество. Можно только дивиться успеху, если вспомнить, что конституция просуществовала нормально всего восемь лет. За этот восьмилетний период Россия стала экономически подниматься, общество политически образовываться. Появились бюрократы новой формации, понявшие пользу сотрудничества с Государственной думой, и наши политики научились делать общее дело с правительством… Совместное участие власти и общества в управлении государством оказалось для тех и для других незаменимою школою, а для России началом ее возрождения» [7].

В. Н. Коковцов в своих воспоминаниях писал: «20 ноября 1907 г. открылась Государственная дума третьего созыва…. Моя работа по должности министра финансов, а потом с сентября 1911 г. и в должности Председателя Совета министров протекала неразрывно в связи с Государственной думой сначала 3-го, а потом и 4-го созывов … Много труда и нервного напряжения отдал я за это время, немало тяжелых минут привелось мне пережить, но немало также и нравственного удовлетворения получил я от моей работы в Думе…»

В. В. Леонтович в своем труде «История либерализма в России 1762–1914» приводит воспоминания В. Н. Коковцева о его работе в комиссиях Думы: «не было ни длинных речей, ни публики, работа носила чисто деловой характер» [7, 8].

Список литературы

1. Курицын В. М. Концепция истории государства и права : научное издание / В. М. Курицын. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2008. – С. 108.

2. ПСЗ РИ. – Собр. 3. – Т. XXV. – Отд. 1. – № 26656. – С. 637–638.

3. ПСЗ РИ. – Собр. 3. – Т. XXV. – Отд. 1. – № 26802. – С. 754–755.

4. ПСЗ РИ. – Собр. 3. – Т. XXV. – Отд. 1. – № 27029. – С. 877–882.

5. ПСЗ РИ. – Собр. 3. – Т. XXVI. – Отд. 1. – № 27424. – С. 150–154; № 27425. – С. 154–159.

6. ПСЗ РИ. – Собр. 3. – Т. XXVI. – Отд. 1. – № 27805. – С. 456–461.

7. Янковский, И. Р. Системная динамика избирательных технологий в России XX века : дисс. … канд. полит. наук / И. Р. Янковский. – М., 1999;

8. Леонтович, В. В. История либерализма в России 1762–1914 / В. В. Леонтович. – М., 1995.

9. Яцкова, А. П. Основные государственные законы Российской империи 23 апреля 1906 г. – первая российская конституция : дисс. … канд. юрид. наук / А. П. Яцкова. – М., 2001.

10. Циунчук, Р. А. Идея народного представительства в России в 1904–1905 гг.: от совещательной к законодательной модели / Р. А. Циунчук // Вестник экономики, права и социологии. – 2009. – № 1. – С. 85–91.

11. От Булыгинской думы к манифесту 18 октября // Исторический сайт + историчексий форум. – URL: http://www.historichka.ru/materials/ganelin/5.html/5_prim.html (дата обращения: 27.01.2021).

Яцкова А. П.[1],
профессор кафедры
истории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

Антохина М. Е.[2],
соискатель кафедры
истории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Система юридического образования в Российском государстве сформировалась достаточно поздно в отличие от западноевропейских государств: фактически речь идет о второй половине XVIII – начале XIX в. В предыдущий период к разряду «практикующих» юристов без теоретического юридического образования можно отнести приказных делопроизводителей: дьяков, подьячих, стряпчих и др. Попытки в первой половине XVIII в. создать систему юридического образования не увенчались успехом. Подготовка российских юристов в то время подразумевала обучение за границей, как правило, в немецких университетах. Ситуация изменилась после образования Московского университета, где в числе прочих был создан юридический факультет.

В указе «Об учреждении Московского университета и двух гимназий» 1755 г. было указано, что на юридическом факультете состоят три профессора: «1) Профессор всей юриспруденции, который учить должен натуральные и народные права и узаконения Римской древней и новой империи. 2) Профессор юриспруденции Российской, который сверх вышеписанных должен знать и обучать особливо внутренние государственные права. 3) Профессор политики, который должен показывать взаимные поведения, союзы и поступки государств и государей между собою, как были в прошедшие века и как состоят в нынешнее время» [5].

Предполагалось, что помимо изучения римского права достаточно времени будет уделено рассмотрению российской национальной правовой системы. На

[1] © Яцкова А. П., 2021.
[2] © Антохина М. Е., 2021.

практике ситуация обстояла не так успешно. Первоначально преподавалось только римское право, курс вел немецкий профессор Филипп Генрих Дильтей на иностранном языке и достаточно бессистемно: за 16 месяцев 1764–65 гг. у Дильтея состоялось всего 5 лекций. В 1765 г. на факультете числился один студент. Первые российские профессора-правоведы появились в университете в 1768 г. Это были С. Е. Десницкий и И. А. Третьяков. В 1770 г. полный курс обучения завершили Иван Борзов и Алексей Артемьев [1, с. 47].

На начало XIX в. в России было 6 университетов, юридические факультеты которых выпускали специалистов в области юриспруденции. Практиковались европейские стажировки, включающие в себя изучение достижений западной науки, работу с ведущими профессорами, участие в совместных научных разработках. В конце 20-х годов стажировки за границей прекратились в связи с нестабильной политической обстановкой в Европе, нарастанием революционного движения, в которое активно включалось студенчество. Российские власти посчитали, что нашим студентам прививают «худые нравы».

Количество юристов, выпускаемых университетами, не отвечало потребностям государства. Очень часто лица, занимающие высокие должности в государственном аппарате и связанные с юриспруденцией, не имели базового юридического образования, компенсируя его отсутствие накопленным административным опытом.

В период правления Николая I в 1835 г. было создано Императорское училище правоведения, основанное по инициативе М. М. Сперанского. Училище стало кузницей юридических кадров, подготовившей множество специалистов в области судебной и административной деятельности. Выпускниками училища были знаменитые юристы того времени: В. Д. Спасович, М. А. Таубе, А. Ф. Кони, Д. И. Мейер, Н. С. Таганцев.

Выпускники Училища правоведения, юридических факультетов и Александровского лицея (он соединил в себе среднее и высшее образование) олицетворяли российскую юридическую науку. Однако нехватка юридических кадров была настолько велика, что в 1858 г. указом императора выпускников направляли на службу в министерства и главные управления без направления в губернии. Князь Д. Д. Оболенский писал: «Все студенты 60-х годов, особенно юридического факультета, стали достойными сподвижниками судебной реформы» [6].

После судебной реформы Александра II для выпускников юридических вузов открылись новые возможности. С одной стороны, государственная служба – судьи, прокуроры, судебные следователи, преподаватели, а другой – адвокаты, юрисконсульты и юристы, находящиеся на земской службе.

Новый университетский Устав 1863 г. отразил либеральные тенденции в образовательной сфере: утвердил автономию университета, а также значительно расширилась программа юридических факультетов. На юридическом факультете Петербургского университета в 1863 г. создано 13 новых кафедр:

– римского права (история римского права, догматика римского гражданского права, византийское право);

– истории важнейших иностранных законодательств, древних и новых;

– гражданского права и гражданского судоустройства и судопроизводства;

– государственного права (теория государственного права, государственное право важнейших иностранных государств, русское государственное право);

– истории русского права;

– история славянских законодательств;

– международного права;

– уголовного права и уголовного судоустройства и судопроизводства;

– полицейского права (учение о безопасности или законы благочиния, учение о благосостоянии или законы благоустройства);

- финансового права (теория финансов, русское финансовое право);

- церковного законоведения;

- политической экономики и статистики;

- энциклопедии права (энциклопедия юридических и политических наук, история философии права).

В. В. Ганин отметил, что «профессора-юристы либерального толка получили возможность заметно повысить научно-теоретический уровень преподавания. Опираясь на западноевропейские образцы, они стали пропагандировать, хотя и в осторожных выражениях, идеи народного представительства, конституционализма, местного самоуправления, публичных свобод граждан» [2, 3].

На смену либеральной политике Александра II приходит консерватизм Александра III. Новый университетский устав 1884 г. поставил всю университетскую деятельность под неусыпный контроль попечителей, инспекторов и курсовых надзирателей. Упразднены кафедры: история славянского законодательства, история иностранных законодательств. Стало невозможным изучение конституций зарубежных стран. Учебный план был так же изменен, хоть и незначительно, была введена предметная система образования. Университеты самостоятельно группировали предметы и рекомендовали порядок изучения дисциплин, основываясь на преемственности дисциплин отдельных юридических наук.

Например, в Казанском университете выделены следующие группы предметов: «Первая группа – энциклопедия права, политическая экономия,

государственное право, история римского права, история русского права; вторая – система римского права, статистика, финансовое право, административное право; третья – гражданское право, уголовное право, церковное право, история философии права; четвертая – гражданское судопроизводство, уголовное судопроизводство, торговое право, международное право» [2, 3].

В пределах одной группы студент сам устанавливал последовательность изучения дисциплин, допускалось, с некоторыми ограничениями, что можно записаться на слушание лекций в каком угодно порядке. Последствия такого нововведения оцениваются по-разному. Как отмечал В. В. Ганин, «в лучшем положении находились выпускники хороших гимназий, которые владели латынью и иностранными языками. Те же студенты, которые не обладали такой подготовкой и подбирали себе предметы по принципу «легкости», все же вынуждены были тратить много времени на усвоение латинского и нового языков, поскольку без сдачи соответствующих экзаменов они не допускались к экзаменам по другим предметам» [2, 3].

Студентам-юристам предписывалось в рекомендательной форме посещение лекций на других факультетах: логика, русская история, древнеримская история, судебная медицина и хотя бы один иностранный язык.

Изменения коснулись и выпускных экзаменов. В 1912–1913 гг. для выпускников запланированы 9 государственных экзаменов: догма римского права, гражданское право, гражданское судопроизводство, уголовное право, уголовное судопроизводство, торговое право, полицейское право, международное право, финансовое право.

Экзамены проходили в устной и письменной форме. По желанию студент писал сочинение на одобренную факультетом тему. Выпускники, претендующие на диплом первой степени, были обязаны предоставить свое сочинение в письменной форме. Сдача одних лишь экзаменов студентом подразумевала диплом второй степени.

Выпускники университетов автоматически оказывались включенными в сословную систему. Окончившие с дипломом первой степени приобретали чин X класса (коллежский секретарь), второй степени – XII класса (губернский секретарь). Лучшие перспективы служебного роста имели выпускники привилегированных учебных заведений, поскольку им присваивался более высокий чин.

Юридический факультет «был самым дворянизированным и буржуазированным в университете, поскольку сюда стекались дети из преуспевающих чиновничьих и предпринимательских семей, следовавшие примеру своих родителей, уверенные в удачливой, с их помощью, карьере» [4, с. 35]. По данным,

собранным А. Е. Ивановым, за период 1899–1913 гг. около четверти выпускников классических гимназий имели намерение продолжить учебу на юридическом факультете университета [4, с. 34].

Хотя образовательная политика самодержавия была направлена на защиту интересов дворянства и создавала серьезные препятствия для поступления в университеты разночинных элементов, она не достигла в полной мере своих целей. Так, на юридическом факультете Петроградского университета на 1 января 1916 г. доля выходцев из потомственных дворян составляла 5 %. Большинство студентов происходили из среды чиновников, мещан, купцов второй гильдии. Около 14 % студентов были детьми крестьян, а около 7 % – лиц духовного звания [1].

Список литературы

1. Ганин, В. В. Генезис юридического университетского образования в России / В. В. Ганин // Юридическое образование и наука. – 2002. – № 1. – С. 47.

2. Ганин, В. В. Государственная политика в области подготовки юридических кадров России, конец XIX – XX вв. : дисс. … д-ра ист. наук / В. В. Ганин. – М., 2003.

3. Скрипилёв, Е. А. О юридическом образовании в дореволюционной России (XVIII – начало XX в.) / Е. А. Скрипилёв // Государство и право. – 2000. – № 9. – С. 82.

4. 3 Иванов, А. Е. Студенчество России в конце XIX – начале XX вв. Социально-историческая судьба / А. Е. Иванов. – М., 1991. – С. 35.

5. ПСЗ РИ. – Собр. 1. – Т. XIV. – № 10346.

6. Юртаева, Ю. А. Организация профессиональной подготовки юристов в дореволюционной России / Ю. А. Юртаева // Журнал российского права. – 2008. – № 7. – С. 123–127.